

Бельские просторы

Учредитель
Правительство
Республики
Башкортостан

Соучредитель
Союз писателей
Республики
Башкортостан

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с декабря 1998

В номере

№ 11 (120) Ноябрь, 2008 г.

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Президент Республики Башкортостан Муртаза Рахимов 3

ПРОЗА

Роберт Паль. БРИВИБА, ИЛИ ПОСЛЕДНИЙ БОЙ СЕРЖАНТА ПЕТРОВА. *Повесть*. 14

Игорь Фролов. ДОБРОЕ УТРО, ГЕРМАНН! *Из цикла «Теория танца»*. 53

Юрий Горюхин. ДУШЭМБЕ, ИЛИ КЛЮКВЕННЫЙ ЧУПА-ЧУПС. *Рассказ* 72

Светлана Чураева. МОЯ ПЯТИДНЕВНАЯ ВОИНА. *Рассказ* 90

ПОЭЗИЯ

Равиль Бикбаев. СБЕЖАТЬ БЫ ОТ СУЕТНЫХ ДУМ... 5

Александр Филиппов. ТЯЖЕЛО ЖИВУТ ПОЭТЫ... 47

Николай Грахов. ВОТ ОН, МИР... 67

Газим Шафиков. ИХ ИМЕНА 85

Майя Фаттахутдинова. В ПОИСКАХ ОТВЕТА 104

ДНЕВНИК

Валентин Александров. КУМЫС НА ТОСТ В ЙОШКАР-ОЛЕ. *Записки спичрайтера* 109

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Мурат Рахимкулов. ПЕРВЫЙ РОМАН О «ПЕРВОМ БАШКИРЕ». *Башкирские страницы Степана Злобина*. 113

КУЛЬТУРА

Риф Ахмадиев. ГОЛОС ВРЕМЕНИ 121

Ирина Николенко. ПОСЛАНЕЦ БАШКИРСКОЙ КУЛЬТУРЫ 124

Светлана Чураева. ОХОТНИК, РЫБАК И ЛОВЕЦ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ДУШ 127

Татьяна Семенюк. ДУШОЙ ИСПОЛНЕННЫЙ ПОЛЕТ 130

Светлана Игнатенко. ИГНАТЕНКО ЗНАКОМЫЙ И... ДРУГОЙ 132

АКАДЕМИИ ИСКУССТВ – 40 ЛЕТ 141

ПУБЛИЦИСТИКА

Евгения Яковлева. ТЮРКСКИЕ МОТИВЫ РУССКОЙ РЕЧИ УФЫ 151

Михаил Чванов. «ФРИТЬОФУ НАНСЕНУ – БЛАГОДАРНАЯ РОССИЯ!» 156

Владимир Агте. ОКТЯБРЬСКИЙ ГРОМ 170

Марсель Кутлугаллямов. СОТВОРЕНИЕ ХЛЕБА 177

КРАЕВЕДЕНИЕ

Юрий Ергин, Светлана Чушкина. ТОТ САМЫЙ ЧЕРДАНЦЕВ 165

ГОД СЕМЬИ

Линара Заманова. «Я ЛЮБЛЮ, И ЗНАЧИТ, Я ЖИВУ...» 183

КРУГ ЧТЕНИЯ

Кирилл Анкудинов. ЛЮБОВЬ К ТРЕМ АПЕЛЬСИНАМ. *Обзор журналов* 189

СИНЕМАТОГРАФ

Андрей Союстов. КОЕ-ЧТО ОБ «АДМИРАЛЕ». 194

Юлия Орехова. «АДМИРАЛЬ» – И Я ТОЖЕ БЫЛА ТАМ. 198

ДЕТЕКТИВ. ФАНТАСТИКА. ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Анвар Еникеев. ВЕКОВАЯ ДУЭЛЬ С КРИМИНАЛОМ. *Документальный детектив* 201

ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА

НА КОНКУРС 204

КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА

Литература. Культура. Имена. 206

Праздничные и памятные даты Республики Башкортостан на 2008 год 208

Уфа.

Редакция журнала «Бельские просторы»

2008

Главный редактор

Горюхин Ю. А.

Редакционная коллегия:

Баимов Р. Н., Бикбаев Р. Т., Игнатенко С. В., Карпунин И. Е., Паль Р. В., Сулейманов А. М., Фенин А. Л., Филиппов А. П., Фролов И. А., Хрулев В. И., Чарковский В. В., Чураева С. Р., Шафиков Г. Г., Якупова М. М.

Редакция

Приемная

Иванова Н. Н. (347) 277-79-76 (факс)

Главный бухгалтер

Давлетшина М. А. (347) 277-79-76

Заместители главного редактора

Чарковский В. В. (347) 223-64-01

Чураева С. Р. (347) 223-64-01

Ответственный секретарь

Фролов И. А. (347) 223-91-69

Отдел поэзии

Грахов Н. Л. (347) 223-91-69

Отдел прозы

Фаттахутдинова М. С. (347) 223-91-69

Отдел публицистики

Чечуха А. Л. (347) 292-77-61

Семенюк Т. В. (347) 292-77-61

Технический редактор

Калимова Р. С. (347) 223-91-69

Корректоры

Казимова Т. А.

Симонов А. А.

Выпускающий редактор

Грахов Н. Л.

Подписной индекс 50751.

Свидетельство о регистрации средства

массовой информации № 792, выданное

Министерством печати и массовой информации РБ

26 декабря 1998 года.

Подписано в печать 10.11.08 г.

Формат бумаги 70x100/16. Бумага офсетная.

Гарнитуры «FreeSet», «Петербург».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,9.

Уч.-изд. л. 19,58. Тираж 2400 экз.

Заказ № 2.0228.08 Цена договорная.

Адрес редакции:

450001, РБ, г. Уфа, пр. Октября, 2

E-mail: bp2002@inbox.ru

<http://www.hrono.ru/proekty/belsk/>

Отпечатано с готовых файлов на
ГУП РБ «Уфимский полиграфкомбинат».

450001, РБ, г. Уфа, пр. Октября, 2

Телефон (347) 223-97-00

Рукописи не рецензируются

и не возвращаются, принимаются

только в напечатанном виде.

Электронная версия ускорит обработку рукописи.

Мнение редакции не всегда

совпадает с точкой зрения

того или иного автора.

При перепечатывании материалов

ссылка на «Бельские просторы» обязательна.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Республиканскому общественно-политическому и литературно-художественному журналу «Бельские просторы» в этом году исполняется 10 лет. Сердечно поздравляю вас с этим знаменательным событием!

Сегодня журнал стал неотъемлемой частью информационного поля республики. «Бельскими просторами» создана широкая панорама жизни Башкортостана во всех ее проявлениях, проведены уникальные экскурсии в историю нашего края и в целом страны. На страницах журнала выписаны портреты многих знаменитых людей прошлого и настоящего.

Опираясь на гуманистические традиции русской классической литературы, журнал стремится нести своим читателям извечные идеи добра и красоты, патриотизма и национального согласия. Отличительная его особенность – соборность, открытость всем языкам, всем литературам многонационального Башкортостана, всему подлинно талантливому и здоровому, базирующемуся на традиционных духовных и нравственных ценностях наших народов. Практически в каждом его номере можно встретить профессиональные переводы на русский язык произведений башкирских, татарских, чувашских, марийских и других авторов.

В «Бельских просторах» вышли романы и повести таких видных прозаиков, как Нугуман Мусин, Анатолий Генатулин, Амир Аминев, Ахияр Хаким, Роберт Баимов, Зиннур Ураксин, Гульнур Якупова, Тансулпан Гарипова, Леонид Лушников, Марсель Салимов, Геннадий Баннов, а также сотни рассказов как уже признанных, так и начинающих авторов. Здесь публиковались произведения таких крупных поэтов, как Шайхзада Бабич, Мустай Карим, Александр Филиппов, Катиба Киньябулатова, Назар Наджми, Равиль Бикбай, Роберт Паль, Юрий Андрианов, Газим Шафиков. Для приобщения молодежи к художественному слову, нравственно-эстетического воспитания детей редакция выпускает «журнал в журнале «Детская площадка».

Разнообразен и интересен по тематике публицистический раздел, где печатаются статьи, очерки по актуальным проблемам культуры, образования, науки, искусства, здоровья, краеведения и т. д. В Год «Социальной защиты семьи» особое внимание уделяется проблемам семьи, защиты материнства и детства. Воплощается в жизнь социальный проект «В семье единой». Все это делает издание интересным, полезным и нужным широкому кругу читателей.

«Бельские просторы» на сегодняшний день – один из лучших литературных журналов в России. Об этом свидетельствуют отклики читателей и оценки специалистов, а также многочисленные награды, которыми удостоен коллектив.

Желаю вам благополучия, дальнейших творческих успехов и благодарного читателя!

**Президент
Республики Башкортостан**

М. Рахимов

Сбежать бы от суетных дум...

ОБРАЩЕНИЕ К БОГУ

Пять миллиардов на земле людей,
Но сколько ни блуждал я в жизни брэнной,
Родной души не отыскал я в ней,
Чтоб поделиться тайной сокровенной.

А каково ж Тебе, о мой Аллах,
Ведь Ты всегда один на небесах!

* * *

Несется время, обжигая высь,
Мое дыханье гарью обжигая,
Напрасно умолять: остановись!
Несется время, времени не зная.

И не проси, безжалостно оно:
Хоть червь, хоть гений –
Всех на место ставит.
Не от удушья пасть мне суждено,
А оттого, что времени не станет.

Я не согнусь под тяготами дней
И в праздный час не отпущу тревогу,
Не уступлю я недругу дорогу,
В застолье буду грустен без друзей...

И коль просить у времени, то вновь
Я попрошу, как нищий подаянья:
– Пока я жив, не отнимай любовь,
Не торопи минуту расставанья.

Нет, не страшит огонь любви меня,
Боюсь один остаться.
Без огня.

* * *

По льду шли вместе,
Много было нас,
Шагали твердо мы,
И наст был тверд.
Как вдруг
Могучим содроганьем враз
Река вскипела,
Подымая лед.

Она вся вздыбилась,
Водой хлеща,
Свой панцирь разорвав
На клочья льдин,
По ним метались люди, трепеща...
На этой
Оставался я один.

Стою босой,
Ревет реки разбег,
О льдину льдины бьют,
Края скобля,
Крошится ненадежный мой ковчег,
Сжимает горло ужаса петля.

Все меньше
Мой ледовый островок –
Куда ступить? Где милость?
Помощь где?!
Смывая берега,
Кипит поток,
Мольбы напрасны...
Поздно...
Быть беде...
Смывая берега, кипит поток!

БУРЗЯНСКАЯ СОСНА

Бурзянская сосна от нас уходит,
Остались только корни под землей.
Бурзянская сосна от нас уходит,
Смолою истекая, как слезой.

Но сколько слез ни проливай во благо,
Не избежать ей сумрачных цехов,
Где плоть ее под натиском валов
Преобразится в белую бумагу.

Вернется к нам бурзянская сосна
Бумагой гладкой, чистой, белоснежной,
Где будет виза властного невежды:
«Рубить, рубить
Бурзянские леса».

ИРОНИЧЕСКИЕ СТРОФЫ

Вчера носивший царственный наряд
Сегодня и лохмотьям нищим рад.
Вот так-то, брат.

Красавица, хитро потупив взор,
Для старца-сластолюбца стелет одр.
И кто ж тут вор?

Беззубая старуха красит рот,
Потом глаза на ощупь подведет...
Ну полный черт!

Мужик бездомный зайцев настрелял
И по привычке к дому зашагал –
Забывчив стал.

Поэт, всю жизнь боящийся властей,
От песни отрекается своей –
Картина страшная, иронии здесь нет.
А впрочем,
Разве был поэт?

* * *

Виновен ли гвоздь, если мы
Распнем человеческого сына?
Виновны ли стены тюрьмы
В том, что в застенке мужчина?

Виновна ль тугая петля
В том, что невинный повешен?
Виновна ли сущность ружья
В том, что безгрешный повержен?

В меня отовсюду глядят
Глаза всех людей на планете.
Как будто бы я виноват
Во всех злодеяниях на свете...

* * *

Летит лошадиный табун,
Летит по степному пространству..
Сбежать бы от суетных дум,
Примкнуть к лошадиному братству,

Забыть о любви и тоске,
О мыслях счастливых и тяжелых..
Я буду купаться в реке,
Я буду валяться в ромашках!

А если мой медленный бег,
Мой храп западет в твою душу,
Вдруг вспомню, что я человек,
И ржаньем себя обнаружу.

Поймешь или нет – почему
Вдруг сердце твое встрепенется
И, словно доверяясь ему,
На гриву рука обопрется.

Я пальцы твои отыщу,
Прижму их к губам, дорогая,
И морду к земле опущу,
Счастливые слезы скрывая.

СИСТЕМА

(поэма)

1

Кукушка в роще считала годы,
Тянулись к солнцу пшеницы всходы,
А мы, земные забыв заботы,
В больнице с жизнью ведем расчеты.

Спасибо, птица! Ты, как гадалка,
Нам даришь годы, тебе нас жалко.
Но жизнь уходит – мы знаем сами,
Она здесь меряется часами.

Я слышу – сердце все тише бьется,
Но кровь уперлась – и не сдается,
Раствор по трубке питает вены,
И мы, как дети, в руках системы.

«Тук-тук» – по капле в больные жилы
Раствор втекает. Пока мы живы.
«Кап-кап» – я слышу, как кровь сочится,
Как в тихой роще кукует птица.

2

Не мечеть и не церковь – больница –
Вот где мы приближаемся к Богу,
Лишь бы только успеть помолиться,
В ад иль рай выбирая дорогу.

Ведь когда мы здоровы – в молитвах
Столько скрыто земного лукавства,
А в больнице, средь хворью разбитых,
Честность – лучшее в мире лекарство!

В нашей жизни, то светлой, то мрачной,
Побратимство больничное свято...
Операция вышла удачно –
Человека встречает палата.

Жив, как все! Миновала угроза!
– Тяжело отходить от наркоза, –
Слабым голосом он произносит
И попить, обессиленный, просит.

3

Когда кончается наркоз –
На белый свет смотреть не хочется.
Душа, ответь на мой вопрос:
Зачем страдать и в муках корчиться?

Не лучше ли в объятья сна уйти,
Зарыться в тьму беспомыслия.
Такая жизнь – зачем она?
Зачем она так долго тянется?

Но жизнь не любит слабых чувств,
Дает душе приказ воинственный:
Не оскверняй мольбами уст,
Но побеждай – вот путь единственный!

В палату, словно в дом родной,
Вернулся мой сосед под простыню.
Уснул. И я его покой,
Как брат, оберегаю, бодрствую.

Вновь тишина. И только звук –
Как будто камень каплей точится,
Как будто в кровь мою – «тук-тук» –
Стекает время полуночное.

4

Сколько лет мы были под наркозом,
Получали ордена, медали,
Говорили речи, тост за тостом
За орденосцев поднимали.

Звон бокалов заложил нам уши,
Блеск медалей надоел народу.
Он сначала «слуг» своих послушал,
А потом устал и впал в дремоту.

Думали, что тосты-разговоры
Будут вечно. Но когда очнулись,
Глянули – сидят в застолье воры,
И тогда мы правде ужаснулись.

От наркоза отошли – и сникли:
Вся страна разграблена на деле,
Вся земля отравлена, а лики
От грехов и горя почернели.

5

Ты где, великая держава?
Твои сгорели маяки.
А где твоя была слава?
Ее слизали языки.

Говоруны и краснобай,
Народ безмолвствует, а вы,
Как мародеры, сбились в стаи,
Чтобы блистать в ручьях молвы.

Бездумно поднимая руки,
Не в силах защитить себя,
Народ, от бессловесной муки
Изнемогая и скорбя,

На ваше жуткое веселье
Глядит, и взгляд его тяжел –
Он от наркотного похмелья
Еще никак не отошел.

И, словно куклы, люди смотрят
На торжествующее зло...
А мой сосед в палате стонет
Прерывисто и тяжело.

6

Чего он видит? Чем он бредит?
Не успокоится никак.
Система жизнь его лелеет,
Считает каждый миг – «тик-так».

Ползет моя температура
Наверх, когда приходит ночь,
Ни порошок и ни микстура
Не могут мне ничем помочь.

Ах, градусник! Ты ради жизни
Солги, хотя б едва-едва...
Я помню, как у всей отчизны
В огне пылала голова.

Врачи-лжецы ей нагло лгали:
– Вот-вот сойдет больной туман, –
И к пропасти ее толкали...
Какой бессовестный обман!

7

Но были и честные сыновья,
Которые вслух кричали,
Что заболела мать-земля,
Отравленная речами.

Что раскалилось тело ее...
Но таких – врагами народа
Изобразило наше жулье,
Подлая их порода.

Таких, словно градусники, трясли,
Температуру сбивая,
Чтобы не знали дети земли,
Как болеет страна родная.

...Капля последняя, поскорей
Стеки в усталые вены,
Чтобы жизнь моя – что бы ни было с ней –
Не зависела от системы.

8

Помоги сестре милосердия, Господи!
Она одаряет больных теплом.
Красавиц много – сплошные россыпи,
А милосердия нет при том.

Не только мы ожидаем помощи,
Помощи жаждет – вся страна...
Раны, полученные от сволочи,
Медсестра не перевяжет одна.

Сегодня убить пулей иль сплетнею –
Все равно, что выпить воды.
Рви, страна, рубашку последнюю,
Последнее платье рви на бинты!

Холод в теле сменяется жаром –
Такая у нашего времени хватка.
Больно всем моим капиллярам,
Не проходит моя лихорадка.

9

Бедная родина!
Мать больная!
Каждый орган твой нездоров,
К плоти твоей присосалась стая
Чревоугодников и воров.

Нет, не прожить тебе на уколах
И не очистить системой кровь,
И не поможет тебе эколог,
Коль вера отравлена и любовь.

Кто позовет сестру милосердия?
Кто ее вызовет? Что со мной?
То ли в огне горит мое сердце,
То ли в купели сверхледяной?

Кто-то вынул иглу из вены,
Нежной рукою погладил лоб.
– Это реакция на систему, –
Девичий голос. Жажда. Озноб.

10

– Не та система, не то лекарство, –
Сказали соседи.

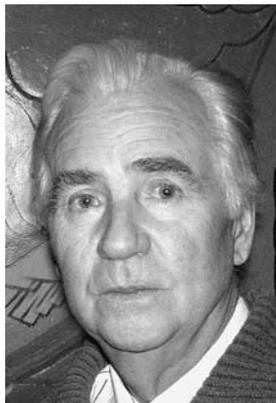
Знобит меня, знобит государство,
Знобит всех на свете.
Голос подать, веки открыть –
Ох как непросто!
Как от огня душу укрыть
И от наркоза?
Мир содрогается в лихорадке,
Стонут соседи.
Где ты, девушка в белом халате,
Сестра милосердия?

Переводы с башкирского Ю. Андрианова, С. Куняева

Бривибба*, или Последний бой сержанта Петрова

Повесть

I

Всю последнюю неделю Степану Ильичу сильно недужилось.

— Это, дедушка, у тебя от солнца. Там опять что-то взрывается, — успокаивала его внучка Эммочка. И тут же остерегала: — Когда там что-то вот так взрывается, на земле возникают магнитные бури, и людям от этого плохо. Так что пей свои капли и лежи. Это продлится не очень долго, потом тебе опять станет хорошо.

Эммочка — его младшая внучка. С ней они были большими друзьями. Студентка медицинского колледжа, будущий фармацевт, она уже неплохо разбиралась в лекарствах, к которым он припророчился, сама, когда требовалось, ставила банки, делала уколы. А еще — открыто, по-детски любила, и это было для его старого сердца, пожалуй, главное всяких лекарств.

— Это, папа, от весны, — по-своему судила ее мать, а его дочь Клара, больше доверявшая земле, чем космосу. — Обычная весенняя усталость организма от нехватки витаминов. Вот скоро появятся свежий лук, укроп, щавель — и все пройдет. А то ведь такую зиму пережили, такую зиму!..

Дочь Степана Ильича была школьной химичкой с университетским дипломом. Много лет прослужила в школе, но в этом году неудачно написала диктовку на латышском языке, и ее «попросили». Теперь из смешанной ее школа стала полностью национальной, всех русскоязычных учителей и школьников тоже «попросили» куда-то. Так она оказалась продавцом в магазинчике бытовой химии. Здесь ее разговорного латышского пока вполне хватало. Но что будет, если и тут проведут подобную диктовку? Куда — потом?

Да, действительно, зима эта выдалась на редкость тяжелой. Но дело тут не только в подобных неприятностях. Далеко, далеко не только, однако говорить об этом в их семье до последнего времени было как-то не принято...

Обе — и дочь, и внучка — были по-своему правы. Конечно, выбросы на солнце и магнитные бури на земле. Конечно, весной всегда сказывается усталость организма от нехватки витаминов. Но ведь и прежде случались на земле всякие бури, и весны всегда приходили после зим, но тогда он не чувствовал себя таким разбитым и потерянным. И, наверное, больше всех права жена Мария. Недавно, когда в доме они остались совсем одни, она под села к его дивану и, глядя не на него, а куда-то за окно, горестно вздохнула:

---

* Свобода (латыш.).

— Ох и состарились мы с тобой, Стэфан! Отсюда и всякие болезни, и слабость. Все свои силы отдали работе и детям. Думали, силам этим, как воде в колодце, никогда не будет конца, а тот возьми и высохни. Вычерпали мы его до дна. Сами. И не только сами...

Его тихая, работающая, скупая на слово Мария никогда не говорила много, и то, что она сказала сразу столько слов, доказывало, что она все понимает, переживает и мучится вместе с ним, жалеет прошедшую в трудах жизнь, а вместе с нею и их, изработавшихся и больных стариков.

Сама она тоже часто побаливала — сказывались долгие годы работы на стройке, где она и малярничала, и штукатурила, и укладывала плитку. И все на сквозняках, в сырости и холоде, — как же не болеть теперь суставам, не ныть спине? Впрочем, о своих недугах она говорить не любила, наверное, стыдилась или больше жалела его, но сам-то он видел, догадывался, чувствовал. И жалел тоже.

Уходя по своим делам, Мария спросила, что приготовить ему на обед — творог или его любимый омлет с луком, и сдержанно, как говорят с ребенком, улыбнулась:

— Старость это, Стэфан, старость. Давай будем привыкать к ней вместе. И ко всему другому — вместе, да?

Внучка говорила все, что думала, безо всяких утаек и уверенно обещала, что ему опять станет хорошо. Дочь ничего не обещала и, говоря о «такой зиме», недосказывала главное. Жена недосказывала тоже, но он их хорошо понимал, потому что знал, чем была тяжела эта зима и к чему «другому» им предстоит привыкать. Кроме своих болезней и старости, конечно.

После чая Степан Ильич посидел немного у окна, за которым уже всюю хозяйничала весна. Разомлев от льющегося в комнату солнечного тепла, он опять прилег на диван и задремал. И приснился ему сон, в котором он снова был молодым, сильным и здоровым. И этот латвийский город, в который он попал в войну по тяжелому ранению да так и остался тут, тоже приснился ему еще тем, давним, от которого теперь мало что и осталось, не считая старого центра.

Во сне было много солнца, наверное, тоже весеннего, и таких же молодых, как и он, людей. Ни госпиталя, ни ран, ни разрушенных войной строений — какой-то обманчивый, легкомысленный, неправильный сон. Проснувшись, Степан Ильич удивился этому сну, но все равно был рад ему и даже пожалел, что сон оказался таким коротким и он так мало побыл молодым.

Единственным реальным, настоящим в том сне было только то солнце, та весна. Тогда, после недавно закончившейся войны, и вправду было очень солнечно и тепло. Или это лишь казалось ему теперь, когда даже одно напоминание о молодости само по себе осветляло и грело душу? Может, и так. Но скорее всего — совсем не так, потому что такая Победа, такое счастье просто не могли быть без солнца. Даже если бы полил дождь или повалил снег, их бы просто не заметили. Особенно те, кто прошел через ту войну и остался жив. Пусть и в бинтах, пусть и на госпитальной койке, но — жив.

Степан Ильич воевал в армии, которая освобождала от фашистов Прибалтику. Здесь его и ранили в последний раз — за какой-то месяц до победы. Что и говорить, обидно было, но надеялся, что успеет еще вернуться к своим противотанкистам-пэтэровцам, довоевать. Однако не успел: лечение затянулось.

Пока поправлял здоровье, опять послал несколько писем домой, на родную Орловщину. На этот раз ответили. Кто-то из сельсоветских работников сообщил, что деревню его немец пожег, что люди разбрелись кто куда, а то и погибли, и что о его матери сведений у них нет. Отец и старший брат погибли еще в начале войны, это он знал, теперь вот мысленно похоронил и всю деревню. Всю — кроме матери: поверить в ее смерть он никак не мог...

Когда его выписали, он растерялся — куда деваться, не имея ни кола ни двора? Поехать в деревню? Чтобы только поклониться родному пепелищу? Это он непременно сделает, но сейчас ли? Сейчас его самого после госпиталя ветром качает. Набраться бы сначала сил, приютиться где-то, окрепнуть.

Долго стоял он на крыльце госпиталя в таком невеселом раздумье. Душа рвалась домой, на родину. Были бы крылья — полетел бы не мешкая, только нет у него этих крыльев. Да и крыльям нужны силы, а их пока нет. Там же придется все начинать сначала, с колышка, с землянки. Одному? В его-то нынешнем положении?

И тут его окликнули:

— Товарищ сержант! Петров! Живой?

С улицы, перескакивая сразу через две-три ступеньки, к нему бежал какой-то солдат. Хоть и рядовой, а вид как у старшины: сапоги блестят, пуговицы гимнастерки и пряжка ремня огнем горят, свежий подворотничок чище первого снега, а загорелое и круглое, как каравай, лицо прямо-таки сияет.

Много всяких лиц перевидал сержант Петров за годы войны, но такое на свете было только одно. И принадлежало оно его второму номеру и другу Янису Розиню.

А это и был он — Янис.

— Ты!.. Слава богу, выходит, живой... А я иду, смотрю...

— И я живой, и ты, погляжу... С победой!

— Оба живы... С победой!.. Как ты тут? Хорошо, что сюда попал...

— Куда уж привезли... Теперь — на все четыре... А ты почему тут?

— Так я же, Сержант, дома. Вчера только вернулся. Это мой город!

— А я почему-то думал, что все латыши непременно из Риги. Раз латыши...

— Да? Вот смешно! Ну, пошли ко мне...

Так само собой получилось, что он остался в этом городе. Сначала, думалось, недельки на две, не больше, пока немного оклемается. А потом тоже как-то само собой получилось, что он помог привести в порядок дом Яниса, а там вместе с ним пошел разбирать завалы на центральных улицах и что-то восстанавливать, потом строить... Дел оказалось так много, что каждая пара рук была на счету. Тем более рук мужских, не боящихся никакой работы. Как тут бросишь все и уедешь?

Так и не уехал. Тут и вся жизнь прошла.

2

— Стэфан, — заглянула к нему Мария, — к тебе Янис Розинь пришел. Ждет во дворе.

— А что же в дом не зовешь?

— Торопится он...

В то утро ему стало лучше, видно, солнце в небе успокоилось, а магнитные бури на земле кончились. Он уже был одет, осталось сходить в магазин, чтобы потом никуда не спешить.

Во дворе его действительно дождался Розинь. В лучшем своем костюме, с орденами и медалями на груди. Словно на День Победы собрался.

И сразу, позабыв поздороваться, накинулся на него с упреками:

— Ты почему, Сержант, все еще дома? Наши уже почти все там, а ты даже не готов. А ну-ка быстро, а то можем не успеть! Да поторопись же, наконец!

Степан Ильич растерялся.

— А что случилось, Янис? Ты в календарь-то хоть заглянул, какое нынче число?

— Число знаю, а ты, друг, все равно поторопись. Мы с тобой просто обязаны быть там.

— Где?.. Зачем?..

— На Бривибас*, где же еще!

— А там что?

Теперь пришел черед растеряться Розиню.

— Так ты, выходит, ничего не знаешь? Тебя не предупредили о митинге?

Степан Ильич недоуменно пожал плечами.

— Никто... Ничего... Я же болел.

— Ну тогда дорогой расскажу. А ты быстро переоденься и — вперед. Форма парадная. Сегодня так надо. Жду одну минуту.

— Так что же там будет, можешь ты мне сказать?

— Фашисты будут, Сержант!

— Фа-ши-сты?!

— Так точно. Дожили до такой радости. Так торопись же!..

Пока шли до автобусной остановки, Янис несколькими словами ввел его в курс последних событий и того, что ожидалось сегодня. Оказывается, именно в эти дни в оккупированной немцами Латвии был сформирован латышский легион СС. Тот самый, что жег деревни в Белоруссии и России, посылал карательные отряды против партизан, устраивал массовые расстрелы мирного населения — стариков, женщин и детей. Когда гитлеровцев изгнали, большинство латышских эсэсовцев ушло вместе с ними. Тех, кто остался, долго потом вылавливали по лесам, а позже судили. Выжившие из этих недобитков теперь подняли головы, лезут в герои: мол, за свободу родной Латвии боролись, со сталинским режимом сражались. Администрация города — туда же: им и митинг разрешили, и шествие, и даже закладку памятника. Каково?

— Не может такого быть, — не поверил Степан Ильич. — В наше время и фашисты? Открыто, белым днем? Вот так, ничего не боясь?

— Значит, бояться некого, раз выходят открыто. Вот поэтому выходим и мы. Посмотрим, кого больше. И что скажет народ...

В автобусе было тесно и шумно. Особенно на задней площадке, где собрались такие же фронтовики, как и они. Тоже все при параде, возбужденные, возмущенные. У всех один вопрос: как такое возможно? В наше время! В их маленькой, тихой, демократической Латвии! И если это не чья-то гнусная шутка, то что это значит? Говорят, в Риге такое уже бывало. Ну так это же Рига, где свили свои теплые гнезда гнилые интеллигенты и тупоголовые политики. Но — чтобы и в их спокойном, прекрасном городе!.. Нет, тут надо разобраться и потребовать... по-тре-бо-вать!

И они уже требовали, обращаясь неведомо к кому и куда, гневно сверкали глазами, сжимали кулаки. Устроившиеся на мягких сиденьях горожане посматривали на них кто снисходительно, кто с интересом, кто безразлично: что, мол, это старые пердуны распетушились, до их Дня Победы вроде бы еще далеко. Других забот у них нет...

Другие заботы у них, конечно же, были — и с пенсиями, и с жильем, и со здоровьем. И с неожиданно возникшим вопросом о гражданстве, по закону о котором одни, этнически чистые, коренные, стали полноправными гражданами нового государства, своими, а другие — чужаками, пришлыми. Эти чужие и пришлые составляли едва ли не половину всего населения, на их плечах держалась почти вся экономика, — но в гражданстве им было отказано. А раз ты не гражданин, а в просторечии «негр», а то и более хлестко — «оккупант», то нет тебе никаких прав, а зачастую и работы. Никакие заслу-

---

* Улица Свободы (латыш.).

ги и обстоятельства в расчет не принимались. Не знаешь в совершенстве языка — освободи место национальному кадру. Не хочешь мириться с таким порядком — катись в свою Россию. Россия, понятно, не за океаном, но кто тебя там ждет, где взять жилье, получить работу? Да и оставить тут не только свой дом, квартиру, но и родных, друзей, ведь многие, многие семьи давно стали смешанными...

Да, забот и проблем у этих людей было предостаточно, но сейчас, в эти минуты все заботы как бы отошли на второй план. Граждане и не граждане, коренные и чужие, «белые» и «негры» — все они жили одними мыслями и чувствами, и эти чувства объединяли, уравнивали и роднили их. Может, уже завтра среди них возникнут умело разогреваемые политиками новые трения и свары, но сейчас они были едины. Сейчас они были сынами если уже не общей родины, то их общей великой Победы, которой у них не отнять. Они свято чтители ее страшные жертвы, хорошо помнили, как ей рукоплескал весь мир. Они были уверены, что после такой победы на земле никогда больше не будет войн, никогда не будет фашизма. Они имели право так думать и верить, так надеяться и заблуждаться. Они завоевали это вместе со своей Победой...

А тем временем по улице Свободы в сторону центральной площади нестройно двигалась жидкая толпа каких-то людей. Если бы она двигалась не по середине мостовой и если бы впереди нее не несли колыхавшееся на ветру знамя, никто бы не обратил на нее внимания.

Впрочем, было и еще нечто, что отличало этих людей и это подобие колонны от обычных городских прохожих. Когда они приблизились, Степан Ильич ясно разглядел на них эсэсовскую форму военных лет. Особенно четко выделялись офицеры, которые и теперь старались выгладеть подтянутыми и бравыми, забыв о своем немалом возрасте, диабетах, артритах, инфарктах и прочих пережитых и приобретенных напастях.

Кто-то из шедших по тротуару помахал им рукой, что-то шутливо прокричал и сказал спутнику:

- Смотри-ка — кино снимают! Как будто нам американских боевиков мало!
- И опять про войну, — недовольно проворчал тот. — А я люблю комедии...
- Мы, латыши, народ серьезный, смеяться не умеем.
- Ну и дураки. Вон французы всю жизнь смеются и процветают. Не то что мы.
- Попросись в командировку в Париж. За опытом...

Эти двое были, наверное, студентами или служащими, говорили по привычке щедро мешая латвийскую и русскую речь, и Степан Ильич хорошо понимал их. Хотел было возмутиться и объяснить молодым оболтусам, что такое война и что такое фашизм, но тут его потянул вперед Янис:

— Смотри, Сержант, это наши крестнички идут. Помнишь Волчий лес? Так вот эти, крайние, оттуда. А вон и твой родственничек Карлис Цеплис марширует. Узнаешь?

Степан Ильич понял, о ком тот говорит. О тех «лесных братьях», которых они, бывшие фронтовики, собранные по тревоге местной властью, выкуривали из их лесных берлог. И о брате его жены Марии, которого вместе с другими они взяли в плен и из-за которого у них, тогда молодоженов, вышла крупная ссора. Правда, единственная за всю их уже немалую жизнь.

Карлис не маршировал, тут Янис переборщил, а просто шел. Маршировать он не мог, потому что руки его были заняты. Он нес знамя. И какой у него был вид! Будто и не минуло со времен его славной молодости больше полувека, будто и не шаркали по грязному асфальту его больные отеками ноги, не колыхался при каждом шаге тучный, как у стельной коровы, живот, не прыгали над воротником пропахшего нафталином

мундира рыхлые обвисшие щеки. Можно было подумать, что на него смотрит если уж не весь мир, то вся родная Латвия непременно.

— Позор! — не выдержав, закричал Степан Ильич. — Убийцы, палачи! Фашистские прихлебатели!

— Призраки! Черные призраки! — поддержал его Розинь по-латышски и по-русски. — Вон из нашего города, нечистая сила! Во-он!..

— Вон! Вон! — подхватили десятки возмущенных голосов и с этой, и с той стороны улицы. — Уходите к своему фюреру, он давно заждался вас в своем аду!

В необычных демонстрантов полетели сырые яйца, пакеты с прокисшим молоком, собранные где-то по дворам грязные снежки. Одна группа ветеранов в порыве возмущения тоже двинулась было на мостовую с явным намерением отнять и уничтожить фашистское знамя, однако натолкнулась на цепь полицейских, охранявших это чудовищное шествие. Завязалась энергичная перебранка, тут же перешедшая в потасовку и свалку. Что и говорить, молодые парни с резиновыми дубинками в руках оказались посильнее старых израненных ветеранов. Но и те показали себя молодцами, хотя драка с полицией вовсе не входила в их планы. На площади, собравшись в один ударный кулак, они все же прорвали оцепление и, плотным кольцом окружив памятник бойцам-освободителям, провели здесь свой антифашистский митинг.

На краю площади митинговали «призраки», «духи из прошлого». Ораторы-антифашисты больше обращались не к своим товарищам или поддерживавшим их горожанам, а именно к ним, не скупясь на энергичные жесты, проклятья и недвусмысленные обещания. Те, в свою очередь, тоже в долгу не оставались, задиристо петушились, махали кулаками, обзывались «сталинскими собаками» и «агентами Москвы». Когда обе стороны уже готовы были схватиться по-настоящему, между ними опять встала шеренга полицейских. Не в состоянии одолеть их силой, ветераны попытались воздействовать убеждением, обращением к их сознанию и совести, но молодые с дубинками лишь посмеивались, явно давая понять, кого им приказано охранять и от кого.

— Выходит, и вы заодно с этими подонками, — кипятился Янис Розинь. — Осталось только сменить форму и запеть их песни. Что же не поете, раз так?

— Эсэсовцы — позор нашей нации. Не берите на себя этот позор! Подумайте о своих близких! — вторили ему со всех сторон.

Стражи порядка, не вступая в дискуссию, лишь усмехались, хмурились, поигрывали дубинками. Но когда кто-то из них бросил ветеранам в лицо, что они, бывшие советские солдаты, ничуть не лучше этих фашистов, толпа взорвалась. И взрыв этот был столь страшен и яростен, столь неукротим и могуч, что, казалось, хватило мига, чтобы от полицейского заслона не осталось и следа. Видя такое дело, легионеры спешно свернули свой митинг и на заранее приготовленных автобусах тоже торопливо покинули площадь.

Это была победа. Но радости не чувствовалось. Когда страсти несколько улеглись, законопослушные ветераны вспомнили о том, что их митинг, в отличие от эсэсовского, получился несанкционированным, никем не разрешенным, что в их демократическом государстве непозволительно. А про сопротивление властям и говорить не приходится, тут уж закон особенно строг. Нет, это был не страх и вовсе не раскаяние, а всего лишь понимание. Но это понимание тревожило и смущало их честное гражданское простодушие.

Домой его увела внучка. Она разыскала его еще там, на площади, и видела, как они, старики-фронтовики, схватились с полицией, а потом, после горячей схватки, приводили себя в порядок.

Вид у всех был весьма потрепанный. С кого-то сбили и затоптали шляпу, у кого-

то оборвали все пуговицы, кому-то насажали синяков. Степану Ильичу досталось тоже. Резиновая дубинка не раз прошлась по его спине. Там тоже, поди, были теперь синяки, но под одеждой не видать, он их просто чувствовал. А вот сочившуюся с головы кровь заметил, лишь когда та стала затекать за воротник.

— Дедушка, миленький, тебя ранили? — кинулась к нему Эммочка, уже на ходу роясь в своей сумке.

— Почему ты здесь? — удивился и осерчал он. — Как ты сюда попала, девчонка?

— Мама послала, — всхлинула та. — Велела взять эту сумку и бежать. Наверное, знала... или догадывалась...

В сумке у нее были бинты, вата, йод, шприц, еще что-то. Она тут же принялась обрабатывать и бинтовать его рану. А потом, бережно поддерживая под руку, повела домой.

В автобусе на них никто не обратил внимания: ну мало ли что с человеком стряслось — может, упал, может, подрался, с кем не бывает. О том, что произошло в их городе, вот только сейчас, почти у них на глазах произошло, никто не обмолвился ни словом. Только один полупьяный мужичонка, уступая место старому человеку, вежливо сказал по-латышски:

— С праздником, уважаемый!.. А я и не заметил, как День Победы подошел. Видать, за это с дружками пили...

Степан Ильич невольно крикнул, но не стал ничего уточнять и вежливо поблагодарил.

— А я думаю, чего это нынче столько фронтовиков на улицах, — держась за спинку кресла и покачиваясь на нетвердых ногах, продолжал тот. — Оказывается, праздник... Хорошо, когда праздник: столько достойных людей увидишь, правда? Я сегодня видел, хотя вашего брата теперь совсем мало осталось... Да, к сожалению... Но я видел, видел!

— А что еще увидеть удалось? — спросил Степан Ильич.

— Еще? — мужичонка подумал-подумал и вдруг широко, по-детски улыбнулся: — Еще — как кино у нас снимали! Вы любите хорошее кино? Не нынешнее барахло, а наше, настоящее?

— Любил.

— А я до сих пор люблю...

Район, где жил Степан Ильич, находился почти на окраине города. Когда-то там располагались пригородные имения состоятельных людей, но город разрастался, застраивался новыми кварталами, поглощая окрестные пустоши и хутора. Теперь о них уже почти ничто не напоминало, кроме, может быть, колоритных названий улиц, кое-где сохранившихся строений архаичной архитектуры да заметок местных краеведов в газетах.

Степану Ильичу нравился его район, его дом с маленьким двориком, где Мария сушила после стирок белье и растила цветы. До войны здесь была усадьба помещика средней руки, немца герра Розенталя. Кроме большого каменного господского дома в два этажа с затейливыми балконами и высокой черепичной крышей тут же находились жилой барак для работников, помещения для скота и инвентаря, а чуть в сторонке — небольшой молочный заводик.

Так говорила Мария, родители которой и их родители были тут работниками считай с рождения до смерти. Когда он увидел это место сам, в покинутом господском доме располагалось какое-то учреждение, от сгоревших надворных построек остались одни черные пепелища и лишь в бывшем заводике жили две семьи, в том числе Мария с малолетним сынишкой и больной матерью.

Вот этот заводик и стал их домом. Со временем Степан Ильич привел его в надлежащий вид, пристроил террасу, переделал крышу, вставил новые окна, сложил печь. Хороший получился дом — живи и радуйся. И они радовались. С годами вокруг него поднялись большие современные дома, но его не тронули, так и стоял он во дворе среди типовых пятиэтажек, никому не мешая и не привлекая внимания. Добрый, основательный, уютный дом.

Уже на подходе к нему рядом со Степаном Ильичом притормозила юркая машина местной полиции. Вышедшие из нее люди справились, действительно ли он Степан Ильич Петров, и вежливо предложили проехать с ними в участок. Державшая его под руку Эммочка так и вцепилась в него.

— Не отпущу! Разве вы не видите, что он больной, что ему плохо? Приходите завтра, наш дом — вот он, никуда не денется.

То, что девушка легко и свободно говорила по-латышски, стражей порядка, похоже, удивило.

— А ты кто ему будешь? И почему говоришь за него?

— Он мой дедушка. Оставьте его в покое.

— Это ненадолго. Пустые формальности всего лишь...

— Тогда и я с ним! Одного я дедушку не оставлю!

— А вот это ни к чему. Да и мест в машине больше нет. Ступай домой, а мы его скоро привезем. Ну!

Степан Ильич не стал дожидаться, когда те применят силу, и уговорил внучку подчиниться и идти домой. Чтобы не пугать Марию и дочь, попросил сказать, что зашел, дескать, к другу Янису и придет попозже. Есть, мол, у них разговор... о садовых делах, например: когда поехать, что посадить... Ну мало ли чего безвинного можно сказать, чтобы не тревожить родных?

В участке, куда его привезли, было уже многолюдно. Тут он встретил многих своих товарищей, с кем лишь недавно распрощался на площади. Как и его, их тихо взяли на пути домой, чтобы не привлекать внимания общественности и средств информации, которые могли бы истолковать действия властей некорректно.

— Научились у рижан! — возмущался Розинь, сочувственно глядя на белую от бинтов голову Степана Ильича. — Этак нас скоро и в тюрьму упекут за то, что воевали с фашистами. В Риге такое уже практикуют. В качестве эксперимента. Получится там — начнется везде, и что тогда, Сержант?

— Не знаю, Янис. Я ведь, считай, простой работяга, не политик. Вот дом сложить, кровлю починить, квартиру отделать — это мое. А дела властей...

— Погоди, погоди, Сержант, — нетерпеливо поднял забинтованную тряпицей руку Розинь. — А то, что было сегодня на Бривибас, разве не политика? И то, что власть за этих паршивых выродков намяла нам бока, не политика тоже? Это-то ты понимаешь?

— Тут все ясно. Только это скорее не политика все же, а глухой чиновничий дебилизм. Ну не может же быть такого в нормальной жизни. Не может!

— А ты все еще думаешь, что наша жизнь нормальная? Погоди, друг, они нам еще и Волчий лес припомнят. Все идет к тому!

И припомнили ведь!

Других допрашивали лишь однажды, чтобы вручить постановление на уплату штрафа, а затем отпускали, его же, Яниса и еще троих русских продержали до поздней ночи. Теперь их допрашивали другие люди и совсем уже не по полицейскому шаблону, хотя вначале, как обычно, были все те же вопросы о том, как зовут, когда и где родился, где проживаешь, чем занимаешься...

Отдав этим вопросам должное, молодой мужчина в гражданском отодвинул от себя

лежавший перед ним бланк допроса и, откинувшись на стуле, участливо спросил:

— По наградам можно судить, господин Петров, что в молодости вы неплохо повоевали? Наверное, и ранения имеете, и теперь, в старости, они вам досаждают? Так все фронтовики жалуются.

Как и все латыши его возраста, он свободно говорил по-русски, лишь иногда чрезмерно растягивал некоторые гласные и очень уж старательно строил русские фразы. Впрочем, это было вообще характерно для здешних жителей, и Степан Ильич так с этим свыкся, что перестал замечать.

— В старости, известно, каждая болячка на свой голос кричит, — ответил он уклончиво. — А уж раны тем более. Особенно контузии.

— А где воевали? Где кончили?

— Воевал на Западном... А закончил здесь. Прибалтику освобождал, Латвию нашу. Тут и ранен был в последний раз.

— Перед самой победой? И серьезно?

— Навылет. В правую сторону груди, через легкое...

— О, это тяжело! Хорошо, что не в левую. И что же потом? Как в нашем городе оказались?

Видя, что человек задает вполне обычные житейские вопросы, Степан Ильич незаметно втянулся в разговор, рассказал, как лечился в здешнем госпитале, как временно остановился у своего фронтового друга, а потом помогал восстанавливать разрушенное, как женился, стал строителем и целых сорок пять лет все строил и строил. Даже похвастался:

— Сначала простым каменщиком, а после техникума бригаду дали. Когда на бетон перешли, монтажом занялся. Много лет в прорабах душу мотал. В Ташкенте латышский квартал строил, в сибирском Когалыме тоже: ничего, получалось. Вон — два ордена за труд. А кончил уж начальником участка. На законном отдыхе теперь...

— Славная трудовая биография, можно по-хорошему позавидовать! — улыбнулся внимательно взглядывавшийся в него вежливый господин.

Этот чересчур уж внимательный, настойчивый, изучающий взгляд охолонил Степана Ильича. Он мысленно даже обругал себя за эту беспечность — нашел, мол, перед кем душу изливать, простодыра! — и с напряжением стал ждать новых, более серьезных вопросов. Не для светской же беседы держат его тут эти люди!

И вопросы последовали.

Сначала все так же мягко, ненавязчиво, а потом все жестче и жестче, как допрашивают преступников.

— Скажите, господин Петров, а после завершения войны вам не доводилось участвовать еще в каких-либо боевых действиях?

Степану Ильичу подумалось, что тот имеет в виду войну с Японией или корейскую войну, и решительно покачал головой:

— Нет-нет! Бог, как говорится, миловал. Не доводилось.

— А вы не торопитесь с ответом. Подумайте, вспомните.

— Да нет, что вы! — загорячился он. — Если вы имеете в виду Корею или Вьетнам, то зря: я ведь всего лишь сержант, противотанкист-пэтээронец. Нас еще истребителями танков называли. А там, говорят, только наши советники и специалисты были. Какой же из меня советник?

Вежливый допросчик опять окинул его долгим изучающим взглядом и как-то нехотя усмехнулся:

— Не хитрите со мной, господин Петров. Я имею в виду территорию тогдашней Латвийской республики...

И тут ему все стало ясно. Сразу же всплыла в памяти как бы мимоходом брошен-

ная Янисом фраза о Волчьем лесе. Так вот куда он клонит, вот что ему нужно! Не участвовал ли в ликвидации прятавшихся по лесам осколков латышского эсэсовского легиона? Этот тип явно уже осведомлен об этом и только делает вид, что не знает. А кем осведомлен? Уж не тем ли родственничком Карлисом Цеплисом?

— Вы задумались? Вы вспоминаете, господин Петров? — теперь уже откровенно давил допросчик.

— Да, вспоминаю...

Чувствуя, что молчание его слишком затянулось, а главное — ощущая уверенность в своей правоте, Степан Ильич не стал таиться.

— Вспомнилось, что летом сорок шестого меня, как и некоторых других фронтовиков, мобилизовали в помощь местному гарнизону...

— Кто мобилизовал? На какой срок?

— Мобилизовал, известно, военный комиссариат. На месяц или два, теперь уже не помню...

— С какой целью? Ведь войны уже не было.

— И это известно: для ликвидации не сдавшихся групп легионеров, которые превратились в обычных лесных бандитов.

— А не для борьбы с мирным гражданским населением?

— Мирное население сидит по домам, а не шатается по лесным дебрям с пулеметами. Так что вопрос этот всем и давно ясен: речь идет не о гражданском населении, а об окопавшихся в лесах недобитых фашистах. И мы их добились!

Теперь долго молчал хозяин кабинета.

— И многих вы тогда... добились? — спросил он, вновь придвигая к себе бланк допроса.

— А кто считал? Были потери и с нашей, и с их стороны. Кто сложил оружие, остался жив. Отсидели свое, вернулись. Теперь они у нас в героях ходят, видел я сегодня их на Бривибас. Фашистами были — фашистами и остались. И как власти допускают такое?

— У нас демократия, господин Петров. Каждый имеет право на свои убеждения...

— В настоящих демократических странах такие «убеждения» давно поставлены вне закона. И зачем Латвии такой позор?

— Ну, это такой вопрос... — замылся допросчик. — Давайте лучше вспомним, кого вместе с вами призвали тогда еще. Кто вместе с вами... добивал тогда... этих в Волчьем лесу?

«Много знать хочешь!» — чуть не выпалил Степан Ильич, но вовремя взял себя в руки.

— С тех пор уже полвека прошло, как тут вспомнишь? Да и многие, поди, уже на том свете райские чаи распивают... Склероз опять же... Нет, не помню — ни наших, ни тех. Прошлое дело ведь...

— А вы все-таки подумайте, господин Петров. Полагаю, мы еще повидаемся, ведь вы никуда уезжать не собираетесь?

— Куда мне в мои годы-то! Разве к своим однополчанам — на тот свет...

3

Янис дождался его у подъезда.

— Ну как, Сержант, исповедался?

— Нашли дурака!.. Но ты оказался прав: Волчий лес их интересует.

- Не сам лес, а мы с тобой. Других я просто не помню.
- А я, если б и помнил, им бы не выложил. Тут их танки не пройдут.
- Как бы у других не прошли. Разный мы сегодня народ, Сержант.
- В войну тоже были разными, но выстояли же.
- Так то в войну!..

Потом они долго шли по темным улицам ночного города в свой район. Темноту эту власти объясняли недружеской позицией России, якобы уменьшившей поставку энергоносителей. Но те, кто работал в портах, уверяли, что дело обстоит иначе: поступающие носители, не задерживаясь в стране, прямою направлялись за границу, естественно, совсем по другим уже ценам. Так совершенно не нефтяная Латвия стала известным экспортером нефти. Впрочем, как и цветных металлов. Навар от этих нехлопотных операций получался немалый, но в чьих карманах он оседал, народу знать было не дано. Этому тоже учились у большого соседа...

Домой Степан Ильич добрался, когда небо на востоке уже начало заметно светлеть. Будить спящую семью не хотелось, и он решил дождаться утра на улице. Достал из сарайчика старое пальто, оделся и, почувствовав тепло, присел на скамью. Так будет даже лучше, решил он: и свежим воздухом подышит, и спокойно обдумает положение, в которое попал. Штраф, конечно, придется уплатить, тут уж ничего не поделаешь, а вот как жить дальше?

Не найдя ответа на свой вопрос, он поднялся и не спеша обошел дом. Дом свой он любил. Сколько сил вложил в него, чтобы из заброшенного строения превратить в уютное жильё! Когда он побывал тут в первый раз, жутковато стало: пол — бетонный, стены — голый кирпич, вместо печки — закопченная буржуйка, вместо стекол в окнах — картон... — и как тут люди живут? Ведь войны-то уже не было, хотя и после войны многие жили в очень трудных условиях, еще хуже этих. Но это «многие», а тут жила женщина, которую он полюбил. А ведь тому, кого любишь, всегда желаешь только лучшего.

С Марией Степан Ильич познакомился на стройке: он клал стены, а она подносила кирпич. Молодая, крепенькая, светлолицая. И ужасно неразговорчивая. Вначале даже пожалел ее, подумал — немая, но когда подошли подруги — заговорила, правда сдержанно, без обычных женских смешков и шуток.

После он узнал, что зовут ее Марией, и это имя, как ему показалось, ей очень шло. Хорошее имя, почитаемое у многих народов, одновременно и простое, и строгое. У русских женщина с таким именем могла быть и Машей, и Марусей, и Марфушей, и хохотушкой, и певуньей, и плясуньей, а у латышей — нет: Мария есть Мария. Серьезный народ, и это ему нравилось тоже.

А потом как-то само собой узналось, что она вдова, что муж ее, боец Красной Армии, погиб на его, Петрова, родной Орловщине и живет она с матерью и маленьким сынишкой. О брате ее, Карлисе Цеплисе, он услышал гораздо позже. Нехорошее услышал, но то брат, у него своя стезя в жизни, хотя по сердцу и резануло: фронтовик же! А к Марии душа потянулась как к родной, — считай, тоже сиротинка.

Иногда ему хотелось поговорить с ней, приласкать, рассказать о себе, да ведь опять же по-русски мало что понимала. Это прежние латыши, веками жившие в составе России, почти все знали русский язык, а она из другого поколения, когда здесь было самостоятельное государство. Янис Розинь как-то посмеялся:

— Станный мы народ — латыши! Веками, с Тевтонского ордена еще, нас гнули и топтали германские бароны, а ведь немцев-то у нас любят. Незнание немецкого языка считается невежеством. Воистину — раб, возлюбил своего господина!..

— Может, поэтому иные из них и потянулись к гитлеровцам? Так сказать, по привычке.

Янис пожал крутыми плечами, почесал в затылке.

— Трудный вопрос задал, Сержант. Тут политика непростая...

— Так ты же у нас газеты читаешь, политинформации проводишь... И сам, как-никак, латыш.

— Не «как-никак», а по-настоящему... Сын красного латышского стрелка. И этим горжусь.

— Хочешь сказать, что не все были сыновьями красных стрелков?

— Конечно. Хотя всосавшееся за века тоже сработало... Ну и...

Чувствовалось, что он что-то недоговаривает. И, по-видимому, что-то существенное.

— Не доверяешь, Янис?

— Политика это, Сержант... А имею я в виду вот что... Слишком уж резко обошлась с нами новая власть. Новое вхождение в Россию тоже приняли не все. Да и высылки эти без счета и разбору... это же не твоя Орловщина, друг.

— Понимаю. Не все были сыновьями красных стрелков... С другой стороны, если бы не эти, как ты говоришь, высылки, латышских легионов СС было бы еще больше. Не допускаешь?

— Может, и так, — потупился Розинь. — Давай не будем об этом... И непросто все, и небезопасно... Слава богу, что позади. Жизнь возьмет свое...

Именно тогда Степан Ильич признался, что хотел бы поближе познакомиться с Марией, может, даже сватов заслать.

Янис добродушно рассмеялся и замахал обеими руками, как бы не принимая и отталкивая от себя т акие глупости.

— Что ты, Сержант, что ты!.. У нас так не делается. Мы, латыши, все делаем без спешки и основательно: колодец ли копаем, землю ли пашем, на ярмарку ли едем. А уж это!.. Тут, друг, с семьей невесты нужно пуд соли съесть, чтобы тебя узнали, поверили, дали тебе цену. А как же, это ведь семья! На всю жизнь.

— Конечно, — смутился Степан Ильич. — Она даже по-русски не понимает...

— Кое-что понимает. А нет, так учи. Работа — лучшая школа. А если хочешь помочь чем-то, рассчитывай на меня. Ну, дров привести, что-то из продуктов раздобыть, крышу починить... И не торопись. Все хорошее приходит в свое время.

Так все и пошло: и языку учил, и помогал как мог. Заодно с матушкой Леонтиной и маленьким Леончиком познакомился. Мальчонка сначала дичился его, может, даже побаивался, а вот мать как-то сразу отличила и приветила. Не Яниса, а именно его, русского рабочего парня, о котором и слышать прежде не приходилось.

В отличие от Марии мать немного говорила по-русски, по-доброму вспоминала старые времена, когда здешние мужчины уходили в Россию на заработки и возвращались домой при хороших деньгах, солидно одетые и с кучей подарков для домочадцев. Ее отец, к примеру, на каждую осень подряжался к одному богатому русскому барону (так она называла всех помещиков) механиком на молотилку. Случалось, что и мельницу ставил. Домой заявлялся под зиму с целым возом муки или зерна. Вот радости было — на всю зиму!..

Но особенно трогательно и с крестьянским удивлением говорила она о том, что многие латышские семьи, не имевшие земли, уезжали в Россию, совсем задешево покупали там пашню и становились богатыми хозяевами. Жаль, наверное, было этим людям покидать родину, но зато обретали достойную жизнь. Тем более что русские и другие народы вплоть до далекой Сибири принимали их радушно, позволяли селиться вместе, не притесняли. Иные из них приезжали в гости совсем другими людьми. Или писали письма...

Что удивляло наивную Леонтину, так это то, какой же огромной должна быть

Россия, если всем в ней хватало земли. Цену земле здесь знали хорошо. На родине она в большинстве своем издавна была в руках немецких баронов, а уж они выжимали из своих батраков все, что было возможно. Вот и их семья после смерти отца гнула спину на герра Розенталя, а что нажила? Герр Розенталь любил поговаривать: «Жирный работник — плохой работник. А плохого работника мне не надо». У герра Розенталя не было жирных батраков.

— А знаешь, сынок, говорят, наши предки с вами, русскими, жили очень дружно, как хорошие соседи, — пытливо глядя ему в лицо, задумчиво заговорила она однажды. — Мы, простые люди, хоть и не очень ученые, а кое-что знаем и помним. Народ помнит. Раньше мы ведь тоже православными христианами были, от вас переняли. Это потом германцы приневолили нас к своей вере. А все же в языке многие слова остались...

Помолчав с минуту, она доверительно улыбнулась.

— Вот вы говорите — «день». А как скажет латыш? Знаешь?

— Ну как же, знаю: «диен».

— А «сердце»?

— И это знаю: «сирдс». А «беда» — «бедас», а «столовая», где едят, — «едника», правильно?

— Смотри-ка! А вот этого ты можешь и не знать. Ваша «божница» — у нас «бозника», ваш «крест» — у нас «крустс», ваш «грех» — «грекс», ваш «святой» — «светс», ваше «говенье» — «гавенис»... А знаешь, как мы, латыши, называем вас, русских?

— Ну, русаками, наверно! — засмеялся он.

— А вот и нет. Вы, русские, как были, так и остались для нас «кривия».

— Это как же? Почему?

— Так ведь кто его знает. Забылось...

И вдруг он вспомнил, еще из школьной истории.

— А, ну конечно, это от кривичей! Было такое большое славянское племя. Как раз ваши соседи. Но это же было тысячу лет назад!

— Может, и тысячу. А в народе осталось. Хорошее народ долго помнит... Долго...

Прошел год, и они с Марией поженились. А тут и первое испытание — мобилизовали его в помощь малочисленному местному гарнизону на ликвидацию «лесных братьев». А среди тех оказался и брат Марии Карлис, о котором тогда он услышал впервые. Парню повезло — взяли в плен, и выпало это как раз на долю его, Петрова, взвода. Ну, понятно, Мария — к нему: спаси, не дай пропасть. А что он мог? Да еще для фашистов, которых он ненавидел со времен войны. Фашистов, которые кровью залили его страну, сожгли его село, убили мать.

Тех он ненавидел, а жену любил. Подсказал, к какому чину обратиться, а сам пойти отказался наотрез. Мария с матерью ходили. О чем говорили — не спрашивал, но в конце концов увидел их радостными — их Карлиса не расстреляют! Потом в числе других того осудили на какой-то срок, и его долго не было. Вернулся уже мужиком на возраст, вроде бы тихим, незаметным, но чужая душа — потемки...

А их жизнь катилась дальше. Усыновленного Леончика надо было учить, появившуюся Клару — растить. Пока была жива матушка Леонтина, все было хорошо: она — с внуками, они — на работе. Чем старше становились дети, тем больше приходилось работать. А чтобы дать им образование, нанимались по вечерам и выходным дням ремонтировать чужие квартиры, отказывали себе во всем. Зато Леон окончил морской вуз и стал дипломированным моряком, а Клара, как ей самой хотелось, получила специальность учительницы и пошла работать в школу.

— Ох, жизнь, жизнь! — длинно вздохнул Степан Ильич, возвращаясь на свою скамью. Вроде бы так всегда нелегко было, так медленно тянулось время, а жизнь пролетела — не заметили. Выходит, все это и было жизнью, а другого просто не бывает...

И все-таки грех жаловаться, говорил он себе. Ведь сколько было радости, когда обзавелся в Риге семьей Леон, когда появились первые внуки. А там и Клара нашла себе пару — парня из того же вуза, только с другого факультета, белоруса Стаса. Появилась внучка Эммочка...

Семья разрасталась, ветвилась, все взрослые работали, навещали друг друга, ездили с внуками на море... Хорошо жили! Матушка Леонтина была очень довольна и ушла на покой вполне уверенная, что и дальше все будет так же прочно и ладно. Да и сами они разве не были уверены в этом? И все же не зря говорят: «Человек предполагает, а Бог располагает»... Однако того, что произошло затем, невозможно было и предположить.

4

За спиной скрипнула дверь, и Степан Ильич обернулся.

Это вышла Эммочка, направляясь в свой колледж. Увидела его, сиротливо сидящего на холодной скамейке, кинулась к нему, спрятала лицо на груди, затряслась от рыданий.

Степан Ильич растерялся, догадываясь, что его любимица за всю ночь так и не сомкнула глаз, высматривая его в окна и вслушиваясь в любой шорох на крыльце. Она-то знала, куда его увезли! Это для других он засиделся у Розиня, а она-то знала. Ждала весь вечер, всю ночь... Бедная девочка!

— Ну, будет, будет, моя хорошая, — успокаивал он ее как маленькую. — Ты же видишь — я дома. Значит, все в порядке, все хорошо. Поговорили и все... Ну, будь умницей, а то еще мать услышит... Ну...

— Теперь я тебя никуда больше не отпущу, — отирая мокрое лицо ладошкой, говорила внучка. — Сейчас такое время, такие злые люди, а ты... да еще с орденами!.. «Оккупанты, захватчики», — я слышала это не раз...

— Ну, это ты, милая, зря. Не все люди такие. А если кто и есть, не обращай внимания. Это от глупости.

— Да мне за тебя обидно! Всю жизнь для них строил, строил — и такая неблагодарность!

— Не за благодарности я работал, а просто делал любимое дело. Как и тысячи других. Нас не будет, а все это останется. Оно и скажет, кто мы были на самом деле.

— И все равно — сиди дома, никому не открывай. Я сама в магазин ходить буду.

— Хорошо, хорошо, вместе ходить будем, вместе... А сейчас иди, не то еще замечание получишь... А я буду тебя ждать. Беги...

Эммочка убежала, а он еще долго приходил в себя от пережитого. Ну вот, нам жизнь поломали, теперь до детей дошло, думал он горестно. Теперь уже и среди них — свои и чужие, белые и черные... До чего это дойдет, что будет с ними?..

— Стэфан, а ты, оказывается, здесь, — появилась на крыльце Мария. — Долго же ты у Яниса гостил! Входи в дом, чай готов.

Клара тоже собиралась на работу — торговать своими «тайдами», прокладками, памперсами и прочими заморскими диковинками. Уже на пороге остановилась, внимательно взгляделась в его лицо и недовольно покачала головой:

— Ну и засиделись же вы с этим Розинем, папа. Небось всю войну вспомнили.

Это в который же раз? Не там ли опять и ранили, герой ты наш неугомонный?

И — матери:

— Посмотри, мама, да на нем же лица нет! Напои лекарствами — и в постель. Или «скорую» вызови, если у них там еще совесть осталась.

Он не стал отговариваться, выпил лекарства и лег на свой диван у приоткрытого окна. Спать не хотелось, сердце колотилось, как после быстрого подъема на башенный кран. Мешала и повязка на голове, теперь уже окончательно сбившаяся и сползшая на одно ухо. Пришлось подняться, подойти к зеркалу, размотать бинт. Конец его успел основательно присохнуть к ране, и отдирать его было очень больно. Наверное, он даже вскрикнул, потому что тотчас же в комнату вошла Мария.

— Кто же так делает, Стэфан? Подожди, марганцовкой размочу..

Невозмутимо-спокойная Мария отнеслась ко всему этому серьезно, но сдержанно.

— А я знаю, что вчера было на этой Бривибас. Говорили, что вы крепко побили там этих лесных духов. Оказывается, досталось и вам.

Сняв бинт и смыв запекшуюся кровь, с затаенной болью вздохнула:

— А он вчера вечером приходил. Все хвастал — мы да мы! Тебя, негодник, искал.

— Кто это?

— Да братец мой, Карлис. То ли от водки, то ли от гордыни пьяный. Выгнала я его. Хоть он и кровный брат мне..

И вдруг расплакалась. Да так горько и безутешно, будто сдерживалась всю жизнь и вот изнемогла, не сдержалась.

Степан Ильич растерялся.

— Ты что, Мария? Ты чего это, ей-богу?..

— Жалко, Стэфан..

— Чего?.. Кого?..

— Маму жалко. Столько лет мучилась стыдом за него. И во время войны, и после. «Лучше бы ты в честной войне смерть принял», — не раз говорила она. И себя жалко: столько слез из-за него пролила. И его, паршивца, жалко тоже. В детстве таким хорошим мальчиком был. И себе, и нам жизнь испортил. Лучше бы, действительно, — или на войне, или там, в лагерях... Как многие...

— Что-то ты сегодня такая жалостливая, — вздохнул он.

— Устала я. Тебе проще: чужой... Скорее бы уж... Старики ведь тоже, свое отжили..

— Понимаю. Только зря ты этих недобитков хоронишь. Они себя еще покажут. Это они теперь ветераны и герои войны. Да еще безвинно репрессированные. Весь мир на них пальцем показывает, а мы все кричим: «бривибас, бривибас!» Уж такая получается бривибас, что хоть памятник Адольфу Гитлеру на площадях ставь.

Мария опять всхлипнула.

— Не надо так, Стэфан. Я боюсь.

— Не их бояться надо, а тех, кто стоит за ними. Эти что — жалкие призраки, а те...

— Вот и боюсь. Я хоть и не ученая, а понимаю..

И вдруг радостно засветилась.

— А знаешь, Клара вчера письмо получила. От Стаса.

— Ну? И что?

— Пишет, что устроился где-то в Белоруссии. Готовься, пишет, приеду, заберу к себе.

— А что? Они молодые. Им жить.

- А мы, Стэфан? Для кого же тогда мы с тобой жить будем, а?
- Ну, мы... У нас еще Леон есть, внуки...
- Те далеко. И внуки выросли. Зачем мы им?
- Ничего... Как-нибудь... Много ли осталось?..

После такого разговора и жене стало плохо. Пришлось отпаивать лекарствами. Лишь когда она успокоилась, вернулся к себе и опять прилет.

Старое тело нуждалось в отдыхе, но сон не шел. Он просто лежал, устало прикрыв глаза, и слушал тишину. Когда-то в этом доме было шумно и весело. А теперь? Одна радость — посидеть вместе за вечерним чаем. Но если уедут и Клара с Эммочкой, что станет тогда? Горькое стариковское одиночество — вот что ждет их. Для кого жить тогда, если для себя они никогда жить не умели и не научились под старость? А ведь все начиналось так светло, с такими славными надеждами и, кажется, совсем недавно. В трудах и заботах пролетела целая жизнь. Да что там жизнь — столетие к закату подошло, тысячелетие. Для одной жизни это немало. Тем более — такое столетие, такой век...

Неожиданно вспомнилась их с Марией поездка к нему на родину. Тогда тут жизнь уже начала понемногу налаживаться, они накупили карамелек, чаю, дешевого печенья. А добрались — угощать некого: действительно, нет деревни.

Там, где она была, выше головы вымахал бурьян: лопух, конопля, татарник. Шагнешь в их гущу — хруст под ногами: обгорелые головешки. Это все, что осталось от домов. Да еще ямы. Да еще — несколько страшных черных скелетов, что когда-то были зелеными красавцами-тополями.

До сих пор помнился плачущий скрип этих мертвых обгоревших тополей. И большой, все еще не заросший бугор на окраине — братская могила его земляков. Неподалеку от него они вдруг наткнулись на землянку, правда, больше похожую на звериное логово. Но это все-таки была человеческая обитель, потому что, когда они приблизились, из нее выбралась какая-то старуха и кинулась прочь, в спасительный бурьян.

Странное это было существо — вся черная, одна голова белая, аж светится. Чья? Почему совсем одна? Живой человек или душа кого-то из тех, кто покоится под тем расплывшимся глинистым бугром? Почему так испугалась их? Так одичала в своем одиночестве или повредила в уме от увиденного и пережитого?

Долго они высматривали и кликали ее — напрасно. Выглянет — и обратно в бурьян. Кто? Иногда ему чудилось в ней что-то знакомое, но признать не мог. Таких старух в его деревне вроде бы не было.

Так и не дождалась она хозяйки этой жуткой землянки. Оставили ей привезенные из города гостинцы и ушли в соседнее село, тоже обгорелое, бедное, малолюдное. Там подтвердили, что, действительно, живет в том месте одна женщина, чудом выжившая в войну, всех сторонится, близко к себе никого не подпускает, должно быть, большая головой.

Потом она часто снилась ему. Вот и сейчас, устав телом и душой, он задремал и увидел ее опять. Как бы издали — всю черную с белой светящейся головой, такую странную, знакомую и почти родную. Он бежал вслед за ней, уходящей, и что-то кричал. Так и пробудился — с тяжело бьющимся сердцем и мокрым от слез лицом.

Вбежавшая в комнату Мария испуганно наклонилась над ним.

— Стэфан, Стэфан, что с тобой?

Проморгавшись, он поднял на нее непонимающие глаза.

— Ты так кричал... Ты звал... свою маму...

Долго мучил Степана Ильича, бередя душу, этот сон. И он все время думал: а вдруг и вправду — мать? Сердце-вещун в таких случаях не ошибается. Да и во снах

память особенно остра, не обманет. Значит, звал не случайно?

Через год-другой, выпросив у начальства несколько деньков на поездку, снова отправился на родину. Дома сказал, что посылают в командировку. Чтобы не беспокоить близких. А главное — чтобы побыть там одному, без постороннего пригляда и неизбежных в таких случаях соболезнований и советов.

Как и в прошлый раз, накупил разных гостинцев и еще кое-чего из одежды. Чужая ли ему та одинокая старушка или на самом деле мать, будет рада.

Хорошо бы — мать. Только по годам в старушки-то она никак еще не выходит. Когда на войну его собирала, ни одного седого волоска на голове не было. Правда, тогда еще отец был жив, изредка давал о себе знать с фронта. А потом пошло такое...

Дважды по их земле прокатывалась война — сначала с запада на восток, затем — обратно. И бои тут шли страшные, часто все сметающие с лика земного. Сколько солдат, молодых, сильных мужиков, полегло — несчетно. Это опытные оружейные ратники, а что говорить о бабах, стариках, детишках? Выкосила народ война, ох как выкосила — страсть. Тут и постареть, и поседеть не мудрено. За месяц, а то и за день, за час, как случалось нередко. Война...

До пустыря, бывшего когда-то его небольшим веселым селцом, он добрался к исходу дня. Снова, как и в первый раз, обошел все улочки, теперь заросшие и безлюдные. Но той старушки, как ни вглядывался, пока не заметил. Зато в одном месте бросился в глаза тележный след, проложенный прямо по бывшим огородам. Обрадовался: значит, побывали люди. Прошел по нему сколько-то и увидел сваленные на пепелище свеженапиленные осинового бревна. Даже еще не ошкуренные.

Сердце Степана забилося учащенно. Стало быть, не просто побывали, а решили обустроиться заново. На родной земле, на том же отчем месте, как бы назло уже сгинувшим фашистам. Но — кто?

Охваченный живым интересом и радостью, завертел головой, чтобы скорее увидеть знакомое или даже родное лицо. Но во всей округе по-прежнему было пустынно и тихо, только ослабевший к вечеру ветерок еле слышно шуршал листвой росшего неподалеку тальника.

Примятый колесами бурьян, горьковато пахнущие осинового бревна радостно тревожили, обнадеживали: вернуться, за новыми лесинами, поди, поехали, — подожду. Присев на комель потолще, достал свой, с войны еще, тощий кисетик, завернул сигарку и закурил. Не помешало бы и перекусить — самое время для ужина, — нащупал в солдатском (тоже еще с войны) сидоре початую в дороге ржаную буханку и спохватился — нет воды. В заветной фляжке кое-что, конечно, имеется, но это совсем другая жидкость и для случая особого. Придется походить, поискать уцелевший колодец, а нет — так прогуляться к роднику, что прежде так призывно журчал в тальнике возле старой кузницы.

Колодцы кое-где сохранились, и вода в них имелась, но достать ее оказалось нечем: ни веревки, ни ведра. Пришлось пройтись к роднику.

Родник нашелся быстро, там же, в густо разросшихся тальниках, — струился и весело журчал в десятке шагов от кузницы. То, что родник по-прежнему жив, — а что с ним станет! — его ничуть не удивило, но — кузница!.. Такая война прогремела, все село вместе с народом фрицы спалили, а она — полюбуйте! — стоит как и стояла. Такая же грузная, приземленная, черная от годов и копоти, с могучей лебедой на плоской дерновой крыше. Ну не чудо ли?

От радости и удивления все заботы об ужине и воде разом вылетели из головы. А то, что из распахнутого черного зева строения вдруг послышался знакомый стукоток, вообще привело Степана в восторг. Это что же: и кузня жива, и кузнец при ней? Чать, все тот же дед Федот, не иначе...

А вот и он сам — вышел подобрать у порога какие-то железки. Все такой же могучий, медвежеватый, с большой тяжелой головой, посаженной прямо на богатырские плечи.

Степан Ильич аж поперхнулся от радости.

— Здорово, Федот Романович!.. Живой?!

Кузнец подобрал свои железки, сложил их в уголок за дверью и лишь тогда ото-звался.

— Здорово, паря. И ты, выходит, не с погоста?

— И я живой. Можешь потрогать, — счастливо засмеялся Степан.

И тот «потрогал». Да так, что аж косточки захрустели.

— Я тебя, милоч, уж давненько наблюдаю. А как сюда спустился — сразу признал: никак Степка Петров, сын Ильи и Натальи? И, гля, так и есть. Ну, здравствуй, живая душа...

Потом они сидели на порожке, курили городскую махорку и, перескакивая с пятого на десятое, вспоминали прожитое и пережитое. Степан — то, как воевал, как приезжал сюда после госпиталя, кузнец — как жилось под фашистами, что они тут, ироды, натворили.

Из сельсоветских ответов на свои запросы и из рассказов, услышанных в соседней уцелевшей деревне, Степан Ильич уже знал о трагедии земляков. Никого, говорят, в живых не оставили. А Федот-то — вот он, живой. Спросил, как так вышло, что уцелел.

Старый кузнец долго молчал, потом попросил еще табачку, пыхнул себе в бороду дымом и пожал плечами.

— Случай спас... Или Бог уберег...

— Что же он и других-то не уберег?

— Так ведь я в отлучке был. Намедни неподалеку на лес немецкий самолет упал, вот и начал я его по-тихому разбирать. Пригодится, мол, металл в хозяйстве. А когда в тот раз возвращался, еще издаля увидел — горим. Всем селом. Подполз насколько было можно — немцы. Погорланили, постреляли и айда на свои грузовики. Очень торопились, потому как наши уже были на подходе.

— Знакомый почерк, Федот Романович! Где немец прошел, там и Батью делать нечего.

— А между прочим, не немцы это были, — крикнул, поднимаясь, кузнец. — Эсэсовцы — это точно, только из прибалтов. Может, из латышей, может, из эстов. Из наших новых братьев по Союзу, так сказать.

— Это мы тоже проходили, Федот Романович. Свой собственный опыт имеется. Фронтовики знают...

Очень хотелось Степану Ильичу расспросить о своей матери, о той старушке, что скрывалась тут в зарослях и теперь не давала ему покоя. Старик догадался сам.

— А Наталью, мамку твою, я прошлой осенью похоронил. Пришел проведать с центральной усадьбы родные места, подхожу к ее погребку, а она, сердешная, давно холодная. Пойдем, на могилку ее свожу...

Погост, тихий и печальный, за годы войны изрядно раздвинул свои границы и зарос буйным разнотравьем. Только одна большая могила с высоким православным крестом все еще кое-где желтела засохшей глиной.

— Братская, — обронил кузнец. — Косточки наших с тобой земляков тут лежат. Как село освободили, так вместе с солдатами собрали... А солдатская — там, на центральной, под железной звездой...

Тут же, рядом, притулилась совсем еще свежая маленькая могилка.

— А вот и она, Наталья...

На холмике не было ничего, что бы свидетельствовало, что тут действительно

покоится именно она, Наталья Гавриловна Петрова, и Степан Ильич в душе засомневался.

— А это точно она? Если та седая старушка...

— Как может быть не она, если сам хоронил? А уж своих-то как не знать, чай с дедов-прадедов тут живу.

— Выходит, после госпиталя это ее я тут видел. Маленькая, вся белая, диковатая... Все убежала, пряталась...

Федот Романович поднял с холмика комочек сухой земли и медленно раскрошил его в своих больших, задубелых от работы пальцах.

Степан Ильич сделал то же — будто прощальную горсть земли на могилу кинул.

— Господи, это надо же!.. Не узнали мы с матерью друг друга. Видать, не в себе была, разумом помутилась. Но как же я-то, как мог я!..

Острые, рвущие дыхание спазмы сдавили горло, губы его задрожали, глазам стало горячо.

— После всего, что пережила, не мудрено и помутиться. Но меня, когда я навещался, признавала. И крестьянские дела свои как могла исполняла: картоху садила, дровишки на пепелищах на зиму собирала... Тебя ждала... Да будет родная земля ей пухом.

Потом, вернувшись к кузнице, они долго сидели у костерка, поминали усопшую скромным ужином и той самой горькой, прихваченной из города в солдатской фляжке для особого случая. И этот случай не заставил себя ждать.

Летние ночи коротки, как говорится, одна заря другую догоняет. Так и просидели до утреннего солнца, а затем вместе отправились на центральную усадьбу колхоза, где на время пристроился кузнец и откуда легче было на какой-нибудь попутке добраться до станции.

Перед тем как уйти, Федот Романович вынес из кузницы какой-то сверток в чистой тряпице и бережно подал его Степану.

— А это — единственное, что осталось от твоей матери в ее погребке. Взял, сохранил. Береги...

— А что это?

— Дорога у тебя долгая, посмотришь...

Устроившись в вагоне, он первым делом достал этот сверток, с замиранием сердца развернул и ахнул — письма! Первые два — от отца (больше написать не успел — погиб), остальные — от него. В родное село, Наталье Гавриловне Петровой, матери.

Только тут в сознании Степана Ильича окончательно утвердилось, что старушка, которая так озадачила его в первый после войны приезд, действительно была его мать и что сейчас он возвращается с ее могилы.

Потом за свою, слава Богу, немалую жизнь он не раз еще навещал эти края, видел, как долго и мучительно трудно возрождалась родная деревенька и как затем, признанная неперспективной, почти моментально исчезла, разделив участь многих российских деревень.

Некуда стало ездить Степану Ильичу, разве что к матери на погост. А ведь было бы оно, родное пристанище, разве остался бы он, чужой человек, в чужой стране, разве не рванулся бы сюда, как на спасительный берег, когда стая озлобленных и корыстных людей принялась рвать на части его великую Родину?

Впрочем, не он один — миллионы таких, как он, в одночасье оказались в чуждом зарубежье, брошенные новой Россией на произвол судьбы. Расчлененная русская нация в мирное время потеряла не меньше своих сынов, дочерей, детей и стариков, чем

за все страшные годы Великой Войны. От тех остались хотя бы могилы, памятники, имена. Что останется от этих?

7

Утром, собираясь на занятия, внучка сказала:

— А в нашей школе новость: музей боевой славы закрывают. Теперь уже совсем. Вот так.

— В какой школе? — не сразу понял он.

— Ну, в нашей школе, где я училась. Которую еще ты строил.

— Школ-то я построил немало. А вот «наша» одна...

Торопясь, она обошлась без подробностей. Встревоженный Степан Ильич тут же позвонил Розиню. Тот долго молчал, а потом, что-то решив для себя, спросил:

— Что думаешь делать, Сержант?

— Отправиться на разведку, Янис. Ты не занят?

— Какой разговор, когда такое дело! Выхожу.

— Встретимся у парадного...

Услышав этот короткий разговор, Мария укоризненно покачала головой:

— Стэфан, мы же договорились, что ты больше не будешь рисковать. К тому же ты весь больной.

— Мы не об этом договаривались. Это только пока я болел.

— А сегодня ты уже здоровый?

— Сегодня мне уже ничего. Ей-богу, ничего.

— Смотри, не ввязывайся, если что. Музей ведь не твой все-таки.

— И мой тоже... Да ты не волнуйся, это же рядом. Мы с Янисом только разузнаем что и как. А на обратном пути в магазин загляну.

— Тогда вот тебе сумка. Я буду ждать.

К школе они подошли одновременно.

— Видишь, Сержант, наступление идет по всему фронту. Выкорчевывают наше поколение, — сказал Розинь, подавая руку.

— Нас ладно бы. Мы и так скоро уйдем, — вздохнул Степан Ильич, бережно принимая пораненную руку друга. — Память о нас выкорчевывают. Из сегодняшней молодежи если не выкорчевали, то задушили ложью, это точно. А музей — это ведь память для будущего. Так вот, в их будущем места для нашего с тобой поколения не будет. Так я это понимаю, друг.

— Хорошо понимаешь... Хорошо сказал...

— Для начала надо посмотреть, убедиться. Если директор на месте, зайдем. Без него в школе такие дела не делаются.

— Знаю я этого директора! Может, лучше сразу в Совет ветеранов, к полковнику Савельеву?

— Это — потом. Сначала посмотрим. Вдруг слухи только?

— Когда эти слухи про нас, можно не сомневаться, Сержант. Сколько раз подтверждалось!

— Ты как всегда прав, Янис.

— Ну ладно, пошли...

Когда-то эта школа размещалась в небольшом старинном здании в два этажа. Теперь же это был целый учебный комплекс — с многочисленными классами-кабинетами, зрительным и спортивным залами, библиотекой, бассейном, собственной телестудией, столовой, помещениями для занятий музыкой, танцами и еще бог весть чем. Старое здание походило на маленький флигель рядом с этим многоэтажным величественным дворцом. Оставшись во дворе, оно не бросалось в глаза и общей

картины не портило, поэтому его и сохранили.

— К пуговице новый костюм пришили! — засмеялся Розинь, когда они вошли в это здание. — Так в наше время называли подобное расширение.

— В промышленности это называлось реконструкцией, — добавил Степан Ильич. — Когда к каким-нибудь крохотным мастерским привязывался мощный современный завод, а то и целый комбинат.

— Что и говорить, мощности были еще те!..

Комната, где прежде находился музей боевой славы, была открыта. Они вошли и не узнали ее: ничего от бывшего музея тут уже не осталось. Вместо привычных стендов и витрин, под стеклом которых хранились фотографии, документы, награды и вещи участников Великой Отечественной войны, стояли ряды столов с компьютерами. Их то ли устанавливали, то ли проверяли два человека. Степан Ильич подумал, что это школьные учителя, но это были приглашенные из фирмы инженеры. О музее они ничего не знали.

Директор смог уделить им лишь несколько минут.

— Да, господа, музей ваш пришлось свернуть — гимназия компьютеризируется, нужны дополнительные площади. Это, согласитесь, сегодня поважнее. Новые граждане свободной Латвии должны идти в ногу со временем.

— Кто спорит — компьютеры нужны. Но что считать важнее? Важно и то, и другое. Разве не так?

Поскольку разговор шел на латышском, Степан Ильич вынужден был лишь слушать, не принимая в нем участия. Однако суть его он хорошо понимал, потому что в какой-то степени владел разговорным — на уровне семьи или работы. Господин директор не знал об этом и потому в выражениях не стеснялся. Особенно поразила Степана Ильича мысль о том, что подобные музеи увековечивают присутствие России, если не реально, то психологически, а это не отвечает интересам государства.

Напрасно Янис убеждал его, что вместе с русскими фашизм разгромили и их соотечественники, что опасно лишать общество исторической памяти, что нельзя вот так, не подумав, разрушать то, что создавалось годами, считай, всем городом, — напрасно. Единственное, что вселяло какую-то надежду, было то, что ценные вещи якобы убраны до лучших времен, но когда наступят эти времена, не мог сказать и сам директор.

Выйдя на улицу, друзья молча переглянулись.

Говорить было не о чем.

Постояли, поглядели, как юные гимназисты чистят двор к приближающейся Пасхе и жгут в кострах мусор. Обратили внимание, что у одного костра свалена целая горка каких-то бумаг. Подошли.

— Что за бумаги? Что ты жжешь, Линард? — спросил Степан Ильич юношу, знакомого по прежней музейной работе. Еще в средних классах этот Линард был энергичным активистом, сам ходил по квартирам, разыскивая ветеранов войны, помогал записывать их воспоминания, выпрашивал памятные вещи и все это с гордостью нес в школьный музей. Сейчас он, по всему, был уже выпускником, завтрашним студентом, будущим историком.

— Так что же это за бумаги? — не дождавшись ответа, повторил Степан Ильич.

Юноша поднялся с корточек и, честно глядя ему в глаза, на чистом русском языке сказал:

— Извините, я по-русски не понимаю.

И при этом даже не смутился. Наоборот, смутился Степан Ильич, много раз беседовавший с ним о своих однополчанах и всяких музейных делах. И вот теперь этот милый, честный, увлеченный историей Линард, бывший пионер, активист и

почти отличник Линард...

Додумать и доудивляться такой перемене помешал Розинь.

— А знаешь, Сержант, это не просто бумажный хлам. Это наши воспоминания о войне... Вот даже дневник чей-то... Музей жгут!

— А директор говорил, что все ценное... до лучших времен... — отшатнулся от огня Степан Ильич. Потом наклонился, поднес несколько листков к близоруким глазам. — И верно... А вот и благодарность моя. От Верховного Главнокомандующего... Так не хотелось отдавать... А теперь что — в огонь?

Янис решительно отгреб бумаги подальше от огня и по-латышски стал стыдить гимназиста:

— Выходит, ты такой глупый, что не понимаешь, что делаешь? Такой глупый, да? Вспомни, как все это собиралось. Не один год. Всем народом. И теперь — в пепел, чтобы никто не знал и не помнил?

— Мне сказали... вот и жгу... Компьютеры — другое дело...

— Осел ты, парень, как я погляжу! — осерчал Розинь. — Сейчас же потуши огонь и иди отсюда от греха подальше. Но прежде ответь: что вы сделали с остальным? С орденами, медалями, вещами? Только не ври, как твой директор!

— Не знаю, дядя Янис, — очень честно глядя ему в глаза, ответил тот. — Растащили, наверно. Сейчас за такой товар можно получить неплохие деньги...

— А получить по шее от меня ты, случайно, не хочешь? А ну — кругом, и чтоб ноги твоей тут не было!

Степан Ильич поохал, повозмутился и принялся разбирать спасенные бумаги. Полдня разбирали с Янисом, пока не явилась Мария. Помогла, аккуратно увязала в кипы, и они перенесли их в дом. Только сели обедать, а тут и гости на порог...

8

Приезд Леона всегда был праздником для семьи. Им гордились — далеко пошел, по всяким заграницам плавал, столько разных стран повидал! Его строгой морской формой любовались. Его рассказами заслушивались. Его не знали куда посадить, чем накормить, напоить. И все дни, пока он гостил здесь, только и разговоров было что о его работе, о море и морских делах.

Он приносил в дом энергию молодости, какую-то основательность, надежность и вместе с тем радость и веселье. В такие дни маленькая Эммочка не отходила от него ни на шаг. Он был ее кумиром. Только для них, родителей, он по-прежнему оставался сыночком, все тем же Леончиком, хотя и повзрослевшим, возмужавшим, много повидавшим, у которого своя непростая работа, свой дом и семья.

Степан Ильич любил Леона как родного, усыновив его сразу же после женитьбы на Марии. Со временем он даже забыл об этом — сын, и все тут. И мальчик привязался к нему с первых же дней, по-своему любил и гордился тем, что у него есть отец, что он был на войне, а теперь строит их город. А как был рад, когда они вместе отправились в Ригу и с его, отцовского, благословения он стал курсантом морского вуза! Зато как тосковали оставшиеся дома родители! Правда, вслед за сыном подрастала дочь Клара. Пришло время — уехала учиться и она.

Леон связал свою жизнь с морем и теперь бывал дома только наездами, Клара же вернулась и родного дома больше не покидала. А потом пошли внуки, жизнь обрела новые краски и смысл, будто по второму кругу. Хорошая, полноценная, насыщенная радостями и печальми жизнь.

Несмотря на годы, Леон радовал отменным здоровьем, живым добрым характе-

ром, всегда был статен, мужественно красив, аккуратен. Казалось, время не властно над ним. Однако к сегодняшнему приезду он все-таки заметно переменялся: заматерел, что ли. Откуда-то исподволь подступала рыхлая полнота, во всей потяжелевшей фигуре, жестах, самой речи чувствовалась несвойственная всем им степенность и солидность, почти валяжность.

— Ты, сынок, не то большим начальником стал? — растроганно ластилась к нему Мария. — Весь раздобрел, округлился... И глаза строгие, слава богу, не сердитые...

— Годы, мама, годы, — довольно улыбался тот. — Ну, и должности, конечно... Больше головой работать приходится, с большими людьми большие вопросы решать...

— Думай, думай, это чистая работа, не то что по стройкам мотаться. И с людьми тебе повезло, не то что мы с отцом... В радость нам это, сынок...

Говорили они на своем языке, но оттого что разговор шел о простом и житейском, Степан Ильич все понимал. Так он узнал, что Леон теперь действительно немалый начальник, член совета директоров акционерной компании, какой стал их порт. Сам в плаванья уже не ходит: хватит, мол, дел на берегу. Да и то ведь — пока считаешь мили в чужих морях, дома бог знает что может случиться. А терять свой кусок он не намерен...

Слушал Степан Ильич сына и радовался за него: преуспел Леон, преуспел! Мария говорит, он первый в их роду, кто получил высшее образование и так солидно устроился в жизни. В его, Степана, крестьянском роду никто выше семилетки тоже не поднялся, сам он, уже работая, не без труда одолел строительный техникум, и успехи детей радовали его безмерно.

Конечно, понимал он, главное было не в них и не в их родительском желании, просто новая жизнь широко открыла людям двери к образованию, и только совсем уж ленивый и пустой человек не пользовался этим. А вот теперь все опять повернулось на старый лад: за ученье приходится платить большие деньги, а где их возьмешь? Отсекается народ от знаний, от хороших профессий. Вон внучка до чего уж прилежная и умная девочка, а дальше своего колледжа, судя по всему, не пойдет. А колледж этот, если вспомнить, — обыкновенное медицинское училище, до врача оттуда таким, как она, путь заказан.

Он так увлекся этими мыслями, что упустил нить разговора за столом, а тот получил за это время какое-то другое направление. Степан Ильич почувствовал это по опечаленному лицу Марии, по ее сникшему растерянному голосу, по сердитому лицу Леона.

Вслушаться в их речи и понять возникшую заминку помешало возвращение Эмочки, для которой появление в доме ее любимого дяди Лёвы было приятной неожиданностью. Как всегда, началась радостная возня, восклицания, шутки, расспросы, и зародившаяся в душе тревога отступила, растаяла, забылась. В счастливом родном кругу отошли всегдашние болезни, померкли, как прихваченные пеплом угли, недавние события на Бривибас, даже пережитое утром потрясение улеглось и потеряло свою прежнюю кричащую остроту.

С приходом Клары почти вся семья оказалась в сборе. Не хватало только Стаса да жены и детей Леона. Но в таком большом составе они собирались редко, а в последние годы это вообще не удавалось. Слава богу, их семья собралась, это тоже по нынешним временам было счастьем.

Раздав всем привезенные из столицы подарки, Леон опять оживился, стал прежним, добродушным и милым, каким был всегда. Глядя на него, посветлела опять и Мария. Казалось, счастье и равновесие в семье восстановилось, однако продлилось оно не долго. Обходя родительский дом, по которому, видно, соскучился, Леон обратил внимание на собранные чемоданы сестры:

— Это кто ж из вас в круиз собрался? Ты, Клара? Или всей семьей? Вокруг старушки Европы?

Женщины переглянулись.

— Не так далеко, сынок, — невесело улыбнулась Мария. — Это Клара со своей семьей покидает нас. У мужа жить будет.

— И где этот самый муж?

Стаса Леон всегда недолголюбивал и теперь спросил о нем с неприязнью. Когда же Клара сказала, что в Белоруссии, тот долго смотрел на нее, как на самую несчастную женщину на свете.

— У тебя с головой все в порядке, сестра?

— С головой — да, с сердцем — нет: уезжать с родины всегда тяжело. Уж такие мы люди.

— И все-таки едешь? И дочь, конечно, с тобой?

— Дочь — потом, пусть уж свой колледж закончит...

— Не пуцу! — вскинул руки Леон и загородил собой дверь, точно те уже собрались выносить чемоданы. — Я бы еще понял тебя, если бы это была Европа. Швеция, Германия, Финляндия, наконец...

— Но зато там будет работа. И никто не будет тыкать нам в лицо нашей неполноценностью, устраивать всякие экзамены. К тому же это родина моего мужа, Леон.

— Да зачем тебе такой муж, если он не в состоянии обеспечить свою семью? Да я тебе такого тут найду...

— Не надо, брат, спасибо, — горько усмехнулась Клара. — У меня с латышским не все в порядке. Ошибки в диктовках допускаю...

— Возьми фамилию матери — не будет диктовок!

— Но ведь кроме матери у меня есть и отец, и муж. И дочь еще...

— Ну вот, целую гору наворотила! Это в тебе славянская кровь говорит! Кто сейчас о таких мелочах думает?

— Это не мелочи, Леон. Предать отца, мужа, а заодно и себя? У меня это не получится, не так я жила.

— Но ведь жить и дальше надо. Жить, просто жить! Понимаешь ты? — уже кричал он, весь красный от возбуждения и негодования.

— «Просто жить» сегодня тоже непросто, брат. Не у всех полные чемоданы акций, магазины, отели, жирные куски банков, заводов, портов. Даже у полноценных граждан, а что уж говорить о всяких там чужаках и «неграх»... А это и есть мы.

— Замолчи, Клара, замолчи! Успокойся и все хорошенько обдумай. Это у тебя эмоции. Это пройдет. Ведь ничего еще не случилось. Ты еще здесь, ты еще с нами...

Дальше слушать перебранку дорогих для него людей Степан Ильич не мог и вышел. Следом за ним вся в слезах выбежала Эммочка. Он обнял, приласкал любимую внучку, пытаясь отвлечь и успокоить ее, но та всхлипывала все громче, пытаясь что-то сказать и бессильно давясь слезами.

Он дал ей выплакаться, с трудом сдерживая собственные слезы. В его семье такого еще не было, и он не был готов к этому. А ведь рано или поздно это должно было произойти. Во многих семьях сейчас так. Вот и к ним теперь пришло. И, по всему, это только начало.

Громко хлопнув дверью, вышел Леон. Кинул в рот сигарету, щелкнул зажигалкой, сел в машину. Куда это он? Домой, к себе в Ригу? Не простившись, не дождавшись, когда улягутся страсти и в семью снова придут мир и успокоение? Разве так поступают взрослые люди?

После его ухода в доме воцарилась гнетущая тишина, словно из него только что вынесли покойника. Даже сумрачно как-то стало, хотя в окна билось щедрое весеннее

солнце. «Когда меня вынесут, наверно, тоже станет так», — подумал Степан Ильич и содрогнулся от пробежавшего по спине холода. Чтобы отвлечься и вернуть в дом привычную жизнь, попросил приготовить чай, а сам отправился в булочную.

Когда он вернулся, у дома опять стояла новенькая иномарка Леона, а сам он шумно и весело распоряжался за столом. И чего только не было на этом столе! И как жалко выглядели его собственные скромные покупки, которые он постыдился выложить тут, рядом с этим королевским великолепием.

Приглядевшись, он увидел за столом и того, кого совсем не ожидал увидеть в своем доме, — брата жены Карлиса. Легионера Карлиса, знаменосца тех самых «призраков»! Вот только этого ему и не хватало сейчас! Только его...

Не произнося ни слова, Степан Ильич двинулся было к нему, но чуткая Мария перехватила его и увлекла в прихожую.

— Стэфан, милый, прошу тебя, — залепетала она, заглядывая ему в глаза. — Потерпи, не обращай внимания... Посидим и разойдемся... Мы же люди...

— Мы — люди, а он — нет!

— И все-таки он брат мой, Стэфан!

— Если бы у меня был такой брат...

— Не надо. Вот и Леон здесь... Потерпи...

— Хорошо. Но если он вякнет хоть одно слово, знай...

— Нет-нет! Я скажу ему... Видишь, как хорошо опять стало. Леон все понял. Он нас любит и всем хочет только добра...

— Может, и так, Мария...

— Так, так! Пойдем к детям. Когда еще так доведется посидеть?

Стол буквально ломился от всяких дорогих яств. Посредине разноцветной лужайкой красовался огромный круглый торт. Вокруг в тарелках теснились солнечные апельсины, янтарные виноградные грозди, рубиново-красные яблоки, желтые бананы, редкостные здесь ананасы и кокосы. Тут же — высокие бутылки со всякими напитками... Не стол пенсионера Степана Ильича Петрова, а витрина столичного супермаркета, не меньше! Это ж какие латы* нужно иметь, чтобы так шикавать!

Стол слепил глаза, дразнил цветами и запахами, возбуждал аппетит, но все сидели тихо, отрешенно. «Как на поминках», — опять содрогнулся Степан Ильич. Впрочем, один человек чувствовал себя за этим столом вполне нормально. Перед ним уже возвышалась солидная горка апельсиновых корок и банановых очисток, и теперь, ни на кого не обращая внимания, он усердно поглощал винные ягоды, шумно дыша и сплевывая в кулак надоедливые косточки. Это был Карлис.

Чтобы чем-то занять себя и не сидеть истуканом, Степан Ильич взялся открыть бутылку. Осмелевшая Эммочка потянулась за апельсином. Мария начала вспоминать, как они собирались за этим столом, когда еще жива была матушка Леонтина и дети были детьми. Несмотря на нелегкие послевоенные годы, ради праздничного стола не скупилась тоже, особенно в Новый год и в День Победы. Что было на нем? Непременно русские пельмени, балтийская селедка, отварная картошка и квашеная капуста...

— И еще клюква, — подсказала внимательно слушающая ее Клара. — Сами вы пили вино, а нам готовили клюквенный морс или кисель. До сих пор помню, как вкусно было!

— И я клюкву хочу! — понарошку захныкала Эммочка, и все засмеялись. Облегченно, словно сняли с себя тяжелую гнетущую ношу, словно перебрались через

---

* Денежная единица в Латвии.

широкий мутный ручей, за которым началась хорошая дорога и светлый день.

Степан Ильич открыл наконец бутылку, но, оказалось, не ту.

— Этой только запивают, — улыбнулся Леон. — А пьют вот это — на вкус и выбор. Эти — для мужчин, эти — для женщин.

Когда разобрались с бутылками и выпили за встречу, Леон счел возможным вернуться к прежнему разговору.

— Вот я подумал, посоветовался с дядей Карлисом и пришел к такому заключению... — Теперь он говорил по-русски, наверное, специально для Степана Ильича, чтобы не было никаких недоразумений. — А заключение мое такое, что, возможно, сестра моя Клара в чем-то и права. Пусть она сама обдумает это, и в случае чего мы все ей поможем. А теперь наша большая просьба к маме, которая всю жизнь неустанно работала, чтобы поставить нас на ноги и вывести в люди. Наша благодарность тебе, мамочка, не знает границ. И это не пустые слова. Я и моя семья убедительно просим тебя, мама, переехать к нам. Условия — каких ты никогда не видела в своей жизни, отношение — самое сердечное. Живи, отдыхай, радуйся. Сегодня мы можем себе это позволить. Видит бог, ты это заслужила.

Сказав это, он вышел из-за стола и нежно обнял мать.

— Подумай, мама. Если согласишься — безмерно обрадуешь нас. Если нет — очень и очень огорчишь. Но мы надеемся, верим. Подари нам это счастье, мама! Мы тебя очень любим.

И — сразу ко всем сидящим за столом:

— Давайте, милые, выпьем за нашу прекрасную маму!

Степан Ильич видел, как растрогали Марию эти слова. Она смотрела на сына и не скрывала счастливых слез: ведь такой любви и нежности ей никто еще не высказывал.

— Ну а что касается нашего дома, то за него, как говорит дядя Карлис, можно получить неплохие деньги. Маме они пригодятся на карманные расходы... Но это дело второстепенное, главное — чтобы ты была с нами!

Чего-чего, а этого Степан Ильич никак не ожидал. Если то, что Леон ни слова не сказал о нем, будто и он не работал всю жизнь ради детей, еще можно было как-то проглотить, то затея с продажей дома его не просто покорила, а возмутила.

— Постой, постой, сын, что ты говоришь! — поднялся он. — Я смотрю, ты уже начал торговать тем, что тебе не принадлежит. Дом — это ведь не только стены и крыша, но и люди, то есть мы. В том числе и я. Мы тут живем, понимаешь? Мы! Жи-вем!..

Леон попытался представить дело так, будто его не точно поняли, но Клара повернула разговор в другое русло.

— О маме мы еще поговорим, а вот что ты мне можешь посоветовать? Ты, деловой человек, знающий нашу жизнь и наши законы?

Тот, похоже, даже обрадовался, что его так кстати перебили и отвлекли от неприятного вопроса. Оставив мать, он пересел к Кларе и Эммочке, обнял их обеих за плечи, по-родственному привлек к себе и расцеловал.

— Вы можете мне поверить, что я вас очень и очень люблю?

— Допускаю, — согласилась Клара.

— Так вот, оттого что я вас так люблю, я хочу вам самого хорошего. Я уже говорил, как это можно сделать, но ты, сестра, что-то упрямисься. А ведь жить надо, хочешь не хочешь, а выбор сделать придется.

— Ты, как я посмотрю, его уже сделал, Леон?

— Да, свой шанс я не упустил. Сама понимаешь, что с фамилией Петров ничего бы не вышло. И было бы смешно и глупо, если бы я не пошел на это. А дело было в случае пустяке — сменить паспорт. Я все же по рождению чистый латыш, и ни я, ни

мой погибший отец не виноваты в том, что так сложилась дальнейшая жизнь нашей мамы. Да, теперь я Леон Цеплис. И никто не вправе упрекнуть меня за это...

Услышав такое, Степан Ильич весь подался вперед.

— Леон, сынок, почему я слышу об этом только сейчас? Неужели было трудно хотя бы посоветоваться с нами — со мной и мамой? Мы тебе все-таки не чужие и всю жизнь хотели только добра.

Леон сам пошел к нему навстречу, приобнял за плечи, ласково, как мог только он, погладил по спине.

— Если я виноват перед вами, извините. Но разве от этого я стал любить вас меньше? Разве я забыл, что вы сделали для меня? А паспорт... Это же пустая формальность, просто бумажка. Не обращайтесь внимания, и все будет как было всегда. Будем жить. Жить, жить!..

— Странное у тебя представление о жизни, Леон, — с трудом проглатывая подступивший к горлу ком и отстраняясь, сказал Степан Ильич. — И как может все оставаться как было, если мать ты забираешь с собой, а дом наш собираешься продать? Ну хорошо, Клара переедет к мужу, а куда денуться я? Обо мне ты подумал? Или теперь, когда ты перестал быть моим сыном, я уже ничего не значу? Или моя судьба для тебя тоже пустяк? Ну, это знаешь как называется... у нормальных людей?..

Больше говорить он не мог, хотя хотелось кричать и бить кулаками по столу. Не обращая внимания на поднявшийся за столом шум, он вышел в прихожую, потом на террасу, потом на улицу, потом дальше — куда ведет дорога, куда глаза глядят.

9

Как он добрался до своего садового участка, сейчас уже и не помнил. Кажется, это была ночная электричка. От станции до их кооператива теперь вела широкая гравийная дорога, потому что рядом шло строительство коттеджного городка — нового пригорода для богатых.

Да, да, он действительно шел по этой новой дороге. Он даже вспомнил, как громко хрустел под ногами свежий песок, как освещала ему путь гулявшая среди черных ночных облаков луна, как он испугался, приняв за притаившиеся танки стоявшие то тут, то там самосвалы, бульдозеры, экскаваторы, и, испугавшись, шархнул от них в сторону. Но не по привычному проселку, а напрямки, через кустарник, и долго плутал, ища в темноте садовые ворота и свой дом.

Сюда Степан Ильич собирался давно, да все что-то мешало. Выбрался лишь один раз по последнему снегу, чтобы заполнить бочку, проверить дом, который жестоко и бессмысленно грабили каждую зиму, осмотреть сад.

Дом на этот раз не тронули, деревья пережили зиму благополучно, оставалось пересадить молодую яблоньку, которая постоянно болела из-за недостатка света летом и снега зимой. Он еще осенью присмотрел ей новое место и вот теперь должен пересадить, не откладывая, как было уже не раз.

Возможно, и нынешней весной он опять не собрался бы исполнить это невеликое дело, если бы не вчерашний день, не ночь на пустынных улицах города, где она, эта бедная яблонька, вспомнилась ему опять. Так ясно, так хорошо вспомнилась, что мысль о ней уже не отпускала его, и он был благодарен ей за это, потому что другие мысли причиняли ему нестерпимую боль. Вот тогда-то, видно, он и заторопился на электричку.

Скоротав остаток ночи за невеселыми размышлениями, рано утром он принялся

за дело. Поскольку яблоня была уже довольно большой, пришлось откапывать ее издалека, чтобы излишне не травмировать разросшиеся корни. Земля уже вся оттаяла и просохла, копалась легко, и он так увлекся, что, не разгибаясь, проработал с час, а может, и с два.

День, не в пример вчерашнему, занимался невзрачный, серенький, будто бы весна вдруг взяла и обернулась осенью. Свежий ветер с Балтики нагонял тяжелые мохнатые тучи, и сам он пах близкой водой, отчего одежда стала волглой, а на стекле окна осели мельчайшие капельки, как если бы в холодном доме на него надышали теплым ртом.

С утренней электрички пришел в свой сад Янис Розинь. Его участок был по соседству — можно было бы сказать «через забор», если бы забор был, а поскольку друзья не пожелали отгораживаться друг от друга забором — просто через тропинку.

— А ты, оказывается, вот где, — сказал Янис, останавливаясь рядом.

Когда яблонька дрогнула и мягко подалась на один бок, он взял у Степана Ильича лопату и воткнул ее в мягкий темный бугорок.

— Пойдем ко мне. Пока чай в термосе свежий и пирог не остыл. Потом докопашь. Чтобы корни не подсохли.

— А это обязательно?

— Так время завтрака же! Все люди как раз завтракают. Чтобы силы были потом работать.

— А, ну тогда ладно... А можно попозже?

— Позже будет обед.

— Это верно...

Степану Ильичу никак не хотелось отрываться от начатого дела. День только начался, а он почему-то тревожился и спешил, точно боясь не успеть управиться до вечера. Странно: хорошо ведь знал, что управится и до обеда, и все равно спешил. Аж руки дрожали. И что-то еще там, внутри...

И за столом у друга он сидел как на иголках, пил чай, торопясь и обжигаясь, и все поглядывал в окно.

— Наскучался за зиму по земле, — решил по-своему Розинь. — Ничего, еще тошно от работы станет, сезон только-только открылся.

Степан Ильич согласно кивнул и продвинулся к окну еще плотнее.

— Чего ты там увидел? — придвинулся и Янис. — Кого из наших, что ли?

Протер рукавом запотевшее стекло, всмотрелся опять.

— Вроде бы — никого, да?

Окно выходило на дорогу, поскольку участки их были крайние. А за дорогой и сеткой-рабицей, проржавевшей и провисшей на покосившихся бетонных столбах, открывалось обширное поле, местами заросшее мелким кустарником и кое-где уже застроенное огромными кирпичными домами.

— Видишь, какие силы стянули? — сказал Степан Ильич, имея в виду как раз это поле, по которому в страхе бежал ночью.

— Да, — подтвердил Янис. — Там, где мы обходимся лопатой, им подавай экскаватор. Вместо мотыги — бульдозер. А уж кирпича навезли — новый город построить можно!

— Это хорошо — кирпичи, — кивнул Степан Ильич, — значит, будут рабочие места. Строителям нашим — работа, людям — хлеб.

— Вот только жить в этом Нью-Вашингтоне будут не они, Сержант!

— Не они, верно... Но все равно людям жить надо, Янис...

— Кому — жить, кому — горбы гнуть... Не по душе мне все это, друг!

— И мне... Даже боязно как-то... Будто на плацдарме...

Это поле странно притягивало его, будто таило в себе неведомую угрозу. Так по ночам на войне солдаты чутко вслушивались и всматривались в занятое врагом пространство, пытаясь угадать, какие силы под покровом темноты скапливает он против них.

Сейчас было утро. Поле просматривалось широко и все было на виду. Никаких угрожающих звуков оттуда не доносилось.

Поблагодарив за чай, Степан Ильич направился к себе.

Провожая его до пограничной тропы, Розинь как-то озабоченно посмотрел ему в лицо и спросил:

— У тебя, Сержант, дома все в порядке?

— Дома... — задумался он. — Ах, до-ома!..

— Ночью твои несколько раз звонили, спрашивали... Может, все-таки случилось что?

— Ничего не случилось. Просто сын от меня отказался. Но об этом — потом, а сейчас, извиняй, спешу..

Подойдя к яблоньке, он решил не выкапывать ее полностью, пока не будет готова новая посадочная яма, и, отмерив нужное количество шагов, с хрустом вогнал в землю лопату.

Сад свой Степан Ильич любил и работал в нем с радостью. Даже когда недужилось, приезжал сюда, находил себе какое-нибудь дело — и все недуги отступали. Освободившееся после них место занимала приятная усталость в мышцах и светло-возвышенная праздничность в душе. Сейчас он не думал ни о том, ни о другом. Он просто работал. И спешил. Спешил, сам не зная почему.

Ему и прежде доводилось сажать деревья. Ямы под них, в отличие от соседей-садоводов, он копал почему-то не круглые, а квадратные — метр на метр. В глубину — тоже метр. Вот и получается куб. И корням будет свободно, и копать удобней. Особенно на глубине...

Как-то, отирая с лица пот, он кинул взгляд на небо. Оно по-прежнему было в тучах. Их было так много, что им становилось там тесно, и некоторые из них вынужденно опускались все ниже и ниже к земле.

Там, где теперь должно было находиться солнце, лишь изредка что-то светлело и тут же заволакивалось опять.

День без солнца — это привычно в здешних местах. И все равно печально.

Потом его взгляд и раз, и другой прошелся по тревожившему его полю. Там началось какое-то движение. Вот подъехало несколько тяжело груженных машин с железобетонными конструкциями. Степан Ильич по памяти определил их стандарты и назначение: эти под фундамент, эти на перекрытие, это что-то совсем нестандартное, ведь каждый дом тут строится не с конвейера, а по индивидуальному проекту, и ни один проект не повторяет другой.

Вот у незаконченного котлована запустили двигатель экскаватора.

Затянутые в страховочные ремни и с «кошками» на плечах прошли электромонтеры.

В черной туче у низкого горизонта что-то стремительно полыхнуло и погасло.словно выстрелила пушка. Но звука не было...

Углубившись на два штыка, Степан Ильич вспомнил вдруг о воде, которая непременно потребуется после пересадки. Встревоженный, потрусил к бочкам — вода, слава богу, была — хорошая, снеговая. А вот ведра в сараюшке не оказалось — ни большого из оцинкованного железа, ни красного полиэтиленового с веревочкой вместо сломавшейся дужки.

К яме возвращался в недоумении: кому потребовалась такая мелочь, что ни прожить, ни выжить не поможет? Неужто кому-то так плохо, что и это — спасение? Без

чего совсем худо?

«Надо жить», — сразу вспомнились слова Марии, которые любил повторять и Леон. Да, надо жить, всем надо жить. Но — как? Степан Ильич знал, как надо и как не надо жить, но мелькнувшая мимоходом мысль эта лишь коснулась его и погасла. Зато подумалось: уж не Эммочка ли звонила ночью Розиням? Скорее всего она. Опять из-за него ночь не спала, бедная девочка. Как она будет жить без него? А он — без нее?

Там, далеко за полем, на самом краю черного горизонта, снова что-то беззвучно выстрелило, и Степан Ильич опять схватился за лопату. Он опять спешил.

Хорошо хоть песчаная земля была мягкой и бралась без особого труда. А вот черен лопаты оказался слишком длинным, чтобы свободно работать в таком ограниченном пространстве. И тут ему почудилось, что это не его лопата, что его совсем другая — короткая, саперная, солдатская, но она куда-то запропастилась. Наверное, этот увалень Янис все еще возится на запасной позиции.

— Рядовой Розинь! — не отрываясь от дела, окликнул Степан Ильич. — Верни мне мою лопату. Сколько там можно возиться?

Со своим вторым номером (в расчете ПТР их всего-то два!) они жили душа в душу. Ели из одного котелка, укрывались одной шинелью, а перед боем вот так одновременно отрывали две огневые позиции сразу — основную и запасную. И каждый делал это дело на совесть, ибо знал: в бою земля — единственное спасение для противотанкиста.

— Рядовой Розинь! — еще громче крикнул Степан Ильич и смутился, не узнав своего голоса. Уж очень он был молодой и бодрый.

Огляделся и смутился еще больше — что это с ним? Войну вспомнил. А при чем тут война, если он работает у себя в саду? Ах да, копает землю!.. Вот уже по пояс в яме. Как в окопе... Господи, да что это с ним сегодня?

С трудом выбравшись из ямы, он критически оглядел ее сверху — довольно ли? И решил — довольно. Можно идти за яблоней. А сначала лучше за перегноем — есть у него тут небольшая кучка, осталась с прошлого лета. Вот только ведер нет. Украли. У кого-то и их нет, а жить надо. Ни магазина, ни банка, ни парохода не досталось, так пусть будут хотя бы эти ведра. Ведь все мы люди. И всем надо жить...

Неожиданно со стороны поля донесся мощный рокот моторов. Степан Ильич мгновенно оказался в яме и опять энергично заработал лопатой, зарываясь все глубже и глубже.

— В полный профиль, сержант Петров! — приказал он сам себе и потом постоянно повторял эти слова, как будто боялся забыть их и сделать что-то не так.

Моторный рев впереди то нарастал, то затихал. Словно то надвигался, то откатывался обратно.

Зачем? Почему?

Как когда-то учили, попытался сделать небольшую нишу для боеприпасов и гранат — и ступени, чтобы в случае чего мигом выскочить из окопа. Но получалось плохо: на глубине пошел сплошной песок. А он плывет, «течет». Нишу еще кое-как выковырял в стенке под бруствером, а вот ступени «плыли», осыпались, едва он вставал на них ногами. Копал опять, и снова впусую...

Нужно закрепить дощечками или жердями, решил он и стал выкарабкиваться наверх.

Когда он поднялся с колен, подошел Янис. В резиновых сапогах, в ватной безрукавке, седой, старый.

— О, Сержант, да ты настоящий окоп отгрохал! — засмеялся он. — Песок решил добывать, что ли? Сам себе продавать будешь?

Степан Ильич как-то по-новому оглядел свою работу и тоже удивился.

— Выходит, окоп.... В полный профиль... А ты?

— Что я? Опавшую листву сгреб, мусор всякий. Сейчас жечь начну.

— И не копал еще?

— Успею. Я же сюда дня на три пришел...

Степан Ильич смотрел в доброе, до последней морщинки знакомое лицо, узнавал в нем своего старого друга Яниса Розиня и озадаченно тер глаза. Сейчас ему нужен был не он, седой и старый, а тот, с кем они вместе копали вот такие окопы, играли в прятки со смертью, били танки врага.

— Янис, Янис, что с нами случилось? — прошептал он тихо в это доброе лицо. — Выстоим ли? Хватит ли сил?

Розинь положил ему руку на плечо.

— А сколько раз говорил я тебе: не балуй парня. Говорил ведь? Говорил! И что теперь?

— Да. И что... теперь? О чем ты?

— О Леончике твоём. Ты же сам говорил, Сержант. Перекормил, перелюбил, значит?

— Вон ты о чем! Так это когда еще будет, Янис! Может, я еще и не женюсь на Марии, не усыновлю его. Может, не доживу до того... Этот плацдарм нашей кровушки попьет!..

Степан Ильич видел, как медленно бледнеет лицо друга.

— Не бойся, Янис. Мы же с тобой солдаты, через такое уже прошли.

На белом вытянувшемся лице Розиня он видел теперь одни глаза. Они были такие большие и круглые, что их хотелось потрогать. И чего в них было больше — удивления, жалости, страдания? Почему — удивления? Почему — страдания? Неужто от страха погибнуть вместе с ним?

— Что ты говоришь, Сержант? Что с тобой происходит? — прошептал тихо Янис, словно боясь собственного голоса.

Степану Ильичу это не понравилось. Он всегда любил солдат бойких, смелых, даже отчаянных. Смелыми и отчаянными они с Янисом были тоже, но вот бойкими... Тут что-то мешало. Может, отчаянности все-таки хватало не на полную катушку, может, мешала проклятая крестьянская деликатность. Ведь оба они были крестьянами, пожалуй, в сотом колене.

— Что ты говоришь, Сержант? — повторил Розинь тихим страдающим криком и порывисто обнял его, точно закрыл собой от надвигающейся беды.

Степан Ильич строптиво отстранился и резко скомандовал:

— Рядовой Розинь, к бою! Время не ждет, сейчас они будут здесь!

По лицу друга пробежала то ли судорога, то ли гримаса, а по щекам, оставляя две мокрые дорожки, покатались крупные, как у ребенка, слезы. Теперь Степану Ильичу стало жалко его. Теперь он, командир, обнял его, своего солдата.

— Не бойся, Янис. Здесь тебя не убьют, а меня только ранят. Скоро ты вернешься к себе домой, а я к себе. В твоей Латвии я не останусь. Ну, на позицию...

— Господи, да что это с тобой! — простонал Янис. — Сержант, ты понимаешь меня?

Степан Ильич откинул голову назад и долго всматривался в лицо друга. О чем он спросил его? И почему? Глядя на Розиня, он одновременно видел и свой садовый дом из грязно-рыжего кирпича, и провисшую на столбах ржавую сетку-рабицу, и заросшее кустарником поле, на котором что-то постоянно громыхало, и свой окоп с лежащей на бруствере лопатой... Как это понять? Он словно жил сразу в двух разных временах и в разных местах. Разве такое возможно? Никогда прежде с ним такого

не бывало...

Не дождавшись ответа, Янис крепко обнял его за плечи и повел в дом. Степану Ильчу не хотелось туда, но сопротивляться не было никаких сил, и он послушно шел, приволакивая подгибающиеся ноги.

В доме Янис уложил его на кровать, принес от себя какой-то настойки и принудил выпить, приговаривая:

— Это тебе поможет... Это успокоит... Главное — не волнуйся, ни о чем не думай, а лучше усни...

И в самом деле после этой настойки Степану Ильчу стало лучше. Ушла, отступила тревога, он перестал куда-то спешить и вообще о чем-то думать. Приятно потянуло в сон.

Видя это, Розинь обрадовался.

— Ну, вот и хорошо. Пока ты отдыхаешь, я попытаюсь связаться с городом. Тут у одного всегда мобильник с собой. А ты отдыхай, Сержант, отдыхай...

Проснулся Степан Ильич от нарастающего гула. Когда в окне от этого гула зазвенели стекла, он не выдержал и кинулся на улицу. Бросил опасливый взгляд на поле — так и есть: там что-то двигалось, вернее надвигалось, отчего кустарник мотался из стороны в сторону, лишь на мгновение открывая что-то железное и тяжелое.

Точно так было на том далеком полузабытом днепровском плацдарме, где его расчет впервые бился с танками врага. По песчаному, заросшему мелколесьем берегу они постоянно накатывались на позиции их батальона, каждый раз норовя появиться в новом месте. И появлялись. Опять и опять.

Почти то же повторилось позже на плацдарме за Даугавой.

И вот теперь здесь.

Или это «здесь» и есть «там»?

Стоя в своем окопе, сержант Петров бдительно наблюдал из-за бруствера за лежащим перед ним полем. Темные железные коробки, подминающие и выкорчевывающие зеленеющий кустарник, — это, конечно же, танки. Катя перед собой вал грохота и рыжей, перемешанной с кустами земли, они надвигались на него, чтобы смять, вдавить в землю и ринуться дальше.

— Рядовой Розинь, патроны! — крикнул он второму номеру и бросился к своему длинному противотанковому «ружью». Подбадривая себя молодецкими выкриками и совершенно непечатными словами, он брал врага на прицел и стрелял, стрелял, стрелял.

Докатившись почти до самого ограждения, танки остановились и, блеснув своими стальными мордами, стали откатываться назад. Сержант провожал их бурными победными криками, плясал от радости в своем окопе полного профиля и грозил кулаком:

— Драпайте, трусы, драпайте! Тут вам не пройти! Не на тех нарвались, сволочи!

Но те стали накатываться опять. И снова он стрелял. И снова они отходили, чтобы через небольшое время появиться перед ним опять.

Потом он ясно различил, как следом за ними бегут люди. Те самые, что недавно тощей колонной тащились за своим знаменосцем по городской Бривибас. Он, кажется, даже уловил запахи их залежавшихся в тайниках пронафталиненных мундиров и иссеченные старческими морщинами лица. Особенно первого — Карлиса Цеплиса, брата своей Марии.

Откуда они здесь, эти призраки, удивился он. Ведь они никогда не участвовали в настоящих боях, и немцы использовали их лишь для самой черной палаческой работы — совершать облавы, жечь непокорные деревни, расстреливать русских,

белорусских, еврейских женщин и детей.

Теперь в его руках дергался и лютовал «автомат». Рядом с ним как будто тоже все клокотало от пальбы его друзей-товарищей — и призраков не стало. Они медленно оседали, разваливались на куски и исчезали на глазах. Не стало и танков, только земля все еще содрогалась от их бывшего яростного напора, и воздух, отравленный их выхлопными газами, разрывал больное, точно обожженное им горло.

— Ну, вот и все, а ты боялся... — с трудом проговорил он, роняя голову на примятый локтями бруствер. — Вот и все, победа...

...Когда, вызвав по телефону «скорую», Розинь вернулся в дом Степана Ильича, его там не оказалось. Озадаченный, он выбежал во двор — не было и тут. Заглянул в сарай, даже в туалет, — нет и нет.

Лишь проходя мимо злополучного «окопа», он наконец увидел своего друга.

Бульдозеристы, корчевавшие соседнее поле и остановившиеся на отдых, помогли вытащить Степана Ильича из ямы. Подняли, бережно перенесли к дому и уложили на молодую траву.

Подъехавшая бригада «скорой помощи» молча поместила его на носилки, задвинула в салон и умчалась.

Пересадку яблони, которую так жалел Степан Ильич, Янис закончил сам. Пусть командир порадуетя, когда вернется в строй. Глядишь, пронесет и на этот раз. Или уже нет?

Бросив все свои дела, он в тревоге поспешил обратно в город...

Тяжело живут поэты...

---

* * *

Звенит, звенит беспечный бубенец,
Полдневный жаворонок источает жалость.
Я думал, мир познаю, наконец,
А он непознаваем, оказалось.

Я вижу все и слышу каждый звук:
Поет петух, мычит вдали корова;
Там я ловил, прочесывая луг,
Кузнечиков для утреннего клева.

Нам в детстве трудно, но светло жилось,
Мир детских лет далек и непонятен,
В нем много-много было белых пятен,
С годами почерневшими насквозь.

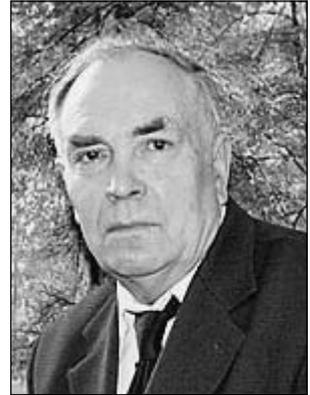
Пройдет весна... Порвется с детством нить,
Забуду вкус земли, травы и хлеба,
Но так и не сумею уяснить –
К чему коптил безоблачное небо?

Одно познал, есть в мире суть и глубь:
Коль встал ты твердо на свою тропинку,
Приподними упавшую травинку
И сломанную душу приголубь.

ОХОТНИЧЬИ СОБАКИ

В этом вовсе нет секрета,
Хоть у каждого спроси:
Тяжело живут поэты,
Особливо на Руси.

Шумно лаем на прохожих,
На безвинных, просто так.

Боже мой, как мы похожи
В это время на собак!

Псы дворовые из кожи
Лезут вон за ни шиша.
Зайца малого обложат,
Птиц спугнут из камыша.

За усердье до испарин,
За наигранную злость
После гона кинет барин
Им обглоданную кость.

Мы, поэты, после драки
За хозяйские дела
Точно так, как те собаки,
Ждем подачки со стола.

Если кушать хочешь, снова
На охоту поспешай.
Ведь у нас – свобода слова...
То ли слово, то ли лай.

* * *

Научился рифмовать я
И по воле темных сил
Поистратил литров пять я
Синтетических чернил.

Жил с обидой... И в отместку
За житейский беспредел,
За невзгоды жизнь-железку
Побольней кольнуть хотел.

Приздумался однажды,
Осмотрелся и узнал:
Не единожды, не дважды –
Много раз я жизнь ругал.

Все же по своей юдоли
Жизнь торит себе маршрут
Независимо от воли
Человеческих причуд.

Вот же, радуются пчелы,
Светел день, цветет ветла...
Видно, сглупу не учел я,
Что повсюду жизнь светла.

Улыбнусь тепло и мило,
Больше впредь не согрешу:
Пожалею я чернила –
Черных слов не напишу.

* * *

Со временем остыну, отпылаю,
Истрачу душу и упрячусь в тень.
Мне на излете лет вся жизнь былая
Милее станет, чем грядущий день.

Что будущее по сравнению с прошлым?!
Туман и мрак, где все пути слепы.
Я камешком в то будущее брошен
На произвол неведомой судьбы.

Еще вчера легко дела вершили,
Шумели, веселились до поры...
Мой камешек уже достиг вершины
И катится к подножию горы.

* * *

Мир полон красоты: вот озеро дымится,
Вот горы старятся и молодеет лес.
Моя душа – невидимая птица –
Спешит напиться глубиной небес,

Летит туда, откуда нет возврата,
Где горизонт в пожарище и где
Сквозит лиловый аметист заката,
Расплескиваясь синью по воде.

Сиреневые сумерки упали,
Идет табун к деревне не спеша...
Мне грезятся неведомые дали,
Куда спешит уставшая душа.

Как хорошо порой забыть заботы,
Из повседневных вырваться сетей,
Вернуться в дом родной после работы,
Обнять жену и приласкать детей.

...Я вдруг пойму, что ничего нет выше
Простой и человеческой судьбы,
Когда струится над родимой крышей
Дымок голубоватый из трубы.

ЭХО

Побродяжив по белому свету,
В безысходные дали кричу:
«Где ты, синяя птица рассвета,
Та, которую с детства ищу?»

Мне досадно ответило эхо, –
Лучше б век мне его не слышать:
«Слишком долго ты плавал и ехал,
Чтобы синюю птицу искать...»

Опустил я глаза виновато
На дорожку, какую торил.
Кашемировой шалью заката
Вечер тихо мне плечи укрыл.

ДУШНО

Какая яркая луна
Взошла над дальним минаретом,
И в небе, за день перегретом,
Застыла огненно она.

Уставший от забот аул
Дремал в безветрии воздушном.
Упала ночь... Но душно, душно,
Хотя бы ветерок подул,

Хотя бы дождик проливной
Ночную духоту нарушил,
Меня бы, что ли, обнаружил
И разразился надо мной!

Не то что в городе – в глуши,
Где вроде бы и тишь, и свежесть,
Вредна такая безмятежность
Для человеческой души.

Луна – зловецкий георгин –
Не посулит ни сна, ни ветра.
Скорее б с крыши минарета
Запел молитву муэдзин!

* * *

Ни одной полоски светлой
В раме черного окна,

На земле порою этой
Беспросветно ночь темна.

Стал мне мир железной клеткой,
Хуже каменной торьмы.
Уведи меня из этой
Ежедневной кутерьмы.

Уведи куда захочешь,
Утаи в твоей душе,
Потому что темной ночью
С милой – рай и в шалаше.

Где он, всем ветрам доступный,
Крытый небом, этот наш
Милый, ветренный, беспутный
И приветливый шалаш?

Уведи тропой лосиной
В синеву, как под венец,
Под какой-нибудь осиной
Изнасилуй, наконец.

Прошумит листвою осипло,
Кинет ветви лес вразлет,
Благодарственно «спасибо!»
За меня произнесет.

ЗИМНИЙ СОН

Зимний сон... Прозрачно и бело...
Льдом метровым заковало реки,
Лебединым пухом замело
Все окрест. И кажется – навеки.

День короткий, ночь длинным-длинна;
В стылом небе, прямо посередке,
Круг луны подобием блина
Золотится, как на сковородке.

...Мама пышные блины печет,
Папа чинит валенки степенно.
Грусть моя! Ах, как она влечет
В тот далекий сон послевоенный!

Очерствел я и насквозь продрог.
Зимний сон мне растревожит сердце.
Так захочется переступить порог,
Прислониться к печке и согреться.

* * *

По траве и по болоту
Осень тянет позолоту.
Серебрит она дорогу,
К моему ползет порогу...

...По траве и по болоту
Расстелю я позолоту,
Проведу тебя по ней
До твоих закатных дней.

Доброе утро, Германн!

Из цикла «Теория танца»

1

История эта случилась в нашем городе, в самом его сердце. Говоря языком героя, координаты события заданы почти без погрешности. Любопытствующие могут пройти по центральной улице до фонтана, свернуть в арку между поликлиники и гостиницей, обогнуть дворовый скверик и остановиться в недоумении. Вместо обещанных автором старых тополей и спрятанного за ними двухэтажного особнячка зрители увидят накрывший полквартала стеклянный куб, начиненный эскалаторами, ледяными полами и сварочным сиянием ламп.

Я сам удивлен внезапным изменением ландшафта. А куда же теперь возвращаться призракам? Какими дверями скрипеть, каких сторожей пугая?

Однако все поправимо. Чтобы задать вектор события полностью, к месту нужно добавить время. Вернее, отнять. Та смута осталась в памяти сырым сумраком осени и черной копотью на белых стенах. Ветер пах гарью, был порывист, швырял под ноги обрывки плакатов с буквами «Все на...!» Было грязно и мокро, слякоть стекала даже со стен. Кафедру скоро закрыли, и ее внезапно обветшавших сотрудников можно было видеть в подземных переходах торгующими самоварным хозяйственным мылом, сувенирными оплывшими свечами и ржавой, со следами цемента сантехникой.

Вот теперь, когда система отсчета выстроена, введем героя.

История эта произошла не со мной, – с настоящим автором вообще ничего и никогда не происходит, настоящий автор только и делает, что творит, не поднимая головы, тогда как герои его – живут. Все, о чем я расскажу вам, случилось с моим другом, молодым ученым. Вместо описания внешности и характера ограничусь темой диссертации, над которой он работал на той самой кафедре до ее закрытия. В заявленных «Началах элементарной механики» я вижу сдержанно выраженную манию величия, фатализм (детерминизм Лапласа – поправляет герой) и вытекающий оттуда аморализм («а» здесь как «вне»). Само собой, подобно авторам прочих скромных начал – будь то Евклид или Ньютон, – соискатель обладал усердной кропотливостью, без которой невозможна реставрация научной картины мира – не только разорванной в клочки, но и растащенной мышами. Задача была необъятна, и наш педантичный герой, гонимый к предзащите торопливыми сроками, конечно, страдал от стремительности жизни. И упомянутая смута пришла к нему как спасение.

Он уже тогда знал, что только при свете керосинки, свечи или лучины, при сквозняках из незаклеенных окон, ледяными чернилами на оберточной бумаге пишутся главные произведения эпохи. И я верю, что именно такое произведение вынашивал он, голодный и свободный, бродя по мрачному городу, как беременная кошка, ища укромное местечко, где можно, дождавшись полного вызревания, счастливо разрешиться от бремени.

И такое место нашлось. Сторожить предстояло двухэтажный уютный особнячок в центре города, но спрятанный во дворах, укрытый густой листвой дворового сквера, – окна первого этажа забраны решетками, кабинет заведующей с диваном, телевизором, электроплиткой и – самое главное – хорошей пишущей машинкой «Листвица». Он осмотрел все это с удовольствием Гарри Г. или Гумберта Г., нашедших вдруг отличное жилище со всем необходимым для счастья, поставил сумку и сказал: «Согласен».

Кстати, звали его...

2

Впрочем, имя героя совершенно не важно для истории. Как и характер охраняемого им объекта. Что-то медицинское или детское, – это не принципиально. Действующие лица – санитарка, заведующая и сторож, – эти лица могут без ущерба для сценария перейти со своими скудными пожитками из одной декорации в другую.

Только здесь он впервые распробовал вкус ночи по-настоящему. Сидеть за столом, слушая, как сипит и пыхает на малиновой спирали чайник, писать своей перьевой авторучкой черными чернилами в толстой тетради, страницы которой шероховаты, желты и клетчатые, вставать, выходить из кабинета в холодный длинный коридор, бродить по нему, стоять, прижавшись лбом к стеклу балконной двери, чертить на нем пальцем – вдруг метнуться к столу, приколоть пойманную мысль к странице, смотреть, как она трепещет. Наливать чай (граненый стакан изнутри выслан густым пергаментным загаром) и, сделав горячий терпкий глоток, закуривать, не отрывая любовного взгляда от великолепного экземпляра, уже затихшего на странице, уже ставшего частью растущего орнамента бытия...

Надо прерваться. Стоит сейчас продолжить, как уже через час твое открытие станет очередным серым камнем в строительстве. А где радость, ради которой и работают гении, где леденцовая сладость открытия, которую нужно растягивать?

Он вставал, одевался, спускался по лестнице и выходил на крыльцо за деревянной лопатой в руках, если была зима, или с метлой, если лето. Выберем лето, потому что это было самое начало (октябрь еще не наступил). Серело, голубело, розовело, глянцево пахло влажной зеленью и замшево – влажной пылью, в кронах деревьев начинали чивикать птицы, в доме напротив одно за другим просыпались окна. Он мел, широко ширкая потрепанным голиком по асфальту дорожки, поднимал голову к горящему в предутреннем сумраке окну своего кабинета и замирал с метлой, любуясь сиянием своей очередной формулы.

Как можно бежать дальше, когда сейчас в тетради лежит, к примеру, вывод формулы дифракции электронного пучка без привлечения гипотезы волны вероятности? Только после одной этой формулы должно пройти хотя бы полвека, чтобы научный мир пришел в себя. Если не понимаете, спросите у любого физика...

Да, я спрашивал, и мне отвечали, что друг мой обыкновенный шарлатан или просто одержим продуктивной манией. Эта формула давно известна, вывод ее без привлечения волны вероятности никому не нужен, поскольку сама волна (спросите у Борна!) есть замковый камень современной науки, и лучше всего

передать героя в чуткие руки научной инквизиции, устроить пионерский прощальный костер все на той же цветочной поляне. Но я продолжаю верить ему. И, пользуясь своими особыми полномочиями в пределах этой страницы, предлагаю прямо сейчас написать приглашения трем посвященным, кого он хотел бы видеть сегодня за этим столом. Есть спирт «Роял», хлеб и морская капуста, — можно устроить хороший праздник.

Писать, каллиграфически выводя имена – Луи, Вернер, Эрвин... Братцы мои, вы были бы счастливы, увидев страницы этой тетради. Здесь полная карта местности, где зарыт клад, та самая карта, от которой у вас было по маленькому обрывку. А теперь – я расстелю ее перед вами, и вы замрете, онемев от изумления, от простоты и красоты маршрута. А потом мы бы вышли и закусили, мы бы, конечно, поспорили, – мы бы спорили, идя по ночной улице вчетвером, отхлебывая из горла и выжывая морскую капусту из банки пальцами, мы бы размахивали руками и чертили формулы – прутиками по земле и кирпичными обломками на спящих стенах – мушкетеры единственного короля. А потом вдруг взойдет солнце, и Вернер, остановившись у восьмизэтажных ворот и оглядевшись, скажет: «А где мы вообще? Что это за волшебный город?»

Мы слишком далеко зашли, Вернер. Это уже Черниковка, друг мой...

3

И тут в Нижегородке прокричал петух.

Открылась дверь, выглянула заспанная Нина. Посмотрела на героя с метлой, сказала: – Метете?

И захлопнула дверь.

«В туалет вставала», – подумал он и увидел сквозь дверь, как Нина уходит в свою каморку, закрывается на железный штырь, зевает, крестит рот и ложится на свою кушетку досыпать. Проницательность была так обострена, что еще чуть-чуть, и он увидит, какой сон она смотрит сейчас.

Не забывай, читатель, было ранее утро.

А раннее утро после бессонной ночи – время таинственных метаморфоз окружающего мира. Голова твоя легка, тебя покачивает, словно легкость твоей головы – это легкость гелиевая, и ты можешь поджать ноги и висеть, привязанный к своей голове. Сейчас ты не просто легок – ты неестественно возбужден, инстинкты поднимаются из древних глубин мозга к самой поверхности, как латимерии, – подышать воздухом. Хочется есть. Нет, хочется жрать, несмотря на бесконечный ночной чай. И женщины на утренней улице как-то особенно нежно и обещающе заглядывают в красные глаза идущего с дежурства. Они несут по холодным улицам свои спрятанные в одеждах сладкие персики, и, глядя на них, ты чувствуешь себя людоедом.

...Глядя на всех, даже на ту, которая только что выглянула в легком халатике из двери и снова скрылась.

– Нет, – говорит герой, – это опять твои фантазии. Хотя – хочешь поговорить о ней? Поговорим. Но сухо и без подробностей. Как о скрытом неизвестном.

В особняке на первом этаже жила женщина. Ее звали Нина. Маленькая, белесая, с выцветшими конопушками, всегда смотрящая в пол, всегда в платке, она была в неопределенном возрасте между молодостью и старостью. Как она здесь появилась, никто толком не знал, но глухие слухи говорили, что она сбежала из деревни, из семьи каких-то если не сектантов, то сильно верующих. Говорили, что отец был так суров, что дочь, несмотря на весь страх, эмансипировалась однажды ночью и пешком дошла до города. Прежняя заведующая взяла ее на работу санитаркой, и Нина прижилась,

ночуя в подсобке на первом этаже.

Ложилась она рано. Скрывалась в своей каморке, вдвигала в замочные ушки металлический стержень (психоаналитики уже могут насторожиться), громким скрежетом давая понять, что ее крепость неприступна. Ночью выбегала в туалет, дверь почему-то не закрывала, и он слышал, как она журчала, спрыгивала с унитаза и, шлепая калошами на босу ногу, убегала обратно в свою норку. Вставала по-деревенски рано и принималась подметать, мыть, хлопать дверями, напевать. Она жила как мышь за шкафом – шуршала и скреблась, но редко показывалась на глаза. Поначалу она и беспокоила, как мышь, но вскоре он привык.

Первые ночи их совместных дежурств прошли спокойно – Нина ночевала на первом этаже, сторож стучал на машинке или скрипел пером и стулом на втором, в кабинете заведующей. Но на пятое дежурство, поздним вечером, когда ей пришло время уgomониться, а ему заварить чаю и открыть свою тетрадь, прямая мировая линия его дежурств вдруг переломилась.

В тот поздний вечер Нина поднялась по лестнице и, появившись на пороге его кабинета, сказала, держа подушку перед собой, как каравай хлеба:

– Я буду ночевать в соседнем кабинете. Не помешаю?

– Да что ты, Нина, – ответил вежливо сторож, внутренне матерясь. – Это я тебе помешаю, всю ночь стучу на машинке и курю. Не знаю, уснешь ли...

– С Божьей помощью... – сказала Нина и, закинув подушку под мышку, перекрестилась.

«Что-то случилось, – подумал он. – Что-то из ряда вон, если монашка решила спать рядом с мужчиной. Ко льву в клетку с подушкой. Или она меня за льва не считает?»

– А тебе не приходит в голову, что она к тебе как женщина поднимается? – спросил его я, зайдя вечером попить чаю.

– Не верю, – сказал он. – Прелюбодеяние как смертный грех закодировано с детства. Если только провоцирует, чтобы дать отпор, подтвердив тем самым свою чистоту.

Так продолжалось несколько ночей. Нина тихо спала в кабинете с открытой дверью, утром уходила вниз с подушкой. Он злился, потому что теперь не мог гулять по коридору свободно, щелчки клавиш его машинки казались ужасным треском, а поставить без стука стакан на стол стало (обратите внимание на пятикратную аллитерацию – сплошной стук, как назло!) задачей, по трудности сравнимой с посадкой самолета на брюхо. Привыкнуть к этой ночной несвободе он не мог. Убедившись, что Нина не собирается возвращаться в свою каморку, он решил принять меры.

– Вы, гуманитарии, не понимаете, что не слова, а символы составляют божественный язык, – говорил он, выдергивая листок из моего блокнота, рисуя на бумаге скобку и ставя перед ней букву N. – Предположим, это Нина. Если на Нину подействовал некий оператор подъема с первого этажа на второй (обозначим его $a^{\wedge}$ и поставим за скобкой), то, чтобы вернуть ситуацию к исходной, нужно подействовать на Нину же оператором спуска на эту же высоту (обозначим его $b^{\wedge}$ и как бы умножим на предыдущий оператор). Скобку можно закрыть и записать простое и понятное равенство $N(a^{\wedge}b^{\wedge}) = N$, поскольку мы вернули Нину в исходное состояние.

Тут он увлекся и даже попытался объяснить мне, что такое соотношение неопределенностей и некоммутативность вообще:

– А теперь переставим операторы. Подействуем на N сначала оператором спуска, а потом поднимем обратно. Казалось бы, результат тот же. Но на самом деле нет. Ведь нам придется спустить Нину с первого этажа под землю, а потом поднять на поверхность. И разница между первым и вторым – переставленным – состояниями, которая в обычной математике равна нулю, здесь может быть сколь угодно велика. Под землю – это не на землю...

Я представил Нину, извлеченную из-под земли, и сказал:

– Но твоё уравнение не говорит, каким именно должен быть оператор спуска. Я хоть и гуманитарий, но предполагаю тут обратную симметрию. Если оператор подъёма основан на сексуальности пациентки, то просто приведи сюда девицу. Назовем её оператором спуска (тут я некстати засмеялся). Поорете ночь, сразу твоя монашка сбежит вниз и больше не поднимется.

– Исключено, – сказал он. – Стоит распечатать эту келью, никакой работы уже не будет. Здесь я – монах, здесь девственная зона, здесь царит дух, а не тело. Здесь нашла своего толкователя абсолютная идея – Гегель её обнаружил, а я записал её алгоритм. И ты хочешь превратить этот храм истины в бордель? Ты все и всегда хочешь превратить в бордель. Нет, я просто буду мешать Нине спать. Буду шуметь. Посмотрим, как ей это понравится.

5

Ночью он вел себя не то чтобы нарочито шумно, однако звуков своей деятельности специально не приглушал: на цыпочках не ходил, стакан на стол ставил твердо и кашлял не в подушку, а в обычный кулак.

Нина ворочалась и вздыхала, но вниз не ушла.

На следующее дежурство он увидел возле двери кабинета трехлитровую банку яблочного сока.

– Что это? – спросил он у Нины, которая терла тряпкой стены коридора. – Кто-то принес заведующей подарок?

– Нет, это вам подарок. Вы же за мир боретесь, – пробормотала она, глядя в пол, и убежала.

«Сошла с ума», – подумал он и встревожился.

– Ты как физик не силен в гуманитарных науках, – сказал я. – «Мир» в христианстве слово ругательное. И если ты за мир борешься, то ты змей, антихрист, не меньше. Искуситель, как я и предполагал.

Он уже не возражал и был задумчив.

На следующее дежурство к яблочному добавилась банка томатного. Еще через ночь – сливового. Он относил банки к её каморке, но они возвращались обратно.

– Она тебя покупает, – сказал я, наливая в стакан фиолетовую жижу сливового. – Пытается осуществить натуробмен.

– Я начинаю бояться, – сказал он. – Может, она так откупается от искушения? Сегодня так, но мало ли что завтра в голову взбредет. Теперь даже прикемарить страшно. Главное дело жизни еще не закончил. А схожу-ка я с заведующей поговорю.

Чтобы поговорить с заведующей, не нужно было никуда идти. Всего-то и требовалось после окончания дежурства остаться в своём кабинете, который через час, в девять утра, превращался в кабинет заведующей. Покоясь в системе координат дома, как в галилеевском корабле, – а дом наш самый что ни на есть корабль, с зелеными парусами тополиных крон на мачтах тополиных стволов, с уютными каютами на верхней палубе и мрачным трюмом внизу, – покоясь в каюте этого корабля, держать нос по ветру времени, чтобы через час принять на борт пассажирку, которая будет капитаном этого корабля днем.

Два обитателя кабинета – и ночной и дневной – были знакомы. Так охотник знаком с бигфутом по его следам на снегу, а йети представляет себе охотника по следам его лыж. Иногда, приходя на дежурство, сторож находил записки. На дверце шкафа с посудой: «Стража, принесите свои кружки. Просим нашу посуду не использовать!» На платяном шкафу: «Стража! Прошу не трогать мои туфли и халат!»

Он смеялся, читая. Но в ответ ничего не писал. Ее узкие туфельки с отпечатками пальцев и юный аромат накрахмаленного халата (конфетка в кармане) принадлежали туманному, но привлекательному образу, раскрытие которого он берег на потом. Да и повода для встречи лицом к лицу не было. Теперь этот повод появился.

В назначенное время корабль принял ее на борт – высокую, тонкую, лунолицую. Ее кожу хотелось лизнуть, чтобы ощутить вкус топленого молока. Глядя на нее, можно было поверить мифу, что ее родной район основал человек, некоторое время правивший Поднебесной, пришелец, чужак, завоеватель, выигравший какую-то войну у какой-то династии, оставивший власть сыну и вернувшийся к родному уральскому хребту, к высоким травам и медовым липам, чтобы на реке имени главного бога зачать с привезенной женой новое племя. Но красота этой легенды все же не убедила девушку вернуться после института в родной райцентр. Она осталась в городе, жила в общежитии, получила место заведующей в этом странном заведении, – время было смутное, как мы помним, все попадали куда-то не туда. Она училась на терапевта, а оказалась здесь, ничего не умеющая. Поэтому сейчас, увидев взрослого сторожа с холодным огнем мысли в глазах, разговаривала не так уверенно, как в записках.

Она никак не могла уяснить его тревоги. А что она может сделать с санитаркой? Это ее личное дело – соки дарить. Вдруг она это делает из каких-то религиозных соображений, вдруг это что-то вроде нашего хаира?

Но он настаивал и был убедителен. Сидя напротив, как бы невзначай тронул ее коленку – без всяких намеков, доверительно. Вспомнилось бесхозное: «говорили и смеялись, пили чай, он ноги ее коснулся невзначай».

Она посмотрела на его руку.

...Пальцы были невозможны, так нежны, и слова уже та-та-та не нужны...

– Ну, хорошо, я поговорю с ней сегодня, – сказала она. – Скажу, чтоб не приставала к мужчине, да?

И улыбнулась.

– Нет, – улыбнулся он, вставая. – Пусть деньги зря не тратит. Скажите, что меня это тревожит. Если лишние, пусть посылает родителям, что ли...

Он ушел, так и не решившись наобедничать, что Нина ночует на втором этаже.

Он шел по утренней улице и думал, что дневная хозяйка его кабинета сейчас тоже думает о нем. У нее совсем не китайские зеленые глаза. Впрочем, не малахитовый цвет, не местный. Скорее нефрит...

Вдруг он заметил, что дрожит, улыбаясь, и стучит зубами.

Было холодное бледно-рыжее утро. Он посмотрел вокруг и увидел, что пришла осень.

6

Нина перестала подниматься, снова ночевала у себя, задвигая металлический прут. Сока больше не было.

Осень сыпала листьями. Ночью было слышно, как они падают на крышу. Однажды он пришел на дежурство, когда Нина мыла окна в кабинетах на зиму. Солнце садилось за крыши. Она была без платка, в коротком платьице в классический зеленый горошек и без всегдашних коричневых в толстый рубчик колготок. Стояла на подоконнике на коленях, распахнув окно в закат, терла мокрые бликующие стекла и пела про цветущие раз в год сады, про весну любви. Пела свободно, чисто, – и сторож заслушался, глядя на ее фигурку, обдуваемую ветерком, засмотрелся на ее голые ноги, отмечая, как свежо ее тело, и представляя, как его рука...

– Про руку лишнее, – сказал герой, – не надо отсебятины.

– Да ладно, не ханжи, – сказал автор.

– Нет, я, конечно, посмотрел на ее ноги. Я тогда сказал ей: Нина, холодно же, оденься, а то простудишься еще. Осеннее солнце обманчиво. А она мне – все, мол, обманчиво, барин.

– Она сказала «барин»?

– Ну не сказала, какая разница...

Пришел вызванный днем электрик. Вынес из кладовки стремянку, чинил в коридоре второго этажа лампу дневного света – она гудела и мерцала. Когда лампа затихла и засияла белым как простыня светом, он спустился со стремянки и сказал сторожу, кивая куда-то в пол:

– А ничего у вас санитарочка. Чистенькая. Песни поет. Вот бы... – он взмахнул отверткой.

От него несло выпитым одеколоном. Сторож поморщился.

– Ты ее не трогай, – сказал он. – Она верующая.

– Да знаю я! Мозги у них наизнанку, больные люди! А я, если что, так и женился бы. Аккуратенькая она...

Стоя у открытого окна своего кабинета, сторож слушал, как внизу на крыльце разговаривают.

– А хочешь, – говорил электрик, – как-нибудь споем вместе? Дуэтом, а? Ты только скажи, когда...

Она что-то коротко ответила.

– А? – сказал он.

– Идите, говорю, Бог вам в помощь...

– Нам-то он в помощь, – сказал он в уже закрытую дверь. – А вот... – но передумал и, махнув рукой, ушел.

Листья падали и падали. Дождей не было. Странно, время помнится как хмурое, сырое и холодное, а во дворе особняка всегда стояла золотая осень. Сторож, подметая двор, нагреб большие кучи осеннего золота. Иногда их разметывал залетевший хулиганский ветер, и сторож, нисколько не досадуя, снова собирал этот хрусткий ароматный прах в легчайшие валы, пригребал их к забору. Пора было жечь, – ветер узнал место и, ясное дело, уже не оставит такой богатый двор в покое. Сторож написал заведующей записку, что листья надо бы вывезти или сжечь. Она ответила, что в субботу коллектив выйдет, устроим праздник осени, будем жечь листья и пить вино, согласны сделать это на ваше дежурство?

Конечно, согласен. Тем более он только что вышел на общее уравнение взаимодействия. Предчувствие было огромным. Открывать тетрадь было страшно. Сердце замирало, ведь ошибка означала, что нужно будет вернуться к самому началу. Но он знал, что ошибки нет. Не ошибки боялся он, а просто оттягивал взрыв истины, который выжжет все его эмоции, и пройдет много времени, прежде чем его нервное поле зарастет снова. Поэтому давайте устроим праздник сейчас.

Не буду описывать, каким было в субботу голубое небо меж голых ветвей, как бесстыже-красиво набухали молочным дымом верхушки рыжих куч, как распускались космами, изгибались и тянулись вверх струи, скручиваясь в седые букли, – и вот уже двор был в горьком густом тумане, и в нем плавали, хохотали и кашляли какие-то незнакомые ему тетки в белых халатах, а потом, когда совсем смерклось, все переместились в дом и там пили самогон и разбавленный минералкой медицинский спирт, ели подгоревшее, пахнущее дымом листьев такое вкусное мясо – и все пахло этим дымом, и из окна было видно, как невидимый радостный ветер бьет хвостом по сизому пепелищу, и оно взрывается в темноте оранжевыми искрами.

А потом они танцевали – все тетки по очереди со сторожем, словно он единственный вернулся с войны.

7

Но перейдем от общего к частному. Подставим в уравнение праздника, где наш герой как единственный мужчина есть величина постоянная, – подставим ту переменную, которая интересовала его и в этом дыму, и за пиршественным столом, и во мраке коридора.

Убедитесь сами, подглядывающие в стекло балконной двери из осенней тьмы, пока я не задернул шторы, – здесь идеальные условия для танца вдвоем. Темный коридор, подсвеченный сломанным ромбом электрического света из открытой двери кабинета и одной свечкой возле магнитофона, – и музыка, специально подобранная ночным хозяином замка: Chris Rea, Enigma, Mylene Farmer, etc.

И наступил такой момент, когда в шумной комнате уже никто не обратил внимания, как он, наклонившись, предложил, а она сразу кивнула, будто ждала, и как они встали и вышли в наполненную медленной гармонией темноту.

Плавно, словно водоросли, они извивались на дне темной музыки. Ее волосы поверх уже привычного запаха дыма пахли чистой водой китайских водопадов. Он вдыхал.

– Ответьте мне как врач, – говорил он, – отчего у меня так бьется сердце? Вот послушайте – это тахикардия, доктор?

– Это хорошо, когда бьется, – сказала она, провела пальцем по его груди, и ноги его ослабели вдруг.

– Люблю медленный танец, – говорил он, вливая нежность в ладони, едва лежащие на ее спине. – В отличие от народных танцев, высвобождающих коллективное начало, медленный танец – это союз двух индивидуальностей, дозволенная близость. Ритуал такого танца допускает самое широкое толкование. Я держу в руках почти незнакомую девушку – видимся второй раз. И где, кроме танца, я мог бы обнять незнакомку в полутемном коридоре, буквально обвить руками, говоря при этом, что такова фигура танца, и скользить пальцами по ее спине к оголенной шее?.. Это даже не искусство, это точная наука прикосновений, – пальцы должны быть нежны и точны, как крылья бабочки, должны чувствовать не кожу, а тепло кожи, скользить по этому теплу, слегка возмущая его и отправляя в мозг мощные сигналы желания – желания, чтобы эти пальцы все же прикоснулись по-настоящему..

И когда его пальцы скользнули под ее белую блузку, когда легко тронули ее голую спину, – а она подняла руки и обвила его шею, – когда его руки поднялись по ее тонким бокам к беззащитным подмышкам, к их влажному жару, окружая раскрытыми ладонями ее упругое тепло, коснулись ее ничем не защищенных маленьких девичьих, – тогда она вздрогнула и подалась навстречу, сама не понимая, глядя изумленно ему в глаза, спрашивая взглядом «что со мной?».

Нет, он удержался, он не стал доводить, хотя остановить движение губ навстречу так же трудно, как остановить начавшую сход лавину – да и возможно ли? – с гордостью подумал он, – но нам еще рано, не все сразу.. Они танцевали, им было жарко, и он вдыхал ее запах жадно и шумно, как пес, не стесняясь, прижимался к ее бедру, и она не отстранялась.

Тетки в кабинете пели громким хором про «огней так много золотых». Вот он, мечтаемый карнавал, когда герой незаметен и мал, когда он ныряет из света в тень, уволакивая за собой одну танцовщицу. Он ведет ее за руку, они забредают в какой-то кабинет, они чем-то шуршат, пробираясь к окну, в которое светит полная луна. «Как они похожи! – думает он, глядя в белеющее в темноте ее лицо. – Но откуда такой

стебель у этого лунного цветка?»

Она говорит ему:

– Ну и что вы хотели показать мне здесь? Надеюсь, не что-то непристойное? И потом, здесь ничего не видно.

Она пьяна.

– Я хочу... – говорит он, вспоминая, что он обещал ей показать, и ничего не находя, кроме... – Я хочу, но это жутко непристойно, – говорит он, – вы даже можете уйти сейчас же, – бормочет он в ее шею, – от греха...

– Да, – говорит она, откидывая голову и подставляя тонкое такое гибкое, хрупкое такое горло его нежным дрожащим клыкам, а ее бока вздрагивают от нежных его когтей, – да, я хочу уйти, мне нельзя, я еще ни разу... но вы что-то такое делаете, такое непонятное, как змей, как змий... это вот где... там... ваша рука-а...

«Я понял», – шепчет он, не в силах отдать то, что уже плачет в его ладони, – а ее пальцы сгребают волосы на его затылке, она притягивает его голову, – дыхание в дыхание, дрожь в дрожь, поскуливая тоненько...

И тут кто-то, как всегда, посланный кем-то, врывается в комнату с криком: «Вот они! Мы вас обыскались! Ну что вы, как школьники, в темноте!»

– Все, надо увольняться, – бормочет она, застегиваясь и щурясь от вспыхнувшего. – Теперь заключают, курицы...

Праздник начинает выдыхаться. Тетки убирают со стола. Да и не такие уж и курицы, хорошие женщины. А двое спускаются покурить на крыльце. Они курят одну на двоих под осенними звездами, и он затягивается с ее руки, забирая тонкий фильтр губами так глубоко, чтобы коснуться ее пальцев. Ее пальцы отвечают едва заметно.

Открывается дверь, и Нина молча выплескивает ведро грязной горячей воды прямо перед крыльцом. Дверь захлопывается ударом.

8

Он проводил всех до остановки, все разъехались. Вернулся медленным шагом, руки в карманах. Долго бездельничал, раскачиваясь на стуле, стучая его спинкой и своим затылком о стенку, рисовал в тетради всякие изящности, совсем не думая о работе. Да и какая работа после такого количества выпитого, съеденного, с ее вкусом на губах, с ее запахом на кончиках пальцев. Встал, вышел в коридор, открыл балконную дверь. Курил на балконе, ежась от холода, глядя, как заходит за крышу мутная луна. Докурил, вернулся, глотнул чаю и лег на диван, укрывшись и согреваясь, закрывая усталые глаза, чтобы смотреть, как она смотрит на него.

Проснулся от взрыва. Здание трянуло. Он лежал, таращась в темноту, затаив дыхание. Сердце колотило в ушах. Подумал было, что этот удар – сон, но на лицо сухим снегом летела побелка с потолка. Внизу послышались шаги и бормотание Нины. «Жива, – подумал он облегченно. – Уронила что-то. Шкаф какой-нибудь...»

Через час удар повторился, за ним последовал визг. Сторож выскочил в коридор, подбежал к лестнице, крикнул:

– Нина, что случилось?

– Ничего, – донеслось снизу, и все успокоилось до утра.

Утром, спустившись вниз, он увидел Нину, подметающую осыпавшуюся штукатурку возле туалета. На его вопросы она отвечала отрицательно.

– Она начала выходить из себя, – сказал я, рассматривая потолок, потрясенный ударами туалетной двери. – Ты бы на ночь закрывал дверь на второй этаж, а то прибежит с топором.

В следующее дежурство удары повторились три раза за ночь. Два раза Нина

визжала – тонко и дико, с переливами. Сторож покрывался мурашками страха. Он уже не выходил из кабинета.

На следующую ночь Нина уже не просто визжала, она редела и рычала, она била дверь с мощью парового молота, стены тряслись, стекла звенели. Сторож не выдержал и в очередной приступ ее ярости заорал, склонившись над лестницей:

– Нина, задолбала уже, кончай орать!

– А что вы мне сердце за ниточку тянете! – крикнула она и ударила дверь.

– Утомила ты меня, никакого покоя нет! – крикнул сторож и, подумав, добавил: – Не прекратишь, я сейчас бригаду вызову!

– Да пошел ты к черту, вызывай свою бригаду! – крикнула Нина, ударила дверь и зарычала.

– Тут не бригада, тут экзорцист требуется, подумал я тогда, – сказал герой. – Да и не к черту она меня послала.

А утром, когда сторож спустился на первый этаж...

Здесь надо предварить: в этом богоугодном заведении, против всех правил санитарии, жила большая серая кошка. Она неоднократно беременела и рожала, котят раздавали. Нина ее не любила, называла отродьем, но кормила. Сейчас кошка опять была в положении, и живот ее уже опустился. Вот-вот... – определил сторож как опытный кошачий акушер.

Но, спустившись утром на первый этаж, он увидел цепочку кровавых кошачьих следов, ведущих от двери Нининой подсобки в туалет, через унитаз в открытое окно. На его вопрос – где? – Нина угрюмо ответила, что не занималась кошек сторожить, и вообще кошки – от дьявола.

– Гулены они, – добавила она.

Про кошку он никому не сказал, мало ли куда ушла рожать свободная тварь. А Нина после исчезновения кошки затихла. Теперь сторож ее вообще не видел и не слышал. С его приходом она запиралась в своей половине на первом этаже и даже ночью перестала выбегать в туалет.

– Отворила кровь, – сказал я. – Выпустила кошке кишки и успокоилась. Но надолго ли?

– Надеюсь. Теперь, наверное, грехи замаливает. Зато – тишина, – сказал он и, помолчав, добавил мечтательно: – Скоро зима моя болдинская...

9

Выпал первый снег. Он лег на мерзлую землю и лежал сухой и легкий, как пенопласт. Сторож почистил крыльцо и дорожку, поднялся на второй этаж, разделся, заварил чай, сел к столу.

Наступала ночь. За окном было светло от снега. Для полного счастья не хватало потрескивания дров в печке. Светила настольная лампа – вечная спутница его вдохновения. И самое главное – в тетради, лежащей перед ним на столе, рождалось очередное чудо. Выведенное им общее уравнение взаимодействия, как он и ожидал, начало раскрываться, разворачиваться, как сложенная карта. Обозначив произведение трех постоянных через альфу, он вдруг получил уточненный закон электромагнитного взаимодействия. Следом, поменяв условия, – уточненный закон гравитации Ньютона. Потом – уточненное уравнение Шредингера. Частные случаи шли, взявшись за руки, как египетские деканы. Не глядя, что там дальше, боясь, как всегда, что тронь сейчас – и все рухнет, он вскочил и забегал по комнате.

– В этот момент, если честно, – сказал он автору в ту ночь, – мне хочется кого-нибудь убить. Но не животное, не человека, – это мелочи. Разве что всех махом. Несведущий не знает, насколько страшно и прекрасно ощущение открытия, – и привыкнуть невозможно, сколько ни открывай. Самое чудесное, что на бумаге лежит не твое слово, а слово Творца, но которое ты – то есть я, ничтожное существо, взятое в бесконечной отрицательной степени, с горсткой нервных клеток в первом позвонке, – я увидел в кажущемся мусоре мира, выделил и расшифровал! Платоновская самость мира получила еще одну черточку, и ликование в этот момент нельзя выразить никакими вашими прыжками и выкриками про сукиного сына. Это нечеловеческое ликование, оно растет внутри как нежный и медленный ядерный взрыв. Чтобы не взорваться, не сойти с ума, ты должен хотя бы уметь летать. Стремительно подниматься, превращаясь в небесного кита, могучего и страшного, рассекающего океанскую толщу ночи, – выпрыгнуть из нее, взмахом хвоста сбив Луну, плюхнуться обратно – и долго падать на дно, поднимая ураганы, сметающие горы и города... Но чтобы это грянуло, чтобы хлынуло, я должен все проверить. Нужно только начать, и все сразу станет ясно. Главное – решиться. И в этот момент, когда ты грызешь ручку, боясь начать проверку полученных уравнений, но уже готовый ее начать, – представь, именно в этот момент – в дверь постучали!

О, сколько было в жизни каждого этих стуков в дверь! Но постучать в дверь сейчас – значит остановить рождение Вселенной!

Зарывав, он понесся вниз по лестнице, не гадая, кто там, зная только, что нужно избавиться от посетителя любой ценой.

– Мы с подружкой ходили в кино, – сказала она, входя и отряхиваясь от снега. – А в общагу ехать уже поздно. Переночую в своем кабинете, и прямо с утра – на работу.

– А подружка где? – сказал он, перебирая ногами от нетерпения и злости.

– На такси поехала, – простодушно сказала она.

Он поднимался за ней по лестнице, слушая ее щебетание, и душа его кипела. Он даже не помог ей раздеться. Он собирал со стола бумаги и книги и, складывая их в сумку, быстро говорил:

– Хорошо, что вы пришли. Мне как раз нужно было в одно место срочно, а объект оставить не на кого. Сейчас закроетесь и пейте чай, смотрите телевизор. Я скоро приду. Если что, вот телефон. Но ничего не бывает, на первом этаже все окна решетками закрыты, вполне безопасно. Я приду часа через три, ладно?

Он говорил, спускаясь по лестнице, она шла за ним.

Она так ничего и не сказала, – закрывая за собой дверь, он увидел ее изумленное лицо.

В ту ночь первого снега он прибежал ко мне – я дежурил недалеко в похожем доме и похожем заведении. Мы часто пили чай то у него, то у меня, в хорошую погоду гуляли по вечернему городу и, нагулявшись, расходились по своим особнякам. Из торцового окна моего объекта был виден свет в его коридоре.

– А не пойти ли мне пока к тебе, посторожить там? – пошутил я.

– Ты лучше чай поставь, – сказал он рассеянно, доставая бумаги, книги, калькулятор. – Где сесть?

Я выделил ему комнату, стол и стул.

До самого утра мой гость проверял и перепроверял, врываясь ко мне каждые пять минут:

– Вот, смотри, как легко, в четырех строчках получается поправка к вековому смещению перигелия Меркурия! Притом что у меня точнее! А вот отклонение луча света гравитирующей массой! Засранец! – с ласковой издевкой говорил он

в сторону первооткрывателя, забывая обо мне. – Как у тебя все сложно! Тензоры, говоришь? А ты куда смотрел, Вольфганг?! Только приборы ломать умеешь! Эллиптический интеграл любой дурак приближенно решит, а ты попробуй просто и точно, чудило!

– Жаль, что ты ни хрена не понимаешь, – говорил он мне, глядя сочувственно-презрительно. – Ты бы сейчас упал ниц перед этой красотой. Ты бы собрал всю свою и чужую литературу и запалил из нее жертвенный костер Тоту – богу счета, а потом уже письма. Ты бросил бы писать свои шизофренические рассказы (тут он пнул ножку моего стола, на котором лежала рукопись рассказа «Перед снегом») и занялся, наконец, делом! Если бы понимал...

Он подошел к окну, увидел рассвет, постоял, отдыхая, счастливый, – и вдруг вспомнил, что он не у себя. Он убежал, не застегиваясь, по снегу. Я взял лопату и пошел чистить этот снег, – он падал всю ночь и привалил дверь. Было холодно, снег был сухой, он даже не пригнул деревья к земле – только слегка подвел ветви белым. Небо расчистилось. Оно было розовым, с фиолетовыми перьями.

Пока он бежит...

Если бы это была выдуманная история, то здесь самое время ее завершить. Я знаю, что логика повествования уже довела читателя до развязки – раньше, чем мой герой добрался до своего крыльца. Но это правдивая история. И поэтому она так просто не закончится. Неужели, мой встревоженный читатель, ты думаешь, что автор не контролировал ситуацию? Герой, охваченный лихорадкой открытия, конечно, мог забыть обо всем, но я – нет. Выходя той ночью без шапки в летящий снег и глядя на окна дальнего дома – не движутся ли там тени, не слышны ли звуки, – я думал, что герой, конечно, ведет историю, он солирует, но... История закончится так, как захочет автор.

Герой прибежал к своему особняку и долго стучался, уже тревожась. Окно на втором этаже горело. На крыльце, на снегу были следы – кто-то входил и выходил. Ему открыла Нина, закутанная в шаль. Подозрительно посмотрев на ее руки, он понесся скачками по лестнице, шаря глазами по ступенькам, стенке, перилам в поисках крови. Вбежал в кабинет.

Она сидела за столом в белом халате и заполняла медкарты. Не повернула головы.

– Как спалось? – спросил он, задыхаясь.

Она молчала, не глядя на него. Только уши зардели.

– Обиделись? – сказал он, думая, что правда будет ей совершенно непонятна, она будет выглядеть как издевательство.

– Уйдите, – наконец, сказала она. – Так меня еще никто не оскорблял! Если бы я до вас ночью дотянулась – убила бы...

– А как вы это себе представляли? Чтобы я вас совратил? Я бы это сделал, я бы вас просто порвал, – так мне хотелось! – но... Вы же зачем-то это берегли, учась в институте, живя в общежитии... И вот так взять и потерять – не понимаю, не верю! Или вы хотели поиграть? А представляете, утром бы все увидели, что мы ночевали вместе. Нина бы сказала. Оно вам надо?

Она молчала, рисуя на карточке узоры. Потом отвернулась и смотрела в окно. В седом стекле горело встающее солнце.

– Ну, простите меня, – сказал он. – Я хотел как лучше. Хотите, я посвящу вам вывод уравнения Шредингера? Его, между прочим, еще никто не выводил, а я вот вчера как раз...

– Ладно, – не оборачиваясь, она махнула рукой. – Идите сейчас домой, кот ученый. Но, учтите, я еще долго буду на вас злиться...

– Я послезавтра дежурю, – сказал он. – Приходите, если опять в кино с подружкой...

– Ни за что! – воскликнула она. – Лучше замерзнуть на улице, чем еще раз мордой об стол. Она и так круглая, зачем вы так?

Посмотрела на него мокрыми красными глазами, шмыгнула распухшим носом и рассмеялась, брызгая слезами.

10

Она не пришла на следующее дежурство, и это его не удивило. Она и не должна была прийти, и не придет, пока он не пригласит ее куда-нибудь, хоть в то же кино, чтобы после вернуться сюда. Но и мы тоже немножко потянем. Пока не наступит зима. И уже там, когда будет мороз и солнце, веселым утром субботы или воскресенья, когда ледяные ветви будут стучать в окно и небо будет пронзительно синим, как весной, а на плитке будет пыхтеть чайник, – вот тогда он и разбудит ее на этом диване, – чай, кофе? И чайник остынет, потому что, проснувшись, она улыбнется ему и потянется своим длинным теплым телом и возьмет его за руку...

Внизу постучали в дверь. Он выглянул в окно, увидел на крыльце электрика. Чертыхнулся, спустился и открыл. Электрик был выбрит и держал в руке бутылку водки.

– Я не пью, – холодно сказал сторож и потянул дверь на себя.

– Погодь, брат! Я не к тебе... – И электрик шагнул.

– А уж к ней ты тем более не пойдешь, – преградил путь сторож.

– Да она сама позвала, спроси у нее! Нина! – заорал электрик.

Сзади скрежетнуло, открылась дверь.

– Пропустите, они ко мне, – сказала Нина.

Сторож обернулся.

– Ты уверена?

Она кивнула. Что-то было не так с ее лицом. Всмотревшись, он понял, – глаза ее были подведены черным, губы накрашены.

– Ладно, проходи, – сказал сторож, сторонясь. – Но смотри, ничего лишнего.

– Про жизнь поговорим, – подмигнул электрик сторожу.

– Нина, если что, кричи, я услышу, – сказал сторож, уходя к себе.

Он сидел за столом и пытался работать. Но никак не мог сосредоточиться, все прислушивался, что творится в трюме. Оттуда не доносилось ни звука. Через час к нему поднялся электрик. В руке он держал ополовиненную бутылку, заткнутую винной пробкой.

– Пошел я, брат. Закрой за мной дверь, как пел Витя, я ухожу. Все нормально, не переживай. Хорошая она баба, это все попы проклятые! Так, глядишь, и женись, уедем в деревню, свиношек разведем...

Сторож закрыл за ним дверь, постучался к Нине, спросил, все ли нормально. Она пожала плечами, улыбаясь бледно:

– С Божьей помощью...

«Ну, наконец-то», – облегченно подумал сторож, поднялся к себе и сел работать. Он хорошо поработал в эту ночь, он выпил много чаю и выкурил много сигарет. И когда пришло утро, он вдруг услышал, что внизу тихо. В это время Нина обычно начинала свою возню – подметала, мыла, разговаривала сама с собой, а когда-то и пела.

Спустившись вниз, увидел, что дверь в ее каморку открыта. Света в комнате не было.

– Нина! – позвал он.

Никто не ответил.
Он постучал в дверной косяк и ждал, опустив голову.
Потом вошел в темноту.

11

Пока я писал, лето скончалось. Его труп влажен и холоден, и хотя еще цветет живыми красками, меня не обманешь – я знаю, каковы мертвые поверхности на ощупь. А то, что вдруг повеет теплом, так это всего лишь солнце нагревает костюм покойного. Фальшивое тепло обманчиво для припавших к груди. Так и хочется крикнуть: «Жив! Скорою!» – но...

Ночь. За окном или дождь, или снег, – что-то шуршит по стеклу. Я сижу за монитором, глядя в эту строку, и не знаю, как закончить рассказ. А заканчивать нужно, отведенное на него время уже давно вышло, – горка песка внизу и ни песчинки сверху. Заваривая чай, кружка за кружкой, подставляя слово за словом, отстраняясь, прищурившись и недовольно отбрасывая, досидел с полночи до утра. Чтобы отвлечься, я скачиваю почту. Это почти безнадежно, потому что вся страна еще спит – слева засыпает, справа просыпается, – и некому мне написать. Но мелькнули синие кубики – из ящика на сервере выпало одно письмо. Скорее записка. Это всего лишь коротенький спам от неизвестного доброжелателя откуда-то с другого, светлого сейчас полушария.

«Good morning Hermann! – пишет неизвестный. – The most powerful natural enlargement of your re...»

Он явно ошибся адресом. Но так и приходят искомые смыслы – как послание из ниоткуда в никуда, как те бумажные трубочки, что вытаскивает обезьянка, сидящая на плече у шарманщика. Такие подсказки принимаются с благодарностью, потому что веры им больше, чем осознанным советам. Мой герой, окинув внимательным взором ситуацию, тотчас бы сказал что-нибудь вроде: если принять, что Дирак не прав, и константа сильного взаимодействия неизменна, то второй частью в первом приближении можно пренебречь. И я ему верю. Внимательно читаю первую часть, поднимаюсь к заголовку, стираю его, вписываю новый и возвращаюсь к концу. Все-таки мы немного продлим его. Но совсем немного:

«Он повесил трубку и вышел на улицу. Погода была ужасная: ветер выл, мокрый снег падал. Позвольте вмешаться и поправить цитату: почему снег падал, если ветер выл? – летел он, этот снег, летел хлопьями, я помню, и фонари светились тускло, и улицы были пусты. Да, улицы были пусты, потому что утро только начиналось. Он вышел через арку к дороге, он ждал, вдыхая и выдыхая дым, укрывая сигарету в кулаке от мокрых хлопьев и ветра. Увидел фары, махнул рукой, – это здесь, это я вас!..»

Открылась дверца.

– Доброе утро, – сказали ему. – Куда дальше?»

12

...И две мягкие ладони закрывают мои глаза. Спиной чувствую ее сонное животное тепло. Наклоняется, обнимает, кладет подбородок на мое плечо.

– Вот именно, – говорит она, – утро уже, куда еще дальше? Остановись здесь. Все равно история о другом, ты же знаешь.

– Не стой босиком на полу, дует, – говорю я. – Иди, я сейчас...

Пожевав мое ухо губами, она выпрямляется и, потянувшись своим длинным теплым телом, уходит. Я слышу, как она прыгает в кровать, и говорит «дыдыды, холодно, иди быстрее!», и возится под одеялом, согреваясь.

Я смотрю в окно. Там светло от снега.

Вот он, мир...

СЛОВО

«В начале было Слово...»
Евангелие от Иоанна, 1, 1

С каждым днем все ближе безыскусность
слов людских.
И близость тем сильнее,
если в слове простота и вкусность,
синь небес и широта полей.

Для того, кто с колыбели слово
с материнским молоком впитал,
каждый раз оно свежо и ново,
и вполне достойный капитал.

Не для траты, нет, не для улова
душ, не для нелепой похвальбы...
Ощущение судьбы и слова,
ощущенье мира и судьбы,
где и речь людей, и гомон стаи,
шум лесов в отеческом краю –
все в судьбу отчизны прорастает,
прорастая и в судьбу твою...

И куда ни заведет дорога,
повторю, душой и сердцем строг:
«Живо Слово.
Это Слово Бога.
И само-то это Слово – Бог...»

ИЗ СТАРОЙ ТЕТРАДИ

...Так мне казалось странным это,
что твое тело может быть чужим...

поэзия

Я заговаривать умею вещи,
я заговаривать умею души,
но заговаривать сердца не научился,
оглохшие, ослепшие сердца.

...И зря были раскиданы подушки,
и зря горячим телом прижимался –
весь сжался я от этой долгой боли
и, кажется, всерьез затосковал...

Пусть в космосе еще пылают солнца,
пусть на земле еще растут былинки,
пусть люди улыбаются при встрече,
но для чего все это без тебя?

Твое лицо спокойно и печально,
да, так оно спокойно и печально,
что видно: ты живешь в другом, в далеком,
и там меня с тобою нет и нет.

Я встану и уйду.
Уйду, конечно.
Я не имею права быть с тобою,
и обнимать тебя чужой душою,
и рядом быть ненужным и чужим.

Пусть грянет мне навстречу теплый ветер!
Пусть стонет он ночной сонатой, ветер!
Он музыкой, быть может, увлечется
и не заметит слезы на глазах...

А я...
Мне надо...
Я пройдусь немного.
Мне надо разобраться в этом мире,
необходимо одному немного,
понять, быть может, может быть – простить.

И постараться жить...
Да, жить, конечно,
ведь столько есть еще дорог и планов,
есть долг огромный перед этим миром,
есть долг перед собой,
перед тобой...

Прости, родная!..
Просто очень больно.
Но я обязан справиться с собою.

А боль...
Ну, что ж, ее излечит время.
Должно, по крайней мере, излечить.

И город мне протягивает руки,
и ветер-пианист спешит со мною,
и капель звон пронизывает душу,
и, кажется, кончается апрель...

* * *

Если более не куролесится,
если жить, помереть – одново,
то на месяце можно повеситься,
вон ведь крюк-то какой у него!

Там болтаться меж звездами ясными,
как какой-то бездомный босьяк,
усмехаясь над всеми несчастными,
у которых всё вперекосьяк.

Пусть душа по галактикам носится,
прорежая межзвездную сеть...
Жаль, что сердце обратно попросится,
подушав бесполезно висеть.

А обратно-то и не получится,
будет поздно проситься, визжать:
смерть, ребятки, такая попутчица,
коль приехал, то не уезжать...

И ответь-ка и честно, и смело нам:
для чего и над чем ты корпел,
если так ничего и не сделано
из того, что когда-то хотел?..

Что ж вы, что же вы, ноченьки лунные,
с нами словно с какой детворой?..

Все мы, братцы, немного безумные,
особливо коль выпьем порой...

ВЕЩИ

Мне от мамы остались в наследство
(быт семьи был непрочен и гол):
шкаф из послевоенного детства
да расшатанный старенький стол.

Се богатство копилось годами,
украшая разгул бытия,
проживало и рушилось с нами,
и хранится, как память моя.

Лишь взгляну, и душа затрепещет,
всколыхнется, занует быльё...
Сын мой выкинет старые вещи.
Для чего ему это старье?..

* * *

Вот он, мир, на ладони...
Возьми и потрогай, и гладь его.
Потрепли за вихор
во приливе великой любви.
И прильни к нему лбом,
и следы, как зелеными платьями
деревца на ветру
семафорят товаркам своим.

Мы в долгу у природы...
Мы много ей крови испортили,
в бесконечной борьбе
отдавать ей долги не спешим...
Встрепенемся порой,
только наши корявые фортели,
даже если желать, –
не поправят природы души.

Разливаются реки,
курятся озера туманами,
где нездешне стога
проступают сквозь этот обман.
Лишь мальчишки во снах
у штурвалов стоят капитанами
и густые гудки
посылают в волшебный туман.

Им платить по счетам.
Нам молчать да вздыхать и обманывать,
и в тени прижиматься,
душонкой и телом юля...
Мир живет.
Он встает, говорит, обновляется заново
и под солнечный праздничный свет
подставляет себя...

НИЖЕГОРОДКА. СОН ИЗ ПЯТИДЕСЯТЫХ

Всё приходят сны из детства
про железную дорогу...
Товарняк, который мчится
над урезом у воды,
эта церковь, колокольной
устремившаяся к Богу,
милицейский свист тревожный –
знак томительной беды.

Перепутаны начала,
перепутаны причины...
Вот отец с тревожным взглядом
крепко держит руку мне.
Переезд, шлагбаум шаткий,
ночь, и звезды, и... мужчины
под собачий лай проходят –
только тени на стене...

Это страх нелепым комом
липко вязнет на рубахе.
В небе вспыхнула ракета.
Снова выкрик... Выстрел... Страх...
Мы стоим, вжимаясь в тени.
Ощущенье: казнь и плаха...
Я – мальчишка пятилетний
в драных сереньких штанах...

* * *

Я в позу проповеди встал:
– О, мертвость наших душ!..
Я долго говорил. Устал.
Сыграл оркестр туш...

А в то же время за спиной,
вздыхая и дрожа,
душа увиделась с душой,
и плакала душа...

Душэмба, или Клюквенный чупа-чупс

Рассказ

— Алло, редакция «Заливные луга»?
Зажал большим пальцем микрофон и тяжело прохрипел:
— Нет, издательство «Разливное пиво», — отпустил палец и снова тяжело прохрипел: — Слушаю вас.
— Оперативки сегодня не будет.
— Замечательно, или нет — плохо, в смысле спасибо за информацию.

Разливное пиво... Холодненькое...

Медленно развернул яркий фантик чупа-чупса, который стянул у падчерицы Ксюши перед уходом на работу, и вялой рукой сунул липкий шарик в пересоший рот.

Нефильтрованное, пшеничное... Легкая мутноватость... Аккуратная шапочка белой пены... Не очень высокая, чтобы губы без труда проникли сквозь нее к прохладной жидкости, и все это в запотевшем пол... нет, лучше литровом, высоком бокале из тонкого стекла. Ну что за дрянь на палочке сосут наши дети!

Неуклюже выпинул из-под рабочего стола пустую пластмассовую урну и выплюнул в нее приторную сладость. Шарик плотно приземлился на дно, урна срезолировала, раздался громкий звук, похожий...

Похожий... На звук удара в челюсть. Да, именно удара в челюсть в старом, добром двухсерийном индийском фильме из далекого социалистического прошлого с сериями по 25 копеек за штуку. «Зита и Гита», «Любовь и ненависть», «Мечь и закон»... «Преступление и наказание», «Война и мир», «Отцы и дети»... Наверное, пора за работу.

Тяжело посмотрел на правый край стола, заваленный циркулярами, предписаниями и запросами. Так же тяжело посмотрел на левый край, заваленный рукописями и письмами. Остановил взгляд на перекидном календаре, лежащем между приглашением на юбилей детско-спортивной школы баскетбольного мастерства и грозным факсом с настоятельной просьбой опубликовать коллективную стихотворную подборку членов общества кактусоводов. Календарь показывал большую черную цифру 29, под которой по-русски было написано «февраль» и «понедельник», а по-башкирски — «февраль» и «душэмба».

Душэмба... Кишлак Дюшамбе, город Сталинабад, а когда разрешили пинать дохлого льва, снова «Понедельник», слегка не попавший в прошлую транскрипцию — Душанбе. Теперь вот живут в далекой столице Таджикистана тысячи смуглых людей, день и ночь, без перерыва на обед, постоянно находясь в самом тяжелом дне недели. И ничего, работают, детей рожают, убивают друг друга время от времени, снова детей

рожают, шаурму едят, лепешки жуют, чай зеленый пьют, пиво опять же холоденькое, нефильТРованное в запотевших высоких бокалах из тонкого... тьфу!

Потянулся к толстой папке на левом краю стола, с трудом приподнял пудовую рукопись, прочел заголовок: «Чернозем. Эпос» и тут же, не удержав в ослабевших после вчерашнего юбилея пальцах, выронил ее из рук. Одновременно со шлепком приземлившегося на пол «чернозема» в дверь уверенно стукнули кулаком и тут же зашли.

— Здравствуйте! Можно побеспокоить? — утвердительно спросил уверенный в себе, крепко сбитый, коротко стриженный человек лет сорока пяти, в коротком пальто нараспашку, с настоящим, возможно, «Ролексом» на левой руке и с папочкой, возможно из настоящей кожи, в правой.

А вот и автор с утраца пожаловал. Парфюмом-то как несет! Не стошнило бы от панели номер шестьдесят шесть. Папочка тоношенькая, накатаЛ, наверное, стишок про рассвет на нефтепромысле или рассказик про несчастную любовь брокера Сигизмунда к дилеру Рудольфу.

— Здравствуйте, присаживайтесь, — чуть приподнялся, махнул рукой в сторону стула, заваленного журналами, и без усилий соврал: — Только у меня буквально минута свободная, надо ехать в министерство на очень важное совещание.

Не успел демонстративно открыть портфель у себя на коленях, чтобы бросить туда первые попавшиеся бумаги, как в дверь заглянула секретарь Тоня:

— Гыр Грыч! Звонили из министерства, оперативки сегодня не будет.

— Да знаю! — отмахнулся, но тут же опомнился и исправился: — Неужели отменили? Придется ехать в Союз писателей на заседание похоронной комиссии, — выложил из портфеля первые попавшиеся бумаги, положил вторые попавшиеся и, забарабанив пальцами по портфелю, тут же строго и нетерпеливо обратился к коротко стриженному автору: — Внимательно вас слушаю.

— Суть такова. Мне нужна ваша помощь.

Вежливо поднял левую бровь, изображая неподдельное внимание. Сейчас скажет: «Я вот тут написал замечательный рассказ, жене, подругам жены, женам друзей и теще Клавдии Леопольдовне он очень понравился — плакали все. Но мне необходимо услышать вердикт профессионального литератора...»

Стриженный, прервав мои мысли, продолжил:

— Предлагаю вам сотрудничество.

Стриженный положил кожаную папочку на стол, расстегнул ее, сунул туда руку и стал из нее что-то вытягивать.

Легкая паника проникла в сознание.

А вдруг сетевой маркетинг: «Корова за полушку плюс доставка до дома за отдельную плату» или финансовая пирамида: «Удача не за горами», не исключен и Гринпис: «Спасем вымирающий вид заполярного гнуса»?

Но стриженный вдруг вынул замусоленную книжицу «Горобьевый день».

— Это ваша повесть?

От неожиданности чуть не оторекся от своего опуса.

— Ну это не совсем повесть, тут, как бы э-э... Да, это моя вещица.

— Так вот, я в вашей повести ничего не понял.

Еще один идиот!

— Там есть комментарий, — робко заступился сам за себя.

— Это не имеет значения, то есть это я не имею никакого значения. Ваша повесть понравилась Арслану Арслановичу.

Кем бы ни был Арслан Арсланович, человек, похоже, приятный во всех отношениях.

— И?

— Арслан Арсланович хотел бы, чтобы именно вы написали книгу о его жизненном пути.

Вот и счастье привалило!

— От простого деревенского паренька из колхоза «Лампочка Ильича» до директора районной теплоэлектростанции?

Стриженный просиял:

— Так вы уже занимались такими проектами? Значит, вам будет совсем легко. Арслан Арсланович родился в Верхних Зигазах, а дослужился до топ-менеджера фирмы «Нефтегазтрансcontinental».

— Карьерный рост впечатляет, но я не занимаюсь такими проектами, есть множество людей, которые пишут подобные книги, могу даже дать координаты кого-нибудь из них.

Подлую мысль дать телефон заклятого конкурента редактора «Бельских просторов» Саньча отогнал и, демонстративно приподнявшись, хотел показать всем своим видом, что готов проводить стриженного до дверей, как зазвонил телефон.

— Надеюсь, ты все же порядочный человек и не откажешься от своих слов, сказанных при свидетелях?!

Не пообещал ли на своем вчерашнем дне рождения жене Ларисе сапоги из крокодиловой кожи?

— Я был не здоров, брякнуть мог все что угодно, и вообще у меня люди, говори скорее.

— Подождут. Это ты сейчас не здоров, а вчера, когда ты тискал мою сестру, ударил по большой печени ее мужа, ты был еще как здоров. Но с Ливеровыми тебе самому придется разбираться, не знаю, простят они тебя или нет. Короче, я договорилась с фирмой «Умелые руки», они готовы начать капитальный ремонт нашей квартиры сразу же, как получат первый взнос.

Не может быть! Капитальный ремонт — это смерть моя. Сколько же надо было выслушать заздравных тостов «до дна», чтобы пообещать этот кошмар? Еще выходит, что сестра жены Ленка мне не приснилась, и я ей тоже дал слово напечатать ее незаконченный роман об эльфах, гномах и баба-ежках в самом ближайшем номере! Одна радость — апшеркот слева этому жирному балаболу, реализовал, наконец, мечту.

— Какую сестру? Я всего лишь танцевал с ней и поддержал, чтобы она не упала, спотыкнувшись! А чтобы самому удержать равновесие, мне пришлось слегка опереться рукой о бок Вадика. Да они и сами, наверное, ничего не помнят. По поводу ремонта: предположим, на первый взнос мы насобираем, а где возьмем остальные деньги?

— Ливеровы, может, и не вспомнят, зато я не забуду! Деньги — это твои проблемы, ты обещал в присутствии всех гостей, даже мой папа тебе поверил. Ищи!

— Геннадий Иванович тоже перебрал?

Этот старый маразматик никак не мог поверить, что я женюсь на его дочуре с двумя детьми от первых четырех мужей, а в капитальный ремонт вдруг поверил. Ох, голова-то как трещит.

Короткие гудки загудели в правое ухо, а в левое быстро заговорил стриженный:

— Объем небольшой, всего страниц сто, фотоматериалы готовы, много документов, свидетельств, люди, с которыми вам надо поговорить об Арслане Арслановиче, найдены и собраны, съездите в Верхние Зигазы, побеседуете с его односельчанами.

— Какие еще Зигазы, вы с ума сошли! У меня дел по горло!

— Вот проект договора, взгляните.

Хотел отшвырнуть страницы не читая, но взгляд цепко поймал сумму вознаграждения, тут же разделил ее на сто страниц, и условия показались мне привлекательными.

Капремонт, лоджию утеплю, машину загоню в сервис на покраску, может быть, еще на поплавок с новыми крючками останется...

— И как скоро все это надо сделать?

— Юбилей у Арслан Арслановича через два месяца, времени немного, поэтому я хотел бы, чтобы мы начали прямо сегодня. Сейчас посетим Арслан Арслановича, подпишем договор, завтра из Уфы прямиком в Зигазы, потом вы пишете, мы делаем макет, фотки там, рисунки, все такое, потом юбилей, банкет, вы — почетный гость, будут очень высокие персоны.

Какой резвый, не мошенник ли, случаем?

— Я могу подумать? И как вас зовут-то?

— Некогда думать, внизу нас ждет кадиллак Арслан Арслановича, он сегодня улетает в Брюссель, мы заедем в «Нефтегазтрансконтиненталь», и по дороге в аэропорт вы все с ним обговорите. А зовут меня Георгий Павлович, можно просто Жоржик, вот, возьмите мою визитку.

Точно жулик!

* * *

Представительский кадиллак оказался подержанной «тойотой» с правым рулем. Поймав мой удивленный взгляд, коротко стриженный шофер улыбнулся всеми золотыми фиксами своего рта.

— Это и есть кадиллак?

Жоржик вдруг замахал руками и неожиданно перешел на фальцет:

— А разве нет? Знаете, я в этих машинах совершенно не разбираюсь!

Хотел тут же сбежать под благовидным предлогом, но, решив, что мое безволие есть храбрость, сел в автомобиль.

Не успели мы подъехать к крыльцу «Нефтегазтрансконтиненталья», как двери сверкающего офиса распахнулись, из них вышел тучный, коротко стриженный человек в длинном кожаном плаще, накинута на пиджачок, с трудом застегнутом на одну пуговицу, обернулся и крикнул в темную глубину вестибюля:

— Чтобы сегодня же рассчитали постоянную Рейнольдса и сравнили с кривой Тулуз-Лотрека! Как приеду — проверю! Если корреляция превысит поправку Джексона-Венника — пеняйте на себя!

Что за бред? Ей-богу, мазурики! Еще и разводят так, словно меня выгнали из верхнезигазинской средней школы за неуспеваемость. Надо как-то выпутываться. Пивка бы для ясности мысли...

— Очень строгий, все любит сам контролировать, любую мелочь, — быстро прошептал Жоржик, выскочил из машины и распахнул дверцу перед большим боссом.

— А! Наслышан, наслышан, приятно видеть и лицезреть, так сказать. Вот спешу в Европу-матушку. Ни на кого нельзя положиться, ни на кого, профессионалов нет, одни лоботрясы, еще и мошенники, — Арслан Арсланович ухмыльнулся Жоржику и плюхнулся рядом со мной, окунув в облако водочных паров, одеколona «Шипр» и приторного, но едкого запаха распутного пенсионера.

А челядь где провожающая, командир производства?

— Всех послал подальше, сказал, если попадетесь мне на глаза перед отъездом, в порошок сотру, — прочел на моем лице вопрос Арслан Арсланович и взял вожжи в руки: — Эх, пивка бы сейчас, не правда ли, Егор Егорович?

Сейчас толстый прочитает все мои мысли. Хорошо, читай: «Ни на копейку не разведете, фармазоны!»

— А пишете вы изрядно, изрядно! Жена читала, подруги жены читали, теща и та плакала!

— Плакала?!

Нет, этот пассаж я думал часа полтора назад.

— Ну да, плакала, — Арслан Арсланович хлопнул меня по плечу, — сквозь смех, конечно, сквозь смех! Жоржик! Ты договор показал нашему кудеснику слова, нашему мэтру, нашему э-э... Горацию?

За Горация, видимо, надо будет доплатить.

— Показал, показал.

— Внимательно все прочтите, Егор Егорович, чтобы никаких вопросов не осталось, если что не понравится, переделаем так, как скажете! Обязательно посоветуйтесь со своим юристом.

— Непременно посоветуюсь.

А где же «развод кроликов»?

— Со своей стороны, я вам полностью доверяю, более того, еще вчера распорядился, чтобы на ваш счет отправили аванс.

Где-то здесь все и должно произойти. Надо быть бдительным.

— Какой аванс? Я ничего не получал!

А они скажут, что получал.

— Не перечислили?! Сейчас я им! — Арслан Арсланович набрал номер на своем мобильнике и зарокотал: — Людмила Афанасьевна! Почему до сих пор не отправили на счет Егора Егоровича пятьдесят тысяч?! Я вас всех поувольняю, вы дворниками в ЖЭУ работать будете! Вы у меня в ассенизаторы... Отправили? А он говорит, не отправляли. Хорошо, сейчас проверим! Жоржик, доставай ноутбук, подключайся к Интернету, входи на сайт «Глобусрегионбанка»! Пожалуйста, Егор Егорович, открывайте свой счет, если деньги не пришли, я весь финансово-экономический отдел отправлю в наше подсобное хозяйство морковку дергать!

Страшный! А вдруг все по-честному, и из-за меня пострадает невинная Людмила Афанасьевна, у которой муж пьяница, сын со снохой нигде не работающие, но исправно дарящие внуков, сад с огородом и колорадским жуком, кредит невыплаченный, гипертония и три года до пенсии. Придется открыть счет, так, чтобы пароль не углядели. Действительно, прибавилось ровно пятьдесят тысяч.

Закрыв счет, вышел с сайта «Глобусрегионбанка», даже на всякий случай ноутбук выключил.

И что теперь?

— Теперь за работу! Как подпишете договор, позвоните Жоржику, он отвезет вас в Верхние Зигады, где вас уже будут ждать. О! Кстати, мы, кажется, проезжаем мимо вашей редакции, Толик, притормози.

Так, деньги дали, взамен ничего не взяли, я бумаг не подписывал, устно тоже несбыточного не обещал, может быть, я такой же параноик, как мой второй папа? Хотя:

— А как вы узнали номер моего счета?

— Так вы же сами заполняли форму в Союзе писателей на получение субсидии от фонда милосердия, а мы учредители этого фонда. До свидания, Егор Егорович!

— А, ну да, фонд милосердия. Как же, помню — триста рублей на День танкиста. До встречи, — почесал затылок и шагнул в мокрый февральский сугроб на обочине.

* * *

Несмотря на неоднозначность происшествия, вернулся в редакцию в хорошем расположении духа.

Надо вспомнить, о чем думал с утра светлом и приятном, тогда настроение мое поднимется еще выше. Градусов этак на четыре с половиной — пять. Ну да, нефильтованное пиво в высоком бокале, тем более что время обеденное.

Мурлыкнул, проглотил слюну предвкушения, отпер кабинет, но не успел сбросить с плеч на продавленный литераторами диван тяжелое пальто, как влетела Тоня:

— Гыр Грыч! Где вы ходите? Звонили два раза из министерства, вас все ищут!

Невозмутимо и веско, словно свое тяжелое пальто, бросил:

— Зачем?

Нашел кого спрашивать, сейчас скажет, что откуда она знает за такую зарплату и, вообще, ее давно зовут в банк работать, а она почему-то все не идет, наверное, исключительно из-за любви к изящной словесности.

— Ой! Егор Егорович! Говорят, редакторов снимают.

Ужас информации не сразу дошел до глубин сознания:

— Нерадивых, пьющих, заносчивых и морально неустойчивых?

Попытался ущипнуть Тоню за ягодицу, но промахнулся.

— Наверное...

Тоня внимательно оглядела бедро, проверяя, не оставил ли я затяжек на ее колготках, и отошла на безопасное расстояние.

Придурковато хихикнул:

— Не иначе как под меня копают?

— Не знаю... Может, и под вас...

Пошутил называется. Куропатка.

Что-то в голове, наконец, щелкнуло, настроение испортилось. Хмурым кивком на дверь выпроводил Тоню из кабинета и для прояснения ситуации набрал номер куратора Абезгильдина.

— Дело дрянь, Егорыч, — сказал куратор Абезгильдин.

Только что в пятницу поздравлял с юбилеем, грамоту обещал почетную выбить, а теперь дрянь?

— Насколько не совсем хороши мои дела?

— Когда они у тебя хороши-то были, Егорыч? Тут жалоба на тебя опять.

Неужели очередной донос поэта Стаканчикова с открывшимся в последний день зимы астральным каналом?

— Что значит «опять» и от кого?

— Общество кактусоводов на тебя жалуется, не любишь ты нашу флору и фауну, говорят, игнорируешь, так сказать.

Не нагнали ли они текилы из своих кактусов и не опоили бедного Абезгильдина?

— С каких пор кактусы стали нашей флорой?

— Слушай, не надо передергивать и демагогии не надо, решение уже принято, готовь дела к сдаче.

Действительно пошутил... И что теперь делать? Куда идти с лысиной, пузом и кризисом пятидесятилетнего возраста? Просить Саньча, чтобы взял в свои «Бельские просторы» младшим редактором в отдел орфографических ошибок?

Глухо поинтересовался:

— И кто на мое место?

— Ты его все равно не знаешь, он молодой, крети... креатив... черт! Слово забыл, вчера только записывал, в общем, очень активный, толковый парень, а тебе чего-нибудь подымай, не переживай.

Вот тебе и душэбле! Но узнать преемника страсть как любопытно. Позвоню-ка своей бывшей секретарше, ныне жене куратора моего куратора:

— Альмира Ахатовна, здравствуйте, как жизнь, как дети, как самочувствие, как э-э... муж?

— Ладно, Горыч, не напрягайся с политесом, все равно не умеешь. И так ясно, чего тебе не ясно. Ну чего ты этих кактусоводов не напечатал? У них же почетный председатель Тамара Тихоновна!

Какая еще Тамара Тихоновна, дьявол ее побери?!

— Да?.. Та самая?.. Так кто же знал..

— Та самая! Но это, как мы говорим, преамбула. Основная тема докла... В общем, окончил аспирантуру сын Аркадия Петровича.

Господи! Какой еще Аркадий Петрович?! Какой сын?!

— Альмира Ахатовна, так он же совсем мальчик, наверное...

— Вот и станет мужчиной, но ты не волнуйся, назначим тебя его замом с той же зарплатой, будешь помогать мальчику, то есть Евгению Аркадьевичу. Подписчик журнала, думаю, от этого только выиграет. У тебя, кстати, как с подпиской?

— У Евгения Аркадьевича с подпиской полный швах, не мешало бы ему вклеить выговор с занесением.

— Все шутишь, Горыч? Дошутишься. У тебя, говорят, юбилей вчера был, говорят, ты драку на торжестве затеял, родственника, говорят, своего избил? Ну, пока.

— Пока...

Однако. Неужели Вадик уже донес по цепочке? Вот ведь падла! Про то, как мой нунитаз облевал, наверное, никому не доложил!

* * *

— Ты чего сегодня так рано?

— Да там, в общем, так как-то.

— Понятно.

Маленький кухонный телевизор показывал большой сериал про семейную жизнь, жена, не отрываясь от сюжетной линии, терла полотенцем тарелки и складывала в большую стопку. В зале хныкала Ксюша и похрапывал Тоша. Ткнул вилкой во вчерашний салат, попался кусочек мяса.

Пивка бы нефильтрованного в высоком...

— Ларис, чего она опять ноет?

— Подожди, не мешай, — жена дотерла тарелку, — чупа-чупс у нее пропал из кулька самый любимый — клюквенный.

Чупа-чупс, чупа-чупс... Это же я его свистнул сегодня утром!

— Почему сразу украли? Я его просто съел.

Кто меня за язык дернул? Сейчас начнется.

Героиня сериала сказала герою: «Так я и знала, что ты подлец!» Лариса бросила полотенце на стопку тарелок:

— Так я и знала! Я не говорила, что его украли, но раз уж ты сказал, что его украли, то и я тебе скажу, что красть у ребенка — это подлость!

С силой ткнул вилкой в салат, пронзил сразу два шарика зеленого горошка:

— Я на свой день рождения подарил Ксюше кулек конфет весом с Тошку и уже не могу взять одну попробовать?

— Ах, так!

Сейчас будут торжественно возвращать мне всех несъеденных «красных шапо-

чек» и «мишек на севере».

Жена выскочила из кухни и тут же вернулась, волоча за собой дочку с кульком конфет в руке.

— Отдай ему все конфеты! На! Обжирись!

— На! Обжирись! — повторила Ксюша, но кулек спрятала за спину.

Автоматически отредактировал обеих:

— Не обжирись, а обожрись!

Ксюша убежала в зал, Лариса заревела:

— За что мне это все?! — махнула полотенцем в сторону телевизора: — У людей вон жизнь так жизнь!

Стало жалко жену, себя и «Заливные луга», достал из холодильника сладенькое домашнее вино, налил полбокала и протянул жене:

— Не реви. Мне книгу заказали, аванс в пятьдесят тысяч дали, завтра в Верхние Зигазы за материалом поеду.

— Аванс? А себе чего не налил? — вмиг успокоилась Лариса.

— Да лучше за пивом схожу.

* * *

Только собрался за нефилтрованным — пришло сообщение на мобильник. Перечитал эсмэску четыре раза: «Глобусрегионбанк» в лице генерального директора Шпизеля Я. И. очень ценит своих постоянных клиентов и всегда готов возобновить с Вами сотрудничество, вновь открыв Ваш лицевой счет». Грязно выругался, побежал к компьютеру. За мной побежала Ксюша и тоже грязно выругалась. Из туалета выскочила Лариса и возмущенно выругалась, но не грязно. На сайте «Глобусрегионбанка» в ответ на введенный пароль всплыло со вкусом оформленное сообщение о том, что в связи с тем, что счет закрыт, этот пароль не действителен. Грязно выругался еще раз. Грязно выругалась Ксюша. Жена взвизгнула:

— Ты в борделе или в культурном обществе?!

Поднял на перекошенное негодованием лицо жены бессмысленные глаза:

— Кинули. Весь счет обнулили, все, что откладывал. Ноутбук гребанный! У них, наверное, специальная программа стояла, есть такие. Пароль узнали!

Жена побледнела и грязно выругалась, грязно ругалась минут десять, потом сказала:

— Ты ничтожество, поэтому ты лох!

— Подлец, — добавила Ксюша, и еще добавила: — Вор конфет!

Отшвырнул клавиатуру, медленно встал из-за стола.

— А-а! Убивают! — заорала Лариса.

— А-а! Убивают! — заорала Ксюша.

— А-а! — заорал проснувшийся Тоша.

Полная клиника! Хотя идея у них неплохая.

Быстро оделся в спальне и стал медленно обуваться в коридоре. Три головы на разных уровнях высунулись из зала.

— Ты куда? — спросила жена.

— Ты куда? — спросила Ксюша.

— Куда? — спросил Тоша.

— Тазобедренными мышцами резать провода. В «Нефтегазтрансcontinental» съезжу.

— А тебя не заасфальтируют, как в «Криминальных происшествиях» показывали? —

спросила жена. Дети не спросили ничего, потому что Тоша вцепился в кулек Ксюши и Ксюша потащила его вместе с кульком на расправу в детский уголок за шкафом.

Над вопросом жены не мешало бы и поразмышлять, но не расшнуровывать же теперь эти дурацкие ботинки.

— В федеральную автомагистраль М5 Москва—Челябинск? Не исключено.

* * *

— Откуда я знаю, какой тут «газ» сидел, нам сказали отремонтировать фасад с крыльцом, мы ремонтируем.

— Можно пройти внутрь? — спросил смуглого штукатура, возможно, из солнечного «Понедельника».

— Нет, запрещено. За пленку нельзя заходить. Штраф дадут.

— Кому дадут? Сколько штраф-то?

— Ну хотя бы рублей пятьдесят.

Протянул купюру и шагнул за грязные, свисающие с крыши полиэтиленовые защитные полотнища, шарахнулся головой о строительные леса и оказался в черном пустом вестибюле около пустого письменного стола перед черной бронированной дверью, за которой жизнь не угадывалась. Два раза пнул дверь.

— Нельзя пинать, — сказал подошедший смуглый штукатур.

— А?!

— Штраф за пинание положен, сто рублей.

— А там есть кто?

— Нет, все переехали — ремонт делаем.

Покачал головой, хотел сказать штукатуру что-нибудь неполиткорректное, но зазвонил телефон:

— И ты молчал?!

Похоже, информация о завершении моей карьеры дошла и до жены.

— О чем?

— Не прикидывайся, только что звонила Ленка, ее Вадик ей сказал, что тебя уволили с работы!

— Это еще только слухи, а потом, я и сам давно собирался уходить.

— Куда ты мог собираться?! Ленка говорит, что Вадик сам видел приказ.

— Может быть, твой Вадик его и поднес на подпись?

— Вадик, между прочим, очень переживает за тебя, несмотря на твое свинское поведение. А меня ты достал! Мое терпение лопнуло, я ухожу к Макаревичу, который ведет себя как мужчина и не устраивает истерик из-за кулька конфет!

— Я устраиваю?! — гудки загудели, ожидающему штукатуру с широкой улыбкой и с протянутой широкой ладонью сказал, что не пошел бы он в свой «Понедельник», кое-как выполз из полиэтилена, сел в автомобиль и поехал по шоссе номер М5 куда глаза глядят.

* * *

Долго ли, коротко ли — приехал.

— Откуда вы? А к нам-то зачем? — глава сельской администрации в перемотанных прозрачным скотчем очках снимал с головы темно-синюю фетровую шляпу навыворот, любовно ее оглядывал, опять надевал на оттопыренные уши и никак не мог понять, чего от него хотят.

— Ричард Спартакович, может быть, у вас работа какая есть, я бы мог чего-нибудь того...

Стишки к дням рождения рифмовать, вести с полей сочинять или быков водить на осеменение противоположного пола.

— Нету у нас в Зигазах работы!

Поглядел за окно конторы, вертикальные густые дымы из печных труб подпирали все еще ранние февральские звезды, которые вместе с полной луной освещали все село, накатанную дорогу к нему, незамерзающую горную речку посреди села, небольшие поля в долине и древние пологие вершины, по которым не ходит никто.

«Кроме толп полупьяных туристов из клуба самодеятельной песни «Солнышко лесное», — возразил собственным ощущениям и переспросил:

— А?

— Нету, грю, ниче! — снял шляпу Ричард Спартакович.

Зато у вас белый-белый снег не из снегоделательной машины германского производства, небо чистое-чистое не из павильонных съемок сериального мыла, и в ушах ни одного рэпера с детсадовским образованием, ни одного шансонье со строгого режима, только тишина звенит.

— А в школе нет вакансий?

— Чего?! — Ричард Спартакович надел шляпу. — У Райки-куркулихи все есть: и уголь, и стеклопакет, и вагонка! Сеялка новенькая есть — не дает! Вакансия тоже, если поискать, где-нибудь припрятана. Вот туда, к ней в школу, и иди, а мне некогда — автолавка из Нижних Зигазов приехала, сейчас моментом все разберут! И я не Ричард Спартакович, ты не читай, что на двери написано, там могут и плохое написать. Я зам по безопасности Сайтбабаев! Запомни на будущее!

— Ни в жизнь не забуду!

* * *

Вышел от сторожа Сайтбабаева и перешел на другую сторону улицы «26 бакинских» комиссаров, зашел в длинное, недавно срубленное бревенчатое здание, пахнущее сосной, гречневой кашей, свежеспеченными булочками и непополовозрелыми человечками. Подергал все двери, открылась одна.

— Здравствуйте, мне бы Раю, Раису, забыл отчество, — спросил закутанную в шаль кругленькую добродушную бабульку, спрятавшую при моем появлении ноги в белых мягких валенках под стул.

— Я Рая, чего хотите?

Пивка бы нефильтрованного.

— Вам не нужны учителя истории или там что-нибудь в этом роде?

Кроме литературы, конечно, туды ее растуды!

— Нет, не нужны, — тихо сказала Рая.

Замечательно, у меня в литинституте по истории все равно одни тройбаны были, ни одного из двадцати шести бакинских комиссаров по имени-отчеству не помню.

— А по географии, биологии, анатомии для начальных классов, английскому со словарем? Почти не пьющие не нужны? Завхоз, может быть, а?

Раиса подобралась, написала на мятой бумажке с синими печатями: «Не выдавать», оглядела меня с ног до головы, превратившись за эту короткую паузу из безвольной квашни в гранитную глыбу.

Вот бы научиться так.

— Не нужны нам географы, молодой человек! У нас по два учителя на полтора

ученика! Своих прокормить не можем! Вон, к Ричарду Спартакевичу идите, может, возьмет на лесопилку!

Проклятая демография! И «молодой человек», конечно, приятно, с одной стороны, а с другой — неприкрытое оскорбление уфимского гастарбайтера, ё-моё! Что же делать? Но на лесопилку я не хочу!

— А программирование, алгебра, физкультура, труд, диалектический материализм?..

Рая не успела мне еще раз бесстрастно отказать, потому что вбежала моя первая безответная любовь Айгуль Асликулева из 10 «А» и сказала, увидев меня:

— Ой!

— Чего опять случилось, Марьям?

Тоненькая, как тростиночка, черноглазая башкирочка смущенно улыbnулась, точь в точь как тридцать три года назад, и продолжила:

— Раиса Максимовна! Идрисов на всю зарплату отоварился!

— Как?! Он же слово давал! И Мишка-экспедитор слово давал, что не продаст! И что, уже начал, предатель?!

Марьям, не сводя с меня глаз, кивнула:

— Так он с Мишкой и начал, уже полчаса как оба в клубе с телевизором по-матерному ругаются.

Раиса Максимовна строго посмотрела в мои осоловевшие от воспоминаний глаза:

— Толстого читали?

— Какого из классической четверки? — опешил от неожиданности.

— Образ Андрея Болконского завтра проведете вторым уроком в сборном девятом?

Марьям вдруг хихикнула в кулачок:

— Проведет.

Раиса Максимовна с удивлением взглянула на Марьям и почему-то опять начала таять:

— Проведет?

С удивлением взглянул на Марьям и вместо решительного отказа тоже растаял:

— Проведу... А снять можно где-нибудь комнату или домик недалеко от метро?

Раиса Максимовна пропустила мою заскорузлую остроту мимо ушей, улыbnулась Марьям и, опять превратившись в мягкую безобидную квашню, по-домашнему предложила:

— В библиотеке поживете? Туда все равно никто не ходит, а там печка, кровать, стол, стул, книжки, подшивки «Заливных лугов» и «Бельских просторов».

— Поживу.

— Марьям, ключ возьми и проводи товарища.

* * *

Небольшая комнатка библиотеки была чистенькой и уютной. В печке потрескивали дрова, на столе стоял чайник и две фарфоровые чашки.

Повесил тяжелое пальто на гвоздь, сверху повесил легкую желтенькую курточку беспрепятственно улыбающейся Марьям.

Определенно, я ее мужчина. Солидный, опытный, э-э... умный... и... Эх, пивка бы!

— А я вас знаю, вы Егор Егорович.

Она меня знает? Нет, не надо меня знать! «Я приносила вам стихотворение «Любовь никогда не умрет, или Смерть неизбежна», вы обещали меня опубликовать, потом где-нибудь вместе пообедать, потом жениться».

Струхнул:

— Проза, публицистика, краеведение?

Марьям закрыла свои ровные, сахарные зубки ладошкой и залилась тем редким, но тем самым смехом, от которого мужчины всех возрастов и народностей превращаются в блеющих ягнят.

— Вы к нам на рыбалку каждое лето приезжали в Кызылярово, мы тогда там жили, пока деревню не ликвидировали, как не перспективную. Теперь мы в Зигазах живем, я учительницей начальных классов здесь работаю.

Открыл от удивления рот:

— Машенька? Какая ты стала, Машенька! Ты, Машенька, того, ты совсем эта, красавица. Может, Машенька, нам выпить нефильТРован... Тьфу! Шампанского за возобновление знакомства?

Машенька все заливалась:

— А еще — вы похожи на бывшего мужа Раисы Максимовны!

Теперь ясен странный прием тети Раи. Что ж, причина уважительная.

Машенька перестала смеяться и протянула мне хозяйственную сумку:

— Здесь сметана, хлеб, яйца, котлеты. Заварка в ящичке стола. Готовьтесь к завтрашнему уроку, я побежала, мне тоже пора готовиться.

— Куда ты?! — только успел крикнуть вдогонку.

* * *

Вышел на крыльцо. Поднял голову, в ночном небе висел белесый Млечный Путь, потянулся рукой к свисающим звездам, не достал, резко вдохнул чистый ледяной воздух — словно проглотил булатный клинок, — вернулся в теплую комнатку, нашел на стеллаже Льва Николаевича, прилег на лежанку, открыл графа и стал читать про Андрея Болконского.

«Никогда, никогда не женись, мой друг; вот тебе мой совет: не женись до тех пор, пока ты не скажешь себе, что ты сделал все, что мог, и до тех пор, пока ты не перестанешь любить ту женщину, какую ты выбрал, пока ты не увидишь ее ясно; а то ты ошибешься жестоко и непоправимо. Женись стариком, никуда негодным...»

Это не то. Хотя закладочку надо бы оставить.

«...Совсем не так ползут облака по этому высокому бесконечному небу. Как же я не видал прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его наконец. Да! все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме его. Но и того даже нет, ничего нет, кроме тишины, успокоения. И слава Богу!..»

А вот это — то.

Закрыв глаза, стал лежать в абсолютной тишине, в точности как Андрей Болконский. Пролетал недолго. Часы на руке пропикали конец понедельника и начало вторника. Минут через пять вбежала Марьям, ловко увернулась от протянутых рук к ее курточке и с размаху задорно уселась на лежанку:

— Радость, Егор Егорович!

Ох, не люблю я неожиданные радости! Их непременно уравновесят неожиданные печали.

— Что такое?!

— Вышку открыли! С сегодняшнего вторника у нас в Зигазах тоже мобильная связь работает!

И зазвонил телефон:

— И где ты? Продолжаешь свой банкет?! И, похоже, с девицами?! Имей в виду, тебе завтра везти Тошку в младшую группу в детсад на Первомайской, а Ксюшу в подготовительную группу в детсад на Коммунистической.

И зазвонил телефон:

— Егорыч?! Ты куда исчез? Чуть дозвонился. Тут почетные народные литераторы из Коми-Пермяцкого округа приезжают, а тебя нет!

— Так есть же Евгений Аркадьевич.

— Какой Евгений Аркадьевич?! Аркадия Петровича сегодня утром на пенсию отправили. А Женька пацан еще совсем, мы его в «Бельские просторы» редактором в отдел сагиры решили определить, пусть Саныч с ним мучае... обучает ремеслу, в смысле. А ты чтобы завтра в восемь ноль-ноль был у меня, будем составлять план встречи гостей.

И зазвонил телефон:

— Егор! Здравствуй, дорогой! Это я — Вадик. Хорошо, что бумаги о твоём увольнении через меня шли, я это дело приостановил в самом начале, замял в зачатке, но сам понимаешь, сделать это было не просто. Теперь, Егорша, ты мой должник!

Пришла эсэмэска: ««Глобусрегионбанк» в лице генерального директора Шпизеля Я. И. приносит Вам свои извинения за технический сбой, Ваш счет восстановлен и открыт для проведения операций, оговоренных в договоре».

И зазвонил телефон:

— Егор Егорович! Вы где? Это Жоржик. Ну как, договор прочитали? Возражений нет? Тогда, может быть, завтра с утра махнем в Верхние Зигазы на встречу с односельчанами Арслана Арслановича, чтобы время не тянуть?

* * *

Сунул руку в карман пиджака, нащупал какой-то шарик, прилипший к ткани, с трудом отодрал его. Шариком оказался развернутый и наполовину обсосанный клюквенный чупа-чупс. Сунул его в рот и стал старательно разжевывать.

— У вас в магазине продают нефильТРованное пшеничное пиво? — спросил у Марьям.

— Я пивом не интересуюсь, — сказала Айгуль Асликулева и вышла на улицу.

Их имена...

СЛОВО

Писал стихи я, слепо подражая
То ли Олжасу, то ли Комитасу;
А может быть, степному урожаю
Из ковчегя, что стлался седовласо.

И пели в нем немолчные цикады,
И колыхались белые султаны,
Как будто мусульмане шли джихадом
И били в бубны или барабаны.

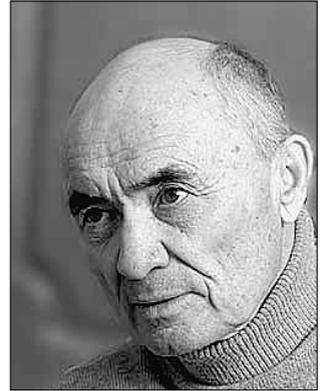
Кому я подражал – и сам не знаю.
Быть может, бегу диких лошадей?
А может, кличу журавлиной стаи
Над саваном целинных площадей.

Ушло, как сон, и возродилось снова...
Но не забыть, как плакал я, упав
На землю, где в начале было Слово,
И я его услышал среди трав!

ПРОБУЖДЕНИЕ

Я слышу вздох разбуженных снегов
За городом, в лугах и мертвых пашнях...
Опасный сдвиг оттаявших стогов
Напоминает крен Пизанской башни.

Я слышу стон березовой коры
И рокот крон – ворчаньем росомахи.
И бьют по ним шальные топоры
Вороньих крыл – с разлета и размаха.

Я слышу сонный шелест подо льдом,
Звон полыньи – предвестник ледохода.
Стихия!.. Чист перед твоим судом,
Повинно замираю год от года –

Пред буйным обновлением твоим,
Пред чарами подснежников и почек...
Коснись слегка дыханием своим
Хотя бы вскользь моих замерзших строчек.

* * *

Как мне хотя бы день прожить
Без твоего присутствия?
Как на ночь веки мне смежить
В минуты безрассудные?

Как утром пробуждаться мне
Без твоего касания
И, прикасаясь лбом к стене,
Искать иносказания
Во всем, что было и быльем,
Знать, поросло-повывелось?
А сердце падало в каньон,
Царапаясь об жимолость.

Иносказания сбылись.
Но и судьба продолжилась.
И сердце, что скатилось вниз,
Взлетело и обожилось...

* * *

Я замер на развилке двух дорог,
Где ветер их беззвучно заплетает.
Мне показалось: дух мой обитает
Над головой, как ангел, одинок.

Я весь дрожал, как огненный листок,
Среди берез поникших и осинок;
И свесил с крутояра мокасины,
Что скинул со своих уставших ног.

Я воздымал горячее лицо
К языческим богам, бродившим где-то
Меж облаков, средь темени и света,
Где мать моя всходила на крыльцо

Счастливых дней, таивших торжество,
Или, напротив, в даль своей кончины,
Поняв и тайный смысл Первопричины,
И скрытый знак рожденья своего.

А мой отец еще был далеко
И простирал к своей невесте руки,
И их судьбы все радости и муки
Читались мной и просто, и легко.

Но я стоял, не зная ничего,
Как ствол печально рдеющей рябины,
И мне казалось: пенные глубины
Вселенной бороздят мое чело.

ТОПОЛЯ

Марьям Буракаевой

Тополя на берегах Сурени,
Тонущие в облачном пуху...
Ни берез, ни лип и ни сирени –
Только тополя да свет вверху.

Припади к ним головой горячей,
К их целебной, сладостной коре –
Тотчас боль, которую ты прячешь,
Пропадет, как бурундук в норе.

Как они безмолвно исцеляют
От телесных и душевных мук!
Может, в этом истина простая –
Божества животворящий звук,

Сок земли, гул ветра, запах листьев,
Голос Тенгри, клекот журавлей,
Плеск воды – то медленный, то быстрый,
И все это – отблеск давних дней.

ЧЕРНОТА

(Беслан)

Школа, сентябрь... Как взрыв – черный траур:
Не осень, а горе чернит лес и травы,
Озера и землю; и лица, и души...
Боюсь, что навеки не смолкнет оружие
В руках, почерневших от пороха, злобы:

У смертников черных и почерк особый –
Внезапный захват то больницы, то школы,
И в детские спины – свинчаток уколы.
И ужас в сердцах матерей и страны,
И вечных бессонниц кровавые сны.

МОИ УЧИТЕЛЯ

Я как сегодня имена их помню,
Они встают пред взором во весь рост.
Их имена горят на небосклоне
Души моей, как россыпь светлых звезд.
Иных уж нет – ведь и они не вечны,
Подвластные законам бытия...
Я вижу полусогнутые плечи,
Усталые глаза, напевность речи –
Учительница первая моя!..
О, сколько было вас! И я запомнил
Слога и жесты, смех ваш и печаль.
И голову поныне низко клонит
Моя вина пред вами в этот час.
Да, я должник безмерный перед вами,
Пожизненный должник!.. Ведь я горю
Поныне вашим пламенем. Словами,
Что говорили вы, я говорю.
И вашими глазами озираю
Земной простор и в небе облака...
Ваш голос – как мелодия курая,
Пронзающая думу и века.
Да, помню все я: имена, и лица,
И радость, и печаль далеких дней.
Навеки оставаться мне той птицей,
Что вознеслась из рук учителей.

* * *

Куда ни глянешь – фотоаппараты...
Толкаются, стремясь пролезть вперед.
Куда ни глянешь – буйные фанаты:
Любой мазурик – «парень еще тот».

Куда ни сунешь нос – у губ мобильник –
На лекциях, в трамваях и в кино.
Их крики продирают, как напильник,
В Европу или Азию окно.

Куда ни глянешь – вонь от папиросы:
Дымят три девы – деловой акцент.
А ведь бывало: вместо дыма – розы
Цветли, горя на девичьем лице.

Как тяжело приходит привыканье!
Ах, взял бы и отсекал себя от них.
О двадцать первый век! Твое дыханье
Во мне рождает обморочный стих...

Моя пятидневная война

Рассказ

I

Вера в то, что мой дом когда-нибудь станет прекрасен, давала мне силы и желание жить. Но хористы оперного театра обожгли себе колени медузами, гастролируя в Таиланде, и пришлось прекратить всякий ремонт. Казалось бы, где медузы, а где мой гордиев санузел, – но все связано в этом мире: работа хористов Башкирского театра оперы и балета заслуживает оваций – плитку они кладут бе-зу-преч-но.

И вот у меня прорвало какие-то слезные трубы, откуда хлынуло двумя фонтанами – по-клоунски, на полметра.

– Подлые, подлые медузы, – грозила я кулаком куда-то в сторону Таиланда, не зная точно, в каком направлении скрылся мой внезапно ушедший муж.

Я плакала, а мимо меня веселой демонстрацией шли скоморохи – то лохматые рыжие, то – с ярко-зелеными волосами из новогоднего дождя, то с теплыми колготками на голове: меняющая наряды девочка пыталась поднять мое настроение.

– А сейчас! – объявляет она. – На арене! Впервые в Уфе! Др-р-рессированные лео-пар-р-рды-ы!!! – и недовольная кошка семенит на передних лапах по кругу, тщетно пытаясь выдернуть задние из дочкиных рук.

– А кто будет плакать! Не получит! Кон-фет!!!

– А теперь – для терпеливых! – магия!

– Ну, ушел и ушел, – сказала она человеческим голосом через полчаса небывалого шоу. – Нам же лучше.

– Ну что ты, – ласково, как дефективной, говорил мне восьмилетний ребенок, глядя меня по голове. – Разве можно так горевать? Такая красивая и веселая женщина – с кучей друзей – все у тебя хорошо!

Тут мне стало, наконец, стыдно, и я позволила ей вытереть мое лицо полотенцем, виновато целуя ее горячие, пахнущие конфетами пальцы.

Так началась моя пятидневная война – война с окаянным женским «Я», отчаянно сильным, отвечающим за все и виноватым во всем, но не способным учесть в своих планах бесхребетных медуз.

Когда падает не дождавшийся ремонта дом, надо мчаться на воздух, схватив в охапку самое дорогое: я сребла детей и папу и маму – главных, любимых, немислимо беззащитных, достойных не просто мира, а лучшего из миров. Точнее, сама схватилась за их хрупкие руки, чтобы спастись. И взяла шесть билетов на Черное море, еще не зная, что это маршрут на войну. Ведь я-то отправилась на Кавказ за миром – так оглушил меня грохот рухнувшей крыши.

Стратегический план моего сражения – пока еще просто бегства – банк, вокзал, телефон. То есть: получить деньги, купить билеты и уехать, отключив всякую связь с опостылевшей жизнью.

Телефон – дьявольская придумка – страшная цепь, она, издевательски мяукая, дребезжа и распевая на разные голоса, тащит нас за огромным белым конем, с которого смотрит на нашу гонку пустыми глазницами смерть. Смотрит, как мы несемся за ней, торопливо перебирая ногами, спотыкаемся, падаем, цепляемся друг за друга, целуемся на бегу, совокупляемся наспех, мельком видим детей... Мы бьемся в сетях телефонных цепей, опутанные минутами, секундами... И только чуть успокоимся – дерг!

Мы так зависим от бездушных вещей, что сами превращаемся в автоматы. Но, к счастью, война за свободу уже началась.

Тот, у кого лучшее чувство юмора, проставил на билетах круглую дату «08.08.08» – трижды взвешившуюся бесконечность, взятую под уздцы точками и нолями. Эту формулу – «Ноль, восьмерка и точка» – прокукарекало трижды, но я, пригибаясь от свиста осколков сломанной жизни, не могла еще прочитать послание верно: «Ничто, бесконечность, смерть».

Формула смирения.

«Ничто, бесконечность, смерть», – отстукивали по рельсам колеса, а мне слышалось: «Подлец, обезьяна, трус!»

Мы сели в свой вагон в самом начале ночи – восьмого августа – и сразу уснули. И колеса перестали стучать, а только укачивали – как любимые руки. Я ошалевшим от обожанья щенком терлась об эти руки щеками, трогала их губами, дышала ими, радуясь, а утром опять резануло: «Подлец, обезьяна, трус!» Очень жесткие полки в этих купе, и лежать больно, и двигаться неохота, и телефон мешается под подушкой.

Я не отключила его, проявив предательское малодушие, – оставила лазейку в крепостной стене расстояния. Оттуда до меня добирались посланцы городской суеты, но шум их становился все тише, а голос моря все громче.

– Мама, смотри – бронепоезд!

Неряшливый военный состав встал рядом с нами. На его платформах грелись запыленные танки – их гусеницы недавно жевали грязь. Орудия, боевые машины пехоты – все как будто только из боя. И – солдаты, выглядывающие с деревянных многоярусных нар из металлических товарных вагонов.

– Вы посмотрите, там – люди! – возмутился мой старший ребенок. – В такую жару, в железных вагонах!

– Да, – пожевал усы папа. – В войну их хоть в деревянных теплушках возили. Железные – это уж как-то...

Состав, обгоняя нас, двинулся дальше – на юг.

«Осетия, – невнятно шуршало по вагонам, – Осетия...»

А я ничего не знаю об Осетии – ни о Северной, ни о Южной. За всю свою жизнь видела лишь одного осетина – дивного московского юношу с розой в руках – художника, составляющего скульптуры из мягких игрушек.

Впрочем, я могу рассказать про его деда – героя и великого скульптора Тавасиева, создавшего в числе главных творений памятник девятнадцатилетнему пугачевскому бригадиру Салавату Юлаеву.

Когда-нибудь я расскажу о них своим детям.

Я расскажу, как в 1941-м сорокасемилетний Сосланбек Тавасиев пришел – в шлепанцах на босу ногу – на Казанский вокзал провожать в эвакуацию эшелон, а ему эшелон этот велели возглавить – взять под опеку жен и детей художников, отправляющихся в Уфу. Как он, в шлепанцах, завернувшись в клетчатый плед, как в плащ, отправился по этой железной

дороге навстречу нам – навстречу своему названому, но пока незнакомому брату.

Он подъезжал к нашему городу, и его – удивительно! – не встречал, приветствуя со скалы, громадный всадник на гигантском коне.

Я расскажу об их совместном пути – Сосланбека и Салавата – пути длиною в добрую четверть века. О том, как скульптор посвящал воину и поэту стихи – всю ночь, утром торопясь на очередное свидание с ним, чтобы восстанавливать, восстанавливать по черточкам его теперь бесконечно родное лицо.

Расскажу о том, как бывший кавалерист ваял для названного брата коня – как разглядывал в анатомичке военно-ветеринарной Академии препараты лошадиных мышц, навсегда застывших в движении; как создавал специальный станок, чтобы впервые в мире зафиксировать в нужной позе целую лошадь – в обнаженной красоте всех ее мускулов и суставов.

Принесенное в жертву искусству животное было принято благосклонно – нет прекрасней и больше конной статуи во всей России, от края до края.

Я расскажу об этих героях, чтобы дети мои поняли, как тесен и хрупок мир и как может быть велик человек в этом мире. Но если человек велик, то обязательно – подобно всаднику Салавату – всегда находится на краю: на переднем краю сражений, на границе между мирами, на пределе возможностей, за пределами нормы.

Я расскажу, как чиновники не пускали Салавата на край, пытаюсь запретить его бег в тесных улицах города.

Расскажу, как памятник башкирскому воину спас от сноса Ахтырскую церковь, построенную ровно в тот год, когда Салават собирал свои неистовые полки: Сосланбек Тавасиев занял ее – советскую овощебазу – под мастерскую. И моя московская тетьа, гуляя по бывшему имению Трубецких с Владимиром Трубецким, забиралась на камень, опираясь на руку своего князя, чтобы дотянуться до окошка и увидеть в полумраке церкви силуэт, который потом будет встречать ее постоянно на подъезде к Уфе.

Я буду рассказывать детям о легендарных героях, чтобы они поняли: все мы – части единой плоти, и у всех у нас – единая кровь. И то, что кажется далеким во времени или пространстве, случается заново каждый миг – удивительно рядом.

Я расскажу современным тепличным чадам, как дядя Сосланбека душил голыми руками медведя – как Салават. И как дед Сосланбека ударом кулака свалил чеченскую лошадь – когда чеченцы напали на его стадо. А когда дети спросят меня, в какую из чеченских войн это было – в первую или вторую, я отвечу:

– В мирное время, в редкое мирное время. Сто лет назад.

Я расскажу, как в 1918-м осетинский командир красных шариатских отрядов Сосланбек Тавасиев выбил из Кисловодска войска будущего наездника-акробата парижского цирка, будущего эсэсовского генерал-лейтенанта Андрея Шкуро. И как с белогвардейской армией бежали из города десятки таких же, как мы, благодушных курортников: Голицыны, Волконские, Оболенские, Воронцовы-Дашковы, Бенкендорфы, Мусины-Пушкины... И с ними – известный промышленник Нобель. Родственник того самого Нобеля, чье имя носит премия, которую все никак не присудят вашему гениальному деду.

Гениальный дед – мой папа – озадаченно смотрит в окно: одним курсом с нами – на юг – идут и идут военные поезда.

– Гм, может быть, учения? – удивляется папа.

В ответ ему задергался припадочно мой телефон, и папина сестра, наша московская тетьа, прокричала нам, что этой ночью – когда мы сядились в поезд – грузины разбомбили Цхинвал.

...Занимая осетинские села, «волчьих сотни» белого генерала Шкуро в шапках из волчьих шкур убивали всех. Беспомощные старики шли на них с железными вилами – все, кто мог держать оружие в руках, давно распределились по армиям; вот и брели воевать оставленные в домах столетние осетины, роняя на землю тяжелые вилы.

Говорят, как только солдаты Андрея Шкуро вошли в «красное» село Христиановское, то сразу отыскивали дом красногвардейца Гамаева. Навстречу им выбежал, сгорая от любопытства, его трехлетний сынишка Аркадий, его, захохотавшего, подхватили на руки, внесли обратно в избу и затолкали в горящую печь.

Мать ребенка пришлось держать очень крепко, но она смогла вырваться, когда ей, смеясь, предложили «угоститься жареным мясом». Женщина начала рвать горло одному из бандитов, и ее зарубили шашками.

Двое других детей красногвардейца Гамаева смотрели, держась друг за друга, на маму и не могли ни подойти к ней, ни убежать – одного из малышей сразу хватил паралич, а второй вцепился в брата, не умея ходить.

Потом красные партизаны сбросили в пропасть у «Чертова моста» – у входа в Дигорское ущелье – несколько десятков белогвардейцев, живьем.

Я не хочу, чтобы мои дети знали об этом.

Невозможно понять, невозможно принять поведение войны. Митрополит Кирилл как-то сказал: человек не может убить человека – чтобы убить, он должен перестать видеть в жертве себе подобного. Как это можно сделать? Не знаю.

Лучше я расскажу, как двадцатичетырехлетний Сосланбек Тавасиев, бывший юнкер, выпускник Елизаветградского кавалерийского училища, стал одним из предводителей революционной группы «Кермен», названной в честь осетинского Че позапрошлого века – народного героя Чермена. Как он спал каждую ночь в сапогах, постоянно готовый к бою. И когда однажды все-таки снял сапоги, был застигнут врасплох отрядом Шкуро. Бежал босиком через перевал и обморозил голые ступни. Как дополз до аула, где ему дали целебную мазь. Но он не стал сразу мазать ей ноги, а сначала попробовал снадобье – нанес на самый кончик мизинца. И чуть не умер от сильнейшего яда. Тогда Сосланбек Тавасиев обтесал своим кинжалом обмороженное мясо ступней и лечился сам, звериным чутьем выбирая нужные средства. Известно, что вылечил он себе ноги медом, соломой и мылом.

Когда в родном его ауле началась дележка земли, ему – как самому справедливому – доверили межевание. И он так разделил участки, что все примирились с его решением. Даже родной отец – Дафа Тавасиев, у которого сын отнял большую часть надела в пользу малоимущих соседей.

Впрочем, в моем сознании «справедливость» ассоциируется с ассирийскими списками обид – справедливых обид! – моего ушедшего мужа. Я годами слушала их, невольно заучивая наизусть, не зная, чем отвечать: предъявлять свои, не менее справедливые? Захотела спросить: что, так и будем меряться списками? Но от смешного созвучия пробило на смех, и я опять получилась не просто дура, а бесчувственная и тупая.

Так что не будем о справедливости. И Салават Юлаев, и Сосланбек Тавасиев воевали за то, чтобы все были счастливы.

В моем рассказе они так и пойдут, обнявшись, – два поэта, два брата, два борца за свободу. И это не будет «совсем другая история», ведь в каждый вздох этого мира кто-нибудь – на самом краю бытия, над обрывом, шурясь от ветра, – сражается за свободу.

Их держит на краю вера в обязательное человеческое счастье для всех.

Сосланбек Тавасиев, окончив в Ленинграде художественный институт, идет по московским улицам – легендарным героем в псевдоэллинических сандалиях на мощных, как у Минотавра, ногах, в самодельных шортах и коротком плаще. Идет, гордо выставив вперед роскошную, как у древних царей Междуречья, черную бороду.

Год 1927-й.

Москвичи хихикают и косятся. И только народный поэт Демьян Бедный приходит в восторг. Он едет навстречу в открытом автомобиле, в Кремль.

– Тпру! – приказывает Бедный шоферу и стоя приветствует обладателя удивительной бороды.

– Ба, да это же Тавасиев! – восклицает Демьян. – Разве тебя не убил мерзавец Шкуро?

В Кремле поэт рассказывает всем, что видел живого Тавасиева, и бывшему красному командиру выдают «за бороду» орден Красного Знамени, давно заслуженный им в сражениях за свободу и счастье бедных.

Я многое успеваю рассказать своим детям за эту поездку – пользуясь своей победой в борьбе за свободное время.

После этих рассказов мой средний ребенок прозвал скульптора Тавасиева «каменный парень», узнав, что имя Сосланбек означает «сын камня»: слово «сос» переводится как «гранит», а «алан» – «илан» – «сын». А младшенькая ударилась в рев:

– Жалко медведя!

– Какого?

– Которого убили все эти ваши герои.

У Сосланбека Тавасиева на довоенных портретах лицо царей Древнего Междуречья, но ни один из восточных царей не мог создать настолько живых и безупречно прекрасных фигур, которые рождались под резцом бывшего командира красных шариатских отрядов.

Наверное, только такие люди – высеченные из камня, как два героя моего краеведческого рассказа, могут спасти от оползания разжиженный глобализацией мир. Такие – родившиеся в горах, где крошечный камень может вызвать смертоносный обвал.

Вот, собственно, и все, что я знаю об осетинском народе.

– Если уж их везут на войну, – ворчит мой старший ребенок на мелькающие за окном лица военных, – могли бы им и купейный вагон дать, хотя бы плацкарт.

– Может быть, специально злят? – предполагает средний. – Перед боем?

– Представляешь, сколько понадобится плацкартных вагонов для одного полка? – поясняет им моя мама.

И они вместе принимаются подсчитывать на листке, изрисованном буквами и значками игры «виселица».

А я никак не могу остановить разматывающийся клубок взаимосвязей: через девять дней после рождения моего папы, 16 января 1947-го, когда Тавасиев начал ваять в московской мастерской рабочую модель памятника Салавату, там же – в Москве – повесили бывшего парижского наездника-акробата, бывшего деникинского офицера, генерал-лейтенанта СС Андрея Шкуро.

Очень люблю дорогу, но в этот раз беззаботная кочевая песня не складывалась в крови. Наверное, проклятый телефон виноват, что не оборвалась во мне какая-то суровая нить, и тянет, и тянет, вытягивая изнутри острую боль.

Конечно, днем я от нее отвлекаюсь, но утром и вечером – до и после спасительных снов – в груди бесчеловечно саднит. Привыкнув просыпаться и засыпать с любимым именем на губах, никак не могу вырвать его из горла и рта. Привыкнув прислушиваться к родному дыханию, голосу, к нетрезвой возне его ключей в скважине входной двери, к ночному звуку подъехавшей к подъезду машины, я пугаюсь наступившей вокруг тишины. Привыкнув к его запаху, вожу растерянно носом и ловлю им только едкую гарь.

Человек не может убить человека – чтобы убить, он должен перестать видеть в жертве себе подобного.

– Ты – тупое животное! Ты живешь рефлексам, как амeba! Ты – не человек! Ты – самая последняя мразь – не ЧЕ-ЛО-ВЕК!

Помню, я заморожено смотрела, как тщательно артикулируют любимые губы, слушала голос любимого и понимала: каждое слово – правда, для него – правда. Иначе он не убивал бы меня.

Каких ужасных демонов, какого свирепого врага видел он, когда сражался со мной? Какую ненавистную тварь волок он победно за волосы, поскальзываясь на моей крови?

Какую свою чудовищную беду уничтожил, затапывая меня?

Кого он душил – медведя, скалящего на него смертоносную пасть?

Ведь не меня же, не меня – его родную жену? Которая закрывается от него трясущимися руками – слишком медленно, с опозданием на удар. Которая таращится на него, не понимая, заплывшими мокрыми глазками, выдувает бесформенным носом алые пузыри и давится, давится без конца.

Какое страшное зло вызвало в нем эту рычащую ненависть? Ведь не я?

Он убивал меня. Я так и не сумела понять – за что?

Тряслась, одетая, в горячей ванне, пока он спал, баюкая огромную, как земной шар, голову, и повторяла, и повторяла до утра громким шепотом: «За что? За что? За что? За что?..» Как тупое бессмысленное животное.

А потом долго плакала от бесконечной жалости: бедный, бедный, в каком же аду он живет... Знать бы, в чем его ад.

Знать бы, что за ад вскипает в сердцах мужчин, когда они развязывают войну? Что в глубинах их человеческих душ начинает вдруг жадно требовать крови? Что наполняет их радостным предвкушением смерти – и своей, и чужой?

Неужели им так необходимо рвать общие жилы? Впрочем, мир бывает безобразно велик, и большинство даже не заметило боли от погибших на периферии кровеносной системы пары тысяч цхинвальцев.

Я ничего не понимаю в мужских бранных делах. Не понимаю, как могло случиться, что хорошее, веселое слово «грузины» в российских газетах стало писаться чуть ли не в значенье «фашисты»? И – зачем? Для чьих последующих смертей?

– Расскажи еще что-нибудь про убийцу мишки, – просит меня младший ребенок.

– Какого Мишки? – рассеянно отзывается сын. Он торопливо читает в сотовом военные новости из Интернета, пока не пропала связь. – Саакашвили? Вроде он пока что живой.

Что я могу рассказать «про убийцу мишки», который и медведей-то не убивал – этим грешил его дед? Что перед второй мировой Сосланбек Тавасиев всерьез занялся краеведеньем; ведь веденье – осознание – края так необходимо, чтобы удержаться от

падения в ад. Чтобы не сорваться в единый наш кровоток безродным губительным тромбом.

Это детям неинтересно, так что же я им могу рассказать? Зачем я вообще вспоминаю так много о далеком осетинском герое? Наверное, потому, что лишь издали светят нам путеводные факелы освободительных войн. Наверное, потому, что лишь небольшие – концентрированные – народы впрыскивают в наши анемичные вены яростные мужские гормоны.

Я не хочу рассказывать о его вере – ведь она убила его на полжизни раньше отведенного срока.

Сосланбек Тавасиев верил в справедливость и счастье.

Поэтому командир красных шариатских отрядов не поклонялся богам. И – шумный, молодой, крепкий – только смеялся, видя, как с ежедневной рабской зависимостью склоняется в молитве сосед.

– Распрямляй спину! – кричал он ему через забор. – Смотри, какое восходит солнце!

Сохранилась легенда (правду говорят или нет, уже не узнать), что однажды Сосланбек умудрился обманом накормить правоверного соседа свиной.

– Вкусно? – смеясь, спросил у него после застолья.

– Спасибо, сосед, хорошо. Большое спасибо.

– И что теперь скажет твой бог? Может быть, он, как ты, не умеет отличить баранину от свинины?

Сосед еще раз поблагодарил, пошел домой, лег на кровать и умер от ужаса перед вечной смертью.

...С того ли дня или раньше – оплакивая погибших на гражданской товарищей, – богатырь Тавасиев пошел в ученики к мастерам, выбивающим каменные надгробья. Несколько лет он вспоминал и оживлял в родственном ему камне лица ушедших друзей. Ведь он не верил в загробную жизнь – только в вечную память, которая есть разновидность священной для него справедливости.

Он собирался, как его предки, дожить до ста двадцати лет. На восьмом десятке приносил на руках литую статую быка. Надорвал, правда, спину и год пролежал в постели, но не беда – много рисовал, не вставая. Потом понемногу расходился – впереди оставалось еще лет сорок-пятьдесят.

Сосланбек Тавасиев, как все герои, все время жил на краю и поэтому очень редко встречал обыкновенных людей. Мастерская – семья – партсобрания – мастерская... И вдруг – больница, случайно, из-за пустяка.

– Костыли подбери! – тыкала шваброй в его искромсанные когда-то ступни неопрятная санитарка. – Да пересядь, не видишь – мешаешь! Вот дед!!! Совсем плохой, да? Или оглох?! А?! Подь, говорю, вон туды, ты, старый пердун!

Тавасиев послушно отошел, лег на кровать и умер от ужаса перед настоящим лицом обычного человека, счастьем которого он служил всю жизнь, как богам.

II

Надежда на мирный отдых в сотне-другой километрах от войны полностью оправдалась.

(...)

Из моего телефона по-прежнему выбирались воинственные посланцы городской суеты, но я отбивалась и отбивалась, так и не решаясь перекрыть им последний канал.

А вдруг мелькнет там полотнище белого флага? Хотя какие тут могут быть флаги – после ковровых-то бомбардировок?

– Очевидно: после этих событий они никогда не смогут жить вместе, – сказал про меня и про мужа Президент Дмитрий Медведев, выступая по телевизору на фоне хроник осетинско-грузинской пятидневной войны.

Моя же война разлучила меня с подругами, поставив нас по разные стороны фронта. Они где-то вдалеке вели свои локальные войны.

Иногда через телефон до меня долетали звуки их упорных сражений. Александра – самая сильная и боевая из всех моих женщин. Александра – которая ударом кулака валила обидчиков наземь, перед моим отъездом полюбила одного из самых ярких современных героев и разбойников нации.

«В нем дух Салавата!» – восторженно писала она в коротких телефонных посланиях. Не умея ничего делать наполовину, Александра сразу – уверенно, мощно – вошла в долгожданное чувство.

Что ж, пожалуй, он может быть из породы настоящих героев. В такого не стыдно – и с головой.

А в моем герое мне было мелко – как в азовском лимане. Когда идешь, идешь в воде по колено, а нырнуть негде. Захлебнуться с ним можно лишь лежа – в постели, сливаясь в супружеских ласках, или утром, когда горлом идет нежность от младенчества спящего рядом. Но я же не могла все время лежать, чтобы быть равной по росту.

Хотя, может быть, нужно было всего лишь встать на колени, прижавшись лицом к любимым ладоням? Может быть, когда пришел ко мне муж, нужно было просто разуть его, и помыть ему ноги, и воду с них, по традиции, выпить? Чтобы был у меня и моего дома хозяин.

Мы – все мои подруги и я – выросли со странной уверенностью, что жизнь наша должна быть счастливой.

– Но никто тебе этого не обещал! – возражала мама.

А я с упорством трехлетки не верила ей. «Конечно, никто не обязан ничего приносить мне на блюде – я и сама вполне могу построить себе немножечко счастья», – думала я. Иначе зачем тогда все? Зачем было трудиться Тому, у кого лучшее чувство юмора, – создавать это манящее леденцовое небо с клочьями сладкой ваты?

Но вот моя пятидневная война стала гражданской, отбросив на вражеские позиции лучших подруг. И я в одиночку сражаюсь против гордого «Я сама», осознав, что, «строя свою чудесную жизнь», попросту вырывалась с капризной глупостью из любящих рук.

«Я сам!» – так, топя, требуют малыши. И успешные красавицы, рисуя на своих щитах «Я сама!», с откровенностью сомнамбулы признаются в том, что пульсация нежной жилки за ушком – под «Guerlain» – это трепыхание глупого детского сердечки. Оно судорожно хватает кровь каждым клапаном и, содрогаясь, извергает ее – вхолостую, ибо так давно захлопнулись двери безвременного рая, в котором нет ни знания, ни греха – только любовь.

Но так давно уже закончилось детство, что притупилось даже чувство потери.

И пьяные бродяжки, засыпающие под стрекот кустов в развалинах бомж-отеля, что стоит на нашем с папой курортном ежевечернем пути, стократ счастливее моих умных, хороших самостоятельных женщин. Ведь каждый день готовит им, беззаботным, сюрприз. Ибо нет у них крепких сетей ежедневников, а есть только детское доверие к миру.

По горизонту – по краю между морем и небом – вереницей идут военные корабли. Перед водой переминается от нетерпения дюжина мелких детей из соседнего лагеря отдыха и здоровья. Довольная жога, стоя по грудь в воде, дирижирует их нестройной речевкой:

– Над нами – солнце, перед нами – море, под нами – песок, мы – друзья!

– Плохо! Плохо, – приплясывая в воде, кричит на сомлевших пионеров наглая тетка. – Давайте еще раз!

Дети голодными глазами смотрят на море и бессмысленно тянут:

– Над нами – солнце...

– Видите, они заклинают стихию, – жалостливо топорща усы, шутит папа. – Говорят: «О море, будь с нами добрым, пощади нас...»

Мои «вольные» дети под завистливые взгляды лагерников с хохотом полощутся в жвачке прибойя.

Я тоже бегу к воде, но меня останавливает дребезжание телефона.

– Брось его в море, – советует папа.

– Только подальше, – весело машет рукой мама.

А вдруг?...

Но это дурацкая – дурацкая! – эсэмэска от Александры.

«Я беременна», – пишет она.

«Ура, – отвечаю, расстегивая сандалии, – ура!»

«Никакого ура. Не знаю, какое он примет решение».

«Какое тут может быть решение?! Это – подарок», – я уже «бью копытом» у кромки моря.

«Меня убьют за такой подарок».

«Это тебя-то? Такую сильную? Кто посмеет!»

«Все».

«????»

«Родители, дети, муж, начальник, правительство Республики Башкортостан».

«А он?»

«Я жду, какое он примет решение».

Над нами барражирует оливковый вертолет.

– Отключи ты свою пищалку, – советует папа. – Ты так и не искупалась.

– Успею.

И я плавала – перед самым ужином – не зная, что моя Александра, мой отважный двурогий, как умирающая Луна, воитель в это мгновение тоже заходит в воду – в Белую реку у подножья Уфы.

Человек не может убить человека, поэтому она отдает себя на волю стихий. Огонь закатного солнца поджигает реку под железнодорожным мостом, теплый вечерний воздух гладит ее, заблудившуюся, по волосам, и высокая скала закрывает город.

Александра решает плыть, пока не устанут руки. Когда же руки устали, она переворачивается на спину.

– Вот и все. Так и буду лежать, пусть река забирает меня.

И река послушно несет ее в сторону горизонта – к самому краю.

Бедная моя Александра! Воин и поэт, я не могу быть сейчас рядом с тобой: у нас слишком разные войны. Я не могу даже узнать, какое решение принял твой харизматичный разбойник: горы оградили мой телефон от волн сотовой связи. Подумать только: где-то усатый злодей вершит свой суд над невинной душой, хотя не

он Создатель, а всего лишь отец! И я не могу сказать ему – и ей, – что они не имеют права решать.

(...)

Когда мы за полночь, пританцовывая нечто вроде лезгинки, добрались до пансионата, мой спящий телефон ожил, выплевывая послания одно за другим, все от одного адресата – Александры.

«Дорогая, он – идиот!»

«Я идиотка, последняя кретинка и дура»

«Если спросят, знакома ли ты со мной, говори, что нет!!!»

«В моей квартире сломали дверь!»

«Ты в опасности тоже!»

Она писала мне еще до ухода в Белую, писала, писала, не получая ни строчки в ответ.

И последнее:

«Я все хорошо обдумала, придется делать аборт»

Ох, только не это! Не уподобляйся тем миллионам, на которые ты так не похожа! Больше полутора миллиона абортующих ежегодно в одной только России – подумай только – полтора миллиона!

Человек не может убить себе подобного.

«Не убивай его! Он человек!» – набивала я СМС, торопясь, не попадая по нужным кнопкам. Не зная, как уместить в коротком послании: он – человек, он еще не умеет дышать, разговаривать, думать, он похож на червяка с ножками, но он уже любит тебя! Он – такая же часть тела Божьего, как мы. Увидь же в нем человека, а не беду! Не убивай его, дорогая, пожалуйста. Любимая, не губи же себя.

«Подумай, какой роскошный генофонд тебе посчастливилось получить, – я расставляла в эсмэске ободряющие смайлики. – Ты родишь для родины героя, – смайлик, смайлик, смайлик. – Не бойся ничего, ты же сама герой!»

Эти послания съели последние деньги с моего телефонного счета, и я корила себя – надо было звонить, не писать! А теперь она не отвечает, и я не могу услышать, как она там? Проклятая телефонная связь! Ненавистная, бесполезная трубка!

Телефон молчал, и я не знала, что моя Александра плыла и плыла на спине по волнам Белой реки, громко читая свои стихи о любви.

И не видела, как на них отозвался с горы каменный воин-поэт – нагнулся вдруг, нависнув над Александрой огромным лицом, и она не могла потом вспомнить, как оказалась на берегу.

Сутки я прождала ответа. И следующим вечером мы отправились с папой к санаторию космонавтов, чтобы прикупить для вечернего гедонизма пару литров сухого вина.

...Долог и прекрасен в этих местах путь за вином.

Сначала – аллейкой мимо унылого совкового пансионата с губастыми золотыми рыбками, нарисованными на скамейках. Потом – еще чуть-чуть – до собаки размером с варешку; ее угрожающий лай слышен до самого бомж-отеля. От отеля – пять минут неторопливой ходьбы до шоссе; на другой его стороне – магазинчик с красноречивым названием «Доза». Но нам не надо туда, ибо нет еще там вина, а продаются лишь цветы, фрукты и садовые керамические твари, застывшие в комических извращенных позах. Если бы мы перешли дорогу, то увидели бы, что большое красивое прописное «Д» на вывеске – это на самом деле коротконое «Р».

Мы же идем дальше – по кромке шоссе, отшатываясь, когда мимо проносятся,

пьяно кренясь на лихих поворотах, машины. И спускаемся по живописной дороге – среди калифорнийских вилл на фоне картинных гор. Спускаемся к покрасневшему от удовольствия солнцу, жадно припавшему губами к наполненной чаше моря. Там – внизу, возле космического дендропарка – играет музыка, мигают фонарики, гуляют люди и продается вино.

Когда мы, нагруженные вечерней снедью, поднимаемся в беспросветном мраке обратно к автомобильной дороге, мой телефон вздрагивает от дошедшего сообщения.

– Выброси ты, наконец, эту бренчалку, – отзывается папа.

Но я, неловко зажав подмышкой пакеты, пытаюсь разглядеть на тусклом дисплее буквы. Их всего двенадцать: «Его больше нет».

Так я получила известие, что погиб мой союзник по этой пятидневной войне, мой маленький безымянный товарищ, сын героев и сам, конечно, герой.

Мы отдыхаем с папой в темноте на берегу грохочущего фурами шоссе и передаем друг другу картонный пакет с каберне.

– Полтора миллиона, – говорю я. – Полтора миллиона жертв – целая Уфа и еще несколько деревень. Полтора миллиона мирного – очень мирного – населения.

Папа молча протягивает мне пахнущий южной ночью напиток. И южная ночь пахнет, естественно, горячим асфальтом и пакетным вином.

III

Любовь сбита нас с тобой с ног, внезапно. Повалила в объятья друг друга – как двух последних пропойц. И мы почти разучились стоять, падая на пол, на кровать, под кусты.

Мы сидим с тобой у подножия памятника Салавату – я у тебя на коленях, помнишь? И подвыпивший прохожий предсказывает нам выдающегося ребенка. Все четыре стихии свидетелями присутствуют при этих словах – река далеко внизу, камень под ногами чугунного скакуна, вечернее – полное воздуха – небо и важно вздыхающий огонек на кончике сигареты пророка. Я у тебя в руках и мечтаю там пребывать вечно.

Но все кончено – ты пропал без вести, а я – за сотни километров от твоих коленей – веду детей к «Дозе» за ведерком турецких персиков.

Осталось обойти кусты, за которыми грохочет шоссе, перейти его... В этот момент рядом – близко! – тормозит военный грузовик. Не голливудского вида автобус с фантастической надписью «Космические войска», который ежедневно проезжает мимо – из санатория, а настоящий войсковой грузовик с полным кузовом вооруженных мужиков под темно-зеленым тентом.

Я понятия не имею, кто они – какой армии, армии ли вообще. Мгновенно останавливаю детей, прижимаю палец к губам – всем тихо! Они улыбаются, а во мне плещется вековой ужас мирного населения – откуда? – перед солдатней. За очень ненадежной оградой субтропической зелени – на расстоянии вытянутой руки – ходят, разговаривают, пахнут солдаты. Абсолютно инородные существа, для которых трое детей и женщина – инородные существа. Не люди. Уверена, так же, как мы сейчас, чувствовали себя женщины и дети, когда рядом топтали кусты эсэсовские войска. Так же прячутся сейчас по кустам незнакомые нам осетинские и грузинские семьи – совсем рядом, для машины час-полтора пути.

Я – не воин, нет – не воин! Я трясусь и взглядом закливаю детей: замрите!

Где же ты, наш герой, обязанный нас защитить?

Во многих сотнях километров отсюда ты с хмельной иллюзорной легкостью петляешь в кустах возле памятника Салавату. Ты с упоительным чувством опас-

ности дразнишь удивленных милиционеров – радостным гиббоном выскакиваешь внезапно перед ними из-за кустов; кривляешься, издаешь невнятные, но громкие звуки и снова пропадаешь в листве.

Им лень гоняться за тобой над обрывом, они делают вид, что не замечают тебя. Так же, как твои друзья, сидящие на скамейке неподалеку.

Потеряв интерес к милиционерам, ты бредешь, улыбаясь, падаешь в траву и лежишь, долго и счастливо глядя на облака.

Что ж, когда нет войны, то алкоголь – лучшее приключение. Ибо, заходя каждый раз в его веселую стремнину, никогда не знаешь, где вынырнешь и вынырнешь ли вообще.

Военные за кустами рододендрона прыгают обратно в кузов своего грузовика и уезжают вниз по шоссе. Светит солнце, керамические кролики возле «Дозы» издевательски скалят зубы, замерев в позах пассивных гомосексуалистов.

Слава Богу!

Перед отъездом на море я, стесняясь, зашла в храм Рождества Богородицы. В нем, только что открытом после реставрации, просторно, пусто и по-рождественски великолепно. Я жду, пока освободится отец Георгий – он, усталый, потный, в сбившемся облачении, отмахивается на ходу от назойливой тетки.

– Ну, батюшка... – канючит она. – Я ведь в район еду, а там свечек нет.

– Я тут при чем?

– Да ваша продавец лавку закрыла перед самым моим носом...

– Что ж, у нее рабочий день закончился. Она право на отдых имеет.

– Так ведь я в район еду, свечек обещала привезти...

– Вот ведь! – удивленно разводит широкие рукава отец Георгий. – Что же я-то?

Поймите вы: батюшка не торгует свечами!

– Так прикажите ей...

– Как же я ей прикажу?..

Отец Георгий растерянно кивает мне:

– Подождите.

Раз, другой пробегает мимо, сердито бормоча в бороду:

– Лежала тут где-то целая куча... Не видали вы, – окликает женщину, моющую полы, – целая коробка свечей тут стояла?

– Не видала.

Пару минут спустя он вручает прихожанке, уезжающей в район, толстый пучок восковых свечек. Та суетливо сует деньги, но отец Георгий отмахивается:

– Положите в коробку на нужды храма.

Останавливается, смотрит ей вслед и говорит вдруг:

– Помолитесь при случае за священника Георгия.

Подходит ко мне.

– Блудила? – устало спрашивает он.

– Да.

– Аборты делала?

– Была... вынуждена... один... Да.

– Плохо, – вздыхает батюшка. – Ну, Господь милосерд, готовься к исповеди: пойди домой, посиди спокойно, обдумай свои грехи, запиши на бумажку, чтобы сгоряча не забыть. И на исповедь приходи. Муж-то есть?

– Есть, – отвечаю, сама не зная: есть ли? – Но мы плохо живем. Так плохо, что уже не живем! – уточняю на всякий случай.

– Откуда ж хорошему быть, если сама вон ревешь уже от своего окаянства.

Угу, реву, конечно, реву. Прячусь за широкую колонну, которая вместо икон украшена цельной большой пластиной уральского камня. Под полировкой застыла первобытная судорога земли – настолько мощная и древняя, что сразу видишь: мы даже не миг живем на Земле, меньше... Понимаешь вдруг с радостным удивлением: как же невелик человек – призрачный след пыльца на распахнутых крыльях времени.

Странно мне говорить теперь «я сама», но – это правда – я сама «вызвала» этого человека, загадала, заказала, старательно подбирая список достоинств: добр, великодушен, умен, богат, с чувством юмора... Получился банальный голливудский глянец, сбывшийся с параноидальной точностью. Правда, он оказался – чтоб веселее – поэтом. И не просто богат, а неприлично богат.

Так что в последний день войны к пляжу под мантрические заклинания пионеров подошла настоящая пиратская шхуна.

Конечно же – «Черная жемчужина».

Тот, кого я так опрометчиво загадала, засунув руки в карманы – обязательно! – белых брюк, сходит по настоящему трапу на берег.

– По-моему, это хорошая идея, а? – улыбается он детям – моим и подконвойным.

– Я решил, что сегодня мы будем кататься и купаться в открытом море.

Смешно, но он абсолютно реален, я могу его потрогать. Но не хочу.

– А может быть, – он наслаждается своей ролью, – куда-нибудь уплывем? – Хорошо хоть шероховатый акцент намекает на его не абсолютную настоящесть. – Дети, а? Сейчас принесем из каюты глобус – и выбирайте маршрут.

Как я была скучна, когда «моделировала» его. Но он теперь существует в моей жизни, и ему не лень говорить, как он любит меня.

И тут я могу уличить его во лжи – ведь настоящая любовь всегда взаимна, как рифма.

– По-моему, ты – ты не очень хорошая идея, – говорю я ему.

(...)

Пять дней – нормальный срок для локальной войны. Нормальный срок для «принуждения к миру», как выразился Медведев. Наши соседи по пансионату, как рыбы в замор, задыхаются у телевизора. Градусник на стене показывает почти сорок по Цельсию. Перед экраном все пять последних дней – жаркие споры: одни желают смотреть Олимпиаду, другие – слушать последние новости. Что делать, если и война, и Олимпиада начались в один день?

Спорящие пришли к согласию только раз – когда Путин, хмурясь, вещал прямо из расцвеченного спортивным ликованием Пекина.

– Российские добровольцы уже собираются в зону конфликта, и их тяжело удерживать, – упрекнул сконфуженных курортников сердитый премьер. – Поведение Грузии, безусловно, вызовет ответные действия.

Всего за пять дней был создан этот удивительный мир! И лишь на шестой был сотворен человек – в испытание или в наказание прекрасной планете?

Мой телефон болтается в пляжной сумке – с сосновыми шишками, с камнями, с красивыми кусками ракушек. Я могу позвонить куда угодно: мой голливудский фантом сказочно пополнил счет. Но кому мне звонить, когда самые близкие рядом?

Кому мне звонить, если ты не хочешь меня услышать?

Я и без телефона могу сказать тебе: слава Богу, что мы повстречались. Что расстались – не страшно. Мы все равно разлучились бы – на мгновение позже, на тысячу,

на миллионы мгновений: сколько ни умножай бесконечность на ноль, все равно будет ноль. Мир – бесконечность, а наша жизнь – не более чем мгновение. И если удастся в это мгновение встретиться – счастье.

Счастье, что ты где-то есть. Что ты дышишь, ходишь, говоришь, улыбаешься, ешь... Может быть, тебе, наконец, хорошо.

Ты, пожалуйста, будь.

Я очень благодарна тебе. За тепло твоего тела; за голос, за руки, за глаза и за брови, за прохладную высоту лба; за то, как ты смеешься, и за то, как ты сердишься; за то, как ты дуешь дочери в пузо, а потом подставляешь ей ответно свое... Все это уже навсегда подарено мне.

Так же, как это огромное море. Так же, как это огромное небо. Как это огромное солнце, к которому я плыву, повторяя и повторяя твои стихи.

Нет во мне больше ни обиды, ни гнева, ни боли. Отпустила меня мучительная судорога суеты. И я плыву, благодарно улыбаясь Тому, у кого лучшее чувство юмора, – за Его милосердно мягкое принуждение к миру. Он мог провести это принуждение нас, помраченных, к миру гораздо жестче, но Он просто развел нас с тобой по углам, – слава Ему, бесконечная слава!

Ты не звони и не говори ничего. Зачем мне слова? Ты отбрасываешь их, мерзкие, как ящерицын хвост. А я, безмозглый щенок, заигрываюсь, визжа от злости, твоими словами, несущими самую ничтожную – заднюю – часть правды. Не замечая, что главное – бессловесное, настоящее – скрывается в это время в кустах.

А ведь оно – главное – было уже у меня.

Слава Всевышнему, что мы повстречались. Как много драгоценных дней потерялось с тех зачарованных пор! Как много между нами было споров, разговоров и ласк, и нежности, и недоразумений, и ссор. Столько всего – можно перебирать до окончания века.

А лучше – не трясти старьем, отодвинуть подальше, чтобы не было ничего между нами, а была бы только любовь – та, что никогда не бывает «между».

Была ли она – любовь? Мы так много о ней твердили, словом «любовь» оправдывая себя – за ложь, за предательство, за гордыню, за блуд?

Была ли любовь – та, которая долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится?

Не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла?

Не радуется неправде, а сорадуется истине?

Все покрывает, всему верит, на все надеется, все переносит.

Может быть, она и случилась у нас. Но мы захламили ее, заболтали, затолкали в такой дальний угол, что сразу и не сыскать.

Не знаю, что мы называли любовью в своей неистовой тяге друг к другу. Не знаю и не хочу знать. Потому что вся боль и грязь осталась на полях моей пятидневной войны. А мы, слава Богу, живы.

– Как вы там?

– Хорошо.

Сердце мое полно радости. И благодарности к создателю сотовой связи. И благодарности к родителю чудесной девчонки, которая с надеждой тянет ладонь к телефонной трубке.

Сердце мое переполнено, и клапаны тянут кровоток через силу, так что приходится им помогать бесконечным повторением фразы: «В руки Твои, Господи милосердный, в руки Твои!»

В поисках ответа

Стихи давних лет

* * *

Когда остаюсь одна,
Ко мне — неожиданные —
Приходят слова.
Шаг их нескор,
Шепот — тих,
Слышен едва.
Принять их — страшно — вдруг
Не те, что нужны?
Рада им только как избавленью
От тишины.

1983

ПОСЛЕ СПЕКТАКЛЯ

(«Не бросай огонь, Прометей!»)

Суетливое волнение,
Перешептыванья, топот
Торопливый, лиц и звуков
Пестрота и трепетное
Ожиданье чародейства
Отлетели — лишь остались
В полумраке одиночкой
Непотушенная лампа —
Сиротливый луч на пыльном
Пологе, на половицах
Выщербленных, на потертом
Бархате станка — и гулкость
Обезлюдевшего зала,

И песчинкой незаметной
В куче крашенных лохмотьев
Затерявшееся чудо —
Тихо рдеющая искра
Прометеева...

1984

СОНЕТ «ОТЧАЯНЬЕ»

Мир отчужден. Мир замкнут. Мир остыл.
Мир обесцвечен, обеззвучен разом.
Неосторожным взглядом, словом, фразой
Его, как свечку, кто-то погасил.
Что остается? Выбор слишком скуден:
Восторженности крылья поломав,
Глотать тоску оцепенелых буден,
Беречь непотревоженность ума,
Жить, ни к кому ни в радости, ни в муке
С надеждой не протягивая руки, —
Но страшно холодеть душе живой,
Оторванной от найденного света,
Отчаявшейся в поисках ответа
Нашупывать дорогу, как слепой.

1984

СОНЕТ «УТЕШЕНИЕ»

Когда отчаянья обвал
Смертельной хваткой горло стиснет,
И тот, кто прежде окрылял,
До дрожи станет ненавистен,
И, перед собственным концом
Бессильная, замрет надежда,
Небудничностью вдруг забрезжит
Давно привычное лицо:
В тревоге о чужой печали
С него затмением случайным
Сойдет мирская суета —
И утешеньем отзовутся
Все понимающе и грустно
Глаза усталого Христа.

1984

* * *

Как родник, обретенный в ослепшей от зноя пустыне,
 Как звонкий голос струны в тиши похороненных звуков —
 Живое лицо среди притворившихся лицами масок,
 И от него исходящий непостижимый свет —
 Радужный островок в печалью подернутом мире.
 Был бескорыстно подарен и будет безжалостно отнят,
 Но продлится в душе отражением, отблеском, эхом
 До последней моей пустоты, когда бы она ни случилась.
 Пусть же незамутненным останется, пусть не погаснет
 Твой манящий и теплый, твой добрый и чистый огонь.

1985

СОНЕТ «ОТЧУЖДЕНИЕ»

*Другу, который скоро
 перестанет им быть*

Отходит год. Ни радости, ни слез,
 Ни радужных надежд на перемены.
 Ко мне, увы, вернутся непременно
 Мои заботы — те, что он унес.
 Я не ропщу — мне жизнь не тяжела:
 Пока еще — ни бед прямых, ни горя...
 Они придут (уже, быть может, вскоре),
 Мой слабый дух испепелив дотла.
 Сейчас — привал. Что ж дальше? Только вниз.
 Внимательней в лицо мое взглядишь,
 Пока в нем живо трепетное что-то.
 Потом, котомки вскинув на плечо,
 Продолжим путь, болтая ни о чем,
 И разойдемся — там, за поворотом.

1992

ДОМ

1

Когда мы построим дом,
 Что прежде всего мы туда внесем?
 Золото летних закатов,
 Инея серебро,
 Опаловый блеск росы,
 Изумруды лужаек —
 И станет богатым наш дом.

А потом мы украсим его
Зеркалами горных озер,
Ковром многоцветного луга,
Люстрой из капелек дождевых
И фонариками светлячков —
Пусть будет уютным наш дом.
А что мы услышим в нем?
Гитарный звон и тихое пенье,
Полушепот ночных бесед
И утренний звонкий смех,
Птичий гомон,
Болтливость ручья,
Колокольчик ребячьего говора —
И станет счастливым наш дом.

2

За окнами ветер воет —
Озябший бездомный бродяга,
Просится на ночлег.
Дразнит его веселое пламя в печи:
Пляшет,
Высовывает язык,
Завывает похоже.
От сердитых ударов ветра содрогается дом —
Пламени все нипочем!
Давай пожалеем ветер,
Уставший от одиночества, —
Наберем и подарим ему
Две щедрые горсти искорок из дымохода.
Может быть, он, согревшись,
Свернется калачиком,
К мерзлой земле прильнет
И, наконец, уснет...

3

Сквозь дождливую нудную хмарь,
Тяжеленные тучи раздвинув,
Улыбнется лоскутик неба,
Если глаз отвести друг от друга не смогут
Он и она.

На лазурной полянке неба
Пушистыми одуванчиками
Облака закружатся в танце,
Если рук отнять друг у друга не смогут
Он и она.

Небо хлынет в раскрытые двери
И затопит весь дом до крыши
Голубым половодьем счастья,
Если судеб своих разделить не смогут
Он и она.

4

Нежнее всего на свете — головка ребенка,
Льняной или темный пушок,
Будто перышки встрепанной птички.
Лепет его — важней многоумных фраз,
Сказанных мудрецами.
Душистей любых ароматов — дыханье ребенка,
В его беззубой улыбке — все чудеса мироздания.
Совершенней всей музыки мира — колыбельная песня,
Которую мать напевает, склонившись над спящим...

1995

Кумыс на тост в Йошкар-Оле

Записки стичрайтера

(Продолжение. Начало в N 7)

В конце зимы 1985 года мой непосредственный начальник, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков баллотировался в депутаты Верховного Совета РСФСР от Марийской автономной республики. Почему ему достался этот избирательный округ — одному Богу известно. Никогда он там не работал, никого не знал. Да и по международным связям, которыми в ЦК КПСС занимался кандидат в депутаты, Марийская республика ничем особенным не выделялась.

Приезд секретаря ЦК для местных властей в любом случае представлялся значительным событием. Через него можно было попытаться решить какие-то наиболее важные вопросы, получить дополнительные фонды, улучшить снабжение, скорректировать план или добиться согласия на какую-нибудь стройку.

Влиятельного гостя в те времена, как, возможно, и во все иные, окружали прямо-таки любовной заботой. Причем на первое место выносилось, конечно, застольное гостеприимство с обилием местных яств, а самое главное — крепких напитков. Лучше всего — экзотических, таких, которые только здесь и можно отведать, а потому отказываться от них — большой грех.

Задача-максимум состояла в том, чтобы свалить гостя наповал. Чем хмельнее он выйдет из-за стола, тем проще в дальнейшем будут строиться отношения.

Если к такому успеху не удалось бы прийти, то достижением можно было бы считать и некоторое сытое расслабление гостя, когда он становится восприимчивым к комплиментам, лстивым тостам и готов расплачиваться обещаниями подержать местные проекты.

Наряду с этим хозяева и сами получали легализованную возможность справить хорошее застолье, как говорили тогда, за счет сумм Центра. Ибо все расходы по

приему представителя ЦК КПСС на ЦК КПСС и списывались.

Отработанная не одним десятилетием ловушка рассчитанного гостеприимства была заготовлена и в Йошкар-Оле. Дом приемов в обкомовском дачном поселке, отведенный под резиденцию высокого гостя, был полон ароматами, вызывающими аппетит и у сытого человека.

Большой стол примерно на двадцать персон был заставлен изысканными деликатесами местного изготовления. Соленья, варения, копчености, выпечка, мясо дичи, маринады из дикорастущих ягод, рыжики и грузди под сметаной и с маслом, пельмени из четырех сортов мяса, запеченные караси...

Для контраста и большего колорита пространство между продуктами местного производства заполняли вазочки с икрой обоих цветов, тарелки с янтарным балыком, прозрачной лососиной, копчеными колбасами, острыми и мягкими сырами.

А на маленьких столиках чуть в стороне от большого стола поблескивали бутылки всех возможных спиртных напитков — от тех, что производились на местном спиртоводочном заводе, до тех, что были приобретены по кооперативной торговле в Финляндии в обмен на клюкву, собранную школьниками и пенсионерами на кочках марийских болот.

Вся эта коллекция бутылок могла бы занять место и среди закусок обеденного стола, придав тем самым дополнительную праздничность предстоящей трапезе. Но это выглядело бы несколько вызывающе в условиях, когда Москва выпустила несколько антиалкогольных решений, вынудивших власти на местах сократить продажу спиртного и принять меры по демонстрации побеждающей трезвости.

Кто знает, как гость относится к развернутой противодочной кампании? Поэтому спиртное должно быть под ру-

кой, но и не выглядеть доминирующим в устройстве застолья.

С учетом этого обстоятельства заметную позицию на столиках со спиртным занимали высокие хрустальные кувшины, доверху наполненные кумысом, бодрящим продуктом переработки молока марийских кобылиц. Может быть, к нему никто и не прикоснется из боязни разрушительной реакции соединения застольных напитков двух культур — сельской и городской. Но все равно кумыс должен занимать почетное место и как свидетельство неразрывных связей собравшихся здесь руководителей со своим народом.

Сражение было тщательно спланировано принимающей стороной. Наверняка заготовлена и дюжина тостов, распределенных между участниками — членами бюро, республиканскими и городскими руководителями.

Начать здравицы, конечно, должен был первый секретарь обкома. И адресат его пожеланий был освящен традицией, заложенной не им и не его поколением, а кем-то из предшественников. Этот адресат казался незыблемым как скала — руководитель Центрального Комитета КПСС.

Несколько смущало одно обстоятельство: руководители в Кремле сменяли друг друга с такой быстротой, что анекдотчики стали говорить о новом соревновании в Москве — гонке на лафетах. Вот и про Черненко, стоявшего в ту пору во главе партии, тоже говорили, что он приготовился уже к старту гибельной гонки. Но на то они и злые языки, чтобы с ними эффективно боролась местная парторганизация — надежный боевой отряд непобедимой партии строителей коммунизма.

Что бы там ни было, но первый тост будет за самого достойного нынешнего ленинца. И пусть приехавший секретарь ЦК не сомневается сам и может сказать другим, что руководство Марийской АССР неколебимо в верности ЦК КПСС и тем, кто его возглавляет.

Следующий тост будет о советской власти и опять же о Константине Устиновиче Черненко, потому что он избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР. С этим тостом выступит глава местного Верховного Совета.

Потом опять слово возьмет первый секретарь обкома и на этот раз прочув-

ствованно, сердечно скажет добрые слова о госте из Москвы, которого он и видит-то с близкого расстояния первый раз.

Собравшиеся радостно улыбались, говорили о погоде, которая явно стала лучше с приездом дорогого гостя, сожалели, что еще не настало время, когда марийская земля покрывается ароматной кипенью цветущей черемухи, приглашали приехать вновь, и не раз, и в другое время года.

С этими разговорами хозяева расставались за стол в предвкушении возможности одновременно утолить и накопившийся в ожидании гостя голод, и жажду — постоянную спутницу застолья, и желание прикоснуться к московским новостям, которыми много ли, мало ли, но должен был поделиться гость.

Первый секретарь обкома скорее для формы, чем по существу сказал, что ЦК КПСС правильно развернул борьбу со злоупотреблениями спиртным, марийская парторганизация строго следует намеченным курсом, но и в Москве, и всюду в Союзе сделано исключение — для разного рода торжеств, для свадеб, юбилеев, встреч ветеранов через специально выделенные магазины продается то, что люди хотели бы иметь к столу. Вот и у нас сейчас торжественный случай, поэтому позвольте уж, уважаемый Константин Викторович, к традиционному хлебу-соли налить традиционную рюмку с тем, чтобы сопроводить ею естественный для такой встречи тост.

Понятливые официанты тотчас же кинулись к столикам с бутылками. Пробки заранее были отвинчены. Горлышки бутылок мигом приблизились к граненому хрусталу.

— Нет-нет! — нарушил разработанную схему торопливый, хотя и негромкий возглас Русакова.

Казалось, в этих коротких словах соединилось множество противоречивых интонаций — просьба к гостеприимным хозяевам, повеление начальника, предостережение старшего товарища, страх дисциплинированного чиновника.

— Нет-нет! — как бы опасаясь, что он не был услышан, повторил скороговоркой свое отрицание секретарь ЦК.

Руки официантов замерли с бутылками наперевес. Хозяева вобрали головы в плечи, застыли, мигом оценив рискован-

ность и непредсказуемость сложившейся ситуации.

— Во вторник, позавчера, на заседании секретариата ЦК, — пояснил Русаков свой первоначальный возглас, — решили, что ЦК КПСС должен показать пример во всей антиалкогольной кампании. Письма стали поступать: дескать, водку запрещаете, а в своих дачных поселках продаете. Поэтому управляющему делами ЦК строго поручили, чтобы нигде — ни в одном буфете, столовой, особняке или дачном поселке — ни одной бутылки даже пива не было.

В резиденции Марийского обкома воцарилась мертвая тишина. Русаков почувствовал, что надо подкрепить свою информацию конкретным примером:

— Вчера я обедал с польской делегацией в партийной гостинице на улице Димитрова. За все годы, что я с поляками общаюсь, — а это уже лет тридцать получится, — впервые на столе рюмок не было.

— Даже с иностранцами нельзя? — вырвался у кого-то то ли вопрос, то ли стон, то ли протест.

— Что же можно на стол иностранцам поставить, когда вообще в партийной гостинице ни одной бутылки нет, чтобы и соблазна не возникло? — парировал Русаков уловленный им в вопросе выпад.

— Правильно, — быстро сориентировался первый секретарь обкома, — я давно требую покончить с этим злом. Вот так надо! Как ЦК КПСС. Он всегда нам пример дает. Чтобы сегодня же, — обратился он к сидевшему с краю стола управляющему делами обкома, — чтобы сегодня же вся эта (он хотел сказать «отрава», но осекся), вся эта... здесь не стояла.

Секретарь ЦК, при своей обычной малословности, сказал, видимо, и так гораздо больше, чем полагал нужным. Поэтому он молча погрузился в еду, давая понять, что разговор о спиртном окончен.

Но каково было хозяевам, которых переполняло желание выступить с тостами и здравницами! Да и как бы в Москве отнеслись к тому, что они не нашли возможности выложить все эти освященные традицией «за», «во имя» и «ради».

— Налей-ка боржоми, — сказал первый секретарь вопросительно и сострадательно смотревшему на него старшему офицанту. — Хотя под воду тосты, го-

ворят, за умных людей не предлагаются, поэтому я не с тостом, а просто с добрым словом хочу обратиться.

Собравшиеся почувствовали некоторое облегчение. Молодец первый секретарь! Нашел-таки выход для себя и для других: надо, стало быть, не с тостами выступать, а просто с пожеланиями.

Далее все пошло, как положено. Даже некоторое оживление на лицах появилось, особенно у тех, кто отработал свое поручение и теперь наблюдал, как следующий оратор изворачивается, заменяя слово «тост» каким-то другим, еще непривычным оборотом речи.

Русаков за 40 лет руководящей деятельности столько здравниц наслушался, что давно утратил к ним интерес. Он молча сосредоточенно орудовал столовым прибором, резал еду на мельчайшие кусочки не только для того, чтобы облегчить работу вставным челюстям, но главное — чтобы чем-то занять себя, исключить необходимость говорить, когда совсем не хочется это делать.

Наконец застолье подошло к финишу, когда гость должен сказать какие-то слова в ответ, чтобы своим молчанием не бросить тень ни на обком и его первого секретаря, ни на пославший его сюда на выборы Центральный Комитет.

Его рука потянулась в сторону фужера. И тут же кто-то из расторопных членов бюро поставил перед ним бокал кумыса.

Конечно, в ответ на добрые слова неплохо было бы ответить прославленный напиток, воздав тем самым дань уважения народной традиции. Может быть, и активист, поставивший бокал с кумысом, руководствовался теми же целями. Может быть.

Но могло быть и иначе. Кумыс не со всякой едой спокойно сочетается. Последствия могут сказаться неожиданно и самым разрушительным образом.

По лицу первого секретаря обкома пробежала тень. Предстояли встреча кандидата в депутаты с трудящимися, митинг в драмтеатре, концерт. Все эти планы могли быть опрокинуты одним бокалом кумыса. А потом еще нужно отвечать перед девятым управлением КГБ, несшим охрану руководителей страны, перед четвертым управлением Минздрава, наблюдавшим за их здоровьем. К тому же

наступили шаткие времена. За короткий срок с двумя генеральными секретарями распрощались. Не больно-то крепким выглядит и приехавший секретарь ЦК. Случись что неожиданное — всех разгонят. Хорошо если райком дадут, а то и в колхоз отправят.

Все это, видимо, мигом пронеслось в голове первого секретаря обкома. Его рука дотянулась до бокала с кумысом скорее, чем это успел сделать Русаков.

— Мы завтра при поездке по городу специально остановимся у молочного завода, чтобы отведать свежего кумыса. Не будем разочаровывать вас тем, что здесь постояло хотя бы два часа.

Первый секретарь обкома с добродушной улыбкой поставил перед гостем чистый фужер, кивнул официанту на боржоми, коротким взглядом прожег подчиненного, подсутившегося с бокалом кумыса. Стало быть, уловил подвох во внешне гостеприимном жесте. Теперь наверняка учинит ему разнос за попытку вывести из строя приезжего начальника.

Русаков с фужером боржоми в руке произнес краткую речь с положенными по случаю приветами, здравницами, пожеланиями.

Все слова были на месте. Собравшиеся пытались изобразить на лицах восторг. Но напрасно. В глубине глаз таилось разочарование. Праздник не получился. Даже выместить обиду на желудке секретаря ЦК не удалось.

Торопливо распрощавшись, местные руководители покинули резиденцию. Ру-

саков пригласил меня, прибывшего с ним помощника, зайти в кабинет.

— Вот что я подумал, — сказал он, когда мы остались одни. — Надо усилить ту часть моего выступления, где говорится о борьбе со злоупотреблением спиртным. И тут же — оттенить важность производства безалкогольных и традиционных напитков, таких как кумыс.

— А не скажет ли кто-нибудь, что вы пропагандируете напиток, от которого можно опьянеть? — спросил я в порядке перестраховки.

— Если кто-то так скажет — пусть сам попробует напиться им до опьянения. Я жил в Забайкалье и других кумысных местах, знаю, как с ним обходиться. Если бы первый секретарь не отодвинул бокал с кумысом, я предложил бы и всем собравшимся его налить, тогда видно было бы, чего стоят эти шутники.

— Так вы заподозрили неладное в этом предложении?

— Еще бы. Тост с бокалом кумыса — это похлеще, чем с рюмкой простой воды. Воду, говорят, пьют за дураков, а тот, кто с кумысом провозглашает тост, — сам в дураках может оказаться.

— Обиделись, наверное, наши хозяева, — высказал я терзавшее меня предположение.

— Ничего. Они наवरстают, как только мы улетим. Едва ли они уничтожат все батареи, что в столовой выставили. Рука дрогнет. Что-нибудь да оставят. И наверняка — не кумыс.

Секретарь ЦК хорошо знал партийный актив. Скорее всего, как он сказал, так и было. Но только об этом история умалчивает.

Первый роман о «первом башкире»

Башкирские страницы Степана Злобина

В конце 1929 года в Москве увидел свет роман «Салават Юлаев». Имя великого сына башкирского народа стало известно миллионам читателей. Значение этого события для духовной жизни башкирского народа трудно переоценить.

По словам Мустая Карима, «в течение двух столетий Салават остается первым башкиром, превратившись в символ своей нации. Его помыслы намного опережали время. Из всех предводителей многих башкирских восстаний он первый осознал, что свободу и независимость невозможно завоевать в одиночку, потому он пошел к русскому казаку Емельяну Пугачеву и под свое знамя собрал не только башкир, но и другие народности, жившие в башкирском крае. Пробудившись сам, словом и делом пробудил он подлинное национальное самосознание башкир — самосознание, вытекающее из понимания общности судеб разных народов, исключающее превосходство одних над другими». Именно таким предстает Салават Юлаев со страниц одноименного романа Степана Павловича Злобина (1903—1965), известного мастера русской исторической прозы.

Романы писателя «Салават Юлаев», «Остров Буян» и «Степан Разин», отразившие важнейшие вехи освободительной борьбы народов нашей страны в XVII—XVIII веках, прочно вошли в сокровищницу отечественной литературы. Большую популярность получили также монументальные исторические полотна «По обрывистому пути» и «Пропавшие без вести», соответственно посвященные предреволюционным событиям начала XX века и периоду Великой Отечественной войны. Но самой известной книгой Злобина, несомненно, стал «Салават Юлаев».

Обращение Злобина к образу Салавата Юлаева было не случайно: жизнь и творчество писателя тесно связаны с Башкирией. Еще в детстве он некоторое время

жил в Уфе, учился в реальном училище. Вторично в Башкирию он попал через десять лет: за три месяца до окончания очень престижного в то время Высшего литературно-художественного института имени В. Я. Брюсова он был арестован как анархист, отсидел два месяца в Бутырской тюрьме, а затем, в конце мая 1924 года, выслан в административную ссылку в Уфу.

«...Летом 1924 года, — вспоминает писатель, — я оказался в Уфе, где преподавал литературу и русский язык. А к лету 1925 года вспышка туберкулеза вывела меня из строя, пришлось отказаться от преподавания и поступить статистиком в Башкирский Госплан. Участвовал в экспедиции по горно-степному и горно-лесному районам Башкирии, много ездил верхом, ночевал на башкирских кочевьях, охотился, изучал башкирский язык, записывал песни, местные предания, пословицы, поговорки». Эти материалы легли в основу литературно-этнографических путевых заметок С. Злобина «По Башкирии» (1928).

В 1925—1927 годах С. Злобин работал над повестью «Дороги». Она была принята московским отделением Харьковского издательства «Пролетарий», но не напечатана, так как не удовлетворила требовательного к себе автора, и он сам настоял на том, чтобы рассыпать уже готовую верстку. Кстати, аналогичная участь постигла и первую редакцию романа «Степан Разин». В 1941 году роман был закончен, принят издательством и даже иллюстрирован. Прежде чем отдать рукопись в типографию, автор решил еще раз ее «посмотреть» и... раздумал печатать. «Издательство подало на автора в суд с требованием или отдать роман в производство, или возвратить полученный аванс, — вспоминает С. Злобин. — Даже в суде, смеясь, говорили, что в первый раз видят такое положение, когда издательство считает книгу готовой, а автор требует права на доработку. Хорошо, что к этому

времени подоспел гонорар за фильм «Салават Юлаев». Старый друг Салават помог мне с честью выйти из затруднения, и, возвратив аванс, я унес домой неизданную рукопись».

Некоторые отрывки повести «Дороги» в виде самостоятельных небольших рассказов были напечатаны в хрестоматии «Башкирский край», изданной в 1927 году в Уфе. Рукопись же повести хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства в личном фонде писателя. Главный герой повести — башкир Нур-Камиль. Он был кузнецом, певцом-кураистом, испытал на себе тяжесть самодержавного гнета, бунтовал, прошел школу жизни в царских застенках и вернулся в родные края, набравшись революционных идей. Через судьбы главного героя и лиц, с которыми он вступает во взаимоотношения, в повести отражаются важнейшие исторические события, происходившие с конца минувшего столетия до Октябрьской революции. Завершается она изображением некоторых эпизодов Гражданской войны на территории Башкирии.

Наряду с действительными событиями в повести «Дороги» много вымышленного, идущего от фольклора, отсюда и возвышенно-романтический тон, и мягкий лиризм, и переплетение реального со сказочным, то есть все то, что часто встречалось в нашей краеведческой литературе 20-х годов.

Пестрота стиля и, главное, изменение политических установок по отношению к деревне — начало коллективизации, борьба с кулаками, — все это, вместе взятое, в конечном итоге и остановило автора.

Интерес к Башкирии естественно привел начинающего прозаика к углубленному изучению героической истории этого края. «В двадцатых годах, — вспоминал писатель, — всюду велись работы по составлению первых промышленных планов. Должно быть, я проявил какие-то способности, потому что вдруг оказался экономистом Башкирского Совнархоза. Я выкраивал время и для работы в исторических архивах Уфы. Нашел интересные материалы по башкирским восстаниям и задумал писать «Салавата».

Правда, сначала им овладела идея создания большого исследовательского труда об истории башкирских восстаний.

Он пересмотрел множество исторических архивных материалов и башкирской краеведческой литературы. Материалы были интересными, но, понимая, что в художественном произведении нельзя писать сразу обо всех восстаниях, он стал выбирать — о каком же из них писать, какое наиболее типично для Башкирии и башкирского народа. Кроме того, он чувствовал, что больше склонен к художественному творчеству, чем к научной деятельности.

Особенно сильно творческое воображение С. Злобина захватили две колоритные исторические фигуры — Карасакала (это прозвище предводителя башкирского восстания 1740 года Миндигула, означавшее «Черная борода») и Салавата Юлаева. Наиболее значительным ему показалось восстание башкир, слившееся с Крестьянской войной, названной «пугачевщиной». «В то время как Карасакал был националистом, поднявшим сепаратное башкирское восстание под знаменем ислама, — мотивирует свой выбор писатель, — Салават был участником и одним из вождей пугачевского движения и вел более упорную и интересную борьбу с правительством». Злобинская оценка Карасакала отражает состояние развития отечественной исторической науки в ту эпоху (в двадцатые годы), сегодня эта оценка кажется несколько тенденциозной, некорректной, социологизированной, хотя Карасакал действительно был защитником интересов только башкирского народа, в то время как Салават Юлаев воевал вместе с Пугачевым за свободу угнетенных масс разных национальностей.

Крестьянской войне 1773–1775 годов под руководством Емельяна Пугачева, в которой активное участие приняли и башкиры, посвящено довольно много произведений различных жанров. Среди них романы В. Шишкова, В. Пистоленко, повести Т. Богданович и М. Зуева-Ордынца, пьесы С. Есенина, К. Тренева и Мустая Карима, поэмы и стихотворения — прежде всего башкирских авторов. «Салават Юлаев» С. Злобина — первый роман, довольно полно и правдиво изобразивший жизнь и боевой путь легендарного героя башкирского народа. В то же время это первое большое произведение писателя, давшее ему литературное имя. В годы работы над

ним С. Злобин увлекался поэзией, и ему казалось, что романтический образ юноши Салавата, который был вместе поэтом и вожаком повстанцев, лучше всего передаст поэма. Размером был избран четырехстопный ямб.

*Урал, страна суровых гор,
Взмывающих над ковылями,
Я в черноземный твой простор
Вхожу пустынными полями...
Шайтан-Кудеев род бозат,
Старик Юлай — отец Кудеев,
Но сын Юлая — Салават —
Сильнее льва, мудрее змея...*

— так начал он свою поэму. До этого, да и позднее, был написан ряд лирических стихов, которые отражали впечатления от местного колорита, экзотического пейзажа. Эти темы не требовали большого накопления материала, частенько звучали как эмоциональный всплеск, передавали настроение, выражали радость или удивление, иногда походили на этнографические зарисовки в стихах. Стихи получались тем удачнее, чем глубже, полнее узнавал автор тот предмет, образ, который рождал эти стихи. Так, в семейном архиве писателя сохранилось в рукописи прекрасное стихотворение на десять строф — «Памяти Сергея Есенина», датированное так: «31 декабря 1925 года, Уфа». Стихи Злобина «Из башкирских мотивов», написанные в том же 1925 году в деревне Альмухаметово, что в Абзелиловском районе, носят характер бытовой зарисовки: в них говорится о башкирской степи, о табуне лошадей, о кумысе и тому подобном. Таковы же по духу и содержанию стихотворения «Башкирия» и «Степь», напечатанные в уже упомянутой хрестоматии «Башкирский край» в 20-х годах.

Написав около ста строк поэмы о Салавате Юлаеве, С. Злобин пометил: «1924 г. — июль-август — самая первая мысль о Салавате». Впереди было еще более четырех лет работы над первой редакцией произведения. Однако от поэтической формы писателю вскоре пришлось отказаться: он понял, что огромное количество исторического материала о Салавате потребует целого тома. Далеко не каждый согласится читать историческую поэму величиной с «Одиссею» или

«Илиаду», а между тем очень хотелось, чтобы имя Салавата Юлаева стало известно тысячам и тысячам людей. «В процессе работы над произведением автор отклонил свой первоначальный замысел и написал «Салавата Юлаева» прозой, — вспоминал известный башкирский писатель Баязит Бикбай. — Однако и проза его получилась проникнутой поэтичностью, певучестью, близкой к народным песням».

Злобин перечитал много архивных документов, однако еще недостаточно хорошо знал башкирский язык, быт, одежду, утварь, оружие и местную природу. Он отложил работу над книгой и взялся за изучение языка: штудировал самоучитель, брал уроки. Но лучше всего он узнал язык во время экспедиций по горно-лесным районам Башкирии, где в ту пору некоторые местные жители вовсе не говорили по-русски. Общение с коренными башкирами, особенно с пожилыми, знавшими много легенд и преданий о Салавате, в силу необходимости приобщало к башкирскому языку. Даже через 30 лет после отъезда из Башкирии Злобин помнил немало башкирских слов и выражений, чем и удивил меня во время первой же нашей встречи в 1960 году.

В экспедиции он столкнулся с бытом, который мало переменялся со времен Салавата, жил в кочевках в войлочных «кошах», пил кумыс из деревянных чаш, из которых, быть может, пил и Салават. Он питался пресными лепешками, слушал чарующие мелодии курая, скакал по горам и степям, натягивал даже тетиву старинного лука и ездил на соколиную охоту; побывал на заводах, выстроенных на башкирских землях, интересовался их историей.

После первой поездки по Башкирии (с июля по ноябрь 1925 года) он написал пролог к книге «Салават Юлаев», но дальше пролога дело не пошло: ему казалось, что он плохо знает материал, хотя интенсивно изучал его уже более года. Тогда он снова взялся за книги. Он читал старинные журналы, листал пожелтевшие страницы архивных дел, выписывал из них целые абзацы. В богатом личном фонде писателя есть много материалов, относящихся как к истории Башкирии вообще, так и к башкирским восстаниям в частности. Особый интерес представляют многочисленные блокноты и дневники писателя, из

которых видно, как он собирал для романа о Салавате фольклорные сюжеты, изучал язык и составлял словарь башкирских слов. Там же хранятся, в частности, и такие материалы, как очерк «Башкирские смуты от 1740 года до пугачевского периода», шежере (родословная) — «Корень Кипчакского рода» (с приложением «Родословного дерева Кипчакского рода»), выписки из дореволюционных работ о Салавате, в том числе из очерка писателя-народника Ф. Нефедова «Движение среди башкир перед пугачевским бунтом; Салават, башкирский батыр» (1880) и статьи-исследования известного краеведа Р. Игнатьева «Башкир Салават Юлаев, пугачевский бригадир, певец и импровизатор» (1893).

В мае 1928 года С. Злобин поехал исследовать леса северной Башкирии. Маршруты экспедиции по счастливой случайности совпали с былыми путями Салавата. «Во время этой новой лесозоономической экспедиции, — вспоминает писатель, — я побывал в деревне, где он родился и рос, в деревне, откуда была родом его жена, в деревнях и селах, где он набирал людей в свой отряд — в войска Пугачева, в тех местах, где он сражался с войсками Екатерины Второй. Здесь я ознакомился с природой мест, окружающих детство Салавата, и лучше мог себе представить его жизнь. Кроме того, в этих же местах люди рассказали мне нигде не записанные до того легенды и предания о Салавате, они пели песни, которые предание приписывает Салавату Юлаеву».

Не только люди, даже урочища и камни рассказывали писателю о Салавате. Так, объясняя ему дорогу, один башкир сказал: «Проедешь Салаватов двор, повернешь направо». Степан Павлович сразу же схватился за эту фразу. Когда же собеседник объяснил ему, что «Салаватов двор» — это камни, среди которых скрывался Салават в последние дни перед поимкой его екатерининскими войсками, он побывал в этих камнях. Поляны, ручьи, овраги, камни — вся окружающая природа рассказывала пытливому писателю-исследователю о Салавате.

Вначале С. Злобин, по его собственным словам — по неопытности, включил в книгу очень много этнографического материала, потом же, почувствовав, что от этого книга делается тяжелее, освободил-

ся от него. Для своего произведения он использовал приблизительно только одну пятую часть собранного материала, а это дало ему возможность свободнее писать.

С. Злобин настолько хорошо изучил башкирский язык и фольклор, что сочиненные им поэтические тексты вводили в заблуждение даже башкир. В одном из писем к жене из Башкирии (от 15 июля 1928 года) он с удовлетворением сообщал: «Башкиры не верят, что мои «Песни Салавата», которые я писал по-башкирски, сочинены урусом, и смеются над моим «хвастовством», когда я говорю, что это мои песни. Это меня радует».

В сборе материалов С. Злобин не пренебрегал никакой мелочью. В связи с этим весьма любопытна история возникновения эпилога романа. Автор не знал, чем завершить книгу, ибо не имел исторических данных о том, что делал Салават Юлаев на вечной каторге в Рогервике. Писатель не знал, чем тогда жила каторга, хотя настойчиво искал эти сведения. И вот однажды в пакете, склеенном из какого-то старого журнала, он прочел историческую справку о том, что в то время каторжники Балтийского порта Рогервик строили морской мол, куда на галерах возили камень из Дерпта... Журнальная страничка, превращенная базарным торговцем в пакет, послужила материалом для эпилога «Салавата Юлаева». В последних редакциях, правда, эпилог этот был снят, и роман ныне завершается клеймением Салавата, а жизнь его на каторге уже не показана (о ней до недавнего времени почти ничего не было известно, и писатель, очевидно, не захотел ее выдумывать; а о том, что Салават умер на каторге 26 сентября 1800 года, мы узнали лишь через семь лет после смерти автора романа).

Книга убедительно воссоздает накаленную атмосферу грозной эпохи и читается как увлекательная художественная летопись о батыре Салавате. Писатель рисует своего героя многогранно, он показывает формирование его характера и нравственную эволюцию. Первая же сцена с участием Салавата (поединок с орлами) предвосхищает в нем будущего батыра: смелость, выносливость, помощь попавшему в беду товарищу. В последующих эпизодах раскрываются нравственные качества героя: правдивость, честность, пря-

мота, великодушие, желание делать людям добро. Причем Салават не стремится стать над товарищами, они сами выдвигают его из своей среды. В первой редакции романа образ главного героя был дан в подчеркнуто романтических тонах, реальное изображение нередко подменялось условностью. Не случайно позднее сам автор определил жанр своего произведения как «историко-романтическую повесть об одном герое». Характерная особенность писательской манеры С. Злобина — начинать изображение судьбы героя с юных лет, ведь «молодость — это пора, в которой формируется так называемая «душа» героя, когда силы его кипят, когда в нем нет желаний покоя и каждое сердечное возбуждение, как и каждый помысел его, зовет к действию, к борьбе за свою правду, к ломке всего отжившего, старого, к которому в молодости еще не образовалась привычка, перерастающая в инерцию».

Любовно воспел С. Злобин легендарные подвиги башкирского богатыря, который, презрев национально-сословные предрассудки, плечом к плечу с русскими повстанцами героически сражался за интересы угнетенных. В примечании к первому изданию «Салавата Юлаева» автор писал: «Частично книга основана на исторических документах, отчасти — на краеведческой исторической литературе, в значительной части — на легендарном материале, собранном на родине Салавата... Автор не настаивает, что Салават был именно таков, как изображен в повести, однако глубоко убежден, что социальная историческая обстановка того времени могла создать отношения и характеры, сходные с представленными в книге».

Собирая материалы для «Салавата Юлаева», С. Злобин не мог жить только историей позапрошлого столетия, а интересовался и событиями современной ему действительности. Он общался по работе с лесоводами, инженерами, славщиками, лесорубами, землекопами, а в свободное от служебных дел время уезжал в башкирские аулы, где слушал песни, предания, записывал пословицы и поговорки. Запоминал выражения, мысли, внешний облик рассказчиков, записывал интересные эпизоды, слова. Эти люди, разумеется, не нашли воплощения в книге о Салавате, но так скапливался материал для пове-

сти «Здесь дан старт», в которой много внимания уделено лесам, их устройству и экономике. Чтобы рассказать об этом в занятой форме, автор выбрал жанр научно-популярного очерка. Так родилась другая книга — «Пробужденные дебри».

Незадолго до Великой Отечественной войны С. Злобин значительно переработал свое произведение о Салавате Юлаеве, объем его увеличился примерно в полтора раза, повесть переросла в исторический роман. Возвращение к любимому образу было связано с начавшейся в 1939 году экранизацией фильма «Салават Юлаев» (режиссер Я.А. Протазанов). Не ограничиваясь созданием киносценария, писатель принимал активное участие и в съемочных работах. Это позволило ему познакомиться с ведущими деятелями башкирского искусства, исполнителями главных ролей в фильме — Арсланом Мубаряковым, Гималетдином Мингажевым, Амином Зубаировым, Римом Сыртлановым и другими.

Консультантами у С. Злобина были видные башкирские ученые, писатели, среди них историк Абубакир Усманов, писатель Баязит Бикбай. Последний вспоминал: «Пристально глядевший на меня голубыми глазами сквозь очки в массивной оправе, этот человек показался мне очень строгим. Но это было только первое впечатление. Когда я его узнал поближе, начал вместе работать, внутренняя красота души Степана Павловича раскрылась мне во всей полноте. А внешний вид, строгость взгляда говорили о постоянной сосредоточенности, серьезности писателя. Он ко всем, а особенно к себе, был очень требовательным. Принципиальность, прямота в спорах и суждениях являлись основной чертой его характера... При каждой встрече я находил Степана Павловича за работой, не знающим покоя. Эту замечательную черту характера наш друг сохранил на всю жизнь».

К этому времени С. Злобин уже стал профессиональным писателем, и потому он по-иному взглянул на свое первое большое произведение. «Подоспевшая к этой поре работа над сценарием для фильма «Салават Юлаев», — пишет С. Злобин в «Автобиографии», — вынудила меня возвратиться к теме моей юности. Я снова поехал в Башкирию, чтобы встряхнуть старое вино и заставить его бродить. И

тема «Салавата» вдруг «забродила». Я понял, до какой степени был наивен тот двадцатилетний автор детской повести о Салавате...».

Дело не столько в «наивности» автора, сколько в изменении социально-политической атмосферы в нашей стране, в расцвете культа личности. Изменение духа эпохи, несомненно, отразилось и на общей тональности романа.

Среди рукописных материалов С. Злобина сохранился черновик конспекта выступления писателя перед зрителями. «Нам приходится, — писал он, — работать сначала над исследованием исторического материала как историкам-ученым, потом, уже на основе изученного, как художникам». Жизнь эпохи надо изучать во всех деталях. Если у Наполеона, Юлия Цезаря и Александра Македонского было много биографов, говорит С. Злобин, «откуда у Салавата Юлаева взялся бы биограф, когда это был безвестный башкирский мальчишка, в двадцать лет уже совершивший свой подвиг и обреченный на каторгу?». Надо основательно изучить жизнь народа и интересующую эпоху. «Салават — сын своего народа, следовательно, он рос как другие дети народа, — он скачет на охоту за орлами, во время сабантуя стреляет из лука и отличается, юным мальчиком побеждает в стычке с медведем...».

Как видим, речь идет о праве писателя на художественный вымысел. С. Злобин четко формулирует свою творческую позицию: «После серьезного, глубокого изучения фактов действительности писатель сопоставляет факты, отделяя случайное от закономерного. Сопоставление «случайного» и закономерного позволяет установить границы исторически «возможного». То, что являлось бы закономерным, то является и возможным. Если автором глубоко изучена та или иная эпоха в ее исторических закономерностях, то даже отдельные «случайности» в его изображении становятся типичными и закономерными. Обычно такими представителями закономерной «случайности» являются частные, «не исторические» персонажи, например, у Л.Н. Толстого капитан Тушин, Болконский, Пьер и прочие. А у Пушкина — Гринев, Швабрин, Савельич и т. д.»

Вторая, основательно переработанная редакция романа «Салават Юлаев» вы-

шла в свет в 1941 году. Книге предпослано обстоятельное предисловие академика Л.В. Черепнина. Как отмечала критика, переработка романа преследовала цель глубокого раскрытия исторического процесса, шла по пути, говоря словами самого С. Злобина, превращения «историко-романтической повести об одном герое» в «исторический роман». По-новому были расставлены некоторые идейные акценты, сложнее стала композиция, появились новые действующие лица. Автор стремился показать, как и почему башкирский народ примкнул к восстанию русского крестьянства.

Весьма существенно также и то, что видит Салават во время своих скитаний, чему учится у жизни. Встреча Салавата с Хлопушей (который, кстати, несколько идеализирован) — плод художественного вымысла, тем не менее, ее значение в эволюции героя трудно переоценить. Двухлетнее совместное скитание сближает их: видя участливое отношение к себе, вынужденному скрываться от властей в чужом краю, Салават уже не верит, что все урусы — враги башкир, как об этом слышал с детства. Современному читателю, не закрепощенному советской идеологией, отдельные положения творческой концепции писателя, в частности идея интернационализма, возможно, покажется пропагандистской, но разве в наше трудно предсказуемое время тема дружбы народов менее актуальна, чем прежде?

Наряду с переработкой романа Злобин создал исторический рассказ для детей «Салават», который до войны дважды был издан массовым тиражом; в последние десятилетия рассказ неоднократно издавался в Уфе, был издан и в переводе на башкирский язык. В ту же пору писатель работал над пьесой «Пугачев»: в его архиве (в РГАЛИ) хранится рукопись двух картин первого действия пьесы. Другое название этого неоконченного произведения «Емельян Пугачев, народная драма в пяти актах».

С. Злобин бывал в Башкирии и в послевоенные годы. Тесно общаясь с деятелями башкирской литературы и культуры, он активно участвовал в работе Союза писателей Башкирии, выступал с подробным анализом рукописей пьес (для него специально делали подстрочные переводы), рецензировал их. Сохранились, в частности,

рецензии на рукописи пьес «Свадьба продолжается» Мустая Карима, «Давняя песня» Баязита Бикбая, «Эскадрон» Кадыра Даяна, «Светлая река» Гарифа Гумера, «Ускорившие рассвет» Анвера Бикентаева и Ражапа Хайруллина.

Общался Злобин и с башкирскими учеными-литературоведами и фольклористами из Научно-исследовательского института истории, языка и литературы имени Мажита Гафури (ныне – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской АН); перевел несколько сюжетов башкирского фольклора на русский язык. Его больше привлекали героические жанры, так или иначе связанные с личностью Салавата Юлаева; одно время он работал над драмой «Салават Юлаев». В 1947 году рукопись его драмы обсуждалась, по замечаниям и пожеланиям автор работал над ней и после отъезда из Уфы (в первой половине 1948 года), но пьеса осталась неоконченной.

...Завершив начатые еще до войны романы «Остров Буян» (1948) о восстании городских «низов» Пскова в 1650 году и «Степан Разин» (1951), удостоенный Государственной премии СССР, С. Злобин вновь обратился к своему любимому герою – Салавату Юлаеву: вторично кардинально переработал роман. Новые исследования отечественных историков о Салавате и других сподвижниках Пугачева позволили писателю уточнить, дополнить и расширить многие части произведения, в результате в 1953 году появилась третья, принципиально новая редакция романа «Салават Юлаев». Если в первой редакции основное внимание автора было сосредоточено на главном герое, то в последней образ Салавата Юлаева слит с эпохой, широко и многогранно обрисована его полководческая деятельность, существенным изменениям подвергся также образ Юлая, вновь отшлифован язык романа.

Большое профессиональное мастерство позволило писателю умело сочетать историческую правду с тонким художественным вымыслом. При этом автор широко использовал башкирский фольклор, что способствовало не только воссозданию местного колорита, но и глубокому раскрытию психологии героев. Однако, как отмечала критика, «некоторые главы

книги стали кое-где довольно громоздкими» из-за подробных описаний боев, включенных в новую редакцию романа (Г. Ленобль). В какой-то мере чрезмерное увлечение батальными сценами, очевидно, можно объяснить и эйфорией от победы над фашизмом. Не надо также забывать, что пережил и сам автор: оказавшись в плену, он руководил подпольной коммунистической организацией, боровшейся против гитлеровцев.

По утверждению вдовы писателя Виктории Васильевны Злобиной, «для переиздания 1962 года С. Злобин вновь прочел роман (лежа, был болен), кое-что стал поправлять, потом сказал: «Ничего не надо, хватит, ловлю блох!».

Как видим, с образом Салавата писатель не расставался на протяжении почти сорока лет, и его герой рос духовно и идейно вместе с ростом художественного таланта самого автора. Зрелость Салавата сказалась, в частности, во вдохновенном воззвании к башкирам и русским: «Под одним знаменем нам вместе идти против общих злодеев: русских и башкирских воров, кто друг на друга народы хочет поднять, хватайте их и расправу над ними чините!..»

Реалистические принципы подхода писателя к истории предопределили и основу языковых особенностей произведения о Салавате. По утверждению Е.И. Кудряшовой, «в «Салавате Юлаеве» Злобин принципиально по-новому решает проблему языка исторического романа: писатель отказывается рабски следовать языку канцелярских документов, положив в основу произведения язык народных песен и преданий о Салавате. Отсюда – большая красочность и эмоциональность речи автора и героев».

Сравнение и сопоставление различных редакций романа показывает, как кропотливо и настойчиво работал С. Злобин над своим первенцем, от редакции к редакции углубляя его реализм, уточняя отдельные детали. Вместе с тем каждая редакция по-своему интересна, оригинальна и значительна. Если первая примечательна своим романтическим пафосом, поэтичностью, авторской непосредственностью и непринужденностью, обилием фольклорно-этнографического материала, то последующим присуща реалисти-

ческая направленность, строго научный подход к решению поставленной в романе проблемы — народ и история. В последних редакциях писатель выступает как зрелый мастер, в совершенстве владеющий богатым арсеналом художественного воссоздания исторического прошлого. Но в них, особенно в последней, третьей, редакции, ошутимо заметно и веяние духа сталинской эпохи...

И тем не менее, в центре романа «Салават Юлаев» — народ, поднявшийся на борьбу против угнетателей. Злобину удалось показать, как пишет Е. И. Кудряшова, «ширь и мощь народного восстания... Образ Салавата раскрыт через описание богатой приключениями и событиями жизни героя. Салават честен, неподкупно прям, предан своему делу, великодушен, поражает необыкновенным героизмом. Он прекрасный организатор, искусный воин, талантливый поэт. Писатель стремится к всесторонней характеристике исторического героя. В Салавате он выделяет не только черты руководителя движения, но и человеческое обаяние».

Роман о национальном герое башкирского народа оказал влияние на башкирских писателей, работавших в исторических жанрах. «Салават Юлаев» возвестил о приходе в советскую литературу талантливого, смелого писателя, и нам, молодым башкирским писателям, — пишет Баязит Бикбай, — показал хороший пример того, как создавать большие полотна из жизни исторического прошлого своего народа. Видный поэт и драматург, активный общественный деятель Даут Юлтый, как мне кажется, многому научился у Степана Злобина при создании своей драмы о Салавате. Сам я позднее, в 1938—1939 годах, когда начал работу на эту тему, не раз обращался к опыту С. Злобина».

Творческие, деловые и дружеские связи Злобина с Башкирией продолжались в течение всей его жизни, поэтому-то он любил наш край как родину. И не случайно

основные события в его последнем романе «По обрывистому пути» происходят в уральском промышленном городке, прототипом которого послужила Уфа, хорошо знакомая автору с детских лет. Роман «По обрывистому пути» был издан уже после смерти автора — в 1967 году. В 1970 году роман был переиздан, а еще через 15 лет роман вышел в Уфе в серии «Золотые родники». Размышляя о судьбах народов России и мира, писатель колоритно рисует те обрывистые пути, по которым идут его уфимские герои — люди мужественные, самоотверженно борющиеся за утро нового века.

...Прошло почти 80 лет с выхода в свет первого издания романа «Салават Юлаев». Он многократно переиздавался, был переведен на многие языки народов нашей страны и ряд иностранных. На башкирском языке роман вышел в переводе народного поэта Башкортостана Рашита Нигмати. Последнюю редакцию романа он перевел совместно с Нажибом Идельбаем, известным башкирским поэтом-переводчиком. Мы, земляки легендарного героя башкирского народа, глубоко благодарны замечательному русскому писателю за талантливое воплощение образа славного Салавата Юлаева, ставшего ныне символом — на национальном гербе Республики Башкортостан.

Литература.

1. Салават Юлаев. Исторический роман. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, «Уральская библиотека», 1973.
2. Мустай Карим. Собр. соч.: В 3-х т. М.: Худ. лит., 1983.
3. Г. Ленобль. Степан Злобин и его роман «Салават Юлаев». Предисловие. — Степан Злобин.
4. Е. Кудряшова. Степан Злобин как автор исторических романов. Критико-биографический очерк. Белгород, 1961.

Голос времени

Человек и время в поэзии И. Киньябулатова

Ирек Киньябулатов является автором десятка книг на башкирском, русском и татарском языках. Он — лауреат 6 литературных премий. Недавно в издательстве «Китап» увидел свет очередной сборник его стихотворений «Голос времени», ставший как бы промежуточным итогом творческой деятельности автора.

Стихотворения и поэмы, включенные в сборник «Голос времени», можно охарактеризовать как исповедь автора о времени, о человеке, о себе. Лирический герой поэта во многом автобиографичен, даже несколько субъективен, не лишен максимализма в собственной оценке окружающей действительности, её отдельных сторон. Но главное — такой герой сумел запечатлеть в себе черты своего времени, своего поколения. Суровым было его детство, пришедшее на военную пору, не менее суров и немилосерден его век нынешний. Он же, оставаясь нашим современником и соплеменником, смотрит на мир удивленно, открытыми глазами, хотя опыт прошлого научил его трезво оценивать проблемы бытия, отличать добро от зла, верность от предательства. Но никогда не отчаивается, не сомневается в правильности выбранной им миссии, по натуре своей он оптимист:

*Я — человек, рождён я для того,
Чтоб жизнь собой украсит на планете.
(«Я — человек...»)*

На такой гражданской позиции и на таком гуманистическом манифесте, провозглашенном самим автором, основан и действует главный творческий принцип И. Киньябулатова: воссоздание мгновенный, картин, явлений действительности с помощью реалистических средств изображения, говоря иначе, — в формах самой жизни. Это отнюдь не копирование обыденности, повседневности. Это тот же

реализм, но реализм, возведённый на высоту художественного обобщения.

Правдиво отображать жизнь, показывать людские судьбы как можно ближе к их человеческой сути и нравственному содержанию — было обозначено уже в первых зрелых стихотворениях автора, таких, например, как «Хлеб», «Земля», «Матери», «Колосья», «Полевая дорожка», а также в поэме «Разлёт» («Скворцы выпускают птенцов») и др. Вокруг этих произведений, в названиях которых заложен особый смысл, формировалось тематическое направление творчества И. Киньябулатова, всё новые и новые грани которого автор раскрывал, применяя устойчивые и новые поэтические образы. Среди них особое место занимает тема материнства, образ Матери, прототипом которого является собственная мать поэта.

Не только традиционные образы, но и отдельные детали служили ему средством поэтической типизации, помогли быть искренним и верным исторической правде. Например, цветок ботвы становится для него цветком надежды, символом жизни, а ведь тогда, в детстве, картофель спас его, их семью, многих других от голодной смерти:

*Цветы надежды в душах расцветали,
Когда ботва июльская цвела:
Осенний голод свалит нас едва ли,
Да и зима теперь нам не страшна.
(«Цветет картофель»)*

По внутреннему накалу близки к явлению цветения ботвы картины снегопада и дождя, не радующие глаз поэта, которые олицетворяют трудные годы его жизни: «Тогда не видел белых я дождей», «Лил чёрный дождь на нас, на детство наше».

Своеобразный синтез лиризма, сюжетности (сюжетности), злободневности, которыми отмечены произведения И. Киньябулатова, острая реакция и опе-

ративный отклик на «жареные» факты и общественно значимые события дали поэту основание создавать более крупные поэтические формы — циклы стихов, поэмы. Что касается поэм, они, как и большинство его стихотворений, написаны по горячим следам, «по случаю». У каждой есть так называемый событийный повод, вызванный памятью сердца поэта, например, памятью о Зайнаб Бишевой, Тагире Кусимове, о сегодняшних защитниках Отечества, ставших жертвами локальных войн, о трагедиях Чернобыля, Беслана, о своей родной матери... Каждая поэма имеет свою идею, идейную направленность, в то же время им свойственна стилевая общность, которая определяется исповедальностью героев. А благодаря авторской публицистичности поэмы совмещают в себе элементы жанра башкирского фольклора — поэтического наказа. Присутствует в поэмах и патетика, но она не безгранична, а соизмерима с масштабом личности и событий, о которых рассказывается в произведениях. Ясно одно: злободневность не заслоняет образности мышления автора. Его слова и строки не крикливы и не чопорны, но пронизательны и задушевные.

Проф. Т. Кильмухаметов в своей статье «Жизнеутверждающая поэзия» замечает следующее: «В стихотворениях Киньябулатова рядом с бурлящей жизнью соседствуют тонкие душевные переживания героя, его радости и печали, в основе которых лежит формула — «любовь — счастье».

Поэзия И. Киньябулатова не конъюнктурна: автор одинаково тепло, с восхищением пишет о своих современниках, будь это простые труженики или лица, наделенные служебной или государственной властью, или незаурядные личности, оставившие неизгладимый след в памяти поколений. Стихотворения и поэмы, посвященные им, занимают в сборнике «Голос времени» значительное место. Они, написанные в форме посвящений и поэтических портретов, как никакой другой жанр, адекватно передают творческий замысел и вдохновение автора. Такие произведения эмоционально насыщены, экспрессивны, вместе с тем реалистически выдержаны и не претендуют на оду, реквием или дифирамбы. Прав Рашит Шакур, который в предисловии к книге «Доброе утро» пишет, что «Иреку Кинья-

булатову, как немногим из мастеров в башкирской поэзии, удалось избежать штампа и бесцветности и в стихах-посвящениях и в особенностях в портретных полотнах».

«Нет, не природа на земле прекрасна, а человек, украсивший её», — так несколько категорично заявляет сам поэт. С этим, конечно, трудно согласиться, поскольку он одинаково бережлив, равномерен, симметричен в собственном отношении к истории и современности, к соотечественникам и остальному миру, к природе и ее обитателям. Мысли поэта обширны и ассоциативны в пространственно-временном отношении, географических границах, вместе с тем обострены в духовном выражении. Поэтому всегда на точке пересечения исторических и нравственных координат, в фокусе изображения поэта Ирека Киньябулатова оказывается человек. Образы людей, созданные им, имеют свою драматургию, они динамичны, обладают большой обобщающей силой. Как, например, в стихотворении «Голос певца» поэт восхищается могучим исполнительским талантом Гильмана Сафаргаллина:

*Когда твой голос зазвонит,
На сцене не вмещааясь,
Он устремляется в зенит,
Небесных птиц смущая.
Он реет на семи ветрах
И ливни усмиряет.
Он скалы разбивает в прах
И грань хребтов стирает.
И потому молчат хребты
И тихают тучи.
И солнце смотрит с высоты
На облик твой могучий.*

Как видим, талант певца не мог не окрылять поэта. Одухотворенность, восхищенность находят адекватное звучание в произведениях автора, посвященных памяти многих других известных людей. Например:

*Был ты молнией, сверкавшей ясным днём.
Был ты звездочкой падающей
в тьме крошечной.
(«Шайхзаде Бабичу»)*

*Ты шёл один, пока не взорвалась
Твоя душа, рожденная для песен.
(«Памяти Рами Гарипова»)*

Стихотворения, отрывки из которых приведены выше, во многом созвучны в плане проблематики и интонационно, к тому же идея самопожертвования освещена духовной энергетикой самого автора. Потому упомянутые герои показаны в одном творческом порыве, с предельным драматизмом, в живой связи поколений.

Человек и его судьба — суть, душа, содержание поэзии И. Киньябулатова. Не случайно, что сердцевину его творчества составляют стихотворения-посвящения и поэмы-посвящения, портреты. В них страстно проводится поэтическое исследование личности, делаются поэтические «раскопки» в поисках индивидуально-характерных черт образа и выход, тем самым, к созданию поэтического портрета героя. А через них — к обобщению тенденций общественного развития. Активное отношение героев И. Киньябулатова к обстоятельствам прошлого и нынешней действительности делает их носителями социального и нравственного содержания, гуманистических идей, добра, справедливости.

«Эй, люди, к вам спешу я», — говорит поэт в стихотворении, предвещающем книгу «Голос времени». Эти строки служат не только эпиграфом к сборнику, но

являются лейтмотивом его творчества. И. Киньябулатов увлеченно, с любовью пишет о сегодняшнем дне, прошлом, современниках, об их человеческих радостях, душевных тревогах. Такая поэзия привлекает к себе внимание читателей, она имеет как эстетическую ценность, так и воспитательное значение.

Академик Г. Хусаинов, основываясь на содержании книги И. Киньябулатова «Я — башкир!», назвал автора певцом родной республики, страны. Это соответствует действительности. Такую оценку поэт заслужил активной жизненной позицией, общественной и публицистической деятельностью и, самое главное, своим поэтическим творчеством. Сборник «Голос времени» — тому подтверждение.

Учёные-литературоведы, критики неоднократно отмечали художественные достоинства произведений И. Киньябулатова, написанных в форме поэтического посвящения. Это новое явление в современной башкирской поэзии. Книга «Голос времени», воспевающая человека в контексте времён, в конкретных делах, утверждающая его высокое назначение, как и другие сборники автора, найдет своего читателя и получит достойную оценку со стороны литературной общественности, специалистов.

Посланец башкирской культуры

Генерал «солдатской прозы» на войну попал почти ребенком

Элеонора Шамильевна Файзуллина, хозяйка Белой гостиной и директор Центра культуры Башгоспедуниверситета, пригласила нас в гости всего на полчаса — на встречу с лауреатом Аксаковской премии этого года писателем Анатолием Генатулиным. Разумеется, беседа затянулась часа на полтора.

Талха Юмабаевич (так зовут писателя по паспорту) был предельно искренним, непосредственным, в меру веселым и безмерно обаятельным. От него веет чем-то настоящим, редко теперь встречающимся душевным теплом, неравнодушным отношением, исключительной простотой в общении и какой-то врожденной интеллигентностью вопреки тому, что сам Талха Юмабаевич во время встречи не без юмора сокрушался, будто этой самой интеллигентности так и не обучился...

— Талха Юмабаевич, зимой вы живете в Москве, летом приезжаете в родную деревню Уразово. Некогда простой башкирский паренек, а ныне известный российский писатель, кем себя в первую очередь ощущаете?

— Я чувствую себя посланцем башкирской культуры на русской земле.

— С чего начался ваш путь в русскую литературу?

— С того, что пятнадцати лет от роду ушел из деревни, не зная русского языка. Неграмотность моя была впечатляющей: в диктанте мог сделать до сорока ошибок, по два года учился в седьмом и восьмом классах. Главное — не мириться с таким положением вещей, идти вперед вопреки всему. Ведь что такое талант, не знает никто. Сейчас мне проще: нет скованности и страха, что думаю, то и говорю. Я из поколения шестидесятников. Мы формировались, когда в воздухе начали витать идеи либерализма, свободы. Пусть это продолжалось недолго, но духом пропи-

таться мы успели. И до сих пор порой такие вещи начинаю критиковать, что близкие потом меня ругают... А вручение Аксаковской премии как странный сон: наконец-то меня признали! Наверное, потом и эйфория случится.

— Как вы, человек двадцать первого века, художник, относитесь к творчеству Аксакова?

— Я много и с удовольствием читал Аксакова, особенно о рыбной ловле и о том, как Гоголь к нему в Абрамцево приезжал... Меня поражала не столько бытовая сторона жизни тех времен, сколько описание природы, особенно во время их путешествия по Волге, Каме, Белой до Уфы. Сергей Аксаков — истинно русский писатель и очень тепло отзывался о людях, которые проживали в деревнях. Мне тоже это близко. Моя бабушка жила в маленькой бедной избушке... И когда мимо проезжали тирляньские рабочие, они всегда к ней стучались, а не в богатые дома. И бабушка пускала на ночлег. И Аксаковы так же путешествовали, останавливаясь у простых людей. Сейчас попробуй к кому-нибудь на ночь постучись! А из Москвы на подводах до Уфы добраться даже ради эксперимента вряд ли кто рискнет.

— Талха Юмабаевич, вы прожили нелегкую жизнь. Что позволило не пасть духом?

— Писатель Вячеслав Кондратьев удивлялся: «Толя, как ты не спился?» Наверное, просто потому, что выпивать не любил. Пристрастие к пьянке передается генетически, и я не был к этому расположен. А вот как не загнул, это другой вопрос. Много раз выкарабкивался на удивление себе и другим. Может быть, какая-то внутренняя сила во мне заложена? Еще Чехов спасал. Когда начинал его читать, становилось веселее, комфортнее. Влияние этого глубокого художника на мое мироощущение — почти мистическое.

Есть такое заклинание: «Будь человеком!» И мой покойный отец мне говорил: «Вот, сынок, когда вырастешь — работать тебя не заставлю. На чугунке поедешь в город учиться». Это тоже спасительную роль сыграло. Многие из моих друзей, с которыми колхозную репу воровали, погибли от водки. Все зависит от того, в какую среду попадешь. Я попал в самую суровую: война, свист пуль, постоянный стресс. Все это только в кино интересно...

Потом работал в забое, а когда приехал в Москву, она меня приняла как суровая, жесткая мачеха. Столица всех так пришлых принимает. А если видит, что стараешься, становится мамой родной. Поначалу было непросто, попал в среду рабочего класса, к станку. Я собирался учиться. Мне говорили: «Куда лезешь с таким рылом, век живи — дураком помрешь». А некий Лунин презирал меня откровенно, смахивал мои тетрадки со стола и садился в домино играть. Москва меня переварила в жестоком своем котле. Чем русская среда отличается от башкирской, сказать не могу, но что-то стоящее во мне она воспитала.

— Какое из ваших произведений вами самое любимое?

— Повесть «Переправа», которая имеет и второе название «Вброд». Она получилась искренней, естественной, со всеми реалиями деревенской жизни и быта. Очень многие поэтому решили, что повесть автобиографична: если пишу от первого лица, то это я сам такой негодяй и есть, свою жену собственноручно в реку сбрасываю.

— Почему повесть называется «Переправа»?

— Переправа — это вся наша жизнь. А если более конкретно, герой пытается перейти вброд реку Урал, тонет, ему удается выплыть. Потом его кружит мутное течение жизни послевоенных лет. И среди тараканов пришлось пожить, и через наркологическую клинику пройти... Если бы не русская женщина... На ней все держится. Да и в Уразово тоже, если бы жили одни мужики, представить трудно, что было бы.

— Про то, что необстрелянных лейтенантов отправляли сразу на войну, говорили всегда. А о том, что совсем юные мальчишки попадали на фронт, заговорили в последнее время. Это правда?

— Да, это правда. Я сам попал на войну, по нынешним меркам, почти ребенком. И все мысли были о том, как бы поесть. В первый раз в атаку ходил в пьяном виде. Мы с узбеком одним поменялись: я ему колбасу дал, а он мне водку предложил. Я, дурак деревенский, согласился. Скомандовали: «За Родину! Вперед!», ну и побежал, ничего не соображая.

Сколько тогда моих ровесников полегло! С другой стороны, они безгрешные, умерли за святое дело. Я сравниваю себя со своими друзьями детства, которые вернулись покалеченные, контуженные. У них счастья не было: спивались, кончали с собой, семьи не сложились — духовно были покалечены. Я тоже духовно покалечен. Это правда. Моя жена знает...

— Образ землянки в вашем творчестве — символ той жизни?

— Это метафора. В 1921 году была введена продразверстка в Башкирии. Но у нас же не хлебоборный район, а горная местность, камень. Все равно приезжали красноармейцы, с винтовками ходили по деревне и выгребали все подчистую. Мужики-кулаки кое-что прятали в горах. Хлеб закапывали. И откуда-то из волости был дан приказ: «Сжечь кулацкую деревню!» Приехали всадники, сказали: «Выходите из домов, сейчас будет пожар». Выгнали всех к реке и выжгли всю деревню. А на другой год голод грянул. Очень страшный. Не хочу грешить, но говорили, что до каннибализма доходило. А поскольку избушек не было, люди стали копать землянки. Это быстрее, чем сруб поднимать. Очень теплые жилища получались, подпола нет — ниоткуда не дует. Вот оттуда, из тех времен эта метафора. Людей загнали в землянки. А те, кто это сделал, поселились в пятистенных домах.

— Талха Юмабаевич, вы столько всего повидали, много чего пережили, застали разные времена... В какой период вы ощущали себя более уютно?

— Это сложный вопрос. Время есть и безвременье есть. В первый раз я какую-то свободу, радость почувствовал в 80-е годы, когда Горбачев пришел. Сейчас его ругают: такой-сякой. Ерунда! Он впервые отменил цензуру, впервые нам, бедолагам, разрешил выезжать за границу. Тогда впервые я напечатал многие вещи. Григорий Бакланов мне как-то сказал: «Толя,

ты — известный писатель, тебе плохо писать нельзя». Я ответил: «Ладно, не буду писать плохо». Вот этот момент был хороший. Я был на подъеме. Потом пошли годы, как говорят, демократической революции. Я не против демократии, но не такой, какая у нас случилась, — в извращенном виде. Вот есть такой древнесирийский Мамона — царь наживы, золота. Он пришел, завладел всеми умами. Деньги, нажива, богатство... А духовное развитие остановилось. У молодежи испортили вкус к музыке. Попробуйте предложить Шопена, Чайковского — они не воспринимают. У них — Киркоров, Пугачева... А Зыкину не пускают на сцену. Она ведь еще может петь. Что это такое...

Принесешь в редакцию рассказ. Робкоходишь: сидят молодые, крутые ребята, сквозь дым снисходительно интересуются:

— Что принесли?

— Да вот тут у меня о войне... «О войне не печатаем — не формат!» Что такое «не формат»? Ничего не понимаю. В другой раз приношу: «Может, о деревне?» «О, нет! Деревенская проза — это древность». Что вы! А ведь русская литература изначально была деревенской, она усадебная.

Самое главное, надо писать правду. О чем угодно: о деревне, городе. И печатать это необходимо. Людям нужна правда. Я всем советую: «Перечитайте Чехова «Ионыч». У него все есть, а счастья нет в жизни, ну в любом отношении нет счастья. А ведь заработал все честным трудом! В наше время этот рассказ не только прочитать, но и запомнить надо каждому. Чтобы уметь тормоза включать, когда жадность в глазах загорается.

Охотник, рыбак и ловец человеческих душ

Наш современник поэт Станислав Куняев, приехав в Уфу, сказал:

– Желая журналу «Бельские просторы» на исходе первого его десятилетия: пишете правду, ищите правду. Правда бывает разная – бывает историческая, бывает духовная, бывает политическая, бывает эстетическая – всей правды не скажешь. Но стремиться к этому надо.

Конечно, на журнальных страницах не скажешь всей правды о замечательном поэте, главном редакторе одного из самых многотиражных литературных «толстяков», лауреате Государственной премии РСФСР, а теперь еще и лауреате премии им. С. Т. Аксакова. Но мы будем стремиться.

* * *

...Станислав Куняев пришел из того советского детства, в котором кусок хлеба был ценностью; пирожок, вынутый торговкой из дымной, укутанной в телогрейку кастрюльной утробы, – лакомством; а стакан сидра пьянил так, что хотелось бегать и орать во все горло. Из того босяцкого полуголодного детства, где главной мальчишеской доблестью считалось умение выхватить у зазевавшейся бабки кошелек. Чтобы тут же, за рынком, проесть эти деньги – набивая полный рот, давясь возбужденным смехом от свежего подвига.

«Ты самый шустрый и мелкий, – предводитель пацанской ватаги взял будущего поэта за плечо. – Глянь туда: видишь старуху? У нее в сумке – вот такенная пачка денег. Значит, план: цапаешь сумку, кидаешь мне через забор – и деру, понял? Я с сумкой в одну сторону, ты – в другую. Пока она забор обежит...»

Станислав легко выхватил вожделенную добычу из рук старухи, рванулся...

– Мальчик! Мальчик, – растерянно

закричала она, даже не пробуя догонять. – У меня там все документы! Мальчик!

Мальчик оглянулся – на нее, на азартно сигналившего вожака по другую сторону забора... И, размахнувшись, бросил сумку. Старухе.

* * *

– Те свойства человеческой природы, которые ценились в советское время, – вечны, – рассказывает бывший сорванец. – Совесть, сострадание, бескорыстие... Без них наша история не может продолжаться. Эти свойства ведь не были только советскими: одно из главных понятий – долга – строй взял от прежних поколений. Россия тысячу лет существовала не благодаря понятию ПРАВА, а – благодаря понятию ДОЛГА. В сущности, все наши войны были продиктованы этим чувством – так, Петр I перед Полтавской битвой сказал перед армией: «Ни трон, ни жизнь не дороги, а только – судьба России».

– Общество сейчас теряет творческую волю, – поставил диагноз Куняев, – не только наше, но и мировое сообщество. Это сказывается в выветривании религиозного понимания мира, в упрощении жизни – в ее материализации. Я думаю, что противоречия, которые называют борьбой цивилизаций, это на самом деле – борьба мировоззрений. Борьба попыток обезбоживания мира с еще устойчивыми представлениями о тайнах человека, о тайнах бытия и о вере в высший смысл происхождения земли и жизни. Думаю, что маскировка, которой англосаксы прячут глобальные претензии на мировое господство, это, в сущности, жестокая религиозная война. Это война обществ, которые не терпят другого понимания религиозности мира. Я имею в виду противостояние Запада и мусульманской идеи.

И в этих условиях Россия может стать примирителем двух миров. У нее есть исторический опыт тысячелетнего существования того, что называется Российской Империей, но на самом деле – не империя, а попытка ужиться со всеми народами, не унижая их бытийных основ. Ведь англосаксонские миры – очень сильные, волевые, агрессивные – всегда вторгались в бытийные начала народов и континентов, разрушая их. Российская же терпимость выражалась в самых простых формах: когда русские цари, русские императоры приближали ко двору знать других народов – татар, грузин, армян и так далее. А сколько было царевичей из татар! А царевен!..

* * *

В понимании Станислава Куняева одно из главных зол современности – тотальное упрощение жизни. Упрощение мира в пользу элит, в пользу сильных мира сего – чтобы массы не задумывались ни о чем, жили по указанным им законам и правилам.

– Я был в Америке в 90-х годах и был удивлен, насколько там – при кажущемся разнообразии наций, рас – упрощены люди. У Соединенных Штатов был шанс стать ведущей культурной державой, когда после мировой войны там появилось несколько десятков прекрасных писателей – это и Фолкнер, и Хемингуэй, и Драйзер, и Стейнбек, и так далее, – все это были первоклассные писатели. Но они задавали очень сложные вопросы своим соплеменникам. Они были против того упрощения, которое уже начиналось в Америке, когда всех пытались подогнать под одну колодку путем инъекции массовой литературы и Голливуда. И американская элита поняла, что такие люди, которые задают глубочайшие вопросы, опасны. И все силы, все средства были брошены на создание империи массовых культур. Так что то поколение писателей вымерло, а новое никого не дало.

– Не нужно упрощений, – сказал нам великодушный переводчик, сделавший, к слову, ювелирные переводы поэзии Равиля Бикбаева, которые мы публикуем в этом номере. – Народы – суть мысли

Божьи. А мысли должны быть разными, иначе – зачем их столько?

* * *

Но Станислав Юрьевич предостерегает:

– Не надо путать упрощение с простодушием! Есть та простота, которая хуже воровства, а есть простота, к примеру, русских пословиц. У Пушкина проскользнуло такое выражение: «Поэзия должна быть глуповата». Наш гений погорячился, сказав эту фразу, тем более, он выразил ее лишь в частном письме Вяземскому. Да и было ему в ту пору лет 26–27. А если бы он чуть-чуть подумал, сколько будущих критиков, литературоведов будут разгадывать эту фразу, изумляться и ахать по поводу ее парадоксальности, то написал бы точнее: «Поэзия должна быть простодушна». А дар простодушия – особый дар, он не дается кому попало. Даром простодушия, допустим, в русской поэзии обладали не все – далеко не все. Блок не обладал даром простодушия. Тютчев не обладал. У Пушкина он есть, но Пушкин всего понемножку нахватал из русского бытия, и поэтому он настолько гармоничен. У Есенина был дар простодушия. А вот в советское время, в отечественной поэзии XX века, даром простодушия обладали, может быть, только Николай Рубцов, Николай Трякин и, пожалуй, Виктор Боков. В прозе же Аксаков, в полной мере простодушно излагающая быт своей семьи и окружающих людей, был просто эталоном великого дара простодушия, которого так не хватает миру. Без этого дара люди теряют самый прямой и непосредственный взгляд на вещи и на самих себя.

* * *

В то утро, когда мы разговаривали со Станиславом Куняевым, – в Аксаковские дни, – меня спросили на одном из молодежных радиоканалов: «Что вообще такое – писатель Аксаков для современного молодого человека? Ну да – “Аленький цветочек”, а что за явление Аксаков в масштабах России?» Радиоведущими был даже проведен опрос на улицах Уфы

по поводу творчества знаменитого соотечественника.

У лауреата Аксаковской премии Станислава Куняева есть ответы на вопросы заносчивой молодежи. Они есть давно, но Станислав Юрьевич согласился повторить их для читателей нашего журнала.

– Я – охотник и рыбак, – так начал поэт. – Вот уже тридцать пять лет езжу на реку Мегру. И всегда беру с собой туда два тома Аксакова – это «Записки об ужении рыбы» и «Записки ружейного охотника». И там по его описаниям я изучал птиц, которые ко мне подлетали: турухтаны, кулички, вальдшнепы, кроншнепы... И видел – насколько он точен! Он помогал мне и в рыбном изобилии разбираться, и в природных явлениях... Но это – прикладное и более простое для меня значение Аксакова. А вообще Сергей Тимофеевич занимает особое место в литературе. Талантливых писателей у нас много. Но все же самые крупные литераторы всегда старались решать глобальные, мессианские задачи, связанные с ролью России в мире, с загадками русской истории. И Толстой, и Достоевский, и Пушкин, и Тютчев, и Гоголь – все они старались быть пророками. Они и старались угадать будущее, и изложить в своей литературе русскую историю... А Сергей Тимофеевич был человек попроще. И поэтому, может быть, и понятнее, и ближе своим читателям, которые не все находятся на уровне мессианского мышления наших великих. Опираясь на свои личные переживания, свое детство, юность, он описывал, казалось бы, бытовую сторону жизни. Но вдруг именно это направление оказалось таким плодотворным и глубоким, что он, в сущности, стал основоположником целого литературного жанра, который затем нашел воплощение в «Записках охотника» Тургенева, в рассказах Бунина... И даже Лев Толстой, хотя решал глобальные вопросы, я думаю, свои «Детство», «Отрочество», «Юность» написал не без влияния Аксакова.

Так получилось, что, описывая патриархальные устои – домашние, семейные, бытовые, Сергей Тимофеевич очень близко подошел к загадкам русской души. Мы живем в апокалиптическое время, по всем приметам: и стихийные силы разбушевались природные; и экономические законы рушатся, геополитика мира меняется; народы, элиты, государства сходят с ума, – на какой-то особый уровень поднимается и все никак не поднимется человечество. И эта устойчивость – домашняя, семейная, бытовая – становится одной из величайших ценностей. Хотя и кажется, вроде бы, второстепенной стороной жизни – люди ведь всегда обуяны гордыней, замахиваются на великие масштабы, на великие идеи. И очень часто срываются с этих высот, оторвавшись от почвы, от быта – от нормальной жизни, в которой человеку положено на земле стоять ногами. Аксаковская надежда на счастье и согласие крайне необходима каждому народу, каждой семье, поэтому он – не писатель прошлого дня, если его внимательно читать; он – писатель живой и, может быть, для будущего сделает не меньше, чем другие русские гении. Он был человеком света, высокой простоты души, а именно свет сейчас так необходим.

* * *

Прав Станислав Юрьевич – всей правды не скажешь. Но тот, кто стремится к ней, значительно продвинется по одной из дорог, если в качестве путеводителя возьмет книги Куняева: и публицистические, такие как «Стас уполномочен заявить...», исторические – такие как «Шляхта и мы», и книги стихотворений, любимых и новых...

Охотник, рыбак и ловец человеческих душ Станислав Куняев сидит несуетно на берегу безумного времени – с удочкой, книжкой, и его опора очень устойчива. Это – семья, честь, порядочность, долг. И русская литература.

Душой исполненный полет

Лауреат Государственной премии им. Салавата Юлаева за 2008 год

Ее пуанты легко умещаются на ладони, миниатюрные и легкие, сказочные, как у Золушки. Ее пластика изумляет зрителей, в ее танец влюбляешься сразу и навсегда. Но на этом сказочные совпадения и заканчиваются. Начинается жизнь. Жизнь балерины, в которой такие тугфельки у юных танцовщиц нередко окрашиваются кровью, а у ведущих солисток снашиваются по 10 пар за месяц. Жизнь, в которой бурные аплодисменты на мгновение разбивают череду многочасовых репетиций и тренировок.

Жизнь балерины всегда овеяна слухами и легендами, окутана ореолом таинственности и чуда. Ничего не поделаешь, редкая, необычная профессия для реальной, земной женщины.

О любимой работе, о жизни и любви мы разговариваем сегодня с ведущей артисткой Башкирского балета Гузель Сулеймановой.

– Гузель, в жизни балерины больше искусства или реальности?

– Если говорить о балерине, то, конечно, искусства. Но балерина – реальная женщина, со своей земной жизнью. Конечно, если целый день находишься в театре, то улица кажется другой планетой. В этом, на мой взгляд, и таится опасность. Легко окончательно оторваться от действительности, погрузиться с головой в мир музыки и пластики и потерять связь со временем и со зрителем. Поэтому в балете, как, собственно, в любом другом деле, важно уметь вовремя переключаться. Поднакопить эмоции, освежить чувства, чтобы с новыми силами вернуться к работе над образом.

– Вы постоянно гастролируете, было так, что сцена не принимала и спектакль не получался?

– Сцены бывают очень разные, жестких стандартов нет. Маленькие, большие,

сцены с наклоном, сцены под куполом Ла Скала и под открытым небом. Подход один. Если ты сегодня на ней танцуешь – это твоя сцена. Провальной или успешной ты делаешь ее сама. Это касается и жизни. По существу, жизнь – та же сцена. Без толку стенать и плакать, что тебе досталась не самая лучшая. Вставай и танцуй на той, которая есть, другой может не случиться.

– Такому подходу к жизни Вас научил балет?

– Да, балет – хорошая школа. Здесь движение вперед не останавливается никогда. Постоянный рост. Почивать на лаврах можно только мгновение, остальное беспощадный труд. Неделя без репетиции – потеря формы, которую нужно будет восстанавливать.

При всей кажущейся легкости и воздушности, труд балерины физически очень тяжелый. Это на сцене ты сказочная принцесса, а у станка – рабочая лошадка, с которой за репетицию семь шкур сходит.

Мне, кстати, однажды удалось соединить эти две полярные ипостаси. Случай вышел весьма курьезный.

– Расскажите и нашим читателям.

– Произошло это во время моих первых гастролей, в Голландии. Я, будучи студенткой 1 курса училища искусств, танцевала Снежинку в балете «Щелкунчик». Бежать я должна была по третьему внешнему, самому большому кругу, сцена была огромная, и двигаться нужно было достаточно быстро. На руку нам прикрепляли белые помпоны. В момент, когда я, сконцентрировавшись, устремилась на сцену, каким-то образом мой помпон зацепил декорацию – метровую деревянную лошадь, причем зацепил намертво. Сколько я ни взмахивала рукой, лошадь не отцеплялась. Так мы с коняшкой и проскакали круг под изумленные взгляды других Снежинок и зрителей. Но больше всего удивлялись рабочие сцены: двухметровые

дядьки долго не верили, что маленькая хрупкая девчушка весом не более 45 кг смогла плавным движением руки отодрать от пола декорацию, прибитую тремя здоровенными гвоздями.

– **Вот она, сила искусства!**

– Можно сказать и так. А если серьезно, любимое дело действительно дает силы жить. И, как ни банально это прозвучит, работа – важная составляющая человеческого счастья. Хорошо сделанная работа дает человеку главное – уверенность в себе и самоуважение. Если у меня спектакль прошел на пять с плюсом, идет такой бешеный прилив сил, что запросто могу отправиться в клуб или на дискотеку.

– **И подо что же зажигает звезда балета?**

– Зависит от настроения, но в основном под latinoамериканскую музыку – она ближе мне по темпераменту.

– **Спектакль на пять с плюсом – это идеальная техника, безукоризненно выполненные движения?**

– От отточенной техники, ежедневного класса, работы у станка никуда не деться. Это азы. Но техника – это еще не весь балет. Идеальное вращение, исполненное механически, без эмоции, без накала, – никому не нужно зрелище. Балет тогда становится искусством, когда исполнен душой. А техника, тренированное тело – это инструмент для передачи образа.

– **Ваша работа связана с эстетикой, Вы воплотили столько разных женских образов и характеров... Вывели для себя формулу женственности, привлекательности?**

– Красота все-таки понятие энергетическое. Если женщина уверена в себе, если она устремлена в будущее, ее магнетизм невозможно не заметить. Как невозможно пропустить приход весны.

По-моему, большой грех ставить на себе крест, пока живешь. И дело не в том, какие испытания выпали тебе на долю, а во внутреннем стержне. Предназначение женщины в украшении земной жизни, а в более широком смысле – в совершенствовании Бытия. А если женщина перестает за собой ухаживать и отказывает себе в

праве быть желанной и красивой, она идет против своего естества.

Бывает, что все обстоятельства складываются неблагоприятно и невозможно до конца раскрыть свой потенциал, но даже в таком, «спящем», состоянии ты должна оставаться *красавицей*, и тогда в жизни обязательно случится Чудо.

Ярким примером женщины-«весны» для меня является знаменитая балерина Нинель Даутовна Юлтыева. Она рано потеряла родителей, после учебы в Ленинградском училище искусств ей негде было жить, и она зачастую ночевала в фойе театра. Но вопреки всему смогла построить блестящую артистическую, а затем педагогическую карьеру, всегда была окружена поклонниками и любовью. Ей сейчас 80, а выглядит она не больше чем на 60. А ее энергии и оптимизму могут позавидовать и молодые.

Поэтому хочется пожелать всем женщинам встречать проблемы с улыбкой, уметь переключаться, не заикливаться на жизненных неурядицах. Уважать себя, баловать, любить и быть любимой. Жить в гармонии со своей душой. И всегда оставаться женственными.

Игнатенко знакомый и... другой

К вопросу о трансформациях художественного сознания

На исходе весны в Башкирском государственном художественном музее им. М. В. Нестерова экспонировалась персональная выставка известного уфимского живописца, заслуженного художника РБ, участника крупнейших всесоюзных, всероссийских, зарубежных, международных, республиканских, региональных и групповых выставок Сергея Николаевича Игнатенко – одного из ярких и последовательных представителей концептуального направления в изобразительном искусстве Башкортостана. Носившая в некоторой степени ретроспективный характер (повод – 50-летие художника), выставка открыла и другого, нового Игнатенко, каким зритель его еще не знал.

Еще в 1994 году, во время экспонирования персональной выставки Сергея Игнатенко «Лики»¹, известный уфимский критик Александр Касымов, стремясь определить суть творческой концепции экспонента, писал: «В русской поэзии в XX веке было такое направление – обэриуты, близкое, между прочим, к художнику Павлу Филонову². От игры в мир поэты постепенно пришли к прозрачной глубине в понимании мира. И мое личное ощущение: [Игнатенко] идет по тому же пути»³. Как показало время, определение это было верным и ответственным в равной степени. Верным, поскольку сам художник в ответ на желания специалистов разобраться в его творческих ориентирах, в «шкале» его нравственных ценностей без лукавства утверждает, что главная тема искусства придумана давно и не нами: это добро и зло, жизнь и смерть, красивое и безобразное, а «эпицентр» этих против-

речий – человек. Заполнить свою нишу в искусстве – вот задача любого художника. Заполнить – значит ответить на эти вечные вопросы собственным языком, игнорируя широко распространенный сегодня в искусстве прием цитирования. Именно это, второе, и является, по его мнению, самым ответственным. И здесь, на наш взгляд, Игнатенко как бы повезло с самим собой. Все, что создано им в искусстве, имеет апробированный «гриф» авторства: это собственная тема и собственная стилистика, ставшие результатом настойчивой духовной работы, художественной честности и самодостаточности; ориентир «личность – профессионал» – модель для Игнатенко не столько идеальная, сколько программная.

Тот же Александр Касымов, обращаясь к известной поэтической строчке «Мир состоит из наготы и складок», утверждал, что «...у Игнатенко – нагота»⁴. Эту на первый взгляд метафору следует понимать как вполне конкретный тезис: творчество для Игнатенко – постоянное обнажение самого себя; имитация чувств, приближенность знаний вызывают у него чувство брезгливости. При этом для него самого все всегда не просто: причина тому – лучшая черта его характера – бескомпромиссность, завоеванная самостоятельностью мышления и четкостью суждений. Сегодня, по прошествии не одного десятка лет, он с удовольствием говорит, что знает «не то, что нужно делать, а то, чего делать нельзя», и призывает поверить, что это – единственно верный путь для художника. Именно художественная честность и духовная «обнаженность», являющиеся существенными критериями его отношения к искусству, стали источ-

---

Игнатенко Светлана Владиславовна родилась в 1956 году в г. Уфе. Зам. директора БГХМ им. М.В.Нестерова, член СХ России, заслуженный деятель искусств РБ. Член редколлегии журнала «Бельские просторы».

никами интригующей, подчас гипнотизирующей, а потому притягательной силы созданных им образов, беспронятным поводом для неослабевающего зрительского внимания.

Уже первые произведения Игнатенко – натюрморты середины 70-х – начала 80-х годов – были далеки от «канонического» следования древнему жанру: не физические характеристики изображаемых предметов, их светотеневые моделировки и рефлексы, их соподчиненность и положение в пространстве привлекали художника в первую очередь. Главное заключалось в том, что натюрморт для Игнатенко, по его словам, – это «квинтэссенция неживой и живой природы, когда неживой предмет можно сделать живым, и наоборот» (последняя часть фразы заслуживает особого внимания). Не менее важным было и стремление научиться, по его же словам, «очищать ситуацию», то есть найти собственную стилистику. Но почему для этого был выбран именно натюрморт? Как признается художник, его интерес к натюрморту был вызван тогдашним «не интересом» к социально-исторической теме, которая была не чем иным, как политическим заказом. В этом смысле показательны его слова: «Когда человеку неинтересно то, что происходит вокруг, он уходит в... неживой мир».

Начавшаяся в середине 80-х годов перестройка, в особенности постперестроечный период с производными от него демократизацией общественного сознания и неограниченностью культурологического пространства, стала основным поводом для появления ряда тематических композиций Игнатенко, носящих откровенно социальный характер. Сегодня он называется их агрессивными (имеется в виду как визуальная, так и смысловая основа образов). Но могли ли они тогда быть иными? Скорее всего, не могли, или их могло не быть вообще, как это и произошло с большинством художников. Процесс исторических открытий и признания ошибок, буквально шокировавший тогда российское общество, привел это большинство в некое замешательство. В качестве выхода из этой нестандартной для традиционного – соц-артовского – художественного сознания ситуации (когда «законы» официального искусства перестали работать)

*С.Н. Игнатенко с женой –
искусствоведом С.В. Игнатенко*

многие предпочли уйти в «красивую живопись». Кто-то писал натурные пейзажи, кто-то избрал мир фантазий, эфемерных образов и таких же эфемерных настроений; в последних читались прямые аналогии с миражами «голуборозовцев» и утонченно рафинированными персонажами «мирискусников» начала XX века.

Игнатенко же выразил свое отношение к оборотной стороне истории и неприглядным реалиям действительности серией так называемых социальных композиций. Их главными героями стали инвалиды и их друзья – собаки, люди-марионетки, полудантастические животные и «новые иконы». Все они находились в устойчивом состоянии мимикрии: похожие внешне (своими физическими формами), они были единственными одушевленными «предметами» пустого пространства – безликими, бездуховными и потому агрессивными (в середине 90-х художественному анализу мимикрического состояния будет посвящена отдельная картина, так и названная – «Мимикрия», (1995). В эти же годы была создана потрясающая своей метафорической об-

разностью серия «Лики»: устрашающие «лики»-фантомы представлялись зрителю образом коллапсирующей страны или аллегорией душевного смятения народа в его очередных поисках истины и покаянии перед своим жертвенным прошлым. Необходимость этического отношения к истории, к жизни и – главное – к человеку утверждалась во всех этих произведениях как единственно разумное начало в процессе духовного возрождения Отечества. Именно в этом и заключался их главный смысловой посыл.

Самостоятельность художественного мышления Игнатенко, выраженная в таких откровенных по изобличению нелицеприятных сторон жизни картинах, как «Охотники» (1987), «Инвалид (Тир)» (1988), «Марионетки» (1988), «Собачья площадка» (1989), «Друзья» (1990), «Пир» (1990), «Человек в коконе» (1996), была ошеломляющей и, естественно, находила понимание у немногих. Она проявилась и в его особом, избирательном, отношении к вечной христианской книге. Два библейских сюжета – «Тайная вечеря» и «Гефсиманская ночь» – волновали художника в первую очередь: они соответствовали логике его этических убеждений, заключающейся в единстве происхождения нравственного и безнравственного, красивого и безобразного, героического и ничтожного; средоточием этого единства для него был сам человек. Аморальные послы беспрецедентного предательства Иуды («Ужин», 1993; «Поцелуй Иуды», 1994) и мучительные размышления Иисуса в ночь перед распятием («Гефсиманская ночь», 1994; «Гефсиманская ночь – II», 1998) стали для Игнатенко своеобразной аллегорией исторических предательств и кровавых казней вообще. Но непосредственным предтечей темы мученичества для него стал образ святого Себастьяна, впервые появившийся в его творчестве еще в 1993 году – практически одновременно с «Ужином». Эта авторская избирательность не имела ничего общего с захлестнувшим тогда искусство бесцеремонным «иллюстрированием» Библии и Евангелия, спровоцированным все той же творческой растерянностью. Наряду с образом Иисуса непорочным носителем добродетели для Игнатенко стал образ ангела, появляющийся в его произведениях

на протяжении нескольких лет: от ангела-«труженика», смиренно несущего свой крест («Ангел», 1992), и ангела-«пророка» («Голубой ангел», 1993) до парящих и созерцающих ангелов-«людей» («Ангелы в березовом лесу», 1999) и растворяющегося в бездонном космическом пространстве ангела-души («Душа отлетела», 1999).

В те же годы Игнатенко продолжал писать натюрморты, но это были в основном натюрморты с бутылками, со временем получившие широкую известность. Естествен вопрос: «Почему именно бутылки?» Вероятно, по причине хрупкости стекла и бутылочной пустотелости: и то, и другое напрямую ассоциировалось с его тогдашним представлением о мире. Бутылки имели вполне реальные формы, но главное – своеобразные реплики этих бутылочных форм обнаруживались и в пластической трактовке ряда персонажей все тех же социальных композиций. Единственным «живым» исключением в этом пустотело-бутылочном ряду были немногочисленные женские образы, отличавшиеся неподдельной трогательностью и лиризмом («Женский портрет», 1980; «Девушка с письмом», 1986). Образный лаконизм во всех этих произведениях подчеркивался их стилистикой: смысловая и визуальная нагрузка ложилась на первый композиционный план, где и происходило главное действие; формы первого плана отличались, как правило, намеренной укрупненностью и дополнительным абрисом, близким экспрессионистическому контуру, пространству при этом трактовалось условно. Эти стилистические приемы, происходившие из символично-метафорического звучания самой темы и, соответственно, образов, будут сохранены Игнатенко и в последующие годы – более того, именно они станут отличительными чертами его авторского стиля.

Интерес Игнатенко к натюрмору не иссяк и в период 90-х – начала 2000-х годов. Он по-прежнему пишет натюрморты с бутылками, но их отличия от натюрмортов так называемого первого бутылочного периода заключается в некой размытости и стилизации форм и «впаянности» этих форм в «цветное» пространство. Стилистически натюрморты второго бутылочного периода в своем большинстве близки к абстрактным композициям: их

композиционно-пластическая импровизационность подчеркивается активизацией роли цвета – то напряженного, яркого, колористически контрастного, то спокойно, мягкого, тонально стармонированного, но в обоих случаях – предельно изысканного. Эта новая по своей эмоциональной структуре образность продиктована кардинальными изменениями в настроении художника, наметившимися к концу 90-х годов: позитивное отношение Игнатенко к действительности выражается уже в том, что он дает своим натюрмортам названия с определениями «торжественный», «вечерний», «праздничный». Не меньшее значение в эмоциональной структуре образа приобретает акцентирование того или другого цвета или тона: «Натюрморт с красным» (1997), «Натюрморт с розовым» (1998), «Натюрморт с белым» (2000), «Красное и черное» (2001), «Красный натюрморт» (2001), «Розовый натюрморт» (2001), «Белое, черное, серое» (2002), «Красное, белое, черное» (2003). Причем доминируют белый, красный и черный – универсальные цвета человечества, символизирующие рождение, любовь и смерть. Нередко крохотные по отношению к формату полотна природные формы (апельсин, яйцо, яблоко, лимон) становятся вторым смысловым центром композиции, значительно дополняя это символическое обоснование: форма круга символизирует солнце, форма эллипса (или так называемая ионика) – зерно, и то и другое – жизнь. При этом отчетливо реалистическая трактовка этих форм на фоне условного, но активно разработанного в цвете пространства вносит тот пластический «диссонанс», который адекватен динамически развивающемуся напряжению образа. Сама же живописная пластика отличается безупречной красотой: это по-настоящему красивая живопись! Высказанная критикой мысль о том, что профессиональное кредо Игнатенко – это культ качества живописи, находит в этих натюрмортах свою особую аргументацию.

Но натюрморты 90-х – начала 2000-х годов – это не только натюрморты с бутылками. Реанимируя свой первоначальный интерес к натюрморту как к жанру, в котором наиболее важным для него является механизм метафорических вза-

имопревращений (живого в неживое, и наоборот), Игнатенко пишет натюрморты с собаками, рыбами, песочными часами, кувшинами, раковинами, курительными трубками, миниатюрами... Наиболее показательны в этом смысле натюрморты с собакой. В одном из них (1997 года) живой глаз собаки и черно-белый игральный кубик есть не что иное, как символы жизни и смерти: глаз – зеркало жизни, носитель информации о ее фатальной прямой (от радости до трагедии), кубик – безучастная и стабильная неподвижность, подчеркнутая устойчивой геометрической формой. В другом натюрморте с собакой (2006 года) драматургия образа построена на формальном соподчинении и внутреннем противоречии двух круглых форм: живой зрачок собаки и неживой стеклянный шарик – визуальная аналогия живого зрачка. Зрачок символизирует только преходящее, шарик – и преходящее, и «вечное» (выбор данности зависит только от отношения человека к хрупкости стекла). Символическое выражение жизни и смерти, преходящего и вечного лежит и в основе образной структуры «Натюрморта с песочными часами и рыбой» (1992, 2006). Крепко стоящий на «своих ногах» деревянный стол (сколько он еще простоит?), рыба (живая она еще или уже мертвая?) и песочные часы, в которых невидимая, но воображаемая струйка песка, беззаботно отмеряющая время, и есть зыбкая грань между жизнью и смертью. В том же символично-метафорическом ключе решает художник образ большой красивой рыбы («Рыба», 1996, 2003, 2006), стянутой душащими ее веревками-струнами. «Груши» (1999) и «Персики» (2001), напротив, демонстрируя полноценность своих природных форм, их совершенную красоту, спелость и сочность, звучат гимном жизни, ее непрекращающемуся круговороту – в их откровенно гедонистических формах нет даже намек на ее извечный антипод. Стилистическое решение всех этих натюрмортов принципиально реалистическое, но реализм в них не академический, а скорее классический, допускающий разумные трансформации реальных характеристик натуры во имя достижения заложенной в них художественной идеи.

Своеобразным итогом многолетней натюрмортной практики Игнатенко и

одновременно резюме его сегодняшнего – позитивного – отношения к действительности стал «Большой праздничный натюрморт» 2007 года, стилистически представляющий собой скорее крупноформатную абстрактную композицию, чем натюрморт в традиционном понимании жанра. Составленный в основном из неживых предметов (исключение составляет маленькое красное яблоко), но наполненный мощной энергетикой цвета, в спектре которого вновь доминируют белый, красный и черный, «Большой праздничный натюрморт» – символ многообразия и совершенной красоты мира и даже больше – Вселенной, Космоса. Метафорические параллели, их взаимоисключения и взаимопревращения, столь характерные для художественного мышления Игнатенко, соединившись в одном произведении, представляют убедительную модель многослойного образа: мы видим невероятную красоту и что-то еще, что не все поддается объяснению, но что можно почувствовать, если включить другие «рецепторы» – интеллект, ассоциативную культуру, интуицию.

Энергетикой безграничной красоты пронизана и образная структура композиции «Деревенская церковь» (2007). «Сотканная» из многочисленных нарядных лоскутов и имеющая в этом смысле прямые аналогии с лоскутным одеялом, эта композиция в своей колористической основе красная, а, как известно, красный – любимый цвет на Руси, символизирующий любовь, счастье, радость, красоту и защиту. Намеренно плоскостное композиционное решение – аналог плоскостности лоскутного одеяла, легкие искривления в рисунке живописных «лоскутков» – имитация подлинно текстильной поверхности. Именно эта слегка вибрирующая поверхность на фоне плоского локального красного цвета – основная составляющая эмоциональной доминанты образа – его вселенской праздничности.

Но «Большой праздничный натюрморт» и «Деревенская церковь» с точки зрения их стилистики не могли появиться на пустом месте. Хронологически им предшествовали не только «абстрактные» натюрморты с бутылками 90-х – начала 2000-х годов, но и откровенно абстрактный «Натюрморт с молочной

бутылкой» 1999 года и его варианты 2004 года – «Композиция № 5» и «Композиция № 7», а также сюжетные композиции того же времени – «Пейзаж с мечетью» (1999), «Белая мечеть» (2004), «Собор» (2005). В стилистике последних очевидны реминисценции живописи русского авангарда начала XX века, вспомним хотя бы кубофутуристические картины-панно Аристарха Лентулова⁵ 1910-х годов «Василий Блаженный» и «Иван Великий. Звон». Помимо мотива (бутылочного или архитектурного), основной смысловой акцент во всех этих произведениях делается на цвет, его древнюю символику и жизнеутверждающую энергетiku (хотя на первом – визуальном – уровне цвет, как у того же Лентулова, кажется спонтанным и даже иррациональным).

С другой стороны, именно этот символично-энергетический колоризм выявляет, а еще точнее проявляет тот философско-этический контекст, который лежит в основе творческой концепции Игнатенко изначально. На этом жизнеутверждающем фоне тема возвращения современного человека к вере, к святости как к главному источнику духовного возрождения звучит наиболее убедительно. Эта тема, особо волнующая художника в последние годы и естественным образом происходящая из его социальных композиций 80-х – 90-х годов, находит прямое выражение в картинах «В церкви» (2006) и «Слепой старик с собакой» (2007), объединенных откровенно дискуссионной канвой. С одной стороны – четверо молодых людей, впервые вошедших в храм (что ими движет – душевный порыв или осознанное решение?), с другой – верующий старик-слепец со своим верным поводырем – собакой (но это уже не тот униженный жизнью инвалид – один из главных героев постперестроечных композиций; та, прежняя, человеколюбивая, здесь только собака). Острота дискуссии подчеркнута и колористическим решением: активность красного, черного и белого в картине «В церкви» контрастирует с «умиротворением» умбры в картине «Слепой старик с собакой». По образному звучанию из четырех молодых людей к слепцу близок только молодой человек в белом, стоящий на заднем плане с практически закрытыми глазами. Кто он? Может

быть, ангел-хранитель? Если так, то о его присутствии герои картины «В церкви» не знают – его видит только зритель.

По смысловому звучанию к образу слепца близок и образ мужчины (скорее всего, это церковнослужитель) – герой картины с гордым и программным для Игнатенко названием «Человек». Написанная еще в 1999 году, эта картина открыто декларировала такие высокие (но забытые!) человеческие качества, как красота духа, чистота помыслов и сила веры. Как правило, реминисценции в форме образительных апелляций к собственному творчеству – критерий правильности избранного художником пути, критерий его духовной состоятельности. Но речь идет только о тех реминисценциях, которые со временем усиливают или по-новому раскрывают главную тему. Эта ремарка абсолютна и по отношению к художественным идеям, заложенным в смысловой структуре картин «Путешествие» (2006) и «Сестры милосердия» (2006). Увидит ли зритель в «Путешествии» нравственные параллели с «Гефсиманской ночью»? Возможно, и нет. Или все-таки увидит? Разве прощально оглядывающийся на зрителя горбун, уплывающий от нас по реке вечности, не имеет ничего общего со страдающим от душевной муки Христом? Разве не одна у них печаль, не одна боль, несмотря на разновеликость чаш страданий? И разве не душевный порыв к покаянию – всех и за все – привел Игнатенко к картине «Сестры милосердия»? Последняя русская императрица и две ее красивые дочери в неожиданном для монархических особ ракурсе – от царственной исключительности до исключительной человечности... Они еще вместе, но уже в преддверии своего античеловеческого конца: ухаживавшие за ранеными солдатами и принимавшие на себя их боль – боль своих соотечественников, – этими же соотечественниками и казненными.

Неотрывная от темы духовности потребность Игнатенко в художественном переосмыслении отечественной истории, в первую очередь образов людей XVIII–XIX веков, выразилась в его многолетней работе над серией «Фрагменты», первое произведение которой было создано в 2000 году и название которого стало названием всей серии. Эти портреты – дей-

ствительно фрагменты, авторские интерпретации авторского же воображения, но основанного на серьезном знании истории, культуре памяти и яркой эмоции. Ретроспектива портретного творчества Игнатенко позволяет обнаружить источник этой серии или ее отправную точку, хотя между этим источником или этой точкой расстояние в более чем 20 лет, и, возможно, сам художник в момент создания первого своего «Фрагмента» о нем и не думал. Но что есть художественная память? Проявившись однажды, она продолжает свою «подкорковую» эволюцию до того времени, пока не наступает именно тот, толчковый момент – мгновенная вспышка, и память возвращает к конкретному, пусть хронологически и далекому произведению. В данном случае речь идет о «Мужском портрете» 1993 года, где главным был имперсональный образ человека явно из прошлой эпохи. Затем последовали образы других неизвестных – «Портрет девушки в шляпе» (1994), «Портрет N в шляпе» (1995), «Портрет неизвестного в черном» (1996), «Стоящая женщина» (1997), «Флора» (1998).

Никогда не существовавшие в реальности, но несущие в себе аромат ушедшего времени, эти образы – суть воображения художника, фрагменты его художественной памяти. Тот же принцип «преображения» используется и в конструировании образа каждого из «фрагментов» и, соответственно, всей серии. Поэтому не поверить в историческую подлинность, даже архетипичность образов, несмотря на их имперсональность, трудно. Она акцентирована костюмами, аксессуарами, прическами: Игнатенко с удовольствием пишет не только лица и позы, но и камзолы, треуголки, гольфы, мужские косички, пусть даже данные в некоторых случаях фрагментарно, но создающие безусловное историческое очарование персонажей. Этот «антураж» имеет для него концептуальное значение: по его словам, исторический костюм – бесспорный антипод современного костюма, который в варианте «прет-а-порте» есть просто одежда, не несущая «персонифицированной» информации о человеке, унифицирующая целые поколения. Большую роль в этом убеждении сыграло и серьезное изучение художником истории русского костюма, а

также обаяние творчества одних из наиболее искренних для него живописцев середины XVIII – первой половины XIX века Ивана Вишнякова⁶ и Григория Сороки⁷. Что же касается трактовки портретных образов, то здесь скорее нужно говорить об образе-типе: например, персонаж картины «Юноша с книгой» (2007) в этом смысле близок к персонажам «Фрагмента» (2000, 2001, 2003, 2004) и «Калмычка» (2002). Прием образной типизации – характерная особенность портретного творчества Игнатенко, но она ни в коей мере не снижает индивидуализации внутреннего мира персонажа, достаточно привести в качестве примера одно из лучших по своим образным и живописным качествам произведение – «Женский портрет» 1998 года. Тип женщины, созданный художником в этом, без преувеличения, маленьком шедевре, воплощен в разные годы во многих его портретах и тематических композициях: это тип умной, сосредоточенной в себе женщины, внутренне взволнованной и обязательно таинственной.

Интеллектуально-философское осмысление истории, культуры, вечных нравственно-этических ценностей человечества – содержательно-смысловая основа еще одной серии, над которой Игнатенко работает с конца 90-х годов, – серии «Русские народные галлюцинации». В сравнении с «Фрагментами» она имеет более широкий культурологический аспект: в «Галлюцинациях» воплощается переосмысление художником первоисточников народной «философии» – мифологии, легенд, библейских и евангельских сюжетов и образов. Почему «русские» и почему «народные» – понятно. Почему «галлюцинации» – это, выражаясь словами Александра Гайсовича Касымова, следует объяснить. Галлюцинация по Игнатенко – это не болезненное сознание, а безудержная игра воображения, особый мир чувственных и ассоциативных взаимопревращений, поэтому фантазия здесь играет особую роль; ее основные источники – легенды и мифы, впитавшие в себя дохристианские, тотемические верования, и сюжеты с ярко выраженной в них христианской традицией. Причем оба этих источника при их принципиальной разности объединены древнеславянской идеей вселенской гармонии, издревле ле-

жащей в основе космогонизма народного сознания: как известно, народное сознание не отделяло собственную жизнь от общей, общую – от вселенской. Поэтому так мирно уживаются в «Галлюцинациях» легендарный Икар (правда, трактованный художником как трогательный образ крестьянского летуна-мечтателя, но покалеченного, как «настоящий» Икар) и такой же легендарный Змий, языческие «обереги» крестьянского дома и крестьянского хозяйства – Домовой, Кот, Птица, Бычок, Лошадь – и «иконописный» Трубящий ангел, языческий Идол и азиатский Чингизит, юная Невеста и трогательные девочки и мальчики со своим важным детским миром, полужантастические существа – Единорог, Зверь, Русалка, пришедшие из древнеславянской мифологии, и основные христианские святыни – Крест, Потир, Лик, вполне реальные девушки и юноши, музицирующие на вполне реальных инструментах, и неизvestные в костюмах XVIII–XIX веков – привычные обитатели русских усадеб; наконец, пейзажи – реальные и полуреальные, поэтому в одном из них не сразу найдешь настоящего путника – его маленькую фигурку, уходящую за горизонт: кто это – Христос? («Пейзаж с путником», 2002).

Но почему даже «вполне реальные» и вполне современные персонажи, как, впрочем, и некоторые пейзажные мотивы, кажутся пришедшими из прошлых эпох и, более того, из других стран? Первое свидетельство тому – «Юноша с гитарой» (2004), в котором эмоциональные апелляции к караваджиевскому «Лютнисту»⁸ и к «концертам» утрехтских караваджистов⁹ кажутся почти бесспорными (хотя интерес Игнатенко к музыкальной теме был выражен еще в 1983 году – в «Натюрморте с музыкальными инструментами», а через несколько лет воплощен в картине «Музыкант», 1998). Второе – «Пейзаж с мельницей» (2004), «перекочевавший» в «Галлюцинации» из ранней живописи художника. Впервые появившийся в 1982 году и имевший впоследствии несколько вариантов, этот мотив содержит в себе отголоски авторского ностальгирования по жанровой живописи «малых голландцев», «уютному миру» Питера де Хоха¹⁰ в особенности; и в то же время в нем нет ничего от Хоха – есть только некий оттенок,

неясное ощущение, легкий привкус чего-то знакомого и скорее бургерского, чем русского. Классическая галлюцинация! Но при чем тут русское и к тому же народное? При том, что мотив этот посвящен среде обитания человека, а значит самому человеку, но представленному нам художником как явление планетарное (именно по этой причине человек в картине визуально и отсутствует). Поэтому антитезы «русское – не русское», «родное – чужое» в случае с «галлюцинациями» не имеют никакого значения.

Отличающаяся явным стилистическим единством, выраженным в симбиозе пластических традиций реализма и примитивизма (в последнем случае имеются в виду условное пространство и крупная форма, сама по себе являющаяся знаком или символом), серия в целом построена по тому же принципу фрагментов и так же, как «Фрагменты», имеет свою исходную точку. Речь идет о композиции «Рыба», первый вариант которой был написан еще в 1996 году, и композиции «Старая лошадь» 1999 года. В образах этих существ, как и в образах любимых игнатенковских собак, присутствовало больше человеческого, чем животного, что проявлялось, в первую очередь, в выражении их глаз: животные смотрели на зрителя глазами печального и умного человека, знающего о жизни практически все. Эта концептуальная для Игнатенко метаморфоза в «Рыбе» и в «Старой лошади» осложнилась идеей о божественном происхождении всего сущего: на «коже» обоих животных, как в зеркале, отразилась земля, к тому же на «коже» рыбы, в одном из ее «картографических» квадратов, появился лик, олицетворяющий собой это божественное.

Логика развития образов-символов, образов-метафор, выраженная в их сущностной неотрывности друг от друга, в «Галлюцинациях» приобрела свою абсолютную форму: каждая «галлюцинация» – обязательное звено в единой и неразрывной символическо-метафорической образной цепочке, расшифровать которую легко, но сделать это может не каждый зритель, а только подготовленный. Причем в некоторых «галлюцинациях» Игнатенко как будто повторяет пройденное: мы видим образы, уже встречавшиеся ранее – в его «чисто» живописных произведе-

ниях, но не можем при этом не видеть и образных трансформаций. Яркий пример тому – ретроспектива образа Невесты и образа Лика. Первый (Невеста) в своей образной эволюции прошел путь от невесты-агрессора, невесты-Юдифи в картинах постперестроечных годов («Невеста», 1989; «Юдифь и Олоферн», 1991) до хрупкой печальной невесты в черном платье («Невеста в черном», 2003). И сразу – вопрос: «Почему она не в белом? Кто она – невеста-вдова? Или это черное платье – символ нежеланного или неравного брака?» Второй (Лик) из анти-лика в композициях все тех же постперестроечных годов, напрямую ассоциировавшегося с вместилищем дьявола («Лик – I», 1993; «Воин», 1994), превратился в лик – человеческое лицо, драматически переживающий вечное противоборство двух естественных человеческих начал – духовного и плотского («Лик», 2000). Кстати, именно эта нравственная интрига в свое время, в 1996–1998 годах, составила проблематику картин «Святой Себастьян» и «Девушка в шляпе». Главными «дуэлянтами» в этом воображаемом диптихе выступили два обнаженных, один из них – ветхозаветный мученик Себастьян, а другой – точнее, другая – безупречная в своей физической красоте современная собственница (?!), бесстыдно демонстрирующая и свою наготу, и свою роскошную шляпу, и свои маленькие туфельки, все – в равной степени. В «Галлюцинациях» произошла не только замена прежних «дуэлянтов»: вместо Себастьяна – Потир, вместо обнаженной – Плод; но самое главное – они и, соответственно, их символы поменялись местами: не Дух и Плоть, а Плоть и Дух. Значит ли это, что художник изменил своим этическим приоритетам: сначала он настойчиво внушал нам, что главное в человеке – Дух (то есть духовное), а сегодня убеждает нас в обратном? Что это – галлюцинация? Возможно. Как возможно и то, что первый вариант был дидактически неоспоримым и потому не вызывал ни у кого сомнения, а во втором появилась дилемма, разрешение которой – в тезисе «каждый волен сам решать, что для него первично», но этот каждый от рождения все-таки – плоть, и потому не каждому суждено обратиться к храму. Вновь сложный метафорический ход (от назидания до права выбора), но

на это Игнатенко имеет полное право, поскольку все это – только его мир со свойственной только этому миру прозрачной и одновременно призрачной глубиной.

Как правило, в случае с умным художником трудно предугадать его творческое будущее. В случае с Игнатенко это сделать практически невозможно. Он, как и его искусство, – всегда интрига, всегда ожидание какого-то нового, абсолютно непредсказуемого поворота. Пример тому – его рисунки, точнее – книжная графика, предельно выразительная, полная иронии и той же метафорической образности, которая свойственна его живописи¹¹. Поэтому нам остается только ждать.

Примечания

¹ Имеется в виду выставка, экспонировавшаяся в октябре 1994 года в уфимской галерее «Сангат».

² Филонов Павел Николаевич (1883–1941) – живописец, график, художник театра, поэт, основатель теории аналитического искусства. Интерес С. Н. Игнатенко к личности П. Н. Филонова выразился в создании его портрета («Портрет Филонова», 1988, БГХМ им. М. В. Нестерова, Уфа).

³ Касымов А. «Мир состоит из наготы и складок...» Частное мнение о выставке «Игнатенко и Буганин для друзей» // *Вечерняя Уфа*: 22 января 1994 г.

⁴ Касымов А. Указ. соч.

⁵ Лентулов Аристарх Васильевич (1882–1943) – живописец, график, художник театра, один из членов-учредителей общества «Бубновый валет» (1910–1917),

экспонент выставок современного русского искусства, в первую очередь авангардистской направленности.

⁶ Вишняков Иван Яковлевич (1699–1761) – живописец, автор парадных портретов, в том числе детских, отличавшихся сочетанием традиционности с особым изяществом и неким оттенком примитивизма.

⁷ Сорока Григорий Васильевич (1823–1864) – крепостной живописец, ученик А. К. Венецианова (1780–1847). Писал пейзажи, интерьеры и портреты, исполненные созерцательности, тишины и покоя.

⁸ Полное название произведения «Юноша с лютней» (ок. 1595). Караваджо (Микеланджело Меризи да Караваджо) (1571–1610) – итальянский художник, глава римской живописной школы.

⁹ Утрехтские караваджисты – «малые голландцы», работавшие в Утрехте и избравшие своим кумиром Караваджо (см. сноску 8): Хендрик Янс Тербрюгген (1588–1629), Дирк (Теодор) ван Бабюрен (ок. 1595–1624) и др. Помимо интерпретации художественных идей Караваджо, их любимыми сюжетами, как и большинства «малых голландцев», были «концерты» и «дуэты».

¹⁰ Питер де Хох (1629–1684(?)) – голландский художник, яркий представитель делфтской живописной школы, автор жанровых картин, в которых особое место занимали интерьеры и уютные дворики бюргерских домов.

¹¹ Речь идет об иллюстрациях (бумага, тушь, перо) С. Н. Игнатенко к стихам А. Г. Касымова и к книгам М. С. Фаттахутдиновой (книга стихов «Вариации на две темы». – Уфа, 1998; книга оригинальных переводов «Англо-русские гримасы». – М., 2001).

Академии искусств — 40 лет

Всем уфимцам хорошо знакомо желто-белое здание классической архитектуры на углу улиц Ленина и Пушкина, воздвигнутое в середине XIX века. В 1968 году начался новый отсчет его истории: в нем расположился только что открытый Уфимский государственный институт искусств (ныне Академия). Сорок лет для вуза – срок небольшой, однако УГАИ сумела за это время приобрести солидную репутацию, стать известной далеко за пределами республики, прославиться своими преподавателями и выпускниками. Одному из талантливейших педагогов театрального факультета, к сожалению, рано ушедшему от нас Павлу Романовичу Мельниченко, благодарную память о котором хранят многие его ученики, посвящена статья Татьяны Хайбуллиной. Истории строительства самого здания Академии – бывшего Дворянского собрания – посвящен материал Владимира Буравцова.

Татьяна Хайбуллина

НАШ ПАША

Павел Романович Мельниченко был первым из выпускников Уфимского государственного института искусств, приглашенных на должность преподавателя кафедры режиссуры и мастерства актера родной Alma mater.

Первые самостоятельные шаги П. Р. Мельниченко в театральной педагогике подтвердили, что выбор его наставников был верным. Молодой, высокий, с шевелюрой непослушных волос, в синих потертых джинсах с претенциозной красной кожаной вставкой, умный, ироничный и обаятельный, он сразу был принят студентами вуза. Его первые ученики – студенты русскоязычной группы, обучающиеся по специальности «Актерское искусство», — с гордостью говорили, что они учатся у «Паши».

Он был ярким представителем молодежи поколения семидесятых годов двадцатого века. Родился в Уфе, в простой трудовой семье и был единственным, долгожданным поздним ребенком. Отцу его, столяру Роману Демьяновичу, на момент рождения сына исполнился 41 год, а матери, Дарье Максимовне, — 35 лет. Семья была дружная, родители слыли людьми трудолюбивыми и душевными.

Семья Мельниченко занимала подвал, в котором единственной достопримечательностью была русская печь, отапливающая весь дом. В доме всегда было тепло, чисто, уютно, сытно. Дарья Максимовна работала поваром, ее работы выставлялись на конкурсах. Она была даже награждена армейским знаком «Отличный повар». Родители, не имеющие высшего образования, были людьми глубоко порядочными и интеллигентными.

Окончил Павел Мельниченко 93-ю уфимскую школу. Профессию избрал не сразу: работал старшим препаратором медицинского института, учился на физико-математическом факультете Башкирского государственного университета, был студентом механико-технологического факультета авиационного института. И все эти годы занимался в СТЭМе. Студенческий театр Уфимского государственного авиационного института в те годы — отдельная яркая страница в истории художественного творчества студентов республики. С подмостков его сцены вышли в профессиональную жизнь ныне известные деятели искусства и культуры: Михаил Рабинович, Владимир Тромпетт, Владимир Зимин, Сергей Миролюбов,

Владимир Абросимов, Елена Яковлева и др. Студенческий театр стал судьбоносным и в выборе профессии для Павла Мельниченко.

Режиссерский курс главного режиссера Государственного академического русского драматического театра Габдуллы Габдрахмановича Гилязева, на который поступил двадцатитрехлетний Павел Мельниченко, пользовался заслуженным шумным успехом в городской молодежной среде. Ребята были красивые, талантливые, общительные. Их узнавали на улице, толпами ломались в учебный театр на спектакли с их участием, им завидовали, им подражали, ими восхищались. Сегодня многие из них известны не только в республике, но и за ее пределами: Ильдар Гилязов — режиссер московских театров, Юрий Комков, Анвар Нурмухаметов, Ахмет Якупов — режиссеры ВГТРК «Башкортостан», Флюра Хусаинова — ведущий преподаватель Стерлитамакского республиканского техникума культуры, Неонила Сагабиева — одна из лучших режиссеров школьного театра, Владимир Абросимов — заслуженный артист Российской Федерации, народный артист Республики Башкортостан, мастер сцены Государственного академического русского драматического театра. Однокурсники уважали Пашу за его доброту, интеллект, любовь к литературе. Он выделялся среди них своим особым мировосприятием и глубокой образованностью.

Дарить себя людям — было характерной чертой Павла Романовича, и поэтому предложение кафедры заняться преподавательской деятельностью было встречено им с энтузиазмом. Чтобы выглядеть более солидно и серьезно, новоиспеченный педагог отпустил себе бороду и усы, но студентов не проведешь, и нового преподавателя сразу же нарекают «наш Паша». Сам Мельниченко считал, что главным для развития актерских способностей является вера в самого себя, в свои возможности. И лозунгом первого года обучения студентов становится «Поверь в себя!»

В 1976 году я впервые познакомилась с Павлом Романовичем. Я училась на первом курсе по специальности «Режиссура», и дисциплину «Введение в специальность» читал Мельниченко. Не столько читал, сколько беседовал с нами о

режиссерской профессии, о которой многие из нас, пришедшие в режиссуру со школьной скамьи, и понятия не имели. Он раскрыл нам конкретные функции режиссера, все наши иллюзорные представления о будущем поставил с головы на ноги, материализовал специальность, которой мы должны были заниматься в процессе учебы. Рассматривая портреты кисти великих художников, мы придумывали биографии изображенных людей, старались разгадать их внутреннее состояние, изучали исторические костюмы. Все это было как-то необычно, интересно. И всегда он задавал такие вопросы, о которых мы и не задумывались. Поначалу, еще не понимая всей ответственности за выбранную профессию, мы иногда ворчали про себя: «И зачем нам нужно знать, из какого сукна шит камзол на этом господине?» Скоро это прошло, появился искренний интерес. Пробуждать в людях потребность к самосовершенствованию, к росту было одним из многочисленных талантов педагога П. Р. Мельниченко. Всегда от него шло какое-то тепло и спокойствие, подкрепленное несуетностью, неторопливостью. Все девочки с его курса, его студентки, с которыми я дружила, признавались в том, что безумно влюблены в него.

Театральная педагогика — дело ответственное и сложное. В обучении студента П. Р. Мельниченко больше всего боялся «навредить», «ранить», подорвать веру в свои способности и возможности.

В отчете заведующего кафедрой режиссуры и мастерства актера Г. Г. Гилязева за 1976/77 учебный год мы прочтем такие строки: «Особенно надо отметить работу куратора 2 курса преподавателя П. Р. Мельниченко, отдающего много времени и сил для объединения групп, создания творческой атмосферы, расширения духовного кругозора, воспитания ответственности каждого студента перед коллективом». Павел Романович верил в творческие способности каждого ученика, и поэтому уже на втором курсе в июне 1977 года состоялась премьера спектакля «Лекарь поневоле» Ж.-Б. Мольера в постановке студентки 5 курса режиссерского отделения Любови Гришановой. Благодаря профессиональному руководству и творческой смелости П. Р. Мельниченко работу дипломницы оценили на «отлично».

У него было чутье на творческие личности. Сегодня Любовь Николаевна Гришанова (Васильева) — заслуженный работник культуры Республики Карелия, доцент кафедры основ актерского мастерства Петрозаводской государственной консерватории имени А. К. Глазунова, директор Петрозаводского училища культуры. А в то время Любаша Гришанова — постановщик искрометной комедии. Студенты самостоятельно шили костюмы и «толстинки» для создания внешней характерности образа. Борис Маслов, исполнявший роль отца Люсинды, даже закладывал за щеки картофель, чтобы придать своеобразный оттенок речи героя. Работали с азартом, увлеченно, это был спектакль-праздник. Павел Романович курировал дипломную постановку и помогал режиссеру в работе по актерскому мастерству, развитию воображения, а самое главное — созданию атмосферы спектакля.

Репертуар спектаклей, предложенный П. Р. Мельниченко студентам третьего года обучения, заслуживает восхищения: «Трагическая история о Гамлете, принце датском» В. Шекспира и «Мещане» М. Горького. Классические произведения и мощные, глубокие сценические образы, подвластные, пожалуй, только мастерам, а здесь — двадцатилетние юноши и девушки. Но Павел Романович верит в своих учеников. Он изо дня в день увлеченно погружает их в драматургический материал, открывает пласты человеческих взаимоотношений, внутренних конфликтов, поиска себя в жизни... А ведь самому педагогу только 30! Но какая глубина мысли, какое понимание и проникновение в психологию человека, какая житейская мудрость, какое всепрощение. Откуда это? Может, талант, а может, божья отметина.

23 и 24 декабря 1978 года состоялась премьера «Гамлета». В спектакле принимали участие и студенты других курсов: 2 и 3 курсы режиссерского отделения, 4 курс актерского отделения башкирской группы. И сегодня, 30 лет спустя, перед глазами стоит утонченный, романтический, болезненно-впечатлительный Гамлет (Борис Маслов), темпераментная, решительная Гертруда (Альбина Галимова), нежная, любящая Офелия (Жанна Ярковая). Спектакль потрясал искренностью испол-

нения ролей, любовью к слову, юношеским романтизмом, тонкостью чувств.

Пьеса М. Горького «Мещане» трудна для сценического воплощения. П. Р. Мельниченко хотел донести до зрителя мысль о том, что мещанство — социально опасная категория. Трагическая фигура Бессеменова в исполнении Владимира Епифанова — жертва преданности придуманной вере. Он боится что-либо изменить в своей жизни. Огромный старый буфет, купленный П. Р. Мельниченко в комиссионном магазине для спектакля, олицетворял символ могущества дома Бессеменова. У круглого стола и буфета происходило сценическое действие. Но главное, спектакль просто завораживал внутренней жизнью каждого персонажа. Они как бы существовали на вулкане, который то затихает, то просыпается.

Режим третьего года обучения не давал студентам возможности расслабляться. Ребята понимали, что профессия актера — это прежде всего труд. В течение учебного года их спектакли посетили полторы тысячи зрителей. Нередко студенты сами выезжали на предприятия и в учреждения г. Уфы и Уфимского района. На выпускном курсе П. Р. Мельниченко вновь экспериментирует. Дипломник режиссерского отделения Вячеслав Стрижевский, ныне заслуженный работник культуры РФ и РБ, кандидат искусствоведения, ставит на его курсе спектакль «Клоп» по пьесе В. В. Маяковского. Постановка имела феерический успех. В зрительном зале Учебного театра в буквальном смысле яблоку негде было упасть. Студенты-зрители сидели на подоконниках, стояли на радиаторах отопления, лежали на авансцене. Главный герой спектакля Прищипкин — Пьер Скрипкин — бывший рабочий, бывший партиец, ныне жених, в исполнении Владимира Епифанова был любимцем публики. Все шли смотреть на Прищипкина-Епифанова.

В апреле 1979 года студенты Николай Дудинов, Борис Маслов и Надежда Гришанова выезжают в Ленинград, чтобы принять участие в IX Всесоюзном студенческом конкурсе чтецов имени Владимира Яхонтова. Такое событие впервые произошло на театральном факультете института искусств. Конкурс был посвящен В. В. Маяковскому, и поэтому все

участники читали его произведения. Готовил ребят к участию в конкурсе Павел Романович. Итог — Почетные грамоты Министерства культуры СССР, РСФСР и ВТО.

Режиссерский курс мастера театральной педагогики заслуженного деятеля искусств РСФСР и БАССР Лека Валеевича Валеева, на котором я училась, весной 1979 года сдавал спектакль по пьесе молдавского драматурга Иона Друцэ «Святая святых». Я играла одинокую женщину Марию, прозванную Святой. Колхозный труженик Кэлин Абабий (Виктор Маслов) и занимающий высокий государственный пост Михай Груя (Николай Николаев) — друзья детства и юности Марии. В спектакле есть очень трогательная сцена. Разруха, голодное послевоенное время. Кэлин возвращается из районного центра от Груя и передает Марии половину буханки хлеба. В то время это был самый дорогой подарок. Для Марии это еще и весточка от любимого человека. Мария вдыхает запах свежего хлеба и почти теряет сознание. В то время для героев пьесы хлеб был жизнью, любовью, надеждой. Мы впервые играли спектакль на сцене учебного театра, испытывали невероятное чувство восторга, удачи, были счастливы и находились в состоянии эйфории.

На следующее утро меня вызывают в деканат. Передо мной стоит Павел Романович и держит в руках хлеб, который я вчера с трепетом вкушала. Я опускаю голову, заливаясь румянцем и боюсь посмотреть на Павла Романовича. Мне стыдно, очень стыдно. Где после спектакля остался хлеб — я не помню. Я вчера была самой счастливой и о хлебе забыла, а он остался лежать на подоконнике: брошенный, никому не нужный. Павел Романович ничего мне не высказывал, ни в чем меня не обвинял, не ругал. Это был урок, который я запомнила на всю жизнь: святая святых не только вода, воздух и солнце, но и нравственные ценности, духовные богатства человека.

Май 1979 года — месяц торжественных волнений. Председателем государственного экзамена по мастерству актера назначен профессор ГИТИСа (г. Москва) В. П. Остальский. У него самые приятные впечатления от дипломных работ студентов. Первый выпуск преподава-

теля П. Р. Мельниченко, пять юношей и пять девушек. Этих, казалось бы, сроднившихся за годы обучения ребят жизнь разбросала не только по городам России, но и в разные сферы деятельности: Жанна Ярковая и Елена Коломейцева живут и работают в Москве, Олег Бордунов — в Санкт-Петербурге, Борис Маслов в Украине, в Уфе занимаются коммерческой деятельностью Альбина Галимова и Лиля Тимиргалина. Другие остались неизменны в выборе своей профессии: Владимир Епифанов — народный артист РБ, актер Государственного академического русского драматического театра, Николай Дудинов — руководитель театрального коллектива в Доме детского творчества «Саям», Урал Гирфатуллин — заслуженный деятель искусств Республики Башкортостан и Республики Татарстан, директор Уфимского государственного татарского театра «Нур», Надежда Гришанова — преподаватель сценической речи в Уфимском училище искусств и старший преподаватель кафедры режиссуры и мастерства актера УГАИ им. З. Исмагилова. Но они и сегодня все тянутся друг к другу, всех объединяет их «Паша». Они его первые ученики. Тогда, в мае 1979 года, они все были приглашены в труппу Русского театра. А сам Павел Романович уже в марте 1979 года получил предложение на работу в Башкирский государственный театр кукол на должность режиссера.

Раздумья были недолгими. Работа в театре кукол — отдельный и яркий период творчества П. Р. Мельниченко.

В то время в театре формировалась новая сценическая эстетика, синтезирующая искусство кукловождения и искусство драматического актера. В том же 1979 году П. Р. Мельниченко получает премию Всесоюзного фестиваля сказки им. П. Бажова за спектакль по пьесе М. Карима «Не бросай огонь, Прометей!» Творческую деятельность в театре П. Р. Мельниченко успешно совмещает с педагогической работой в институте. После первого выпуска студентов кафедры доверяет ему набрать курс в качестве художественного руководителя. Одновременно он работает педагогом на курсе В. М. Штейна. В 1982 году они выпускают актеров для театра кукол в башкирскую и русскую труппы. Репертуар дипломных спектаклей заслуживал насто-

ящего уважения: «Дядя Степа» С. Михалкова, «Щи из топора» по мотивам русских народных сказок, «Чертова мельница» И. Штока, «Две стрелы» А. Володина и «Маленький олень» Ю. Шпитального. Все спектакли вошли в репертуар театра и надолго запомнились маленьким и взрослым зрителям. Семнадцать выпускников факультета впервые в истории театрального образования в РБ получили квалификацию «Артист театра кукол». Сегодня они мастера сцены, троим присвоено звание заслуженного артиста РБ: Г. А. Валитовой, О. Ю. Шарафутдиновой, А. Б. Резниченко.

В театре с каждым годом работа становилась все активнее и плодотворнее: в 1981 году — Премия Министерства культуры СССР за спектакль «Волшебный туюсок» В. Лившиц и И. Кичановой. С сентября 1983 года П. Р. Мельниченко назначен на должность главного режиссера театра кукол. Поэтому курс 1979 года набора педагогу выпустить не удалось. Но студенты этого курса сегодня мастера сцены русского и башкирского театров: заслуженный артист России Владимир Латыпов-Догадов, народные артисты РБ Татьяна Макрушина, Ильдар Сайтов, Александр Федеряев, Ирина Агашкова. Набор студентов был верным!

Активная творческая работа, ответственная должность, серьезные философские спектакли требуют полной самоотдачи, и поэтому Мельниченко сосредоточил весь свой творческий потенциал на театре. В 1988 году театр награжден Международной премией имени Джавахарлала Неру за спектакль «Индийская легенда» по мотивам древнеиндийского эпоса «Рамаяна» (в совместной постановке с Наилем Байбуриным).

В 1988 году совместителем, а с 1989 года штатным старшим преподавателем П. Р. Мельниченко возвращается в театральную педагогику. К этому времени он удостоен почетного звания заслуженного деятеля искусств РБ, его постановки признаны зрителями не только Башкирии, России, но и дальнего зарубежья.

Председатель Государственной экзаменационной комиссии 1992 г. доцент кафедры мастерства актера Высшего театрального училища им. М. С. Щепкина (г. Москва), заслуженный деятель ис-

кусств Чувашии Н. А. Петрова о работе П. Р. Мельниченко как художественного руководителя и постановщика дипломных спектаклей напишет: «Чеховский “Медведь” сыгран студентами легко и изящно, с хорошим ощущением стилистики, заданной режиссером-педагогом. Спектаклю свойственно сочетание театральной культуры и озорства, что делает его современным. Спектакль по пьесе К. Фортюно “Учись водить автомобиль заочно” сделан грамотно и с хорошим юмором».

В этот период Павел Романович начинает привлекать к педагогической деятельности своих учеников. Под его руководством на выпускном курсе ставит спектакль «Журавлиные перья» Д. Киносита актер театра кукол Артур Байков, выпускник 1982 года. Мастер не только никогда не боялся экспериментировать сам, но и давал такую возможность своим ученикам. Спектакль порадовал всех. В нем оправданно были совмещены живой и кукольный план. Кукольный — внешний облик человека, живой — его душа.

В 1994 году Павел Романович набирает своих последних учеников (шесть девушек и два юноши). Девяностые годы были сложными, переломными в политической, социальной, культурной жизни общества. Интерес к театральному образованию пропадает, сценическое искусство слабо финансируется, у зрителя нет времени на досуг, люди «выживают». Престижными становятся профессии юриста, бухгалтера, психолога. Получать театральное образование приходят те, кто не может прожить свою жизнь без театра, кто фанатично предан искусству. Айгуль Валева, Оксана Канчурина, Екатерина Кочурова, Светлана Мотина, Ксения Соловьева, Ольга Штырляева, Руслан Хаматдинов, Азат Ямуров на втором курсе обучения осиротели. 15 декабря 1996 года Павла Романовича Мельниченко не стало. Перестало биться сердце удивительно доброго, ранимого, высокообразованного человека.

За свои неполные 50 лет Павел Романович Мельниченко успел многое: воспитал замечательных детей — сына Романа и дочь Наталью, которая в 1998 году окончила нашу академию по специальности «Режиссура». В Русском академическом, Национальном Молодежном, башкирском

театре кукол он поставил около 50 спектаклей. Мастер П. Р. Мельниченко подготовил около 80 специалистов в области театрального искусства. Он осчастливил всех, кто знал его, работал с ним, учился у него, дружил с ним. Он увлекался филателией, собрал хорошую театральную библиотеку, переданную его супругой Гу-

зель Рафгатовой в дар кафедре истории и теории искусства, изучал историю родного города и записал много размышлений о прошлом и будущем нашей Уфы. Павел Романович Мельниченко был глубокий, честный, неравнодушный человек. Его поступки и дела продолжают жить в его семье, в его друзьях, учениках, коллегах.

Владимир Буравцов

ЗДАНИЕ ДВОРЯНСКОГО СОБРАНИЯ В УФЕ

Дворянское собрание – орган дворянского сословного самоуправления в Российской империи в 1785–1917 годах. Были губернские и уездные. Собирались раз в три года. Решали дворянские и общестные дела, избирали предводителей дворянства, исправников и других. После буржуазных реформ 1860-х годов занимались в основном делами дворянства.

«Советский энциклопедический словарь».

В феврале 1767 года «во исполнение Высочайшей воли» были проведены первые выборы дворянского предводителя в Уфе (был избран коллежский ассessor Селиверст Матвеевич Артемьев). До 1782 года предводителя избирали каждые 2 года, после этого – на 3 года. Специального здания для проведения дворянских собраний в Уфе еще не было, и стоило больших трудов и хлопот приводить все в порядок при переезде из одного дома в другой. Тем не менее, именно дворяне стремились отмечать важные для страны или города события.

5 июля 1814 года в Смоленском соборе была совершена литургия после получения манифеста о заключении мира с Францией, а в 8 часов вечера в честь этого события тогдашний губернатор Наврозов устроил уфимскому дворянству и купечеству маскарад и ужин. Во весь этот вечер Голубина слободка (низ улицы Пушкина), соборная колокольня и Усольские горы (район нынешней улицы Сочинской) были иллюминированы. Перед губернаторским домом светился щит с изображением государя императора. Дамы явились в богатых русских костюмах и плясали русские народные пляски. Вокруг

дома расположилось множество зрителей. Настроение у всех было настолько превосходным, что «гости разъехались не ранее 4 часов утра».

После пожара 1 июня 1821 года, уничтожившего большую часть города, в том числе и деревянный дом дворянства, возник вопрос о новом здании. 30 апреля 1823 года оренбургский губернский предводитель дворянства Степан Борисович Мертваго обратился к оренбургскому гражданскому губернатору с просьбой о постройке на принадлежащем дворянству месте деревянного дома для помещения депутатского собрания и комиссии продовольствия. Указанное место располагалось вблизи перекрестка Ильинской (Фрунзе) и Телеграфной (Цюрупы) улиц (на территории современного завода «Уфимкабель»).

После рассмотрения этого документа оренбургским губернским архитектором Алексеем Андреевичем Трофимовым гражданскому губернатору, действительному статскому советнику Григорию Васильевичу Нелидову был направлен рапорт, в котором архитектор указал на недостатки проекта. Губернатор направил письмо Мертваго, причем особое внимание обратил на указ от 5 июня 1763 года о запрещении «канцелярий, архивов и прочих публичных зданий строить деревянными». Было предложено возвести здание дворянства каменным с колоннами, прочное и красивое, хоть и не огромное. По уточненным измерениям, проведенным губернским землемером Гигерзбергером, оказалось, что новый дом захватил бы часть участка земли, принадлежащего почтовой конторе, а с другой стороны – часть земли, принадлежащей управляющему удельной

конторой Альпертону. Нелидов направил донесение на имя оренбургского военного губернатора Петра Кирилловича Эссена, в котором сообщалось о невозможности постройки здания депутатского собрания на заявленном С. Б. Мертваго месте. Эссен поставил точку в затянувшейся переписке: «Имею честь уведомить, что построение в Уфе временного деревянного дворянского дома губернскому предводителю дворянства Мертваго я запретил».

В 1832 году для дворянства всей Российской Империи устанавливается парадный мундир одного покроя: мундирные фраки и форменные сертуки (именно так писали в то время слово «сюртуки») дворян должны быть темно-зеленые с суконными темно-зелеными же воротничками и обшлагами и пуговицами, каждой губернии присвоенными: «фраками с отложными, и сертуки с стоячими воротниками и сии последние однобортные с восемью пуговицами».

В 1833 году на Софроновой горе вблизи реки Белой гражданским губернатором Жуковским с разрешения военного губернатора Сухтелена был построен летний, обитый с обеих сторон тесом деревянный дом, в котором в воскресные дни весною и летом проходили благородные собрания для танцев. Лес вокруг здания расчистили, проложили дорожки, к реке устроили удобные спуски.

27 апреля 1833 года министр внутренних дел направил оренбургскому гражданскому губернатору письмо, в котором настаивал на исполнении постановления дворянства Оренбургской губернии о построении в Уфе для Депутатского собрания каменного дома «посредством взноса каждой ревностной души» (ревностный – самый усердный, прилежный, заботливый). Комитет министров потребовал составить план и смету. Губернскому архитектору было дано задание представить в Комитет министров эти документы.

Постановлением собрания дворянства, состоявшегося 17 декабря 1844 года, предложено на построение в Уфе дворянского дома собрать из собственных доходов помещиков с состоящих за ними крестьян по 30 копеек серебром с души. В 1848 году было принято решение о начале строительства каменного здания дворянского собрания на углу улиц Базилевской (Ленина) и Голубиной (Пушкинской).

11 декабря 1850 года губернское собрание дворянства слушало «денежную отчетность» о постройке в Уфе здания дворянского собрания со всеми документами, представленную строителем дома полковником П. Н. Воецким губернскому предводителю Н. Н. Дурасову. С момента начала работ проведено 3 освидетельствования. Так, комиссия 24 августа 1849 года обнаружила, что при закладке фундамента «камня употреблено против сметного назначения на 84 1/10 куб. сажень больше» за счет неучтенного естественного наклона местности. 13 декабря 1849 года обнаружено, что бутового камня в фундамент и кирпича в цоколь положено больше сметного. Это произошло за счет того, что верхняя часть цоколя для прочности сложили из кирпича, а не из камня. Проверкой 25 октября 1850 года установлено, что в течение прошедшего лета выстроен весь первый этаж, положены балки, железные связи и поставлены дверные и оконные колоды. Некоторые наружные и внутренние стены оказались толще, чем было назначено по смете, что было совершенно необходимо для прочности сооружения.

18 декабря 1850 года в Оренбургском губернском собрании дворянства слушали своего предводителя: ввиду недостатка средств на окончание строительства дворянского дома предлагается продолжить сбор по 10 копеек в год с каждой души по всей губернии, а в случае перехода Бугульминского, Бугурусланского и Бузулукского уездов во вновь образуемую Самарскую губернию – по 20 копеек. Деньги нужны будут «на возведение при дворянском доме надворных строений и на омеблировку этого дома».

Наконец, 3 февраля 1853 года от строителя дворянского дома полковника и кавалера Воецкого в Оренбургскую губернскую строительную и дорожную комиссию было направлено письмо с просьбой «освидетельствования возведенного вчерне здания для Дворянского собрания в г. Уфе». Непременный (т. е. штатный) член этой комиссии инженер подполковник Буткевич 8 мая 1853 года составил акт свидетельства работ, произведенных по постройке этого здания, из которого видно, что дом построен из материалов хорошего качества. На момент составления этого документа велась лепная, шту-

катурная, печная, столярная и плотничная работы.

До 1854 года Дворянское собрание располагались в частных домах разных владельцев, последним из них был дом Бендера (о Бендере известно только то, что он был хозяином городского собрания или клуба), в 1854 году Собрание разместилось в готовой части каменного 2-этажного дома дворянства (Академия искусств). Аттик (стенка над венчающим архитектурное сооружение карнизом) был украшен гербом Уфимской губернии, сначала это было лепное изображение, потом установили щит. Герб с лазоревой бегущей куницей, кстати, в самом конце XX века восстановлен.

Полностью же здание было достроено в 1856 году, автор проекта – губернский архитектор А. А. Гопис. Из формулярного списка Гописа от 9 июня 1842 года: «Андрей Андреевич Гопис – архитектор 12 класса Уральского казачьего войска¹, 45 лет. Вероисповедание – греко-российское. Выпущен из Императорской академии художеств со званием художника-архитектора 14 класса 19 декабря 1818 года, с 19 декабря 1818 года по 10 марта 1823 года был без должности. С 10 марта 1823 года по 7 сентября 1831 года находился на придворной конюшне по чертежной части при архитекторе Шутове»².

Дворянские выборы на губернские и уездные должности проводились на 3-летний срок. Члены Дворянского собрания имели право утверждать пансионаты для сыновей потомственных дворян, стипендии в учебных заведениях, ходатайствовать об открытии дворянских кадетских школ. Собрание состояло из действительных членов, плативших взносы ежегодно, а также почетных, вели его старшины, выбираемые из действительных членов в декабре каждого года.

Первым содержателем Благородного собрания был трактирщик Исаев, впоследствии видный коммерсант, член компании Бельского пароходства и гласный Уфимской городской думы. В 1856 году Уфимское дворянское собрание образовалось «...как корпоративное учреждение, состоявшее из постоянных членов». Первым по порядку хозяином-старшиной был П. И. Маслов. В 1858 году старшиной избрали Н. А. Гурвича, который сумел за-

вести приличную мебель и устроить буфет для членов собрания. Позднее собрание стало размещаться в бельэтаже здания. В том же году была учреждена библиотека Дворянского собрания, которая выписывала литературные журналы, исходя из расчета 1 экземпляр на 20 подписчиков, с разноской их по домам для чтения на 5 дней на каждое лицо. Можно было брать книги и газеты домой.

По типу основанного в Англии еще в 1780 году «Клуба синих чулок» в одном из залов уфимского Благородного собрания стали проводиться общественные чтения, первое такое мероприятие состоялось 21 февраля 1860 года.

В помещении Дворянского собрания устраивались танцевальные и семейные вечера, маскарады, балы, концерты с участием возникших в городе любительских хоров, а также благотворительные и обыкновенные театральные представления. С. Я. Елпатьевский, работавший врачом в Уфе и Благовещенском заводе в 1880–1884 гг., отметил, что «излюбленной» формой приемов в Благородном собрании был раут (торжественный званый вечер, часто имеющий политическое значение). «Мужчины во фраках, *chapeau claqué* (шляпах-цилиндрах) в руке, дамы в декольте дефилировали в шести-семи комнатах мизерабельного уфимского дома, обменивались любезностями, сообщали петербургские новости, наполовину известные».

Иногда вечерами устраивались концерты. На одном из них – 19 февраля 1868 года – был дан концерт «нашей юной талантливой пианисткой (Верой Тимановой), при участии г-на Новицкого на фортепиано и г. Мизчера и Клевенского – на скрипке». Вера Викторовна Тиманова (1855 – 1942), начав свою концертную деятельность с 1865 года (с 10 лет!), неоднократно выступала в Уфе. Об одном из выступлений в 1896 году «Уфимские губернские ведомости» сообщили: «Шумные, продолжительные и задушевные вызовы и аплодисменты были наградою нашей дорогой гостье, которая оставит в сердцах уфимцев, любящих и ценящих высокую музыку, светлую, отрадную и благодарную память».

В отдельные вечера выступала дочь одного из известных людей города – Елена Барсова (по мужу Цветкова), впоследствии получившая большую известность

и даже именованная «жемчужиной русской оперной сцены». Родилась в деревне Глумилино (сейчас микрорайон Уфы) под Уфой в 1872 году, окончила Московскую консерваторию.

Конец 1885 года в Уфе ознаменовался событием, которое дало чувствительный толчок общественной жизни: 27 декабря в здании Дворянского собрания состоялось открытие «Общества любителей пения, музыки и драматического искусства». Как было сказано в его уставе, общество имело своей целью «доставлять жителям города Уфы устройство концертов и спектаклей и вообще исполнением лучших произведений вокальной и инструментальной музыки и драматического искусства содействовать развитию музыкальных и драматических талантов, оказывать сильную поддержку благотворительным делам и учреждениям».

27 декабря 1885 года председателем общества единогласно избрали инициатора его создания Д. С. Волкова. Первый музыкальный вечер общества состоялся 2 января 1886 года. Так как на него собралось до 500 человек, вся публика еле-еле разместилась в зале, многим зрителям даже пришлось стоять.

В 1891 году в спектаклях общества принимал активное участие молодой Федор Шаляпин, о чем напоминают памятник и мемориальная доска, установленные рядом с главным входом, большой концертный зал Академии искусств именуется ныне «Шаляпинским».

Благородное собрание по-прежнему живо откликалось на важные государственные события. В ознаменование столетия (21 апреля 1885 года) пожалования императрицей Екатериной II грамоты российской дворянству и чествования этого дня Губернское собрание постановило учредить стипендию для содержания одной из беднейших воспитанниц Марининской женской гимназии. Было принято и решение «...приобрести и поставить в зал Дворянского собрания портрет императрицы Екатерины II во весь рост». Портрет написал в Уфе художник Шепелев, а «изящная богато вызолоченная рама» выполнена местным иконостасным мастером Трапезниковым.

Узнав об утверждении проекта железной дороги чрез Уфу и Златоуст, 15

февраля 1885 года дворянство направило памятный адрес, в котором выражало свою благодарность императору.

Постановлением Уфимского дворянского депутатского собрания от 23 февраля 1873 года решили «поместить приют в доме дворянства» (пансион благородных девиц). Губернское собрание определило на его содержание «учредить сбор по 1 копейке с 20 десятин владеемой земли, а в 1877 году решило на расходы по пансиону отпускать ежегодно 2000 рублей». 13 октября 1880 года в память своего скоропостижно умершего учредителя, губернского предводителя дворянства Валентина Аполлоновича Новикова, пансион стал называться «Новиковским». Здание учреждения располагалось на Пушкинской улице рядом с Дворянским собранием. В 1897 году в нем содержались 42 девочки.

15 августа 1902 года в доме дворянства был открыт центральный книжный склад, находившийся здесь до 1905 года. Здесь же (точнее, на территории, прилегающей к зданию) можно было сфотографироваться в мастерской Сергея Дмитриевича Богатова и приобрести фотопринадлежности и аппараты. В доме сдавались номера для проживания.

Газета «Уфимские губернские ведомости» в 1904 году сообщала: «3 октября в зале Дворянского собрания состоялся сеанс г. Кржеминского, демонстрирующего американский биоскоп, или кинематограф. За исключением очень немногих номеров картины биоскопа действительно подобраны весьма удачно и представляются положительно занимательными. Перед зрителями проходит ряд сцен из жизни народов различных концов земного шара. Немудрено, что места и вход на эти сеансы раскупаются публикой чуть ли не с боя».

30 июня 1908 года в зале Благородного собрания состоялось специальное совещание представителей всех слоев населения города, решившее построить на добровольные пожертвования Аксаковский народный дом.

Дворянское собрание упразднили в 1917 году. 7 июля 1920 года «в прекрасном, обширном здании бывшего Дворянского собрания» состоялось торжественное открытие первого в Уфимской губернии Дома крестьянина. Позднее в этом здании напротив Дворца труда и искусств

(б. Аксаковский дом, ныне Театр оперы и балета) располагались Центральный коммунистический клуб, клуб СТС.

Клуб союза торговых служащих (СТС) вошел в историю Уфы как первый коллектив города, в конце 1920 – начале 1930-х годов поддержавший движение си-неблужников³. В 1930–1940 годы в здании бывшего Дворянского собрания располагалась научная библиотека, во время Великой Отечественной войны сюда въехал прибывший из Москвы партийный архив. В 1945 году здесь разместили училище искусств, а с 1968 года в здании на углу улиц Ленина и Пушкина учатся студенты Института искусств, позже Академии.

Примечания

¹ 3 декабря 1831 года Гописус был определен в Уральское казачье войско. 16 января 1835 года награжден орденом Святого Станислава III степени. 27 марта 1837 года произведен в 12 класс. В прошении, поданном на имя главноуправляющего путей сообщений и публичных зданий, архитектор Уральского казачьего войска А. А. Гописус просил об определении его Оренбургским губернским архитектором. Работавший в то время губернским архитектором Алфеев, по мнению начальства, весьма нерадиво исполнял свои обязанности – «при недостаточном образовании его в части зодчества». Гописус же был известен «по отличному усердию и хорошим способностям». 16 апреля 1842 года титулярный советник Алфеев был уволен, а на его место был определен А. А.

Гописус с содержанием 343 рубля 10 копеек серебром в год.

Гописусу было объявлено об увольнении из Уральской войсковой канцелярии с тем, чтобы он отправился в Уфу и явился там в губернскую Строительную комиссию. За время службы в Уфе архитектор кроме здания Дворянского собрания разработал проекты зданий богоугодных заведений (1842), дополнение к первоначальному проекту присутственных мест (1842–1844 гг.), Магометанское духовное собрание (1856).

² Вероятно, фамилия указанного архитектора – Шустов С. Л. (1789–1870 гг.), с 1822 года работал в конюшенном придворном ведомстве. «Многочисленные его постройки в Петербурге, в том числе Каменноостровский театр (1827 г.), дача Долгорукова (1831–1832 гг.), выполненные в лучших традициях классицизма, свидетельствуют о хорошем вкусе и большом строительном опыте зодчего».

³ «Синяя блуза» – вид эстрадного театра, получивший распространение в СССР в 1920-х годах. Первый театр этого типа был создан в Москве в 1923 году. Выступления «Синей блузы» посвящались актуальным вопросам внутренней и международной жизни, носили характер живой газеты, репертуар состоял из литературно-художественных монтажей, обзрений, сценок, хоровых и танцевальных номеров. Ежемесячно московское издательство «Труд и книга» выпускало журнал «Синяя блуза» и высылало его подписчикам. Уфимский клуб «Синей блузы» образовался в 1926 году, его руководителем Сергей Волков был автором и постановщиком всех выступлений коллектива.

Тюркские мотивы русской речи Уфы

«А языку — чем чуднее, тем милее», — заметил русский писатель Валентин Распутин.

Это аксиома, что язык развивается вместе с обществом, и, перефразируя известное высказывание, можно сказать, что каждый народ заслуживает того языка, на котором он говорит. В живой речи, как отмечал А.Ф.Лосев в своей книге «Диалектика мифа», всегда присутствует стихия особого качества; здесь нет серединности, умеренности, скованности; есть порыв, богатство и грубость, точность чувств, колорит и юмор, сатира и сарказм; никогда нет канцелярищины, схематичности, безразличия, плоскости; но всегда: индивидуальность, страстность, объемность, свет и тень, сладость видения, перспектива и выразительность. Причина заключается в том, что любой малейший акт нашего сознания пронизан личностным восприятием. Одну и ту же вещь мы видим по-разному, и в живой речи она может иметь множество имен, так как допускает самые различные интерпретации. Например, голову могут назвать *башкой*, *голубятней*, *кочаном*, *репой*, *тыквой*, *чайником*, *чердаком* и тому подобное, пристраивая сказанное слово к целям и задачам общения.

Приведем в качестве примера разговор в троллейбусе явно незнакомых пожилых людей (русскоязычной женщины и тюркоязычного мужчины), обсуждающих нравы современной молодежи. М.: «*Да, совсем мир изменился, все испортилось*». Ж.: «*Наверное, бог...* [взглянув на соседа и как бы «примерив» к нему слово, поправила] *аллах отвернулся от нас*». Как видим, здесь слово «бог» женщина вполне осознанно заменила на «аллах», демонстрируя тем самым желание говорить с со-

седом «на одном» языке и продемонстрировав, как говорят ученые, коммуникативную компетентность. Подобные наблюдения над речевым поведением говорящих в многонациональной Уфе весьма интересны. И это не случайно: на лингвистической карте города обозначены и взаимодействуют многие языки — славянские (русский и его диалекты, украинский, белорусский), тюркские (башкирский, татарский, чувашский), финно-угорские (марийский, мордовский, удмуртский) и др. Такое языковое богатство значительно расширяет ассортимент используемых языковых единиц, позволяя говорящему как можно более эффективно проявлять свое речевое мастерство и добиваться получения максимального воздействия на собеседника. При этом, правда, когда цель «сказать ярко, выразительно» доминирует над «сказать правильно», наблюдается выход за кодифицированные нормы русского языка. Это во многом объясняет существование в языке грубых и даже ненормативных слов и выражений, которые — увы! — весьма результативны.

В качестве яркой черты устной русской речи уфимцев, демонстрирующей ее «особенность», вариативность, можно считать наличие в ней тюркизмов, под которыми мы понимаем не только башкирские, татарские или чувашские слова, но и любые другие тюркские языковые элементы (звуки, интонации, суффиксы и пр.).

Тюркизмы, используемые в уфимском варианте русской речи, представляют собой весьма удобный материал для демонстрации региональных вариантов высказываний. Как показатель широкой задействованности этих единиц, можно отметить, что в русском переводе романа

Джалилия Киекбаева «Родные и близкие» было использовано более 200 тюркизмов.

Среди таких единиц можно выделить различные группы.

Прежде всего те слова, которые используются в русской речи, так как не имеют соответствий. Чаще всего здесь отмечаются: 1. Топонимы, или названия местности — *Авзян, Инзер, Караидель, Кызылташ, Янгантау*. 2. Антропонимы (имена людей) — *Вакиль, Зиля, Салават, Фарид, Гайсина, Талипов, Яубасарова*. 3. Так называемые «бытовизмы» (названия одежды, пищи, жилища, предметов обихода, украшений, музыкальных инструментов и пр.) — *бишбармак, ичиги, кумыс, кубыз, салма, чак-чак, юрта*. 4. Термины родства — *атай, бабай, бала, енге, килен, няняй*. 5. Названия народных праздников — *сабантуй, ураза-байрам* и др. Как правило, многие из этих слов вошли в русский язык исторически давно и уже ассимилированы русской культурой. Именно поэтому большинство из них и осознаются как «свои», а не «чужие»: «У нас скоро сабантуй — дочь замуж выдаем!» или «Сначала пост у нас, потом рамазан у вас, так что есть будем по очереди!».

Вторую значительную группу составляют тюркизмы, имеющие русские варианты. Например: местоимения — *мин* (я), *син* (ты), *минен* (мой), *узем* (сам), *нисек* (как); наречия — *барыбер* (все равно), *якши* (хорошо), *айбат* (ладно), *хазер* (сейчас); прилагательные — *ак* (белый), *кара* (черный), *матур* (красивый), *зур* (большой); числительные — *бер* (один), *ике* (два), *ус* (три); существительные *акса* (деньги), *баш* (голова), *байрам* (праздник), *буляк* (подарок), *калям* (ручка), *китап* (книга), *урам* (улица), *урман* (лес), *ширты* (спички); глаголы — *ашарга* (есть), *белерга* (знать), *бирерга* (дать), *килерга* (приходить), *китерга* (уходить), *яратыр-га* (любить) и пр.

Данные слова в живой речи русскоязычного уфимца, являясь по своей сути вторичными наименованиями, обладают особой действенной силой, эффективностью и используются с определенной целью. В конкретном высказывании они получают субъективную эмоциональную оценку (положительную или отрицательную), навешивают их фонетическим обликом, неожиданной ассоциацией и

другими факторами. То есть с их помощью говорящий, который беседует с тюркоязычным адресатом, не только максимально эффективно общается, но заодно предстает перед слушателем как опытный собеседник, понимающий, с кем он говорит, и умеющий реализовать поэтическую и «терапевтическую» (успокаивающую) функции разговорной речи. Не случайно, в свое время Мустаи Карим писал, говоря о русском языке, что чужое слово помогает «глубже постичь и тайны родного языка». Именно поэтому так забавно выглядят шуточные присказки, характерные для нашего края: *Ашал, ашал* (ел, ел), *кушак мешал, кушак снимал — опять ашал; Фильм битте — зритель китте* (фильм кончился — зрители ушли); *Мин сине яратам* (я тебя люблю), *приходи к воротам*. Сюда же можно отнести и шутовую переделку фамилий — *Зайцев — Куянов* (от *куян* — заяц), *Рыбин — Балыков* (от *балык* — рыба).

Осознанное использование тюркизмов напрямую связано с риторической разработкой всего высказывания в целом, при этом каждый тюркизм, включенный во фразу, обладает прогнозируемой воздействующей на собеседника силой. А действенность речи — это важнейшая, если не основная, её функция. Не случайно русский лингвист Ф.Ф. Фортунатов писал о трех видах побуждений, характерных для языка: вызвать у другого лица соответствующую мысль; повлиять на волю другого лица; выразить, обнаружить особые чувствования, соединяющие говорящего с его мыслью.

Психологическая причина, объясняющая определенную легкость усвоения тюркизмов русскоязычными, кроется в том, что эти единицы заполняют около половины речевого пространства Уфы: на тюркских языках говорят рядом, на них могут общаться не только друзья, но и члены семьи, на них ведутся радио- и телепередачи, они подкрепляются письменными и устными текстами, зачастую дублируя друг друга. Например, во время праздника город расцвечен лозунгами типа «*Добро пожаловать! — Рахим итегез!*», на городском транспорте можно увидеть двойные рекламные слоганы: «*Пейте coca-cola — Эсегез coca-cola!*», а остановки объявляются на двух языках.

Кроме того, в школах Башкортостана обязательно изучается башкирский язык как государственный.

Особенно ярко «тюркские мотивы» проявляются в устной речи: неподготовленной, зависящей от ситуации общения, характеров собеседников, от целей, которые они ставят перед собой.

Ученые-филологи Уфы (в частности, Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы) уже много лет подряд изучают живую речь многонационального города. При этом особое внимание они обращают на речевые действия, поступки общающихся. Эти речевые действия в науке принято называть **речевыми жанрами**, так как они выполняются с определенными намерениями и соответствуют принципам и правилам поведения, принятым в данном обществе. К речевым жанрам можно, к примеру, отнести приветствие, извинение, просьбу, наказ, совет, поздравление, проработку, ссору, разговор по душам, анекдот и пр. Речевой жанр — центральное звено общения, его основная единица, изучая которую можно узнать важнейшие тайны «человековедения»: место рождения и проживания коммуниканта, его социальный статус, психологический паспорт, возраст, профессию, намерения (выраженные и скрытые), культурный уровень, знание народных традиций и многое другое.

Ученые выделяют различные типы речевых жанров: одни из них воздействуют на эмоции (жалоба, мольба, шутка), другие — на разум (сообщение, осуждение), третьи — на волю (приказ, уговоры, просьба), четвертые — на физические рефлексy (угроза, запугивание) и др. Кроме того, по стилю исполнения можно выделить вежливые, не вполне вежливые и грубые речевые жанры.

Итак, в русских речевых жанрах, зафиксированных в Уфе, тюркизмы (чаще всего второго рода) используются преднамеренно, с определенными целями и на основе конвенциональности, т.е. договоренности. Главными задачами, поставленными говорящим, при этом можно считать речевое воздействие на слушателя, побуждение собеседника к осуществлению совместной деятельности или к отказу от нее, изменение его эмоционального состояния.

Наиболее часто тюркизмы, по нашим наблюдениям, использовались в следующих случаях.

Речевой жанр приветствия, благодарности, поздравления и пр. Эти речевые действия можно охарактеризовать как разновидность «вертикального» (вышестоящий — нижестоящий) и «горизонтального» (равный с равным) коммуникативного поведения, причем в мусульманской этнокультуре больше распространены первый вариант (например, при общении мужчины и женщины, руководителя и подчиненного, старшего и младшего). Использование тюркизмов русскоязычными усиливает контактоустанавливающую направленность высказывания, наглядно демонстрируя стратегию говорящего с помощью «слова-пароля» позиционировать себя не как «чужого», а как «своего». Описывая стратегическое намерение, польский ученый Анна Вежбицка представила ситуацию следующим образом: «некто (X) осознает, что, употребив тюркизм, сделает собеседнику приятно, так как продемонстрирует ему свою вежливость, покажет, что он «свой», и даже поставит себя в несколько «заниженное» положение по отношению к адресату речи». И мы с удовольствием произносим: «*Байрам мянян* (с праздником), *Фарид!*»; «*Салям, коллеги!*»; «*Зур рахмят* (большое спасибо), *Марфуга Нуриевна!*».

Поддерживать контакт и доброжелательную тональность общения помогают уфимцам тюркские обращения: *апай* (тетя), *няняй* (бабушка), *бабай* (дед), *ага(й)* (брат), *кызым* (дочка), *малай* (мальчик); реплики *айе* (да), *юк* (нет), *кит але* (что ты / иди ты)! К сожалению, иногда тюркизм может использоваться с намерением прервать контакт: *апайка*, *кызыларки*, *кызымка* (обозначения тюркоязычных женщин + русский суффикс -к-).

Речевой жанр просьбы. Просьба — это такое речевое действие, которое заставляет говорящего испытывать определенный психологический дискомфорт, поскольку ставит его в зависимое положение от слушающего: ведь адресат речи должен что-либо сделать не в свою пользу, чем-то поступиться, то есть здесь речь идет о «вертикальном» коммуникативном поведении. Именно поэтому большинство людей «просить» не любит (вспомним

совет, данный булгаковским Воляндом Маргарите: «Никогда ни у кого не просите...»). Даже за столом мы предпочитаем выразить просьбу не прямо, а косвенно: не «*Передайте, пожалуйста, соль*», а «*Можно соль?*».

Тюркизм по-своему помогает разрешить данную проблему, увеличивая коммуникативные возможности говорящего. Так, в высказывании «*Ой, акса (деньги) биряле (дай), а то я кошелек дома забыла!*» говорящий, заменяя русские слова, намеренно выбирает особую «маскировочную» манеру речи. Такая тактика позволяет русскоязычному адресату отказать в просьбе, сделав вид, что фраза им не понята, и при этом просящий не «потеряет лицо». Если же адресат тюркоязычный, то просьба скорее всего будет выполнена, так как речевой жанр составлен с учетом личностных характеристик слушающего, в нем усилена контактная функция и даже просматриваются элементы «лести». Таким образом, тюркизм как бы выполняет функцию своеобразного пароля, подчеркивая принадлежность коммуникантов к одному кругу общения. С другой стороны, он «шифрует» объект просьбы, позволяя говорящему осуществлять необходимые для сохранения коммуникативной «симметрии» речевые манипуляции.

Оценочные речевые жанры. Оценка — это мнение о ценности, уровне, значении чего-либо. Использование тюркизмов в подобных речевых жанрах дает возможность говорящему расширить арсенал тактических приемов предпринимаемых речевых действий. Так, включение заимствований в **речевой жанр осуждения** позволяет либо «сгладить» тюркизмом негативную оценку, снизив инвективную (бранную) силу высказывания, например: «*Ну и корсак (живот) ты себе отрастил!*» или «*Ну ты и хайван (скотина)!*». Этот же прием способен также, напротив, «заострить» отрицательный момент: «*Что ты вырядилась, как апайка!*»; «*Ох и сынок у него, настоящий армай (хулиган)!*»; «*Откуда такой бельмес (здесь: бестолочь) взялся?*». Достаточно часто в оценочные речевые жанры включаются тюркские прилагательные, наречия: «*Смотри, какой у этих тувель зур (высокий) каблук!*»; (показывая на непрожаренный беляш):

«*Это не вак-беляш, это же ак-беляш!*»; «*Цены каждый день поднимаются, прямо аттразан (здесь: ужас)!*».

В **речевом жанре комплимента** использование тюркизма позволяет перевести стиль общения в ироническое русло, «замаскировать» похвалу, поскольку, как известно, в русской этнокультуре не принято хвалить ни себя, ни других. Женщина: «*Вот, купила себе новое платье*». Подруга: «*Ну, матур (красивое), очень даже матур!*»; «*Вот и славноенько, вот и айбатенько!* (от айбат — хорошо)»; «*Ты прямо-таки у нас сандугач (соловей), распелась как!*».

В **речевом жанре оправдания** тюркизм также усиливает действенность фразы: «*А мне все это барьер!*»; «*Почему чай плохо заварен? — Так бит (ведь) вода!*»; «*Да я же совсем не бельмин (не знаю)!*».

Используются тюркизмы и в **речевом жанре приказа**, причем здесь наблюдается двойная тактика: при обращении к билингу воздействующая сила фразы «*Кит! Кит але отсюда (уйди, убирайся)!*» увеличивается, а при обращении к русскоязычному — уменьшается.

Речевой жанр приглашения, если в нем задействован тюркизм, позволяет усилить контактную функцию, разрядить напряженную ситуацию, создать доброжелательный тон общения: «*Киляле (пойдем) со мной в магазин!*»; «*Утыр, утыр (садись), сейчас чай пить будем!*»; «*Ну, давай, аша (ешь), не стесняйся!*».

Речевой жанр вопроса позволяет при использовании известных русскоязычным конструкций типа «*Кая барасын? (куда идешь?)*» снизить фактор «любопытства», сгладить «невежливость» фразы.

Речевой акт ответа на какой-либо вопрос может выглядеть приблизительно так: «*Мин (я) согласен, син (ты) согласна!*».

С помощью тюркизмов имеется возможность также выразить свои эмоции: «*Вах! Ай, аллах! Шайтан тебя поберет!* Или же усилить угрозу, как в детской «страшилке»: «*Вот сейчас бабай придет и тебя заберет!*».

Очень часто говорящий, используя речевые жанры с включением тюркизмов, преследует дополнительную цель языковой игры, например: «[Стоя на остано-

ке автобуса]: «Сыук (холодно)!»; «Вон автобус кля!» Или: «А мы уже к Пасхе кукайки (яйца) покрасили!». Подобные высказывания позволяют продемонстрировать филологическую компетентность говорящего, его коммуникативные способности и творческий потенциал, то есть повысить его коммуникативный статус. Ведь демонстрация своего «я» — один из важнейших стимулов человеческого общения. Например, такое высказывание, услышанное в обувном магазине: «Подозрение бар (есть), что здесь и кожа-то не шибко присутствует». А вот еще пример: шутивное использование тюркизма *житте* (достаточно, хватит) позволяет усилить комический эффект ситуации: при угощении за столом (наливают вино в бокал) женщина произносит: «*Житте!*», одновременно жестом рукой показывая «еще».

Внимание к звуковой стороне слова позволяет говорящему копировать манеру речи нерусских, при этом субъект речи «развлекается», педалируя акцент и добиваясь нужного ему эффекта. Так, нейтрализация согласных по признаку глухость / звонкость дает возможность имитировать чувашскую речь, отсюда известная шутка: «— *Наш Пелепей* (Белебей) *портовый корот* (город). — *Почему?* — *А там к̄рабли* (грабли) *делают!*» Или анекдот, в котором, используя восточ-

ные интонации, изображается разговор на Пасху двух уфимских жителей, русского и «тюрка»: «*Ахмет, Христос воскрес!* — *Вай, маладэсс* (молодец)!»

Пополняют фонд местных шуток и своеобразные макаронизмы типа: а) псевдомифонимов — *автоген-башка* (Змей Горыныч), *колотун бабай* (Дед Мороз), *гуталин-малай* (негр), *кашмар-ана* (бабаяга), *ишак-матрас* (зебра); б) шутивных реплик: *Мы уже отсабантуились! Откиливай отсюда! Сколько уже сагатов (часов) натикало? Надо дувантить свой дуван.* «*Ты жива еще, моя нанайка? Жив и я, саяям, тебе саяям!*» в) эпитетов: *аптраганистый, шайтанистый, кызымский* и пр.

В свое время Герман Пауль отмечал: «Способность языка к постоянному преобразованию неотделима от его природы». Наш язык живет, варьируя свои возможности, однако все изменения мы часто квалифицируем только как «погрешности», «порча», не замечая, что в этом-то и заключается его жизнь. Как отмечает немецкий лингвист Руди Келлер, «вариативность в области культуры не предоставлена, как в природе, на милость случая. Она возникает большей частью благодаря творческой способности человека, предвосхищающего отбор. А нужда, как известно, делает изобретательным. <...> Говори так, чтобы быть социально успешным».

«Фритьофу Нансену — благодарная Россия!»

Надпись на несуществующем памятнике

*«Я сказал свое слово здесь, и буду повторять это снова и снова. Никогда не забыть мне смертную тоску в глазах русских детей. Спасите Россию!..»
«Русский народ имеет большую будущность, и в жизни Европы ему предстоит выполнить великую задачу...»*

Фритьоф Нансен

Несколько пришедшая в себя после Нового Смутного времени — 90-х годов теперь уже прошлого века Россия в ряду реальных, а больше еще виртуальных созидательных бумов вошла в бум воздвижения памятников. Этому, наверно, можно было бы только радоваться, если бы, — как и в случае, к примеру, с книгоиздательским бумом, которому тоже можно было бы только радоваться, если бы он не сопровождался или даже не забивался мощным канализационным стоком детективной и подобной ей низкопробной даже не литературы, — наряду, увы, с памятниками людям и событиям великим, достойным и достойного художественного исполнения не вставали в огромном, если не в подавляющем, количестве памятники сомнительного смыслового и художественного наполнения. Даже памятники великим порой вызывают, мягко говоря, горькое недоумение, если не сказать более, что они больше похожи на глумление. Скульптурный Сергей Есенин в Константинове почему-то встал совершенно не похожим на себя и в длиннополой шинели Феликса Дзержинского, от ведомства которого он немало при жизни и даже уже после смерти пострадал, если не сказать более, что, может, как раз это ведомство и затолкало его в петлю, и если бы не паспорт-посвящение на постаменте, то можно было предположить, что это памятник какому-то местному пламенному революционеру. А в Иркутске воплощен-

ный в бронзе по инициативе местных демократов, решивших утереть нос местным патриотам, трагически погибший замечательный драматург Александр Вампилов больше похож на Бориса Немцова, и то только в пору, когда он еще был рядовым напёрсточником. Все это не может не беспокоить общество. К примеру, обеспокоилась по своему, писательскому, ведомству проблемой воздвижения памятников «Литературная газета», в последнем номере за 2006 год на первой полосе огромными буквами: «Открытие новых памятников, мемориальных досок писателям — пора задуматься над рядом серьезных вопросов. Например, как, кто, по каким критериям определяет имена литераторов для увековечения в камне и бронзе... Существует ли продуманная система отбора имен или все зависит от степени активности родственников и других заинтересованных лиц и организаций?.. Наиболее существенные из этих проблем «ЛГ» планирует обсудить в будущем году». Год прошел, но к заявленной теме газета, к сожалению, так и не вернулась.

А я бы поставил вопрос шире, не ограничиваясь памятниками и мемориальными досками писателям. Кому мы прежде всего должны поставить памятники в так называемой новой России, в том числе вместо или даже на месте обязательных в коммунистическую пору памятников Карлу Марксу, Владимиру Ленину и их верным соратникам, снесенных и сносимых, кстати, в целях мимикрии не кем-нибудь, а их внуками и племянниками, торопливо отрещивающимися от отцов и дедов, а на самом деле верными и последовательными продолжателями их дела, не большевиками, приведшими Россию («эту страну» — по их терминологии) к катастрофе 90-х годов, самым главным и страшным свидетельством которой стал факт, что недавно одной из комиссий ООН русский народ

был занесен в разряд вымирающих? Сейчас поражаются нелепости, уродливости памятников Ленину и Марксу, какой-то выраженной в них внутренней патологии, даже элементарному несоответствию частей тела. А они не могли быть другими, потому как выражали, может вопреки скульптору, уродливую нравственную суть этих людей и их идей, независимо от того, создавались ли они ваятелями, для которых эти монстры были кумирами, или за них брались скульпторы, чуждые их духу, не бесталанные, но вынужденные ради куска хлеба унижаться до халтуры, потому как другие заказы в ту пору были крайне редки. Но оставим памятники вождем мировой революции в покое...

Существует ли ныне в России, вроде бы вновь обретающей национальную идею или хотя бы видимость ее, продуманная система отбора имен, подлежащих увековечению в камне, бронзе? И, может, самое главное: кто определяет эту систему? Памятники встают как грибы после дождя. Складывается впечатление, что у нас уже некому ставить памятники, потому как появляются памятники несомненному герою нашего времени, предтече Березовских и Ходорковских незабвенному Остапу Ибрагимовичу Бендеру, в Москве на Патриарших прудах вон собирались поставить памятник даже не Булгакову, а коту с примусом из его «Мастера и Маргариты», в свиноводческом совхозе «Роцинский» в Башкирии поставили памятник свинье, что, впрочем, более, может, оправданно, чем установка многих других памятников, потому как совхоз стоит на страже продовольственной безопасности страны, успешно борется с засильем на отечественном рынке забугорной далеко не первой свежести свинины... В принципе я не против и таких памятников, хотя в большинстве случаев они имеют к скульптурному творчеству такое же отношение, как к настоящей литературе нынешняя процветающая, соответствующая нынешнему криминальному состоянию власти и общества, детективная литература. Скульптуру все настойчивее стараются принизить до уровня примитивного декоративного оформления улиц, площадей и скверов. Но осмелюсь сказать, не боясь камней со стороны наших либералов, памятники имеют, впрочем всегда имели,

самое прямое отношение к национальной или государственной идее (и появление памятника Остапу Бендеру по-своему было оправданно, пока именно он является ныне в России олицетворением не официальной, скрываемой от народа государственной и национальной идеи). Имела отношение к национальной идее и древнегреческая и древнеримская скульптура, прославляющая красоту человеческого тела.

Истинный художник, в нашем случае скульптор, порой видит необходимость того или иного памятника раньше своего времени, то есть он-то видит как раз вовремя, но общество в большинстве своем живет лишь в предчувствии. Недавно ушедший в мир иной замечательный русский скульптор Вячеслав Михайлович Клыкков еще в советское время, когда существовала жесточайшая система-пирамида отбора имен, во главе которой были поставлены Карл Маркс и Владимир Ленин, обязательные в каждом городе и районном центре, вопреки этой системе, вопреки господствовавшей тогда идеологии, вопреки противодействию всех уровней власти, помимо памятников великим русским писателям, которые разрешались, потому как творчество их для удобства было объявлено критическим реализмом, начал ставить памятники русским святым, он чувствовал, что они скоро снова будут востребованы страной, и первым поставил памятник благословившему князя Дмитрия на судьбоносную для Руси Куликовскую битву игумену всея Руси преподобному Сергию Радонежскому. Не без основания говорят, что с этого невероятного по мужеству поступка скульптора-гражданина началось возрождение русского национального самосознания. Я помню, как после одного из первых Праздников славянской письменности и культуры, который по инициативе Международного фонда славянской письменности и культуры, возглавляемого В. М. Клыкковым, проходил в Великом Новгороде, что тоже для того времени было почти невероятным событием, памятник вставал, несмотря на запрет властей и тройное оцепление из войск КГБ, МВД и Московского военного округа. Меня, только за то, что я хотел быть свидетелем этого события, тоже пытались затащить в милицейскую машину,

спас В. И. Белов со своим удостоверением депутата Верховного Совета СССР.

Ныне, по всему, систему отбора имен определяет «ваятель всея Руси» Зураб Церетели, подсовывая малоискушенному в этих делах московскому мэру свои «памятники-подарки», начиная с нелепого памятника-монстра Петру I, прорубившему окно в Европу, через которое в Россию полезла и до сих пор лезет всякая нечисть, еще неизвещено, чего больше, добра или зла, принес он России своими реформами на западный лад, не без оснований многие историки называют его первым российским большевиком. От монстров Церетели порой главам не только городов России, но и других стран по неведомым нам, смертным, причинам не хватает мужества отказаться. Мы наконец во всеуслышание заявили, что наша цель – созидание прежнего величия России, по крайней мере, теперь мы об этом не стесняясь говорим, а всего несколько лет назад это вызвало бы кучу насмешек и даже злостно со стороны прозападных либеральных демократов. И строя великую Россию, и отбирая имена для увековечения в памятниках, мы прежде всего должны вспомнить: кого мы забыли? кого не вспомнили? чьи памятники бездумно или по чужой подсказке снесли? кому приписали чужие заслуги в орденах партийных съездов, а потом в революционном хаосе «перестройки», чуть снова не переросшей в перестрелку? Кому не поклонились в пояс?

Да, конечно, прежде всего нужно возродить к жизни снесенные большевиками памятники, как возродили в Иркутске памятник императору Александру II, как и вернуть улицам прежние названия, не случайно стертые из нашей памяти. Ну и составить перечень имен людей, памятники которым нам нужны в движении вперед. И чтобы не решала этот чрезвычайно важный вопрос втихую, какая-то, тоже созданная втихую, комиссия, которая составит этот список в зависимости от своих политических или эстетических вкусов, а мы все остальные будем поставлены перед фактом. Давайте это вопрос решать вместе, в том числе – кому мы должны поставить памятники в первую очередь?

Ныне, говоря о будущем русского народа, когда, может, уже поздно, когда процесс умирания и вымирания, выражаясь

словами печально известного политического деятеля, небезызвестного артиста разговорного жанра, уже не просто пошел, а может, уже стал необратимым, все, начиная с Президента, как о главной национальной задаче заговорили **о сбережении русского народа**. Но пока, по большому счету, дальше разговоров это дело не идет, складывается впечатление, что это не более как предвыборный пиар, когда системно истребляемый сначала Первой мировой войной, удачно переведенной в революцию, потом всевозможными большевистскими экспериментами, потом Гитлером, потом не менее губительными для народной души не большевистскими реформами русский народ комиссией ООН не без оснований внесен в список вымирающих. А может, специально внесли нас в этот список, выдавая желаемое за уже случившееся, чтобы окончательно придавить и раздавить нас морально? Как бы то ни было, низкий поклон тому, кто хотя бы заговорил, может уже на краю пропасти, вслух об этой страшной конечной для нас проблеме.

Но был человек – не русский, не гражданин России, который еще в 20-е годы прошлого века, когда русский, российский народ дружно, словно сговорившись, одновременно уничтожали в братоубийственной войне вожди красные и белые и так называемые союзники, которые больше всего на свете боялись возрождения России, – был человек, который не на словах, а на деле, и не просто на деле, а без преувеличения сказать – положил свою жизнь на сбережение русского, российского народа. Если мы не были бы преступно беспамятны, то в каждом поволжском городе России, а прежде всего – на одной из центральных площадей ее столицы, Москвы, должен был стоять памятник этому поистине великому человеку, великому патриоту России, которого Ромен Роллан назвал «единственным европейским героем нашего времени». Может быть, нужно признать, что этот человек был самым великим человеком XX века. Но великими по древней варварской привычке мы считаем великих злодеев, отличившихся как раз на поприще уничтожения народов, чужих или своих. На памятнике должна быть скромная и строгая надпись: «Фригьюфу Нансену – благодарная Россия!».

Да, когда противоборствующие стороны в России, словно сговорившись, как бы поставили перед собой единую цель: как можно побольше уничтожить и без того обескровленного Первой мировой войной и революцией российского народа, а так называемое мировое сообщество только радовалось этому и подогревало братоубийственный пожар, он, далекий от политики великий полярный исследователь, норвежец, у которого близких и дальних родственников в России вроде бы не прослеживалось, отставил в сторону все свои запланированные, очень важные для человечества экспедиции, научную работу и, вызывая раздражение и неудовольствие красных и белых вождей, а также огромного количества западных политиков, ждущих окончательного уничтожения России, превращения ее в сырьевой придаток Европы и Америки, все свои силы посвятил сбережению русского народа.

Да, у одних это вызывало раздражение, переходящее в злобу, у других — недоумение: почему именно он, норвежец и далекий от политики полярный исследователь?

На то были особые причины. Главная из которых, что, помимо того, что был великим полярным исследователем, он был великим, планетарно мыслящим Человеком (святое одиночество в бескрайних просторах ежечасно грозящего смертью Северного Ледовитого океана давало возможность увидеть планету и человечество на ней как бы со стороны, уйти от суетного, сиюминутного, увидеть главное), смотрящим далеко в будущее и многое видевшим там. В том числе глобальные беды, которые человечество ждет, и надежду, которая может предостеречь его от этих бед. А надежду, к удивлению многих, он увидел в разрушенной, обескровленной мировой войной и раздираемой, в том числе по чьему-то злому совету, Гражданской войной России. Да, однажды побывав в России, даже не в самой России, а на полярных ее окраинах во время подготовки экспедиции на «Фраме», а потом глуже узнав ее в путешествии по Сибири, он не просто глубоко полюбил Россию и русский народ, но и, как великий ученый и как великий провидец, увидел, что за Россией, за душой ее народа, для кого-то загадочной, а для него понятной и близ-

кой, — будущее не только Европы, но и всей планеты. (Свою книгу «По Сибири» он так и назвал «В страну будущего». Кто, кроме Нансена, только разве сумасшедший, так мог назвать книгу о России, в то время разоренной, — в том числе самими впадшими в беспамятность и беснование русскими?!)

Многие тогда не понимали, как и сейчас не понимают или делают вид, что не понимают, что, спасая Россию, он спасал и Европу, а вместе с ней и весь остальной мир. Многие до сих пор не могут простить ему таких слов: **«Русский народ имеет большую будущность, и в жизни Европы ему предстоит выполнить великую задачу»**. И это он говорил о стране, в то время буквально вымирающей от голода! И в разных вариантах он повторял эту мысль снова и снова: **«Это будет Россия, которая не в слишком отдаленном будущем принесет Европе не только материальное спасение, но и духовное обновление»**. Если все-таки, пусть с большой оговоркой, говорить о Нансене как о политике и вкладывать в это понятие высший смысл, то он стал им во время похода на Северный полюс, во время которого взлелеял мысль не только о создании международной организации, способствовавшей бы установлению между государствами таких отношений, основанных на международном праве, которая в будущем давала бы возможность предотвращать войны и другие социальные катаклизмы, но и об особых духовных, может быть не государственных, ставших бы выше государственных, отношениях между народами. Но для этого нужно было найти духовное поле, которое могло бы стать платформой, прочным основанием для будущего гармоничного обустройства погрязшего в войнах и междоусобице человечества. И, может, неожиданно для себя он нашел эту духовную опору в России, увидев в душе русского народа вселенскую объединяющую душу. Нансен безоговорочно поверил в Россию, как во всемирную надежду. И когда в нее пришла беда, и беда эта во многом умножалась тем, что некоторые, как и Нансен, видевшие будущность России, в отличие от него смертельно боялись ее и способствовали этой беде. Нансен, отбросив все свои дела, даже те, которые были для него главными в жизни, пришел России на помощь.

Впрочем, спасти русских, может сам не подозревая о том, он начал еще до нашей российской национальной катастрофы. Незадолго до начала Первой мировой войны своей книгой, а особенно картой-схемой в ней, он в апреле 1914 года спас выдающегося российского полярного исследователя В.И. Альбанова, штурмана экспедиции на «Св. Анне», ушедшей в Арктику в один год с экспедициями Седова и Русанова. В.И. Альбанов, ориентируясь исключительно по этой карте-схеме: никаких других карт на этот район Арктики в то время еще не существовало, по плавающим льдам с бесценными научными материалами экспедиции смог вернуться на теплую землю с пропавшего бесследно во льдах судна. Отчет-дневник об этом беспримерном переходе малоизвестен в России, зато на Западе только уже на рубеже XX—XXI веков он не раз переиздавался во Франции, США, Англии, где его назвали забытым шедевром русской литературы. Наконец это печальное недоразумение, кажется, скоро исправит московское издательство «Вече».

В результате Первой мировой войны в обескровленной войной и революцией России оказались сотни тысяч военнопленных. В условиях Гражданской войны они жили в ужасающих условиях и тысячами умирали от голода и болезней, помимо того, они были взрывоопасным элементом, что потом и случилось с братушками-чехами, которые, взбунтовавшись, повели себя в России похлеще гитлеровских оккупантов в Великую Отечественную войну. Помимо пленных, в России накопилось около 30 тысяч интернированных. В то же время 200 тысяч русских пленных — самая работоспособная часть мужского населения страны, можно сказать, генофонд нации, если учесть, что самые лучшие в большинстве своем уже легли на полях сражений! — томились в лагерях военнопленных за рубежами России, не говоря уже о том, что они тоже были непосильным бременем для стран, в которых находились. Созданная к тому времени Лига Наций, пусть далеко не совершенный прообраз международной организации, способной предотвращать социальные и политические катаклизмы, в том числе войны, мечту о которой лелеял во время похода к

Северному полюсу и к созданию которой имел самое непосредственное отношение Фритьоф Нансен, видела единственный выход в том, чтобы поручить выполнение этой грандиозной задачи какому-то одному лицу, придав ему чрезвычайные полномочия Верховного комиссара. Нужен был человек, которому доверяли бы правительства если не всех, то подавляющего большинства по крайней мере европейских стран, в том числе большевики, захватившие власть в России, и которому оказалось бы по плечу такое грандиозное предприятие. Лига Наций решила, что это дело по плечу только одному человеку: человеку такой несокрушимой воли, такого упорства и всемирного непрерываемого авторитета, каким был великий норвежский полярный исследователь Фритьоф Нансен. Но все знали, что он перед собой начертал план многочисленных и очень важных для человечества научных экспедиций, на осуществление которых мало и двух жизней, а он был уже и так далеко не молод.

К удивлению всех, Фритьоф Нансен легко согласился, перечеркнув тем самым все свои научные планы.

Почему?

Потому, во-первых, как я уже говорил, что он возлагал на Лигу Наций, в создание которой вложил часть своей души, великие надежды, что со временем она станет международным инструментом, способным предотвращать социальные и политические катаклизмы, в том числе войны. А во-вторых, он увидел, что страна, с которой он связывал будущее Европы и даже всей планеты, в беде, и решил, что он должен сделать все возможное, чтобы помочь ей.

Занимаясь военнопленными (и ради объективности надо сказать, что с большевиками оказалось легко договориться, а почему бы им не договориться, если вдруг нашелся человек вне России, который вдруг взял на себя непосильные для них задачи, и они пунктуально выполняли взятые на себя обязательства: каждую неделю к западной границе прибывал очередной эшелон с военнопленными), Нансен увидел, что на Россию надвигается ужасающий голод. Семь лет войны опустошили стратегические запасы страны, нарушили транспортные коммуникации. 17 миллио-

нов человек и 2 миллиона лошадей были изъяты из сельского хозяйства, блокада большевистской России (о попавшем под власть большевиков российском народе западные политики думали меньше всего) отрезала продовольственный подвоз извне. А тут еще на европейскую часть России обрушилась страшная засуха. Богатейшие житницы страны превратились в пустыни. Засуха охватила территорию размером в полторы Франции, на ней жило 42 миллиона человек, в том числе 18 миллионов детей. Большевики до поры до времени замалчивали обрушившуюся на страну беду, да к ним никто в мире и не прислушался бы, но когда беда своими страшными масштабами переросла в общенациональную катастрофу, своим рупором они избрали М. Горького, который и обратился за помощью к мировому сообществу. Но мировое сообщество деликатно отмолчалось. Остался не равнодушным к беде только международный Красный Крест. Сам бессильный чем-то реально помочь, настолько грандиозны были масштабы беды, он обратился — опять-таки к Фритьофу Нансену! — с просьбой взять на себя снова, как в случае с военнопленными, полномочия Верховного комиссара, на сей раз по оказанию помощи голодающей России. И снова, к удивлению многих, он не отказался.

Нансен обратился за помощью к великим державам: **«...мандат, полученный мною предлагает апеллировать к правительствам всего мира. И я буду настойчив. Я постараюсь сплотить народы Европы, чтобы они предотвратили жесточайшее испытание в истории, предстоит страшное состязание – кто скорей. Мы должны опередить русскую зиму, которая медленнее, но верно движется с севера. Постарайтесь по-настоящему понять, что будет, когда русская зима настанет всерьез, потом будет поздно раскаиваться!»** Но так называемые великие державы под предлогом нежелания сотрудничать с большевиками ответили отказом, в то время как в США пшеница гнила у фермеров, не знающих куда ее сбыть, а в Аргентине столько скопилось кукурузы, что ею начали топить паровозы. Тогда он обратился к частным лицам... Несмотря на все нападки, интриги и противодействия, Нансену удалось органи-

зовать сбор средств и наладить доставку продовольствия в голодающие районы России...

Масштабы и результаты деятельности возглавляемой Фритьофом Нансеном миссии были поистине грандиозны. Когда ее работа набрала полную силу, то ежедневно помощь оказывалась почти 2 миллионам голодающих в 14 областях России. Нансен сам много ездил по России, забирался в самую глубинку, заходил в крестьянские избы, зачастую заставая там уже только мертвых, его не останавливала опасность заболеть сыпным тифом, от которого из 60 его сотрудников-добровольцев умерли 10. В промежутках он ездил по Европе: Гаага, Берлин, Стокгольм... Везде он звал к помощи: **«Я сказал свое слово, и буду повторять его снова и снова. Никогда не забыть мне смертную тоску в глазах русских детей. Спасите Россию!»**

Выступление в Лиге Наций с программой помощи голодающим в России вызвало волну клеветнических нападок на Нансена как со стороны западных правительств, так и со стороны некоторых белоэмигрантов, виноватых в трагедии России не менее, а может и более, большевиков, в свое время своей бездарной политикой доведших страну до революции. Они не могли простить Нансену его сотрудничества с Советами. До вымирающего от голода, в том числе и по их вине, российского народа, им не было дела.

Нансеновская миссия помощи голодающим работала в России с сентября 1921-го по август 1923 года и спасла от голодной смерти 6,4 миллиона детей и почти полмиллиона взрослых. Не говоря уже о том, что миссия учредила много детских домов. По случаю окончания работы нансеновской комиссии Совнарком принял специальное постановление, в котором выразил ему глубочайшую благодарность, подчеркнув при этом, что он организовал «широкую самоотверженную кампанию за оказание помощи голодающим в Советских Републиках» и вел «неутомимую борьбу с противниками этой помощи»... Постановление, подписанное председателем IX съезда Советов М. Калининным, заканчивалось такой тирадой: «Русский народ сохранит в своей памяти имя великого ученого, исследователя и гражданина Ф. Нансена, героически пробывавшего

путь через вечные льды мертвого Севера, но оказавшегося бессильным преодолеть безграничную жестокость, своекорыстие и бездушные правящих классов капиталистических стран».

Увы, насчет своекорыстия и бездушия правящих классов капиталистических стран товарищ Калинин был прав. Хотя последние слова не в меньшей степени можно было отнести к самим большевистским бонзам. Тот же Калинин, принимая Нансена, демонстративно пил с ним пустой чай, а проведив его, шел откушать в спецбуфет: теперь хорошо известно меню партийных бонз того времени, мало чем отличающееся от меню нынешних элитных ресторанов, они ни в чем не ограничивали себя, заботясь о своем здоровье, которое им нужно было для разжигания пожара мировой революции, свой народ их интересовал только в качестве дров в этой сатанинской топке. Примерно в то время был разыгран и сентиментальный спектакль, когда крестьяне пришли спасать от голода Владимира Ильича Ленина, а он, тоже демонстративно пьющий морковный чай, отправил их скромные подарки в детдом голодающим детям.

Нансен, которого обвиняли в сотрудничестве с большевиками, даже в симпатиях к ним, всей своей сущностью ненавидел большевизм, но ради спасения русского народа, который в то время был под властью большевиков, он сотрудничал с ними. Он верил в будущее России. Он верил в русский народ больше большевиков, строивших будущую Россию, отринув тысячелетнюю историю страны. В недалеком будущем они сведут героические усилия Нансена по спасению русского народа почти на нет, согнав в концлагеря генофонд нации – цвет русского крестьянства, но все равно его великие труды не пропали даром. Фритьоф Нансен мужественно переносил нападки со всех сторон и продолжал свое дело...

В декабре 1923 года Нансену была присуждена Нобелевская премия в размере 122 тысяч крон. От датского издателя Хр. Эриксона он получил такую же сумму. Все эти деньги Нансен тоже направил на помощь России, причем часть премии он израсходовал на создание в июле 1923 г. в России двух показательных сельскохозяйственных станций. В 1927 году на базе

этих станций было создано два крупных совхоза, один из которых – на Днестре получил имя Нансена. Важное место в нансеновской программе помощи России занимала помощь школам и университетам. Эти делом занимались специально созданные организации «Европейская помощь студентам», «Нансеновская помощь работникам интеллектуального труда». Нансен был убежден, что будущее любой страны зависит от уровня развития науки, а потому считал обязательным создать такие условия, в которых русская наука могла бы развиваться.

Но помощью голодающим России деятельность Нансена не ограничилась. Огромная часть России в результате братоубийственной Гражданской войны оказалась за рубежом и была абсолютно бесправна, и, как ни парадоксально, часть белоэмигрантской верхушки, ослепленная ненавистью к большевикам, всячески мешала Нансену помогать голодающим крестьянам Поволжья и Приуралья. За пределы России оказались выброшенными 2 миллиона русских. (Недавно в Калужской области под Оптиной пустыней я встретился с потомственным уральским казаком, который вернулся на родину с Папуа Новой Гвинеи). Многие из этих стран сами еще не пришли в себя от мировой войны, другие традиционно были нищими. Были наводнены беженцами Латвия и Эстония, около 30 тысяч российских беженцев было в Финляндии, не меньше 25 тысяч в Чехословакии, 50 тысяч в Югославии, 35 тысяч в Болгарии, около 75 тысяч в ближней Азии, более всего русских беженцев оказалось во Франции – почти полмиллиона... У большинства из них не было никаких документов, они не имели никакого социального статуса, они были обречены на вымирание, их перегоняли из одной страны в другую, как скот, без пищи и денег. А некоторые правительства принимали постановления вообще не пускать русских. Не говоря уже о том, что в мире не было никакого социального или иного механизма, который мог бы решить проблему, созданную большевистской революцией в России. Никто не в силах был решить на первый взгляд простую, но в то же время практически неразрешимую задачу: дать им право на жительство, на работу. Нужна была об-

леченная чрезвычайными полномочиями личность с непререкаемым авторитетом. И опять международный Красный Крест обратился к Фритьофу Нансену. И опять он сразу же согласился. Он понимал, что истины нет ни у красных, ни у белых, — не случайно патриарх Тихон, предавший анафеме большевиков, не благословил вождей Белого движения, и потому Нансен одинаково заботился об оказавшемся и под красными и под белыми русским народом, в который безгранично верил.

Из нынешнего поколения, наверное, уже мало кто, к сожалению, сможет, или, наоборот, к счастью, ответить на вопрос, что такое нансеновский паспорт? А ведь в 20-е годы прошлого века он спас жизнь сотням тысяч русских людей. Так называемый нансеновский паспорт был введен Лигой Наций в 1922 году по предложению Фритьофа Нансена для определения правового статуса русских беженцев. На старый российский паспорт или какой другой сохранившийся документ наклеивалась, после уплаты 5 франков, марка с портретом Нансена, дававшая законную силу данному документу. Юридическая сила нансеновских паспортов была признана 52 правительствами, в дальнейшем их выдавали армянским, турецким и сирийским беженцам. Это был до сих пор не виданный вид паспорта — в сущности маленькая марка с портретом великого полярного исследователя, на которой стояла надпись «Societe des Nations». Но эта скромная маленькая марка разом представляла несчастным людям право на существование в странах, в которых они по воле судьбы оказались. Я такой паспорт видел в Болгарии, у директрисы Аксаковской гимназии в г. Пазарджик Александры Николаевны Полищук-Оболенской. В свое время, без преувеличения сказать, этот паспорт спас ее отца, бывшего прапорщика Белой армии, пробиравшегося из Турции в Прагу в организованный по инициативе Фритьофа Нансена Русский университет для русских беженцев и по дороге осевшего в Пазарджике. Подобные университеты и школы были открыты и в других странах. Я видел нансеновский паспорт во Франции у отставного капитана французской армии Алексея Владимировича Абакумова, внука полковника армии генерала Врангеля, и у племянника

капитан-лейтенанта русской артиллерии Мишеля Юрша, потомка древнего литовского рода, до конца дней своих так и не принявшего французского гражданства и оттого имевшего немалые жизненные неудобства. К дочери Нансена, Лив, в Осло однажды подошел таксист, бывший полковник русской армии, оказавшийся племянником великого русского композитора Н.А. Римского-Корсакова: «Все мы, русские, благодарны Вашему отцу за то, что остались живы».

Помимо того, Нансен способствовал возвращению на родину десятков тысяч рядовых солдат Белой армии, чему опять ему всячески препятствовали некоторые белые вожди, прежде всего генерал А.П. Кутепов, который, потеряв чувство реальности, мечтал о новом военном походе на большевиков. Не трудно представить, чем обернулся бы он для России: в новой братоубийственной схватке погибли бы еще миллионы людей, и Россия, скорее всего, перестала бы существовать как самостоятельное государство...

Наверное, не надо сносить памятники Ленину, Дзержинскому, как и не надо, где их снесли, возводить снова. Пусть стоит мавзолей Владимиру Ленину на Красной площади, например, мне лично он, никогда не состоявшему в КПСС, не мешал и ныне не мешает, я в нем ни разу не был, даже когда это в обязательном порядке полагалось, во время тех же пресловутых писательских съездов, я всегда находил повод, чтобы туда не идти. В конце концов, я не против и памятников всевозможным хрюшкам и даже Остапу Ибрагимовичу Бендеру, олицетворяющему собой, может, не менее трагический период российской истории, чем Великая Октябрьская социалистическая революция (но не могу принять инициативы В.В. Путина о присвоении создаваемой Президентской библиотеке в Санкт-Петербурге имени Бориса Ельцина — Гришки Отрепьева Нового Смутного времени). Но если мы действительно хотим вернуть России былое величие, мы должны одним из первых поставить благодарный памятник Человеку, который в самые черные для России дни, даже когда мы сами, русские, занимались братоубийственным самоуничтожением, пытался спасти русский народ, занимался его бережением.

Да, в Москве именем Нансена назван проезд в районе метро Свблово, но не оскорбление ли это его памяти, когда у нас продолжают нести имена палачей российского народа центральные площади и улицы большинства больших и малых российских городов и еще не до конца вымерших сел и деревень...

Фритьоф Нансен был прост, мудр и велик, как Северный Ледовитый океан. Он явил собой пример возможности создания механизма международного сообщества, предотвращающего войны и социальные катаклизмы. Мир, по большому счету, оказался недостойным его. Лига Наций, а после нее и ООН не стали инструментом, предотвращающим войны, социальные и этнические катаклизмы.

Рядом с Фритьофом Нансеном в XX, а теперь уже и в XXI веке по величине, по масштабам содеянного добра (злых гениев было с избытком) некого поставить. В какой-то степени занимаясь историей исследования Арктики, я, разумеется, всегда преклонялся перед Нансеном как перед великим полярным исследователем, но только недавно меня больно стукнула запоздалая мысль-прозрение, что я, может, живу тоже благодаря ему, потому как мои мать и отец, родившиеся в 1919 и в 1921 годах, вряд ли бы выжили, если бы не нансеновская продовольственная помощь, дошедшая тогда и до охваченных страшной засухой и страшным голодом предгорий Урала. Покопайтесь каждый не в столь уж отдаленной истории своей семьи, и окажется, что многие из вас сейчас живут благодаря великому норвежцу, потому что у многих из вас он спас матерей, отцов и дедов – или от голода, или вернул их, обреченных на вечное изгнание, на Родину, а из-за страха смерти не пожелавшим вернуться в Россию помог выжить там, за рубежами ее, но остаться русскими...

Ради справедливости нужно сказать, что он помогал не только русским, он спасал порой враждующих между собой греков, болгар, турок, сирийцев, евреев... Я не знаю, есть ли памятник Нансену в Ереване, но он там тоже обязательно должен быть, если армяне считают себя великим и не беспамятным народом. В 1924 году, когда положение в России несколько стабилизировалось, Нансен, опять-таки отставив в сторону научную работу, поехал в Армению, где занялся изучением возможности размещения армянских беженцев, покинувших турецкую Армению в результате геноцида и проживающих в различных частях мира. И снова ему удается пробить стену холодного равнодушия.

Нансен никогда не состоял в какой-либо политической партии. По его мнению, партийная борьба препятствует объединению народа для решения крупных общенациональных задач. В связи с этим, несомненно будучи гражданином мира, как гражданин Норвегии он выступал за широкое национальное движение, которое могло бы преодолеть всякие классовые и партийные противоречия. Он явился одним из инициаторов создания в Норвегии в 1925 году консервативного по своей сути Отчужденного союза, ставившего своей целью объединение всех патриотических сил для создания мощного национального государства.

«Фритьофу Нансену – благодарная Россия!». Такая надпись должна быть на постаменте памятника на одной из площадей Москвы, как, впрочем, и в Женеве перед зданием ООН должен стоять памятник: «Фритьофу Нансену – благодарная планета», потому как заложенные им принципы международных отношений пусть не в полной мере, но все-таки продолжают жить.

Тот самый Черданцев

Составитель первой библиографии Уфимской губернии

Александр Алексеевич Черданцев родился в 1871 году на уральском прииске Лисвяный Пермской губернии (ныне Невьянского района Свердловской области) в семье служащего. Его отец Алексей Иванович работал в партии, занимавшейся топографической съемкой Уральских казенных заводов. На приисках родились его дети: Анна, Николай, Семен и Александр.

Александр рос слабым и болезненным ребенком. С детских лет у него проявилась глубокая любовь к уральской природе, ее он сохранил на всю жизнь. Для получения образования Александр поступил в Екатеринбургскую мужскую гимназию, но по болезни был отчислен из 5-го класса и в 1877 году отдан учеником в Верх-Исетскую аптеку. В 1893 году в Казанском университете он сдал экзамен на помощника аптекаря, через два года поступил на фармацевтическое отделение Московского университета, который окончил в 1899 году, получив звание провизора. Вернулся в Екатеринбург, женился на школьной учительнице Анне Карловне Лемарсье и стал работать управляющим аптекой городской больницы.

Как страстный любитель и исследователь природы и жизни Урала, Черданцев с 1900 года – член Уральского общества любителей естествознания, сначала заведовал отделом нумизматики общества, а затем стал его секретарем. В 1911 году в «Записках» этого общества вышел составленный им «Каталог сочинений по нумизматике библиотеки Уральского общества любителей естествознания по 1898 год» и почти одновременно «Каталог монет П. И. Тарасова в музее Уральского общества любителей естествознания».

А. Черданцев активно участвовал в экспедициях по Северному Уралу. Вдвоем с проводником, верхом на лошади или пешком преодолевал сотни километров, собирая материалы об этом суровом крае.

Часто на много верст кругом не встречалось никакого жилья, изредка на берегах горных рек попадались лишь брошенные рыбаками шалаши да охотничьи избышки в лесу. В редко встречающихся деревнях А. Черданцев быстро заводил знакомства, устанавливал связи со старожилами, собирал сохранившиеся в устном творчестве местные легенды и песни. Результаты этих экспедиций нашли отражение в его работах «Гора Качканар», «Косьвинский и Тылайский камни» и «Экскурсии по Уралу», написанных в 1904 – 1906 годах. Для музея Уральского общества любителей естествознания А. Черданцев составил обширный гербарий, в котором систематизировал высокогорную растительность Урала.

В 1915 году А. Черданцев переехал в Уфу: его пригласили на должность управляющего аптекой Комитета Императорского человеколюбивого общества¹. А незадолго до отъезда он был избран пожизненным членом Уральского общества любителей естествознания. Черданцев часто выезжал в Екатеринбург (с 1924 года Свердловск), результатом чего стали работы «Как началось монетное дело в Екатеринбурге», «Уральские рудные и угольные печатки», «Из истории екатеринбургской журналистики» и другие.

В Уфе А. Черданцев принял активное участие в возрождении Губернского музея, детища членов Уфимского статистического комитета Н. А. Гурвича, К. А. Буха и А. Б. Иваницкого. Первоначально этот музей размещался всего лишь в одной из комнат правительственной мужской гимназии по улице Б. Ильинской (ныне Фрунзе), 49, а в честь 100-летия основания Уфы торжественно открылся в собственном здании на Пушкинской улице. На этот момент музей имел уже девять небольших, но самостоятельных отделов: горнозаводской, минералогический,

соляной, археологический, палеонтологический, зоологический, ботанический, энтомологический и нумизматический. 20 марта 1888 года «открыл свои действия» Комитет Губернского музея, в Уставе которого говорилось о том, что он имеет статус научного общества.

Однако в дальнейшем жизнь музея не была ознаменована ничем особым, так как средства, которыми он обладал, были ничтожными. Лишь в конце марта 1917 года, в пору общественного и революционного подъема, при музее под руководством Черданцева образовался кружок из тридцати энтузиастов, любящих естествознание, археологию и особенно трепетно сам музей. Было выбрано новое правление Комитета музея, начавшее его перестройку. Сожгли некоторые побитые молью и пришедшие в негодность экспонаты зоологического отдела, ликвидировали прогнившие и за прошедшие со дня открытия музея 26 лет никем не осматриваемые экспонаты сельскохозяйственного отдела, пересмотрели и дополнили свежими находками археологический отдел. Только ботанический отдел, заключавший в себя драгоценный гербарий, переданный музеем известным исследователем Башкирского края М. В. Лосиевским и приведенный в порядок случайно оказавшимся в Уфе пленным немецким профессором И. И. Подпере, да нумизматический отдел музея находились в сравнительно удовлетворительном состоянии. Новый Комитет музея, в котором А. Черданцев играл одну из важнейших ролей, возобновил прослушивание научных докладов и сообщений. К работе привлекли молодежь, что сразу же дало музею пополнение новыми материалами.

22 декабря 1917 года по инициативе А. Черданцева в музее состоялось собрание, в работе которого приняли участие около 20 представителей интеллигенции города, большинство из которых были преподавателями различных уфимских учебных заведений. Назовем лишь некоторых из них: К. П. Краузе (2-ая Уфимская женская гимназия), П. П. Киснемский (Уфимский учительский институт), В. А. Ефремов (Уфимская казенная мужская гимназия), А. К. Носков (Коммерческое училище), В. А. Кондаков (Фельдшерско-акушерская школа). Было решено создать общественный Комитет Губернского му-

зея, разработать его Устав. Уже через неделю (31 декабря 1917 года) на заседании общего собрания членов Комитета музея А. А. Черданцев был единогласно избран его председателем.

В 1918 – 1919 годах Уфа неоднократно переходила из рук красных в руки белых, и наоборот. В период этой сложной и неоднозначной политической ситуации, осложненной голодом, болезнями и нищетой, А. Черданцев удалось не только уберечь музей от разграбления, но и пополнить его новыми коллекциями. Так, до сих пор в фондах Национального музея Республики Башкортостан, ставшего правопреемником Уфимского губернского музея, хранятся многие документы, попавшие в него тогда, когда в Уфимской губернии у власти находились различные небольшевистские правительства: Временный комитет вновь воссозданной Уфимской городской думы (июнь 1918 года), Институт уполномоченных представителей Учредительного собрания (июль-август 1918 года), Уфимская директория (сентябрь-ноябрь 1918 года). Об активности работы Комитета свидетельствует, например, такой факт: с января по июль 1918 года он собирался 16 раз, на заседаниях заслушивались научные доклады по изучению Башкирского края. Музей в это трудное время дажеполнил число своих активистов: в качестве коллективных членов приняли Уфимское общество врачей-испытателей и Кружок юных любителей естествознания.

С новыми силами А. Черданцев стал работать после окончательного установления в Уфе в июне 1919 года советской власти. Осенью он передал заведование музеем З. Ш. Шакирову, при котором часть экспозиций (зоологического, ботанического, геологического и палеонтологического отделов) была отдана образованному в декабре 1919 года из Уфимского учительского института Институту народного образования. На основе оставшихся экспозиций бывшего Губернского музея начал создаваться новый Историко-социальный музей народов Востока.

Осенью 1919 года А. А. Черданцев был назначен заведующим фармацевтической частью губернского санитарного отдела, организованного вместо бывшей врачебной службы Губернской земской управы.

Уже летом 1920 года А. А. Черданцев организовал несколько экспедиций по сбору лекарственных трав. Тогда же были изданы написанные им брошюры «Лекарственные растения Уфимской губернии» и «Спорынью нужно собирать». А. А. Черданцев добился открытия в Уфе лаборатории тинктур (спиртовых и эфирных настоек) и мазей на основе лекарственных веществ. Он был первым заведующим этим небольшим предприятием, впоследствии ставшим Уфимским фармацевтическим заводом.

В 1922 году А. А. Черданцев оставил свою работу на поприще фармацевтики и последующие три года заведовал Уфимским художественным музеем.

Основой коллекции Уфимского художественного Пролетарского музея имени Октябрьской революции (таким было его название при создании в 1919 году, с 1929 – Башкирский художественный музей, в 1954 году получил имя М. В. Нестерова, с 1999 года – Башкирский государственный музей им. М. В. Нестерова) стало собрание картин уроженца Уфы художника М. В. Нестерова, преподнесенных им городу еще в 1913 году (101 произведение: 30 работ самого дарителя, остальное – картины И. Е. Репина, И. И. Левитана, К. А. Коровина, А. К. Саврасова, Е. К. Маковского, Н. К. Рериха, А. Я. Головина, А. Н. Бенуа и других русских мастеров). Организатором и первым директором музея был И. Е. Бондаренко² (1870 – 1947), которому М. В. Нестеров еще в 1914 году передал свои картины для размещения экспозиции в помещениях Аксаковского народного дома, открытие которого затянулось в связи с началом первой мировой войны.

5 января 1920 года в Уфе по улице Гоголевской, 27, в доме бывшего лесопромышленника Лаптева был открыт музей, состоявший из трех разделов: в первом были представлены произведения самого М. В. Нестерова и его дар, во втором – «русская старина», а в третьем – работы уфимских художников. Благодаря энтузиазму и большой активности И. Е. Бондаренко уже к лету 1920 года собрание музея составило около 1500 экспонатов, а его библиотека – свыше 2500 томов.

Из воспоминаний Марии Николаевны Елгаштиной³: «...С Ал. Александровичем нас связывало чувство преданности

своей работе и особое отношение к музею как хранилищу произведений высокого искусства.

Александр Алексеевич очень любил книги и почти ежедневно заходил ко мне в библиотеку, просил ту или иную книгу, часто вместе с посетителями присаживался где-нибудь в уголке и всегда делился со мной, если находил что-нибудь интересное. Иногда же при закрытии библиотеки я проходила через темные залы музея к нему в кабинет, в тишине которого мы просматривали книжные новинки. У нас были хорошие дружеские отношения, не разрушаемые никакими трениями...»

Именно в эти годы А. А. Черданцев написал исторический очерк «Музеи Башкирии» для адресно-справочной книги «Вся Башкирия», вышедшей в Уфе в 1925 году. В том же году он возвратился к работе в аптеке, которую окончательно оставил лишь в 1931 году, проработав, таким образом, на поприще фармацевтики почти сорок лет своей жизни.

Особое место в жизни А. А. Черданцева занимало его сотрудничество с Центральной научной библиотекой, образованной в середине 1922 года по решению Башполитпросвета о слиянии двух центральных уфимских библиотек: городской имени А. С. Аксакова и башкирской имени Г. Тукая. В 1928 году при Центральной научной библиотеке была создана Книжная палата, которая с 1933 года стала самостоятельным учреждением.

Черданцев входил в состав библиотечного совета ЦНБ и заведовал в ней Кабинетом местного края. Уже в 1929 году Кабинет начал составлять текущую библиографию: материал собирался из всех поступающих в научную библиотеку книг, журналов и газет (кроме тюркской краеведческой литературы). Выявлялись все крупные или интересные статьи и заметки, рецензии на местный краеведческий материал.

Текущая библиография по краю, составленная А. А. Черданцевым, стала ежеквартально печататься в журнале «Хозяйство Башкирии», с 1928 года издаваемом Госпланом республики. В 1929 году вышли выпуски I и II «Краевой библиографии» (за январь-сентябрь 1929 года), в начале 1930 года – выпуск III (за октябрь-декабрь 1929 года). Литература

о Башкирии за 1930 год, насчитывавшая 710 названий книг и статей, была составлена, но оставалась в Кабинете местного края в виде карточек, поэтому выпуск IV в свет не вышел. Выпуски V (за январь-март 1931 года) и VI (за апрель-июнь 1931 года) были опубликованы уже под грифом Книжной палаты Башкирской АССР.

Приступая к публикации Краевой библиографии, А. А. Черданцев писал в предисловии к ее первому выпуску, увидевшему свет в 1929 году: «...Говорить о значении краевой библиографии не приходится: всякая научно-исследовательская работа краеведческого характера начинается с просматривания ранее вышедших материалов, причем ввиду обычной скудности краеведческой печати каждая на первый взгляд незначительная заметка бывает крайне необходимой. Пусть неполнота и все ошибки, которыми не может не сопровождаться начинаемая Центральной научной библиотекой работа, лишней раз привлекут внимание краеведов и местных специалистов к библиотеке и каждый из них окажет колоссальную помощь в том завоевании общественного мнения, которое ведет в настоящий момент Научная библиотека Башкирии».

С января 1932 года Черданцева пригласили работать научным сотрудником в только что ставшую самостоятельным учреждением Книжную палату Башкирской АССР, где он и проработал до 1942 года, являясь «кладезем знаний» по Уралу и Приуралья. В краткой энциклопедии «Башкортостан» А. А. Черданцев по праву назван первым научным библиографом республики, начавшим работать над составлением русского отдела «Книжной летописи Башкирской Книжной палаты» и «Летописью периодической печати Башкирской Книжной палаты».

За время работы в Книжной палате А. А. Черданцев внес огромный вклад в систематизацию фонда архива печати, на материалах Книжной палаты БАССР, Государственной библиотеки имени В. И. Ленина (Москва) и Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина (Ленинград) составил три краеведческих сборника, справочно-краеведческую картотеку. К сожалению, такие работы Черданцева, как «Библиография периодической печати

Уфимской губернии до 1917 г.» и дело всей его жизни – капитальный «Уральский библиографический словарь», материалы которого после смерти автора оказались в Перми и Свердловске, остались неопубликованными.

В последние годы жизни А. А. Черданцев очень страдал от сердечной болезни, лечение которой в суровые годы Великой Отечественной войны оказалось проблематичным. В связи с этим в 1942 году он был вынужден оставить работу в Книжной палате, но продолжал оказывать научные консультации ученым эвакуированной в Уфу Украинской Академии наук.

16 июля 1943 г. Александр Алексеевич Черданцев скончался и был похоронен на Сергиевском кладбище.

В 2003 году Книжная палата Республики Башкортостан опубликовала ретроспективный библиографический указатель литературы «Башкортостан в печати до 1917 года»⁴. В этот сводный каталог краеведческой литературы, составленный большим коллективом авторов, вошло лишь небольшое число (менее 5%) наименований собранных Черданцевым еще в 30-е годы XX века документов периодической печати.

Примечания

Авторами настоящей статьи была использована часть рукописи «Биографии А. А. Черданцева», составленной М. А. и А. К. Черданцевыми, хранящейся в семейном архиве Черданцевых, которым выражаем большую признательность за сотрудничество.

¹Этот Комитет, представлявший, по существу, местное управление Российского общества Красного Креста, в мирное время помогал пострадавшим от стихийных бедствий, проводил мероприятия по предотвращению различных заболеваний, а с началом первой мировой войны оказывал помощь военнопленным, больным и раненым воинам. Председателем Попечительского комитета о бедных Человеколюбивого общества, располагавшегося в Уфе по улице Большой Казанской (ныне Октябрьской революции), 27, был в те годы камергер Его Императорского Величества статский

советник князь А. А. Кугушев. Аптека Человеколюбивого общества находилась на улице Малой Казанской (ныне Свердлова), 59 (рядом с нынешним ЦУМом), ее здание не сохранилось.

² Бондаренко И. Е. (1870 – 1947), архитектор, историк архитектуры. Родился в Уфе, учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1887 – 1901), Цюрихском политехническом институте (Швейцария, 1894), автор ряда церковных и гражданских сооружений в Москве и Санкт-Петербурге. В 1917 – 1919 годах возглавлял группу архитекторов Кремля, состоял в комиссии по охране памятников Сергиева Посада. В 1919 – 1920 годы организатор и первый директор Уфимского художественного Пролетарского музея, одновременно возглавлял работу по сохранению культурных и исторических ценностей Уфимской губернии.

³ Елгашина М. Н. (1873 – 1966), живописец, график, художник театра,

народный художник БАССР (1955), заслуженный деятель искусства БАССР (1944), в 1921 – 1932 годах была организатором и руководителем кукольного театра опытной станции Башнаркомпроса, одновременно в 1922 – 1926 годах – библиотекарем Уфимского художественного Пролетарского музея, в 1932 – 1955 годах – художественным руководителем, художником и режиссером Башкирского театра кукол.

⁴ В предисловии к ретроспективному библиографическому справочнику «Башкортостан в печати до 1917 года» (Уфа, изд. Государственной Книжной палаты РБ, 2003, 366 с.) говорится о том, что это первый научный труд, включивший свыше 5000 документов, обнаруженных в фондах крупнейших архивов Республики Башкортостан, а также за ее пределами: в Санкт-Петербурге, Москве, Оренбурге, Перми, Казани и других городах.

Октябрьский гром

ДВЕ РЕВОЛЮЦИИ

В феврале 1917 года в России произошло событие, вошедшее в историю под названием Февральской революции и положившее начало цепи событий, вскоре потрясших не только всю Россию, но, пожалуй, без преувеличения весь мир. Февральская гроза, которая смела трехсотлетнюю монархию Романовых, однако, не принесла разрядки в наэлектризованную атмосферу российского общества и не успокоила напряженную до предела ситуацию в стране. Скорее, наоборот, политический горизонт России заволакивало все более черными тучами, предвещавшими новый удар стихии. И 25 октября (7 ноября нового стиля) 1917 года в Петрограде вновь раздался раскат грома, возвестивший о приближении страшного урагана над Россией и о начале нового периода нашей истории, — практически бескровный государственный переворот, осуществленный большевиками, свергнувшими Временное правительство, уже через несколько месяцев перерос в страшную, унесшую жизни миллионов наших соотечественников Гражданскую войну, в огне которой родилась новая великая страна — Советский Союз.

До сих пор очень живуч и популярен в определенных кругах миф о случайности октябрьских событий. Но это действительно не более чем миф. К октябрю 1917 года Временное правительство не решило ни одной из проблем, стоявших перед страной уже много лет и приведших ранее к падению монархии, лишилось доверия большинства населения и почти полностью утратило власть над Россией. Эта власть фактически валялась на земле, так что стоило только наклониться и взять ее. Защищать Временное правительство уже было некому: все от него отвернулись, как в феврале все отвернулись от императора. И поэтому власть досталась тому, кто лучше понял чаяния основной массы населения, — большевикам.

ОБМАНУТЫЕ НАДЕЖДЫ

Свержение многовековой монархии в феврале 1917 года породило у людей, населявших огромную многонациональную Российскую империю, надежды на перемены к лучшему, на светлое будущее. Вот только представление об этом светлом будущем было у каждого свое.

Многие народы, населявшие Россию, видели свое будущее в независимости от нее и создании своих собственных национальных государств. Но подобный сепаратизм вел к ликвидации России как единого суверенного государства. Подавляющая часть (90%) населения страны — крестьянство видело счастье в увеличении своих земельных наделов, в том числе за счет экспроприации и справедливого раздела принадлежавших помещикам земель. Солдаты мечтали о скорейшем окончании тяжелой затянувшейся войны и возвращении домой к своим семьям. Верхушка армии, напротив, мечтала о продолжении войны любой ценой и о ее победоносном завершении. Представители крупного частного капитала, наживавшиеся на поставках для нужд воюющей армии, надеялись, что ликвидация контроля со стороны царской администрации позволит им увеличить их барыши и подавить железной рукой всякие попытки рабочих отстаивать свои права. Рабочие же, в свою очередь, рассчитывали на противоположное: сокращение продолжительности рабочего дня, увеличение заработной платы, улучшение условий труда и обретение социальных гарантий. А играющая в либерализм интеллигенция, как обычно мнившая себя властительницей народных дум, имела вполне благополучное материальное положение, и при отсутствии забот о хлебе насущном грезилась лишь о бескрайней свободе самовыражения, плохо представляя себе жизнь и чаяния тех, кто,

собственно, своим трудом и создавал для нее материальные блага.

Наконец, был еще и внешний фактор: с одной стороны воюющая против России и стремящаяся вывести ее из войны Германия, с другой — союзники России, Англия и Франция, стремящиеся любой ценой не допустить сепаратного выхода России из войны.

В общем, ситуация, напоминающая басню про лебедя, рака и щуку, тянущих в разные стороны воз. С той разницей, что если в басне вся беда заключалась лишь в том, что воз остался стоять на месте, то в жизни все обстояло гораздо трагичнее: различные группы населения с диаметрально противоположными интересами, разорвав в феврале стягивавшие их вместе стальные оковы самодержавия, стали теперь разрывать на части саму Россию. Совместить же сепаратизм с единой и неделимой Россией, крестьян с помещиками, рабочих с капиталистами, общенародные задачи с эгоизмом либеральной интеллигенции без сильной государственной власти было просто невозможно. Но именно такую власть и свергли в феврале 1917 года, а заменить ее пока было некому. В любом случае, вряд ли бы удалось привести силы с антагонистическими интересами к согласию лишь путем ласковых увещаний.

Короче, надежды людей на наступление «царства» свободы, равенства, братства и немедленного всеобщего счастья после свержения российской монархии не оправдались.

С КЕМ ТЫ, ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ?

Любая государственная власть всегда стоит на страже интересов какой-то одной привилегированной части населения, поэтому неизбежно должна в той или иной степени подавлять другую часть населения, имеющую интересы противоположные: полное согласие всех людей, из которых состоит общество, случается крайне редко, если вообще случается. И в любом государстве, каким бы сверхдемократичным и либеральным оно ни было, для принуждения к повиновению несогласных с существующим порядком вещей имеются соответствующие структуры: обычная и политическая полиция со своими сило-

выми подразделениями. В Российской империи функции политической полиции выполняли дворцовая полиция, департамент полиции, охранные отделения и отдельный корпус жандармов, но после ликвидации монархии все эти структуры были ликвидированы, а многие их сотрудники убиты или арестованы. Во время февральских событий возбужденные толпы расправлялись даже с простыми городскими, то есть с полицейскими, несшими обычную патрульно-постовую службу. Правда, как грибы стали появляться различные милицейские подразделения из вооруженных граждан и просто разные банды. Все эти отряды подчинялись отдельным партиям, полунезависимым от центра органам власти на местах или же просто конкретным лидерам, и никто не знал, как поведет себя вся эта вольница в той или иной ситуации. Единственной организованной вооруженной силой, сохранявшей остатки дисциплины и боеспособности, оставались армия и флот, и было ясно, что тот, кто заручится поддержкой этой силы, тот и сможет добиться власти над Россией и удержать ее.

За кем же пойдет человек с ружьем? Чтобы ответить на этот вопрос, надо хоть немного познакомиться с положением и настроениями в тогдашней русской армии.

Возьмем, например, отрывки из писем солдат с фронта своим родным, которые приводятся в работе Н. А. Локтевой, опубликованной в XII выпуске «Краеведческих записок», изданной в 2005 году Самарским областным историко-краеведческим музеем им. П. В. Алабина. Из содержания этих писем становится ясно, почему они были перехвачены властями и впоследствии попали в фонд Самарского губернского жандармского управления Государственного архива Самарской области.

Если в самом начале войны в письмах преобладают патриотические и даже урапатриотические настроения, то к 1917 году они постепенно меняются фактически на противоположные, и вот что пишут фронтовики своим родным в глубинку России накануне революции.

«Плохо кормят. Сахара нет, мыло тоже самое нету, хлеба не хватает, приходится покупать за свои деньги. Кормят нас так: утром чай, у кого есть сахар, а

нету — ешь с водой, в обед борщ давали, кашу, а теперь нет. Кое-когда варят кашу из кукурузы и той не хватает, и редко стали давать, а вечером суп из пшена. Вот мы тем и питаемся в настоящее время. Солдаты бунтуют на позиции, не хотят воевать с этой пищей».

«Пожалуйста, засушите сухарей и пришлите фунтов 10, ради Бога, я вас прошу, пришлите, я бы поел в последний раз нашего хлеба».

«Одежда плохая — шинель ластиковая на легкой бумазейной подкладке, вся ползет. Каждый день починаю, легка, холодна, только от солнца холодок делать. Фуражка стара, растрепана, ворона на гнездо не возьмет, папах не дают. У сапог голенища, брезентовые тряпочные, уже порвались, и на солдата я не похож, как какое то чучело страшное».

«Нам белья нужно: по одной паре носки, перчатки, штаны, рубахи и портянки, просим, пожалуйста, потому что мы, как нас пригнали на войну, и пошли мы большие версты пешком и побросали, и теперь ходим голые или прямо сказать рваны».

«Ты представь себе, дорогая, еле двигающегося человека с землистым лицом и остекленевшими от безразличия глазами. Одет в грязную обгрызленную у подола шинель, один рукав полуоторван и в прореху виднеется что-то подобие рубахи «защитного цвета» — грязная, засаленная и вонючая. На ногах что-то подобие не то сапог, не то лаптей, на горбу вещевого мешок и винтовка на плече; идет, ноги мучительно ноют от холода и усталости, спина болит. В глазах какие-то зеленые круги, и только одна мучительная мысль сверлит мозг: «лечь, скорее упасть и так лежать».

«Эх, куманек, если бы вы взглянули, какое у нас скотоводство в рубашках да в штанах, счету нет».

«За три месяца были два раза в бане, вшей берешь горстью и бросаешь на снег. Умываться приходится раз в месяц, на отдыхе можно скидывать шинель, а в окопах нельзя разуваться и раздеваться, день и ночь одевши патроны».

«Я лежу больной в окопе уже несколько дней, болезнь опасная, называется «цингой», и у нас ею очень многие заболевают».

«В роте заболело животами несколько человек, оказалось, что болезнь — холера.

На другой день заболело еще более, и так из роты больных оказалось 73 человека, некоторые из них померли. Теперь нас держат в окопах, где ежедневно льют карболку, и всем остальным сделали прививку».

«Из русских полков ходили к немцам в гости, они их напоили пьяных, и они принесли их к нашим проволочным заграждениям и сказали: «Урусь, бери своих товарищей, они пьяны».

«Австрийцы все пьяные, встали на окопы и кричат: «Ура! Паны, паны, идите к нам». А наши звали их. Вообще было весельство. Вышли наши и ихни на середину между окопов наших и ихних, австрийцы целуют наших и говорят: «Зачем мы воюем?».

«Сколько крови пролито? Какие результаты достигнуты? Кто больше страдает в эту войну? При решении этих вопросов руки опускаются, и уныние заполняет душу».

Приведем эти говорящие сами за себя выдержки из писем, причем ни в одном из них нет ни слова о политике — одна проза фронтовой жизни, автор указанной статьи подводит итог: «И смысл жизни каждого солдата, особенно начиная с 1916 г., если судить по письмам, заключался только в одном-единственном слове — мир».

И подобный вывод нельзя списать на провинциальность цитируемого издания и автора указанной статьи.

В номере ведущего российского исторического журнала «Родина» (№9, 2004), посвященном 90-летию начала Первой мировой войны, историк С. Кудряшов пишет: «...война для большинства воевавших оказалась во многом непонятной и чужой. И чем дольше она продолжалась, тем равнодушнее становились солдаты, тем привлекательней была идея прекратить войну». А другой автор этого же номера «Родины» — М. Кушниров, отец которого прошел через всю ту войну храбрым унтером, пишет: «Народ же трезвел на глазах, преисполняясь к войне все более и более зловещего равнодушия... Эпидемия всеобщего разлада, взаимной подозрительности разъедала и тыл и фронт, исподволь готовя Россию, а с нею и весь остальной мир к Февралю и Октябрю, к Бресту, Гражданской войне и большевистской диктатуре».

В общем, если говорить кратко, огромная солдатская масса готова была пойти

за тем, привести к власти и защитить того, кто произнесет заветное: «Мы прекратим войну. Мир!».

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

Теперь нелишне будет также вспомнить, из кого эта армия состояла. Наверное, никто не станет отрицать, что в начале XX века Россия была страной преимущественно аграрной. Хотя промышленность существовала и даже довольно бурно развивалась, но число людей, занятых в промышленности и аграрном производстве, число горожан и число сельских жителей нельзя даже сравнивать — разница была десятикратной в пользу села. Преобладание сельского населения кроме прочих факторов, а может быть и в основном, определялось крайне низкой производительностью сельского земледельческого труда из-за сурового климата страны, системы отношений на селе, отсталости в механизации труда и культуре земледелия. Когда в некоторых странах уже появились тракторы и комбайны, в России даже конная косилка была редкой техникой, а деревянная соха и серп еще не стали предметом музейных экспозиций, благодаря чему серп и попал на герб и флаг сначала РСФСР, а затем и СССР как понятный всем символ крестьянского труда. То, что в этих условиях Россия была крупнейшим экспортером продовольствия, ничего не доказывает: в самой стране-экспортере из-за неурожая постоянно где-нибудь вспыхивал голод, и лишь огромная территория страны сглаживала жуткие последствия — в одной губернии недород, зато в нескольких других — богатый урожай. Правда, излишек хлеба из урожайной губернии шел не нищим голодающим, а через перекупщиков по хорошей цене за границу. Ну, прямо как сейчас!

При крайне низкой урожайности добиться благополучия или хотя бы сытости своей семьи крестьянин мог только за счет расширения своего земельного надела, но в европейской части России свободной земли практически не было. Оставалось два выхода: либо переселяться на свободные земли куда-нибудь в Сибирь, одно название которой внушало страх любому, а уж о тяжелейшем путешествии с семьей и всем скарбом не хотелось даже думать, либо перераспределять более равномерно

земли европейской России, где даже к 1917 году помещичьи земли все еще занимали в разных губерниях от четверти до трети их территорий.

Так что особого благополучия в деревне не было и в мирное время. Начавшаяся же Первая мировая война нанесла по русскому крестьянству сокрушительный удар.

К февралю 1917 года в русскую армию было мобилизовано свыше 15 миллионов человек — больше, чем все городское население тогдашней России, насчитывавшее перед войной около 14 миллионов человек. Понятно, из кого в основном состояла армия — из крестьян.

На фронт ушли не только молодые холостые парни (тоже, впрочем, крайне необходимые крестьянской семье работники), но и взрослые женатые мужики, чьи семьи, оставшись без главного работника — кормильца, испытывали страшную нужду, ибо женщинам с детьми было крайне трудно даже просто прокормиться в условиях российской деревни, где из-за отсутствия механизации требовалась недюжинная физическая сила на самых разнообразных сельскохозяйственных работах: от пахоты конным плугом до таскания на мельницу пятипудовых мешков с зерном — не женский и не детский труд...

А осенью 1916 года царское правительство начало посылать в деревню отряды стражников для изъятия (реквизиции) у крестьян излишков (Кто определял, что это излишки?!) продовольствия и фуража по твердым ценам, значительно уступавшим рыночным. Попросту говоря, начало продразверстку! Да, да, ту самую пресловутую продразверстку, за которую клеймили и клеймят большевиков демократы всех мастей, начало правительство Николая II, признанного ныне святым!

Здесь будет уместно привести цитату из опубликованной в 2004 году работы сотрудников Института сравнительной политологии РАН Ю. М. Иванова и С. В. Пронина «На пути к свержению царизма»: «Та система продразверсток, которую позднее практиковали большевики под флагом немедленного перехода к коммунизму, в сущности являлась более решительным продолжением той самой политики, которую в условиях проигранной войны пыталось проводить царское правительство. Состояние экономики независимо от характера режима определяет

набор принимаемых мер. Она (То есть экономика. — В.А.) же способствует реализации той политики, которая последовательнее и решительнее отстаивает ее нужды».

Так что утверждение о том, что большевики в силу своей идеологии начали продразверстку, вызвавшую Гражданскую войну, по меньшей мере некорректно.

Естественно, что свержение монархии само по себе не могло резко изменить экономическое положение в стране, бросившей все свои ресурсы на ведение затяжной и кровопролитной войны. Наоборот, в условиях развала системы государственного управления все проблемы просто обязаны были обостриться. Что и вышло.

А миллионы одетых в шинели и вооруженных мужиков слали домой в деревни письма о своих мытарствах на фронте, в ответ, несмотря на все препоны цензуры, получали известия о бедствиях своих семей в тылу и постепенно приходили к выводу, что правды и добра от властей все равно не дождешься, да и глупо чего-то ждать, держа в руках оружие, — своего можно добиться силой.

Единственный выход из создавшейся ситуации был в немедленном окончании войны, разоружении(!) и демобилизации миллионов измученных, озлобленных фронтовиков, разделе между малоземельными крестьянами помещичьих земель и обеспечении рабочим приемлемых для них социальных гарантий, условий труда и заработной платы. Это, безусловно, разрядило бы обстановку в стране, выбило бы козыри из рук самых радикальных партий и движений, но, естественно, ударило бы по правам собственности и доходам состоятельной публики, которая не хотела даже слышать об этом. Да и союзники не допустили бы, чтобы Россия вышла из войны. И Временное правительство не пошло на решительные действия, надеясь, что все как-нибудь рассосется. Не рассосалось... Главный козырь — лозунг «Мир народам! Земля крестьянам!» — предъявили большевики. Они и оказались победителями в большой и трагической «игре» 1917 года.

НЕМЕЦКИЕ ШПИОНЫ

В либеральных кругах очень популярно рассуждение о том, что если бы

власть не захватили большевики, то в нашей стране уже в 1917 году было бы построено демократическое общество на манер нынешних европейских демократий. Дескать, все шло просто распрекрасно, да вот немецкие шпионы во главе с Лениным на деньги германского генерального штаба совершили государственный переворот, установили в России жестокую диктатуру и тем прервали естественный ход событий. Вот такое мнение...

Но прежде чем рассуждать, была ли у большевистской диктатуры альтернатива, и если была, то какая, остановимся на столь расхожем мифе про большевиков — немецких шпионов.

То, что большевики действовали по поручению германских властей, по сию пору никем не доказано, хотя объективно они, призывая к выходу России из войны, действовали в интересах Германии. Но действовать в интересах кого-то и по поручению кого-то — это, как говорится, «две большие разницы». Ведь выход России из войны был и в интересах самой России, уже надорванной этой самой войной. Не Ленин и большевики жаждали мира: они лишь уловили и озвучили мысли миллионов русских солдат, мучившихся и гибнувших на фронте, и членов их семей, бедствовавших в тылу.

Кстати, миф о немецких шпионах родился намного раньше 1917 года, когда еще большинство лидеров большевиков находилось в эмиграции, ссылке, а то и на каторге. Едва ли не сразу после трагедии 2-й русской армии генерала Самсонова в Восточной Пруссии в августе 1914 года пошли разговоры, что это произошло из-за предательства носившего немецкую фамилию командующего 1-й армией генерала П. К. фон Ренненкампа, не поддержавшего в критический момент 2-ю армию.

Дальнейшие неудачи русских войск на фронте усилили в обществе мнение о предательстве. В стране сознательно разжигалась антинемецкая истерия. В мае 1915 года по Москве прошел фактически организованный властями немецкий погром, в результате которого был нанесен не только большой материальный ущерб предприятиям и магазинам, принадлежавшим лицам с немецкими или похожими на немецкие фамилии, но были и бессмыс-

ленные человеческие жертвы. Причем никто из пострадавших, естественно, не был большевиком.

В «предатели» мог попасть любой носивший немецкую фамилию, имевший немецкое происхождение, либо имевший контакты с немцами. Просто, когда нужно было кого-то представить как врага, клеился ярлык — немецкий шпион.

Уже где-то с 1915 года, когда на фронте начались крупные поражения русской армии, и до самого крушения монархии шла разнузданная и бесстыдная травля императрицы Александры Федоровны как немецкой шпионки. Ныне же бывшая императрица, погибшая от рук тех же большевиков (чего это «немецкие шпионы» не поделили между собой?), канонизирована Русской Православной Церковью как святая.

Источник мифа о немецких шпионах ясен: это те, кому была нужна война до победного конца, в первую очередь наши «дорогие» союзники — Англия и Франция. Любопытно, кто говорил о необходимости окончания войны, будь то русская императрица или ничего с ней общего не имевший лидер большевиков Ульянов-Ленин, автоматически записывался этими господами в немецкие шпионы. Ну, а об английских союзниках даже Александр Федорович Керенский как-то сказал: «...англичане ценят кровь наших солдат на вес золота, одолженного ими русскому правительству. Я никогда им этого не прощу». Так что же было лучше: выступать за выход России из войны, чтобы спасти жизни миллионов русских солдат и прослыть за это немецким шпионом, или же из корыстных целей прислуживать подобным союзникам-«джентльменам»?

Сегодня, когда Россия выплачивает долги Парижскому и Лондонскому клубу кредиторов (все тем же дорогим союзникам-«джентльменам», которым мы уже больше века почему-то все должны и должны), старый миф о немецких шпионах вновь вынут из нафталина. Правда, обзывать «немецкой шпионкой» причисленную недавно к лику православных святых императрицу Александру Федоровну как-то вроде бы неудобно — общество не поймет, ну а большевиков и Ленина, на Генуэзской конференции в 1922 году отказавшихся признать долги странам

Антанты (тем же Англии и Франции), сделанные царским и Временным правительством во время Первой мировой войны, можно.

АЛЬТЕРНАТИВА ОКТЯБРЮ

Теперь же мы вернемся к вопросу, могло ли в 1917 году в России образоваться демократическое государство в качестве альтернативы диктатуре большевиков? Выскажу свое мнение — нет! И отнюдь не потому, что мне нравится большевистская или какая-либо другая диктатура. Просто к такому выводу приводит элементарный анализ ситуации, сложившейся тогда в нашей стране. Попробую доказать это.

Война и демократия вещи мало совместимые. Любая война вызывает необходимость ограничения прав и свобод людей: вводится военная цензура; ограничивается свобода передвижения и собрания граждан, неприкосновенность личности и жилищ, права собственности (реквизиция на нужды воюющей армии). В связи с мобилизацией, увеличением численности армии и связанных с ней предприятий и организаций военно-промышленного комплекса, которые переводятся на режим военного времени, значительно увеличивается доля населения, живущая не по общегосударственным законам, а по ведомственным уставам и нормам, а следовательно, уменьшается и сфера деятельности обычной гражданской юстиции: вместо криминальной полиции — военная контрразведка, вместо суда присяжных — трибунал или военно-полевой суд... Снижается влияние и сфера контроля парламента из-за необходимости более оперативно решать вопросы в быстромеменяющейся обстановке и режима повышенной секретности во многих сферах и т. д.

Армия со своим единоначалием и вертикалью подчиненности в принципе не может быть демократичной: в противном случае это уже не армия, а колхоз. Приказ №1 Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, принятый еще 27 февраля 1917 года и вводивший в армии выборность командиров и солдатских комитетов, коллективно обсуждавших на своих заседаниях приказы вышестоящих командиров и начальников, когда

голосованием решалось, наступать или нет, поддержать соседей или остаться на месте и т. п., развалил русскую армию, что позволило противнику нанести ей ряд крупных поражений. Причем надо заметить, что не большевики заправляли тогда Петроградским советом: его председателем был лидер меньшевистской фракции в Государственной думе Н. С. Чхеидзе, а его товарищами (заместителями) были меньшевик М. И. Скобелев и эсер А. Ф. Керенский. Да, да, тот самый Александр Федорович, правительство которого и свергнут большевики 25 октября.

Можно продолжать и дальше, но, по моему, и так ясно: сочетать демократию с ведением войны, особенно такой долгой и изнурительной, как Первая мировая война, тем более желая довести ее до победного конца, — утопия. Или мобилизация всех сил и ресурсов страны для победы над противником, либо демократия и развал страны — большая война не дает здесь выбора.

Но раз не демократия, значит, какой-то авторитарный режим или диктатура. А что еще?

То есть, если бы не было диктатуры большевиков, была бы другая диктатура. Но вот вопрос: какая сила после свержения самодержавия с его аппаратом полиции и жандармерии и принятия приказа №1 Петросоветом о выборности командиров и солдатских комитетов могла бы обуздать стихию десятиmillionной вооруженной солдатской массы, не желавшей больше воевать? Надо признать, что такой силы в России в 1917 году не было. Даже возобновление на фронте смертной казни (вот вам и вся демократия Временного правительства) справиться с этой бурлящей массой уже не помогло. Попытки же командования посылать сохранившие дисциплину воинские части подавлять волнения в других частях редко приводили к положительным результатам: не очень-то хочется неизвестно во имя чего стрелять в своих соотечественников и товарищей, одетых в такие же, как у тебя, шинели и еще вчера шедших с тобой под пули общего врага. Верных частей у правительства становилось все меньше. А выстрелы своих в своих в 1917 году были первыми выстрелами надвигающейся на Россию Гражданской войны.

Но как же удалось обуздать эту мощную стихию большевикам?

На мой взгляд, они и не пытались это сделать в 1917 году. Они просто лучше всех других поняли, куда движется волна, поднятая начинающимся революционным ураганом, встали на ее гребень, произнеся заветные слова: «мир» и «земля», и девятый вал русской истории вознес их к вершинам власти.

Я просто изложил свой взгляд на историческое событие. Ничего нового я не открыл: все это давно известно.

Но как же все это диссонирует с утверждениями нынешних «ученых мужей» и «властителей народных дум» с телевидения и из прессы, в многочисленных статьях, фильмах и бесчисленных ток-шоу, доказывающих, что в России в 1917 году все было превосходно, страна шла семимильными шагами к демократии и процветанию, и войну обязательно надо было продолжать и довести до победного конца, да зловредные германские агенты — большевики, свалившиеся на бедную матушку-Россию неведомо откуда (то ли с Марса, то ли от Маркса), порушили все это благолепие. Читая и слушая подобное, мне хочется сказать всем этим ученым господам: «Деятели Временного правительства в 1917 году уж очень походили на вас: сытые, холеные, красноречивые, все с университетскими дипломами, а то и с профессорскими званиями, все-то они знали как надо — вот только получилось так, как получилось. Ни они, ни вы не хотели и не хотите, не могли и не можете ни понять чаяния своего народа, ни честно посмотреть на себя в зеркало. И задача нынешних историков, писателей, киношников и телевизионщиков не в том, чтобы рассказывать нам об «ошибках» истории и о том, что и как надо было делать тогда в 1917 году, — у истории нет ошибок и сослагательного наклонения, и время назад не вернешь, а в том, чтобы детально проанализировать выстраданный опыт наших предков, живших 90 лет назад, и четко понять, что нужно и можно делать, а чего нельзя делать сейчас и впредь, никогда. Лишь тогда история как наука приносит людям пользу. И для этого не надо ждать, когда над головой вновь прогремит гром».

Впрочем, о чем это я? История еще никого ничему не научила...

Сотворение хлеба

Что-то расстроилось в вечном механизме погоды. То над раскаленной пустыней, как писал поэт, «идут белые снега, как по нитке скользят», то ледяные горы вдруг начинают обмякать и крошиться, что до сих пор не наблюдалось.

Нынче весна откинула с полей белые покрывала необычайно рано, да вместо ласковых ветров и животворного лейсяна¹ ее дыхание принесло затяжные холода. Тем не менее, обнаженная земля долго ждать не может: ее лоно, предназначенное природой родить, непременно должно оплодотвориться.

Еще в незапамятные времена человек бросал в землю семена, зная, что там пробудятся дремавшие дотоле силы и потянутся наверх, разрывая плоть семени и почвы, тоненькие ростки, чтобы выбросить над землей свои бледно-зеленые лучики. Вобрав в себя силу и соль земли, животворящую энергию солнца, поднимутся тяжелые колосья. Чем увесистее вызреет колос, тем сильнее он будет вновь клониться к земле, его возродившей. И поражаемся мы тому, какие огромные силы таят в себе каждый колос, каждое зернышко.

Вырастая хлеб, человек спас себе жизнь и подтвердил право называться Человеком. Все остальное лишь производное от данности – от Хлеба.

Несколько лет тому назад мне довелось работать над документальной книгой под названием, которое вынесено заглавием данного очерка. Я тогда попытался отследить логику развития сельскохозяйственного производства республики в течение восьми-девяти десятилетий XX века, по мере возможности вникнуть в причины и движущие силы драмы, которая, к сожалению, стала самой жизнью села в этот сравнительно короткий исторический отрезок времени. Впрочем, в отношении российского села понятие «развитие» применимо лишь с осторожностью

и большой долей условности.

Тем не менее, пройдемся по необозримым нивам Башкортостана. Прежде чем перейти к предмету разговора, остановимся на двух моментах. Во-первых, проблематика сельскохозяйственного производства настолько масштабна и многолика, что для подробного рассмотрения различных направлений и нюансов рамки очерка явно стеснительны. Поэтому я принужден лишь фрагментарно коснуться отдельных периодов и заметных явлений в истории сельского хозяйства. Во-вторых, озаглавливая очерк таким образом, я не имею в виду лишь пахаря и агронома, комбайнера и селекционера в прямом смысле этих слов. Если на хлеб работают и металлург, и химик, и машиностроитель, и даже педагог с музыкантом, то на зерне и хлебопродуктах держатся и животноводство, и птицеводство, и вся пищевая промышленность. Даже космическая наука сегодня работает на урожай, на хлеб. Зная это, правомерно ли выделять животновода, конструктора сельскохозяйственных машин, ученого генетика? Мы все являемся творцами Хлеба и одновременно – его должниками.

Судьба одарила Башкортостан почти всем, что включает в себя понятие «земля». Где вы еще найдете безбрежную ширь степей и мощные края гор, синь десятков озер и серебряные нити больших и малых рек, окунетесь в таинство лесных дебрей? Нелегко приходится этому краю, вынужденному подставлять грудь знойному дыханию среднеазиатских пустынь и суровым сибирским морозам. Летом здесь часто бывает иссушающая жара, а зимой – лютая стужа. Если на севере Башкортостана идут дожди, то юг страдает от «жажды». Находясь на стыке Европы и Азии, природа края вобрала в себя черты

---

¹ Лейсян – первый весенний дождь

прилегающих к нему разнохарактерных пространств.

У любой скучной действительности бывает увлекательная история. Исследователи убеждают нас, что в 6 – 4 тысячелетия до новой эры на Южном Урале, как и на других территориях лесостепной Евразии, осуществлялся переход от присваивающей к производящей экономике – земледелию и скотоводству. В силу суровых климатических условий этот процесс шел медленно. Ведущей отраслью экономики оставалось интенсивное рыболовство с использованием сетей, гарпунов, лодок-плоскодонок, ловушек, заколов. Несколько тысячелетий спустя происходит первое значительное общественное разделение труда, – скотоводы выделились из общей массы земледельческо-скотоводческого населения. В средней полосе Южного Урала разводили мелкий и крупный рогатый скот, одомашнили лошадей.

Если перенестись в гораздо поздние времена, то в XVII – XVIII веках основным занятием башкир являлось полукочевое скотоводство и бортничество, они также занимались охотой, рыбной ловлей, сбором плодов и ягод, добычей соли. Земледелие оставалось вспомогательной отраслью хозяйства; лишь для башкир, к примеру Осинской дороги, в середине XVIII века земледелие играло не меньшую роль, чем скотоводство.

Пришлое население занималось земледелием, важной отраслью хозяйства являлось скотоводство, охота, рыболовство, бортничество. По мере переселения населения из Среднего Поволжья и центральных районов России в Башкортостан между ним и коренными жителями устанавливались хозяйственные связи: башкиры перенимали у переселенцев навыки земледелия и ремесла, а последние – приемы скотоводства и бортничества.

Первая мировая и гражданские войны нанесли сельскому хозяйству Башкортостана огромный материальный ущерб. Только в трех кантонах Малой Башкирии – Тамбиском, Тамьян-Катайском и Юрматинском – сошло на нет 650 деревень, разорились семь тысяч крестьянских хозяйств. В Белебеевском уезде Уфимской губернии разрушено и сожжено более одной тысячи хозяйств, у населения отобрано 10 тысяч голов лошадей и другого

скота. Производительные силы сельского хозяйства пришли в упадок. По переписи 1920 года, посевные площади в Уфимской губернии сократились, по сравнению с довоенным периодом, на 43, в Малой Башкирии – на 61 процент.

Но беда никогда не приходит одна. После окончания гражданской войны на жителей Башкортостана обрушился голод, вследствие которого население республики и Уфимской губернии сократилось на 650 тысяч человек, или на 22 процента. За 1921 – 1922 годы исчезло 82,9 тысячи крестьянских хозяйств, количество рабочих лошадей уменьшилось на 53, коров – на 37,6, овец – на 59,5 процента, посевные площади – на 917,3 тысячи десятин. Словом, к началу массовой коллективизации восстановление сельского хозяйства Башкортостана не было завершено.

Отходила, оставляя после себя кровавый след и жуткую разруху, гражданская война. Страна и народ не могут вечно жить в обнищанности с оружием. Нужно пахать и засеивать землю, растить хлеб, ходить за скотиной, заново отстраиваться. Жизнь нужно налаживать по-новому. А как? На все случаи сверху циркуляры и указания не спустишь. Хотя... Роясь в фондах книжной палаты, я обнаружил любопытную брошюру некоего К. Меньшикова «Слушай, хозяин!» В ней приятно удивляет не столько содержание, сколько тональность. Это доверительный разговор автора с самым что ни есть рядовым крестьянином, который пытается обзавестись собственным хозяйством. С позволения читателя приведу некоторые фрагменты из этой работы.

«Смотрю я на тебя и удивляюсь. И не пойму я дел твоих!

С самого утра ты начинаешь сердиться и ворчать. На чем свет стоит ругаешься и видно, что не прочь бы и подраться.

И злишься ты на то, что нет у тебя чаю, нет сахара, соли, мыла, ситцу на рубашки, материи на шубу, нет топора, лопаты; нет косы, серпа, плуга, бороны; нет стекла, чтобы зачинить окно, нет тесу, чтобы исправить крыши разваливающихся построек; нет колес, саней, телеги и сруби, чтобы ехать на работу. Не стало ничего!

Наша Уфимская губерния раскинулась на площади в десять с половиной миллионов десятин. Это такой участок

земли, что если его вытянуть в полосу в 2 с половиной версты, то этой полосой можно опоясать весь земной шар, а полоса шириною в 10 верст вытянулась бы на десять тысяч восемьдесят верст, т. е. почти от Петрограда до Владивостока.

Земля эта настолько богата, что нет никакой другой губернии в России, которая могла сравняться с нами. Громадные степные пространства, покрытые тучными черноземными почвами; Уральские горы с лесными богатствами, чудными пастбищами для скота и всевозможными рудными и другими минеральными богатствами. Всего этого находится в таком изобилии, что на площади губернии должно было бы иметь тысячи разных фабрик и заводов для переработки разбросанных повсюду и валяющихся на каждом шагу под ногами богатств.

И земля здесь не родит только то, что на ней не сеется. Высокие сорта пшеницы, проса, гречи, ржи, овса, ячменя, конопля, льна и прочих растений хорошо вызревают здесь. Есть зачатки и садоводства, и эта отрасль сельского хозяйства обильно вознаграждает труженика за его хлопоты.

И вот в таком-то раю создалась положительная адская жизнь! Всякий из хозяев каждое утро вместо того, чтобы благодарить щедрую природу за ее богатые дары, рассыпанные перед ним на каждом шагу, — начинает с ругани и кончает тем же».

Далее автор приводит таблицу урожайности (в пудах) ряда зерновых культур в Уфимской губернии и странах Запада. Поскольку это актуально и сейчас, повторим данные и мы. Так, если у нас с каждой десятины ржи получали по 48 пудов, то в Северной Америке — 52, Канаде — 72, Германии — 73, Франции — 75, Дании — 116, Бельгии — 125 пудов. Овса, соответственно, 44 пуда и 73, 103, 76, 69, 97, 132 пуда; пшеницы 39, 56, 68, 96, 81, 168 и 122 пуда. Словом, на каждой десятине, подытоживает автор брошюры, уфимский земледelec недополучает в среднем, по сравнению с близкой нам по климату Канадой, по 40 пудов, по сравнению с Германией — 32, с Данией — 80 пудов.

Сила данного документа, на наш взгляд, в том, что он не декларирует и не агитирует голословно, а на фактах и цифрах доказывает, что нужно предпринимать каждому, чтобы преодолеть раз-

руху, обзавестись хозяйством и начать жить по-человечески. Документы времен революции, гражданской войны и первых мирных месяцев и лет свидетельствуют о колоссальных усилиях новой власти организовать сельскохозяйственное производство. Статистические сведения рисуют картину жестокого дефицита финансов, технических средств, семян, племенного скота. Большой проблемой того периода (впрочем, и сейчас!) оставался кадровый вопрос, — необходимы были агрономы, зооветспециалисты, экономисты сельскохозяйственного производства. Село неимоверным напряжением сил поднималось, хотя говорить о видимых показателях роста урожайности в растениеводстве и продукции в животноводстве еще не приходилось. Все только начиналось.

Обстоятельства сейчас не дают возможности подробно останавливаться на истории каждой подотрасли сельскохозяйственного производства. Если проследить не только полеводство и животноводство в целом, а, положим, скотоводство, коневодство, овцеводство, свиноводство, то в каждой из отраслей разворачивались такие страсти, которые достойны пера драматурга. Но, с учетом древних национальных традиций и особого отношения башкир к лошади, сейчас чуть подробнее остановимся на коневодстве.

Известно, что конь — самое красивое животное, когда-либо увиденное и прирученное человеком. Мы трепетно относимся к коню, это чувство особенно развито у башкир. Поэтому понятен лирический стиль прозаического рассказа о проблемах восстанавливающегося коневодства в республике. Башкирская лошадь степной полосы костиста, прочна, с широкой крепкой спиной и почкой, крутыми ребрами, глубокой объемистой грудью, сухой головой, крепкими ногами и прочными копытами, отличается большой выносливостью к корму. Она без корма одолевает по 50 верст за каждые 4 — 5 часов, что также свидетельствует о ее ценных качествах.

Но в «башкирке» есть и плохие стороны, над исправлением которых работает не одно поколение селекционеров: короткая, плоская и бедная шея, саблистые задние ноги, слабое развитие мускулатуры переда, короткий и спущенный бедный зад, а главное, очень малый рост,

всего 135 – 139 см. Известно же, что чем мельче лошадь, тем она слабосильнее и менее работоспособна. Ко всему сказанному: башкирская лошадь малоэнергична и недостаточно резва.

С тех пор многое изменилось в башкирском коневодстве. Наша республика сейчас по поголовью занимает лидирующие позиции в России, улучшились и породные качества башкирских лошадей. В настоящее время на сельскохозяйственных и специализированных коневодческих предприятиях республики разводят пять пород лошадей: башкирскую, русскую, орловскую рысистую, русскую тяжеловозную, а также чистокровных верховых лошадей. Среди них башкирская лошадь наиболее полно отвечает современным требованиям, предъявляемым к лошади как мясо-молочному и рабочему животному.

Особая страница в летописи сельскохозяйственного производства республики – это освоение целинных и залежных земель. Ученые, подводя первые итоги распашки целинных и залежных земель в середине 50-х годов, предупреждали, что при их освоении необходимо учитывать, что в условиях ежегодной культуры высокое плодородие может изменяться в двух направлениях: в случае бесхозяйственного отношения естественное плодородие может утратиться в течение трех-четырёх лет; при условии рационального ведения полеводства естественное плодородие новых земель может не только сохраняться на протяжении многих лет, но и ежегодно повышаться. К сожалению, получило подтверждение первое предостережение.

В 1954 году в колхозах и совхозах Башкирии распашано и обработано 374 тысячи га целины и залежи. По площади распашки первое место в том году заняли зауральские районы: Абзелиловский, Баймакский, Матраевский, Учалинский и Хайбуллинский. На втором месте оказались районы Прибельской степи. На целинных землях появились четыре новых совхоза – «Урал», «Хайбуллинский», «Маканский» и «Матраевский». В районы освоения крупных массивов целины и залежей были направлены почвоведы, землеустроители для отбора наиболее плодородных участков, могущих дать высокие урожаи без больших капвложений.

В первую очередь надо было освоить те земли, которые выпали из сельскохозяйственного оборота в период войны. В Башкирии в те годы выпало примерно 160 – 200 тысяч га земли. Часть этих земель заросла лесом, часть осталась в залежи, часть отошла под пастбищные угодья, хотя речь шла не только об этих землях, речь и о том, чтобы освоить новые земли, которые не обрабатывались и продолжали оставаться вне баланса пашни, не принося дохода.

Такие выводы были сделаны по истечении нескольких лет после начала освоения целинных и залежных земель. Но были ли извлечены теоретические и практические уроки, могло показать только время.

Самоотверженный труд целинников неузнаваемо преобразил просторы степей Башкирского Зауралья. Там, где веками серебром отливал ковыль, заколосились хлебные нивы, возникли сельскохозяйственные предприятия с мощной производственной базой. Районные центры Акъяр и Аскар превратились в благоустроенные поселки городского типа, значительно обновился Баймак, возник новый город – Учалы. На карте республики появились целинные поселки Уфимский, Уральский, Комсомольский, Целинный, Подольск и другие.

Трудовой энтузиазм целинников был достойно оценен государством. Наиболее отличившиеся – трактористы совхоза «Урал» Абзелиловского района Вафир Нурисламович Тайсин, Сафа Галиуллович Истамгалин, комбайнер совхоза «Зилаирский» Баймакского района Риза Хажиахметович Яхин, председатель колхоза «Совет» Учалинского района Губай Салимович Фаткуллин, председатель исполкома Хайбуллинского райсовета Лутфулла Гибадуллович Карамышев, первый секретарь Хайбуллинского райкома КПСС Николай Яковлевич Батанов – удостоились звания Героя Социалистического Труда. Около трех тысяч человек награждены орденами и медалями СССР.

Благодаря целинной эпопее в структуре валовой продукции сельского хозяйства Башкортостана доля растениеводства превысила 46 процентов. В 2002 – 2003 годы республика вышла на признанный в мире научной обоснованный уровень про-

изводства зерна – более одной тонны на одного жителя.

Действительно, наша республика ныне является одной из житниц Российской Федерации, занимая ведущие позиции в производстве не только зерна, но и мяса, молока и яиц, картофеля, мяса птицы и, естественно, сахарной свеклы. В то же время имеется отрасль, которая определяет национальную специфику республики, традиции и бытовой уклад ее коренного населения. Не случайно Башкортостан называют медовым краем, классической страной пчеловодства. Наскальные рисунки, найденные в пещерах Бурзянского района, свидетельствуют о том, что медоносные пчелы в этих местах обитали с древних времен и мед добывали еще первобытные люди. Доказательством того, что пчеловодный промысел в экономике башкирского края имел важное значение, служило то, что на протяжении столетий мед и воск наряду с пушниной не только являлись продуктами сбыта, но и служили для уплаты ясака за право пользования землей. В течение второй половины XX столетия Башкирия наряду с Дальним Востоком и Алтайским краем занимала одно из ведущих мест по количеству пчелосемей и производству меда. Лучшие пчеловоды республики получали от 100 до 150 килограммов меда и по 1,5 – 2 килограмма воска от каждой пчелосемьи.

Башкирский мед с давних времен считается визитной карточкой Башкортостана. Благодаря уникальным целебным свойствам и высокому качеству он получил мировое признание. По мнению ученых, башкирский мед по своим целебным и вкусовым качествам, составу микроэлементов не имеет аналогов в мире. Сейчас республика ежегодно экспортирует в страны Запада до 20 тонн меда. И, судя по всему, объем экспорта будет нарастать.

Вслушайтесь в звучание обыденного слова – «деревня». Деревенька, по толкованию Вл. Даля, – это поле, полоса, земля, пашня. Это слово и по орфографии, и по внутреннему своему содержанию соседствует со словом «дерево». Опять же, согласно Далю, «дерево – самое крупное и рослое растение, которое выгоняет от корня один пень, или лесину, и состоит из древесины, древесных волокон, придающих ему плотность и крепость».

Чем не иллюстрация к деревенскому укладу жизни, его вековым традициям и устоям, взаимоотношениям в семье сельских жителей? По выражению М. Г. Рахимова: «С сельчанами связаны такие замечательные, веками формировавшиеся качества, как умение напряженно и неустанно трудиться, любить и беречь свою землю, мудро и терпеливо относиться к жизни и природе. Крестьянство остается главным хранителем языка, высоких нравственных ценностей и традиций каждого народа. Можно даже сказать – его генофонда».

Это высказывание объясняет неистощимое желание Президента заниматься проблемами села и селян. Это желание продиктовано не только должностными обязанностями, но и его постоянным душевным настроем: помочь деревне подняться с колен, помочь ей окрепнуть, увидеть жизнь селян зажиточной и интересной. Для этого сделано уже очень много и будет делаться еще больше.

Во-первых, по инициативе М. Г. Рахимова, преодолевая сопротивление сельскохозяйственных «генералов», в республике продолжается вывод из оборота деградированной малопродуктивной пашни. В кормовые угодья переведено уже около 1 млн. гектаров. Конечно, при этом необходимо сохранить посевные площади зерновых на уровне 2 млн. гектаров, чтобы ежегодно производить 3,5 – 4 миллиона тонн зерна для удовлетворения потребностей республики. Поскольку наша республика располагает крупным животноводством, как в общественном, так и в частном секторах продолжается работа по укреплению кормовой базы. Расширяются посевы площадей многолетних бобовых культур – козлятника, люцерны, клевера.

За последнее десятилетие в Башкортостане практически заново создана отрасль сельскохозяйственного машиностроения. Свое место в аграрном производстве нашли сеноуборочная техника завода «НефАЗ», бороны, опрыскиватели и сеялки Стерлитамакского машзавода, прицепные жатки концерна «Инмаш» и почвообрабатывающие орудия нефтекамского «Башсельмаш-Агро». Новое поколение сельскохозяйственных машин отвечает мировому уровню, они востребованы не только в республике, но и во многих

других регионах страны. В итоге усилий на всех направлениях по валовому сбору зерна Башкортостан сегодня занимает третье место в России, по продукции животноводства – второе.

Если бы человек почаще задумывался о сути своей жизни, он бы пораньше осознал, какое это счастье – дышать, пить родниковую воду, видеть небо, ходить по земле. Мы ее не унаследовали от своих предков, а взяли в долг у наших детей. Я был в свое время поражен, узнав, что только за последние годы с карты России исчезло более 15 тысяч сел и деревень. Трудно представить себе чувства тех, кто лишен малой родины и возможности поклониться могилам предков. То, что потеряно, найти и вернуть нелегко. К счастью, даже в тревожные и трудные времена мы не понесли невосполнимых потерь.

Хлебороб всегда мечтал о большом хлебе, но не представлял себе, чтобы один комбайн за рабочую смену смог убрать 50 – 70 гектаров хлебов. И каких хлебов! По 50 – 70 центнеров с гектара. Постепенно уходит в прошлое образ чумазого,

запыленного комбайнера, ибо в кабинах современных комбайнов сидят ребята в белоснежных рубашках. Делается все, чтобы и на животноводческих фермах, и на птицефабриках, и на предприятиях переработки, торговли – везде утвердились высокая культура труда и достойная оплата. Это непременно осуществится. В село должны возвращаться, даже переселяться из городов высокообразованные, нужные там кадры.

В горняцком поселке Кусимовский Рудник, что в Абзелиловском районе, жил мастер-хлебопек Кадымов Гумер Галимович. Не знаю, откуда он набрался такого искусства, но он пек такие пышные, невероятно вкусные караваи, что ничего подобного я нигде и никогда не пробовал. Да бабушка моя, Гайнихаят-оласэй, летом на береговом откосе сооружала печь-временку и раз за разом доставала из ее чрева духмяные хлебы, и их запах властвовал над всей деревней, как бы подтверждая, что ничего важнее хлеба на свете и нет. Мы все едим хлеб, но не всем дано быть его творцом.

«Я люблю, и значит, я живу...»

Семья — ячейка общества, социальный институт... А что вкладывает каждый из нас в это слово? Как мы его понимаем? Папа, Мама, Я... Хотя семью можно понимать как всех родственников — начиная от бабушек и дедушек и заканчивая братьями и сестрами. Одна кровь, род, фамилия, традиции — все это в семье. А если говорить о любви — между мужчиной и женщиной, — которая, перерастая в большое чувство, в последующем образует крепкий и дружный союз, а любовь к матери — одно из самых сильных чувств, рождающееся вместе с нами, еще там, внутри, в утробе матери. Да, как много в этом слове заложено глубокого смысла, понятия и чувств, как трудно ответить на вопрос одной короткой фразой. В надежде найти ответ мы прежде всего попытаемся рассмотреть семью как ценность, выработанную человечеством, осознать реальную достижимость этой ценности уже сегодня и предугадать ее дальнейшее развитие в качестве составляющей прогресса.

Несколько лет назад мне довелось наблюдать прекрасную картину на берегу моря. В воду осторожно входила пожилая супружеская пара. Выглядевшие не меньше чем на шестьдесят лет, они заставили задохнуться от зависти и восторга всех отдыхающих. Каждый взгляд, каждое их движение наполняла необыкновенная нежность друг к другу. Они выглядели так гармонично, так обращались друг с другом, будто продолжали кружить в вальсе, начавшемся еще несколько десятков лет назад на их свадьбе.

Так почему в одной семье быт съедает любовь через год, а в другой — супруги всю жизнь «живут счастливо и умирают в один день»? Что это: воспитание, ежедневный труд, терпение или воля небес? И почему именно в семье мы видим неисчерпаемый источник человеческого счастья? Давайте попробуем разобраться вместе.

Истории человечества, а значит, и развитию общества, по словам ученых, уже насчитывается не менее четырех тысяч лет. На всем ее протяжении люди не переставали обогащать свои отношения и чувства и совершенствовать их. Одной из величайших ценностей человека является любовь. Именно в ней открывается бесконечная ценность личности, радость умаления себя ради того, кого любишь, радость продолжения себя. Все это выразилось в таком социальном институте, как семья. В разные времена у разных народов существовали различные взгляды на семью, свое место в ней, место семьи в обществе, появлялось что-то новое, но вместе с этим оставалось, по сути, уникальным совпадением личностей, обогащением человеческой души — живой, ищущей, развивающейся. Идеальная семья немыслима без любви. Любовь — это тепло, нежность, радость. Это главная движущая сила развития человечества, то, ради чего существуем все мы, то, что подвигает человека к безрассудно-героическим поступкам. «Я люблю, и значит, я живу...» (В.Высоцкий). Видимо, в этой семье, которую мы рассматриваем, любовь является бесценным богатством на протяжении всего их жизненного пути. Идти вместе по жизни, преодолевая все трудности, — вот главный принцип сильного чувства. А еще терпимость, которую необходимо вырабатывать в себе. Конечно, говоря о терпимости, мы не имеем в виду недостатки, примиряться с которыми было бы преступлением, речь идет о тех мелочах, которые всегда есть в нашей повседневной жизни. По словам счастливых супругов, о которых идет речь, спорные вопросы они решали всегда взвешенно. О недостатках друг друга говорили мягко, доброжелательно, не вспоминали всех прошлых прегрешений, не обобщали: «ты всегда так», «вечно ты...» и тому подобное. В каждом споре они пытались

поставить себя на место другого, чтобы лучше понять друг друга «изнутри». А самым важным качеством они считают самообладание. Любая конфликтная ситуация должна решаться без крика. А если чувствуешь, что внутри тебя бушуют страсти, как говорит один из супругов, то самый лучший вариант — переключить себя на что-то другое. Разумнее отложить спор до следующего дня, может быть, остывнув, мы уже не захотим его продолжать, поняв, что причина была ничтожна.

— Если любишь, пережить можно все, — делится секретом семейного счастья эта пара. — А для того чтобы сохранить это чувство, нужно четко осознавать, что семья — это святое. Страсть со временем уходит, но привязанность и уважение друг к другу остаются навсегда. Все ерунда по сравнению с тем, когда рядом находится любимый человек.

Конечно же, в некоторых случаях в той или иной мере любовь заменяют другие чувства (привычки, влечение, покорность судьбе и т.д.). Не стоит вырабатывать всеобщих канонов семейного благополучия: есть разные типы людей, разные традиции и нравы, и то, что подходит одним, совершенно не подходит другим. Но каждый ждет от брака какие-то положительные изменения в своей жизни. И если человеку почему-то чувство «любовь» оказалось недоступным, то это совсем не значит, что он будет несчастлив и духовно ограничен в своей жизни. Возможно, что люди, женившиеся по рассудку или по расчету, лучше уживутся вместе и будут менее душевно взыскательны друг к другу. Судьба семьи, и это исключительно важно, куда больше зависит не от чувств, с которыми люди женятся, а от их характера — доброты или недоброты, эгоизма или неэгоизма, радушия или равнодушия. Именно от этого зависит судьба их семьи, их собственная судьба. Единственно, что является заведомо несчастливим браком, наверное, брак насильственный. В некоторых странах принято, что семья складывается по воле родителей. Да и у нас в определенных социальных слоях населения такая же ситуация имеет место. В какое время больше, в какое — меньше: примером тому знаменитый Домострой, по которому женщина не имела права на собственные чувства и желания. В такой семье о теплоте домашнего

очага, о духовном слиянии личностей нет и речи. Именно женщина, как показывает история, — строитель семьи, хранительница очага в лучшем смысле этого слова.

Помимо накопления и совершенствования духовных ценностей важнейшая функция института семьи — продолжение рода. Другими словами, воспроизводство человеческого вида, продолжение рода — это главное, ради чего создавалась и существовала семья и ради чего она существует сегодня. По мнению упомянутых выше супругов, для них самым главным желанием было иметь много детей в семье.

— Мы с мужем вырастили и воспитали двоих сыновей и троих дочерей. Я благословляю судьбу свою и судьбу всех дорогих мне людей, что она дала нам эти сокровища. Дети — это наше все! Наш дом всегда был заполнен радостным детским смехом. Когда маленькое чудо смотрит на тебя своими невинными глазами, мир становится светлей, краше и прекрасней, — признается хозяйка.

Несомненно, потребность в детях реализуется с выполнением именно этой функции. Она выполняет две задачи: общественную — биологическое воспроизводство населения, и индивидуальную — удовлетворение потребности в детях. Все основе — удовлетворение физиологических и сексуальных потребностей, побуждающих людей противоположных полов объединяться в семейный союз. Противоположность полов, по мнению Э. Дюркгейма, — это не только базисное основание, на котором строится брачный союз, но и основная причина нравственной близости в семье (1; 230). По мощности воздействия на стабильность семейно-брачных отношений она сильнее даже такого фактора, как кровное родство. «Мужчина и женщина страстно ищут друг друга именно потому, что они различаются». Э. Дюркгейм анализирует отношения полов с позиций разделения труда (2; 245). Одним словом, разделение полового труда — вот источник супружеской солидарности, по мысли Э. Дюркгейма. И по мере того, как росла дифференциация полов, развивался и укреплялся брачный союз. Физиологические и сексуальные потребности мужчины и женщины побуждают их объединяться для совместного осуществления определенных целей: воспроизводства

человеческого рода, создания материальных условий существования — жилища, одежды, питания; удовлетворения потребности в детях, биологической зависимости детей от родителей, потребности в сексе. Благодаря появлению детей семья воспроизводит не только саму себя, но и поддерживает биологическую непрерывность общества, обеспечивает воспроизводство населения. В семье рождается не только человек, но и гражданин.

Следующая не менее важная функция — хозяйственно-бытовая, которая заключается в удовлетворении материальных потребностей семьи, получении хозяйственно-бытовых услуг одними членами семьи от других. В большинстве семей существует распределение обязанностей на мужские и женские. Хотя многие протестуют против такой организации ведения домашнего хозяйства, однако главное — это присутствие взаимопомощи и заботы друг о друге. Совместная работа по дому сплачивает, соединяет семью. Будь то обычная стирка или покупка продуктов, уборка или работа в саду, главное — чтобы работа не сваливалась на кого-то одного, а делалась дружно и весело.

Так что все в семейной жизни накрепко связано в единый узел: нравственное и экономическое, хозяйственное и эстетическое. И чем справедливее распределены в семье обязанности, тем счастливее судьба брака. Чем с большей радостью трудятся близкие друг для друга, тем светлей, радостней на душе у каждого, тем солнечней на семейном небосклоне.

Кстати, необходимо заметить, что домашний труд не только благотворно действует на самих супругов, но еще помогает воспитывать подрастающих в семье детей. Причем, воспитывая в детях трудолюбие, родители тем самым развивают в них умение сопереживать, заботиться, думать о другом. На этот счет наша счастливая пара имеет свое мнение. «Воспитывать можно лишь собственным примером. Если я буду лежать на диване и говорить детям, что маме надо помогать, в то время когда она делает уборку, то вряд ли дети будут воспринимать такое воспитание. Им необходимо на собственном примере показывать, что когда один человек работает, то другие ему должны помогать или заниматься другим полезным делом. Я

лично в это время хожу за продуктами в магазин или занимаюсь хозяйственными делами во дворе. В это время кто-то из ребят помогает маме, кто-то мне. У нас все происходит взаимосвязано, никто без дела не сидит, когда кто-то трудится», — поясняет глава семьи.

Семья как первичная ячейка является и воспитательной колыбелью человечества, т.е. выполняет воспитательную функцию. Лучший пример — пример родителей. В большинстве случаев дети — это зеркальное отражение родителей. Конечно же, воспитательная функция на этом не исчерпывается. Можно говорить и о самовоспитании в семье. А если же говорить о ребенке, то в семье он получает первые трудовые навыки: занимается самообслуживанием, оказывает помощь по дому, приобретает опыт заботы о родителях, братьях и сестрах, а главное, учится разумному потреблению материальных и духовных благ.

— Если семья большая, т.е. имеет несколько детей, как у нас, то в этом случае появляются естественные условия для формирования полноценного семейного коллектива. И это обогащает жизнь каждого члена нашей семьи и создает благоприятную обстановку для успешного выполнения семьей именно воспитательной функции, — утверждает один из супругов.

То, что ребенок в детские годы приобретает в семье, он сохраняет в течение всей последующей жизни. Важность семьи как института воспитания обусловлена тем, что в ней ребенок находится в течение значительной части своей жизни, и по длительности своего воздействия на личность ни один из институтов воспитания не может сравниться с семьей. В ней закладываются основы личности ребенка, и к поступлению в школу он уже более чем наполовину сформирован как личность.

Как никакая другая социальная группа семья обладает огромным диапазоном воспитательного воздействия. Этому особенно способствует доверительная нравственно-эмоциональная атмосфера между ее членами, наглядный пример родителей в выполнении общественных и семейных обязанностей, совместный труд, беседы с детьми на интересующие их темы, наконец, авторитет родителей в

решении ряда сложных и важных для ребенка и подростка проблем и т.д. Главное в воспитании маленького человека — достижение душевного единения, нравственной связи родителей с ребенком.

Следующая важнейшая ценность института семьи проявляется в функции социальной и эмоциональной защиты своих членов. Известно, что сущность любого явления особенно ярко проявляется в экстремальной ситуации. В минуту опасности большинство людей стремится быть рядом со своими семьями. В ситуации, угрожающей жизни и здоровью, человек зовет на помощь самого родного и близкого человека — маму. В семье человек ощущает ценность своей жизни, находит бескорыстную самоотдачу, готовность к самопожертвованию во имя жизни близких людей. Сознание того, что человек нужен и дорог кому-то, что его любят и что за него готовы отдать жизнь, порождает чувство защищенности и безопасности, поддерживает моральный дух и уверенность.

— Наша семья очень дружная, потому что все в ней живут одной жизнью, одними заботами и радостями. Если в семье случается беда — это переживают все, если в семье радость — это радость всех. Если у кого-нибудь что-то не ладится, все спешат на помощь. Все вопросы в нашей семье решаются сообща. Вечерами, когда дети еще учились в школе, мы собирались вместе за одним столом и за ароматной чашкой чая обсуждали планы на будущее. В выходные дни мы ходили в кино, театры, работали в саду или ездили в лес. А к учебе в школе мы очень внимательно относились, — признается глава семейства. — Каждый день спрашивали об успехах детей, и если они плохо усваивали материал, мы им помогали. Девиз нашей семьи: «Один за всех — все за одного», — с гордостью говорит супруг.

Отсюда мы понимаем, что выполнение своего долга по отношению к каждому члену семьи, осуществление их личных планов, взаимопомощь, душевность в отношениях между близкими людьми делают крепким семейный фундамент и способствуют благоприятной эмоциональной атмосфере.

Таким образом, семья представляется собой сложный социокультурный ор-

ганизм, прошедший в своем развитии стадии от «низшего» группового брака с нерегулируемыми половыми отношениями до моногамии, создавшей то, что мы теперь называем ячейкой общества. С развитием общественных отношений и внутрисемейный уклад приобретал разнообразные формы. В зависимости от культуры, религии наблюдались и различные внутрисемейные отношения. Но во все времена семья несла на себе ответственность за выполнение определенных функций, связанных с удовлетворением как личных потребностей каждого члена семьи, так и потребностей общества. Наверное, самая главная роль семьи — это воспитание полноценной духовно-нравственной личности, способной к творчеству и созиданию. И на протяжении веков именно к этому стремилось большинство семей.

Несомненно, будущее страны складывается в каждом доме, благополучие родины начинается с благополучия каждой семьи. Здоровая, полная, обеспеченная семья — опора общества и государства. В семье формируются настроения людей, их чаяния и надежды, понимание настоящего, уверенность в грядущем и память о прошлом.

Учитывая важную роль семьи в развитии государства и общества, 27 апреля 2007 года Президент (ныне Премьер-министр РФ) Российской Федерации В. В. Путин в своем ежегодном Послании Федеральному Собранию поддержал предложение Международного конгресса «Российская семья» объявить 2008 год Годом семьи: «Рассчитываю, что его проведение позволит объединить усилия государства, общества, бизнеса вокруг важнейших вопросов укрепления авторитета и поддержки института семьи, базовых семейных ценностей» (4;1).

Это прежде всего обеспечение благоприятных условий для создания семьи (здоровье, образование, трудоустройство молодежи) и достойные условия для ее жизнедеятельности (жилье, условия для социального роста, безопасность и т.п.). В этом направлении уже действуют все государственные приоритетные национальные проекты, а также принятая в 2007 году Федеральная целевая программа «Дети России».

Ныне действующий Президент Российской Федерации Д.А. Медведев отметил, что «Год семьи — это не самоцель и не единовременная акция, а результат долгосрочной политики, которая возникла в государстве некоторое время назад и которая направлена на улучшение демографической ситуации, укрепление института семьи в обществе. Главное, чтобы этот год был результативным».

А в Республике Башкортостан Указом Президента Муртазы Рахимова 2008 год объявлен как Год социальной поддержки семьи.

В настоящее время в республике ведется масштабная, всесторонняя помощь и поддержка семей по различным направлениям: «Социальная поддержка семьи», «Семья и ее устойчивое развитие», «Семья и культура», «Семья и здоровье», «Семейный спорт и отдых», «Семья и социально ответственный бизнес» и другие. Для реализации этих мероприятий задействованы все республиканские министерства, ведомства, общественные и профсоюзные организации, фонды.

В республике хорошо организованы традиционные торжественные мероприятия, такие, как чествование многодетных, молодых и приемных семей, молодоженов и юбиляров супружеской жизни и др. Продолжается вручение поздравительного адреса Президента Республики Башкортостан каждой паре, подающей заявление о регистрации брака в отделах ЗАГС Республики Башкортостан.

Особое внимание средствами массовой информации республики уделяется обсуждению проблем воспитания, образования, охраны здоровья, правовой и социальной защиты семьи. В этом году в республике проходят научно-практические конференции и семинары, творческие фестивали, конкурсы, концерты, спортивные состязания, смотры досуговых учреждений на лучшую работу с семьей.

Решение проблемы обеспечения жильем молодых семей является одним из приоритетов государственной политики в республике. Семьям, нуждающимся в улучшении жилищных условий, оказывается поддержка по социальному ипотечному кредитованию, молодым семьям — содействие по предоставлению субсидий на приобретение или строительство жилья.

Проводится активная работа по решению задач, поставленных в Концепции демографической политики до 2025 года. Создана правовая база закона о материнском капитале за рождение второго ребенка и последующих детей, который успешно действует на сегодняшний день.

В соответствии с принятым в 2007 году федеральным законом, уже с 1 января 2008 года увеличены пособия, направленные на социальную поддержку детей и беременных жен российских военнослужащих, проходящих срочную службу, по уходу за ребенком-инвалидом, размеры выплаты на диетическое питание малоимущим студентам. Одной из причин такого внимания к институту семьи можно считать ситуацию с рождаемостью, которая в стране имеет очень низкий уровень. Ведь одной из важнейших функций семьи является воспроизводство нового поколения.

Итоги 2007 г. по демографическим показателям для Республики Башкортостан можно назвать самыми позитивными за последние полтора десятилетия. Из совокупности всех демографических процессов наибольшими изменениями выделяется рождаемость. Повышение общего объема рождаемости в регионе достаточно заметно. В 2007 г. число родившихся составило 51453 ребенка, что больше уровня 2006 г. на 14,2%.

Среди регионов Приволжского федерального округа по итогам 2007 г. Башкортостан занимает по рождаемости второе место (после Удмуртской Республики). Общий коэффициент в республике составляет 12,7 рождений на 1000 человек населения, в Удмуртской Республике — 12,8.

В текущем году объемы рождаемости продолжают увеличиваться. За январь-апрель 2008 г. в республике родилось 17697 детей (за этот же период 2007 г. — 15361). Общий коэффициент рождаемости — 13,2 рождений на 1000 населения. (5;3)

Огромное внимание уделяется социальной помощи и поддержке престарелых родителей, а также семей, попавших в трудную ситуацию, борьбе с насилием в семье. Предусмотрены новые проекты, новые федеральные законы об опеке, попечительстве, алиментных обязательствах, помощи многодетным семьям.

Таким образом, сегодня приоритетной задачей государства является укрепление института семьи, повышение ее статуса. Семья, ее интересы становятся целью развития экономики и социальной сферы. Хочется надеяться, что 2008 год в этом плане станет для России переломным.

Давайте объединим усилия семей и общества, чтобы создать условия для развития будущих поколений и страны в целом. На этой основе сделаем Россию свободной, сильной и процветающей.

Литература:

1. Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда. Метод социологии.* М., 1991. С. 230.

2. Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда. Метод социологии.* М., 1991. С. 245.

3. Пономаренко Л.П., Белоусова Р.В. *Психология.* М., 2001, С. 87.

4. *Официальный сайт Президента России* (<http://www.kremlin.ru>).

5. *Информация с сайта Башкомстата* <http://bashstat.ru>.

Любовь к трем апельсинам

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ: БИТОВ, МАКАНИН, ЗОРКАЯ И ДРУГИЕ

От автора: *С этого номера в журнале «Бельские просторы» появляется новая рубрика – «Любовь к трем апельсинам». «Три апельсина» – три московских литературных журнала – «Новый мир», «Знамя» и «Октябрь». Я буду делать ежемесячные обзоры очередных номеров этих журналов. Начиная с августовских публикаций. Три престижных журнала – та проба, которая дает исчерпывающее представление о нынешнем литмейнстриме и о современной литературной ситуации. Анализ этой пробы, на мой взгляд, – полезное дело. Впрочем, об этом судить читателям «Бельских просторов».*

Начнем, пожалуй...

«ОКТАБРЬ», № 8: ЗВЕЗДНОЕ ФИАСКО

Главная публикация восьмого номера «Октября» – «**Преподаватель симметрии**», текст в высшей мере странный. У него – два автора, притом они разноязычны. В довершение всего у меня нет уверенности в том, что один из этих авторов реально существует (существовал). Вполне возможно, это – тонкая мистификация.

Короче, дело обстоит так: давным-давно в экспедиции **Андрей Битов** обнаружил случайно завалявшуюся книгу некоего литератора **Э. Тайрда-Боффина** на английском языке – и от нечего делать занялся ее вольным переводом. Вернувшись, Битов вдруг вспомнил об оставленной книжице, спохватился, начал искать сведения о Тайрд-Боффине и не нашел ничего. Допустим...

Знатoki позднесоветских литжурналов вспомнят о том, что проект «Битов – Тайрд-Боффин» уже являл себя – на страницах перестроечной («андрей-дементьевской») «Юности». Скажу больше: добрая половина «новооктябрьской» публикации имела место быть в «Юности» двадцатилетней давности (беспрецедентный для истории литературных изданий факт!).

Оставим все эти непонятки на совести Битова и редакции «Октября». Обратимся собственно к тексту. И увидим крайне интересную вещь...

«Преподаватель симметрии» – в том виде, в каком он подан на страницах

«Октября» – распадается на две очень разных (по стилистике и по уровню) части. Первая часть – две новеллы («Вид неба Трои» и «О – цифра или буква?»), опубликовавшиеся в «Юности»: эта часть была создана давно и, возможно, не только Битовым. Вторая часть – все остальное, написанное позже и Битовым исключительно. Нельзя не заметить, что первая часть неизмеримо *лучше* второй.

...Был один очень нравящийся мне жанр – я называю его «европейская новелла». Короткая занимательная история о сверхъестественном событии с аккуратной (симметричной) композицией и изящно-неожиданной развязкой. Элемент фантастики (точнее, мистики) в европейской новелле должен присутствовать непременно, однако европейская новелла – не научная фантастика и тем более не фэнтези; она восходит к готической новелле. Самый известный пример европейской новеллы в отечественной литературе – пушкинская «Пиковая дама». Европейская новелла может быть разной: философской, лирической, импрессионистической, нравоописательной, юмористической, сатирической, гротескной. Тексты первой части «Преподавателя симметрии» – прелестнейшие образцы европейской новеллы – лирико-романтической («Вид неба Трои») и сатирико-философской («О – цифра или буква?»).

Увы, вторая часть то ли битовского, то ли небитовского текста вынуждает откликнуться жестко: даром преподаватели (сим-

метрии) время с Андреем тратили. Лучшее, что было в «юношеской» части «Преподавателя симметрии», утратилось; осталось – не лучшее и именно что «новобитовское»: безответственный эссеизм, доморощенный постмодернизм, неуклюжие игры в Набокова и, наконец, с позволения сказать, «эротика», о которой лучше умолчать.

Последующие публикации восьмого номера «Октября», к сожалению, по своему уровню еще ниже неровного, но (повторными) местами замечательного «Преподавателя симметрии». Детские страшилки **Юлия Гуголева («Новые стихи»)**, поэта чрезмерно «бытового», бескрылого. Медитативно-инфантильный, травянисто-нарциссический стихопрозаический лепет **Дениса Осокина («Три книги о городах и пригородах»)**. Откровенно графоманские вирши **Александра Климова-Южина («Вдали от всех...»)**. Очередное брюзжанье **Олега Павлова («Правопорядки»)**...

Стопроцентное разочарование августовского «Октября» – опус «поэта-смоговца» Владимира Алейникова «Складень», мемуары без мемуаров.

Высокопарно-многословные тривиальности утомительны. Если же записывать их в стиховом ритме (но в строчку, а не в столбик), они станут адски невыносимы. Огромный текст Алейникова полностью состоит из ритмизованных тривиальностей. Например, таких...

«Сформировалась, как-то незаметно, сама собою, а может, вполне вероятно, по желанию высших сил, почему бы и нет, уникальная, иначе не скажешь, как там ни пытайся сказать попроще, подступней теперь, среда. Помимо поэтов, писателей, художников и музыкантов, то есть людей сугубо творческих, личностей, желяющих проявиться и состояться в этих, таких различных, но в то же время и родственных, несомненно, духовными нитями связанных областях, в нее, как свои, на равных, на таких же общих для всех условиях и правах входили и правозащитники, и священники, и техническая, жадно тянущаяся к искусству интеллигенция, и студенчество, и колоритные, самобытные, иногда поразительно яркие люди из самых различных слоев тогдашнего, пусть и советского, не все ли равно теперь, как его называть, ведь другого тогда и в помине, вот что, просто не было вовсе, общества».

И *эдак* – на два десятка страниц. А ведь еще и «продолжение следует»! Продолжение (даже не окончание)!..

Выруливает августовский «Октябрь» из стремительного пике только ближе к последним страницам – на обаятельно-интеллигентных воспоминаниях из детства **Валентины Голубовской («Мама купила книгу»)** и на публикации **Юрия Гурфинкеля**, посвященной беседам с **Анастасией Цветаевой («Подземная река»)**.

Самое время задуматься, отчего, почему, по какой причине номер «Октября» получился полупровальным.

Наверное, потому что устарел сам формат «современного толстого литературного журнала», ориентирующийся не на актуальные тенденции в искусстве, а на «имена» – на «звезд» и «звездочек».

Самые крупные «литзвезды» – как правило, люди очень пожилые. А в преклонном возрасте иногда человеческое сознание меняется – и притом меняется не в лучшую сторону. Андрей Битов – классик (говорю без иронии). Но нужно же напомнить ему, что одни и те же рассказы повторно публиковать в журналах нельзя. А как ему напомнишь, он же – памятник (себе). Но если Битов завтра притаранит в редакцию «Октября» «Пушкинский дом», что тогда? Владимир Алейников – дяденька симпатичный и в высшей степени порядочный, к тому же неплохой поэт, да и живая веха в истории литературы. Как отказать в публикации его недомемуаров – он обидчив. Обидится и больше не даст в «Октябрь» свои (хорошие) стихи.

В толстожурнальной среде принято хвастаться отличием этой среды от «попсы» и «шоу-бизнеса». Но виднее и очевиднее – не различия, а сходства. Бабushка Алла Пугачева выходит на сцену в мини-юбках – себе на позор. Однако среди солидных писателей тоже есть такие же «аллы пугачевы». И их не останавливают.

«ЗНАМЯ», № 8: СПЕКТРОГРАФИРУЯ ЧЕЧНЮ

Владимир Маканин (в отличие от Битова и Алейникова) – мастер не номинальный, а актуальный, действующий, чутко улавливающий сигналы живой современности и предъявляющий на основании полученного трепещущую голограмму

реального социума. Часто бывало так, что Маканин вдруг обращался к совсем уж экзотически-заковыристым материям; проходили десятилетия – и выяснялось, что он прозревал в социуме нечто доселе невидимое (и являющее себя в полном блеске позже).

На сей раз Маканин обратился к «первой Чеченской военной кампании», написав роман **«Асан»**. Некоторые читатели возмутились: в отличие от Прилепина, Бабченко, Карасева, штафирка Маканин ни дня не был в Чечне, зачем же он лезет в абсолютно умозрительную для него тематику?

Этим читателям невдомек, что Маканин – по преимуществу автор умозрительный, суперрациональный. Прозаики-реалисты могут писать только о том, чему были свидетелями. Владимир Маканин – ни разу не реалист. Он – кабинетный исследователь, экспериментатор. Бытие, создаваемое Маканиным, кардинально отличается от реальности умышленностью и густой эссенциальностью. Маканин «пишет эссенциями», но не стилистическими, а концептуальными. Все его персонажи – ходячие концепции. Но это – не во вред маканинской прозе. В отличие от большинства писателей-рационалистов, заранее знающих готовый ответ и подгоняющих сюжеты под него, Маканин (как ни странно) ответа не знает. Его произведения – «источник вопросов», а не «источник ответов». Маканин как бы просвечивает ту или иную общественную ситуацию своим безошибочным аналитическим спектрографом; а толкования полученной картинке – не его забота...

...Майор Александр Жилин. Служит на Кавказе (как и его толстовский однофамилец). В Чечне – в Гудермесе. Завскладом. Ворует, разумеется. Продает на сторону горячее – и достиг в этом деле виртуозности («топливный король»). Однако меру знает: оружием не торгует (табу!). И воевать умеет. Опытный вояка. Но все же по жизни (как говорят нынче) – не вояка, а торгош, бизнесмен. Таковым его *сделали*. Кто? Начальники (циничные мерзавцы) – бросив один на один с разъяренными сепаратистами. Лично Джохар Дудаев (опосредованно, парадоксально). Дудаевские джигиты: поимев с ними дело, Жилин понял, что торгошай уважают, а «отдающих

даром» – презирают. И понял еще одно: «Война есть торг». Древний чеченский языческий божок Асан одной рукой воюет, другой рукой – торгует. И нашего майора Александра чеченцы предпочитают называть «Асаном» (проглатывая слоги)...

Я прочитал лишь половину маканинского романа и не знаю, чем он завершится. Но в гораздо большей мере меня интересует то, как отреагирует на этот (несомненно, значительнейший) текст литературное сообщество. «Андеграунд», помнится, в девяностых обсуждали все. Мне кажется, что «Асан» по своему социальному значению – не уступает «Андеграунду». «Андеграунд» был главным произведением девяностых (теперь это вполне очевидно); «Асан» же – ключ к нынешнему десятилетию, к «нулевым». Но боюсь, что литсообщество не заметит этого, опять разинув рот над идиотствами новоявленных Шарло (сорокиных, пелевиных, кононенков и иже с ними)...

С аналитическим романом Маканина хорошо гармонирует умный рассказ **Владимира Шпакова «Маятник Фуко»** (точнейший моментальный снимок недавней эпохи – девяностых годов) и совсем не гармонирует претенциозная до пародийности миниатюра **Натали Рубановой «Прошлый век»** (о престарелой преподавательнице музыки; «под Набокова»).

Самый интересный поэтический материал восьмого номера «Знамени» – обширная подборка **Андрея Вознесенского («Нельзя не ждя»)**. Читая ее, я вдруг догадался: Вознесенский – наш Энди Уорхол. Оттого его всегда так тянуло к массовой культуре. В советское время это было не слишком заметно, поскольку тогда массовая культура не афишировала себя и маскировалась под «высокоинтеллектуальную».

Остальные подборки «Знамени» более предсказуемы: **Бахыт Кенжеев («Пообещай мне страшный рай»)** застыл в своем музыкально-элегическом совершенстве, а его товарищ по группе «Московское время» **Алексей Цветков** – практически нечитаем. Цветков озаглавил подборку цифрой «8». Поддерживаю его начинание: цветковские словесные массы настолько однообразны, что их пора цифровать.

Из петитных публикаций «Знамени»

отмечу материалы круглого стола **«Наша культура за рубежом: нужна поддержка»** (навевающие крайне грустные мысли), а также статью критика **Артема Скворцова «Несвоевременная современность: пристальное прочтение»**, посвященную... угадайте с одного раза, кому. Ну, конечно же, Алексею Цветкову. Воистину, есть поэты для читателей, а есть – поэты для критиков.

«НОВЫЙ МИР», № 8: СТИЛЬ И БОЛЬ

Часто бывает так: самый объемный текст журнального номера задает настрой всему номеру. В данном случае самая большая проза – «дачная повесть» **Владимира Березина «Кролик, или Вечер накануне Ивана Купалы»**...

Сюжет этой повести прост и, в общем, несущественен (не будь его, был бы другой, столь же малообязательный). Компания разнотемпераментных обалдуев кружными путями пытается добраться до подмосковной дачи, где намечается пикник; путь к даче и пикник – вот и весь сюжет, собственно говоря. Но оформлен он суперзатейливо: в каждой строке – феерические метафоры, скрытые пародии и многослойные культурные аллюзии; распутывать все это роскошество будет в кайф читателям-гурманам. Писан текст Березина по узнаваемой канве «Москвы – Петушков», с характерными веничкинками интонационными прибабасами, однако совершенно без веничкиного трагизма. Что же, «непросвещенные наши предки охотники были плакать, а мы больше любим смеяться»...

И этот обаятельный пустячок неожиданно бросает блики на соседние рассказы молодого прозаика **Александра Антипина**: серьезные, старательные, выверенные, в лучших традициях «деревенской прозы», с предисловием «главдеревенщика» Бориса Екимова, с ожидаемым монохромно-картинным обобщением заголовком (называется цикл рассказов Антипина **«Белое море, черная изба»**).

С «деревенской прозой» нынче творятся парадоксальные вещи. Начинаясь она – в пятидесятые годы прошлого века – как остроактуальная литература. Я бы даже сказал – как политическая литера-

тура (достаточно вспомнить тогдашние бури вокруг очерков Овечкина). Сейчас же «деревенская проза» – последнее прибежище стилиста. Читаю Антипина – и не могу отделаться от ощущения, что его высокопрофессиональные описания поморских стариков в духе Юрия Казакова – «искусство ради искусства», мастер-класс отменной стилистики. В такой же степени, как книжные юморески Березина.

Все остальное в августовском «Новом мире» – уютно и добротнo, подобно городской прозе Березина и деревенской прозе Антипина. Поэзия – средненормальна: **Мария Ватутина («Любовь под снегом»)**, **Алексей Пурин («Сухой остаток бытия»)**, **Владимир Рецетер («Поющий двойник»)** – все они публиковались в литжурналах много раз и никогда не разочаровывали; **Анна Золотарева («Покуда спят, покуда слышат»)** чуть педалирует эмоции в своих стихах, но это почти не вредит ей. Эссеистика – интересна и грамотна (а когда в «Новом мире» было иначе?): **Анна Гумерова** исследует **«Релевные игры как творчество»**, **Михаил Горелик** – пишет о мировоззрении Жюль Верна (**«Марш энтузиастов»**), **Алла Латынина** – о дневниках Андрея Тарковского (**«Достичь абсолюта...»**).

Немного снижает впечатление от восьмого выпуска «Нового мира» вездесущий **Алексей Цветков**. Он еще и переводчик – решил взяться за Шекспира, перевел «Гамлета». Ничего не скажу о работе Цветкова в целом (незнаком с ней), но опубликованный в «Новом мире» **финальный отрывок «Гамлета»** производит удручающее впечатление (особенно в сочетании с более чем нескромной авторской преамбулой). Грубо, непозитивно, косноязычно, много смешных ляпов.

Из общего спектабельно-общекультурного ряда выбивается лишь один новомирский материал – страстные, обжигающие, окровавленные, мучительные документальные записи **Неи Зоркой**, известного советского искусствоведа и кинокритика (**«Шесть високосных месяцев»**; публикация, предисловие и комментарий Марии Зоркой).

Было так: Зоркая подписала два письма; одно – в защиту Синявского и Даниэля, второе – в поддержку Гинзбурга. Особого значения этому она не придавала. И вдруг грянули «послечехословацкие заморозки 1968-го». Советская власть стала

разбираться с «подписантами». Досталось и Зоркой – ее исключили из КПСС (институтская парторганизация хотела обойтись «выговором с занесением», но бюро райкома настояло на исключении).

Боль Неи Зоркой – не из-за этого (невелика потеря). Она – от душевных ран, нанесенных «прогрессивными» советскими образованцами.

«...На нас смотрели как на гладиаторов. Добавлю: ставили на того или на этого, если еще не заключали пари. “Элита” под кофе, устремив глаза на секундомеры, вычисляла, кто, где и когда скурвится. Если кто-то и вправду плошал, не боль, не скорбь, а злорадное удовлетворение входило в сердца. Мы так и знали – и вот вам, пожалуйста! “Расколосся”, “завонял”, “протух”, “продался”, “тронулся” – были любимые глаголы. Ловили каждую сплетню, каждый разговорчик в ресторане ЦДЛ, каждую наглую клевету с трибуны, распространяли, вносили в картотеки, рубили правду-матку в глаза».

Впрочем, «советская машина» была равно омерзительна, поскольку состоя-

ла из тех же самых «прогрессивных интеллигентов», но не успевших отбежать в сторону и оттого ломавших похабную лоялистскую комедию перед властями. Протокол партийного собрания Института искусств, включенный в текст Зоркой, исчерпывающе свидетельствует об этом. Читаешь его – и не знаешь, плакать или смеяться: свора оголтелых совковых мещан, спасая собственную шкуру, топит всех подряд, лицемерит, интригует (и никому нет никакого дела ни до коммунизма, ни до антикоммунизма).

Единственное, за что можно быть благодарным бандитским девяностым годам, – за то, что они разрушили все тухлые оранжереи, в которых процветали и прятались от жизни неисчислимые бездельники и приспособленцы, озабоченные лишь одним – как бы прослыть прогрессивными и при этом не разозлить хмыря из райкома.

Честных тружеников, пострадавших в девяностые, – жалко. А этих – трифоновско-рязановских персонажей – не жалко нисколечко...

Синематограф

Андрей СОЮСТОВ

КОЕ-ЧТО ОБ «АДМИРАЛЕ»

ДОСТОВЕРНОСТЬ НЕ В ЦЕНЕ

Конец XX – начало XXI века в России это не только судорожное перекраивание страны, ломка устоявшегося мировоззрения, но и время переосмысления своего прошлого. Попытки найти с ним своеобразный «консенсус», выливающиеся в традиционное российское шараханье из одной крайности в другую. От одних стереотипов к другим. Вчера любили красных – сегодня молимся на белых. Вопрос, кого будем возвеличивать завтра, как правило, за сиюминутной неактуальностью остается без ответа... Совершенно логичным для подобной ситуации является то, что отечественная киноиндустрия, этот «широкоэкранный выразитель народных чаяний», тоже привносит мощный вклад в переоценку отдельных событий нашей истории. Событий и исторических личностей. Сейчас речь не о том, хорошо это или плохо. Это просто одна из частей нашего бытия. Именно в русле этой частности последний десяток лет трудится большинство крупных отечественных кинокомпаний, исправно поставляя потребителям товары под броскими названиями «Штрафбат», «Первый после бога», «Последний бронепоезд», «Ленинград» и т. д. Позиционируемые своими создателями как историко-патриотические, эти кинокартины у большинства зрительской аудитории вызывают почему-то чувства прямо противоположные. Последнее – из-за культивируемого отрицания понятия «историческая достоверность». Нет, никто, конечно, не отнимает у кинорежиссеров права на авторское видение тех или иных исторических нюансов. Но если их, таких «авторских нюансов», в фильме обнаруживается больше, чем фактов ре-

альных, то количество ляпов переходит в качество. Вернее – в отсутствие такового у фильма. Увы, не избежал подобного «авторского видения» исторических реалий и помпезно выпущенный 9 октября сего года в кинопрокат фильм Андрея Кравчука «Адмиралъ», посвященный персоне Александра Васильевича Колчака...

ОБЪЕКТИВНЫЕ БЛАГОГЛУПОСТИ

Безусловно, вице-адмирал А. В. Колчак – личность в нашей истории известная, трагическая и крайне противоречивая. Осветить все обстоятельства деятельности этого человека – задача, мягко говоря, не тривиальная. А с точки зрения кинопроизводства – еще и очень затратная. Шутка ли! 47 лет жизни, до отказа набитых полярными исследованиями, участием в трех войнах и романтическими похождениями... Так что можно понять, почему Кравчук, Эрнст и иные, причастные к рождению «Адмирала», выбрали в качестве главного героя фильма именно Колчака. Понятно также и желание сократить жизнеописание Александра Васильевича до своеобразной «нарезки», ограниченной рамками первой мировой и гражданской войн. Тем более что в этот временной интервал идеально вписывалось знакомство Колчака с Анной Васильевной Тимиревой, позволяющее превратить пропавшее порохом, кровью и морской солью бытие Колчака в чувственную мелодраму на фоне захватывающих декораций гибнущей Российской Империи. Ну, а раз так, видимо решили кинодемиурги, то можно здорово сэкономить на исторических консультантах! И сэкономили. Да так,

что после просмотра фильма аннотация кинообозревателя Алексея Коленского: «“Адмираль” – это первый русский блокбастер, претендующий на документально-историческую достоверность», воспринимается как откровенное глумление. Над историей.

Дело в том, что исторические ляпы в фильме не просто есть... Фактически вся картина только из них и состоит. И начинается это ляпотворчество прямо с первых же кадров. В качестве примера разберем их подробно.

1916 г. Балтика. В германских территориальных водах эскадренный миноносец «Сибирский стрелок» ставит мины...

Начнем с того, что такой эсминец в 1916-м на Балтийском море был. Вот только выглядел он совсем иначе. Значительно крупнее – практически вдвое против того корабля, который мы видим в «Адмирале». Плюс к тому «Стрелок» был двухтрубным. Так что под названием «Сибирский стрелок» киношники преподносят нам 3D-изображение совсем другого корабля – жутко устаревшего к началу первой мировой четырехтрубного эсминца типа «Буйный» постройки конца XIX – начала XX в. Такие воевали в русско-японской, а в 1916-м уже считались безбужной рухлядью, в лучшем случае доживая жизнь посыльными судами. Почему же произошла странная подмена «Стрелка» «Буйным»? Мне видится только одна причина. Думается, что изначально «Адмираль» должен был захватывать и порт-артурский период жизни Колчака. Во время русско-японской Александр Васильевич прославился, командуя очень похожим на «Буйный» кораблем – эсминцем «Страшный». Так что «Буйный» идеально ложится в антураж Порт-Артурской эпопеи. Но... Но потом, надо полагать, этот эпизод из сценария был вырезан, а вот дорогостоящая прорисовка корабля осталась. Ну не выкидывать же ее было, верно? Вот и выплыл в 1916-м к берегам Германии четырехтрубный призрак из прошлого. Ситуация тем более казусная, что на официальном сайте фильма фотография подлинного «Стрелка» вполне себе фигурирует!

Что ж, со «Стрелком» разобрались. Разберемся и с тем, чем он занимается. «Стрелок» ставит мины. Скорее всего – весной.

Очень натурально, надо сказать, ставит. Но совершенно не исторично. Весной 1916 г. корабли Балтфлота у чужих берегов мины не ставили. Ставили только у своих.

Маленький анекдот для «оживляжа» сего текста. Съёмки минной постановки проводились в акватории Севастопольской гавани. Однажды один пластмассовый муляж мины вынесло волнами на главный фарватер, где на рогатый шарик случайно набрел украинский военный катер. Говорят, что после этого Киев немедленно объявил все прилегающие воды закрытыми «ввиду минной опасности»... Но вернемся к фильму.

Кто это в кадре так браво вглядывается через бинокль в туман с мостика «Сибирского стрелка»? По фильму, это капитан 1-го ранга Сергей Николаевич Тимирев. В реале Тимирев был флаг-капитаном по распорядительной части в штабе Балтийского флота. Грубо говоря – главный флотский секретарь. Каким образом этого штабника могло занести на минные постановки у вражеского побережья, лично мне непонятно. По казуистичности это равноценно отправке штабного писаря в тыл врага за «языком»... Но вот наш «писарь в тылу врага» посмотрелся в бинокль и со словами «я – у командира дивизиона» по трапам отправился в низы. И кого он там встречает? Колчака, ха-ха-ха! Почему «ха-ха-ха»? Потому что в реальности на описываемый момент капитан первого ранга Колчак был куда более весомой шишкой, чем какой-то там «командир дивизиона». А. В. Колчак являлся начальником минной дивизии (20 кораблей), а также командующим Морскими силами Рижского залива (еще столько же кораблей, включая линкор и подводные лодки). И сидел Колчак не на махоньком эсминце у черта на куличках, а в своем штабе в Ревеле (современный Таллинн). В море же выходил только по очень весоному поводу. Как это было, например, 31 мая 1916 г., когда русские отправились к острову Готланд ловить немецкий конвой... Колчак на «Стрелке» у немецких берегов – это даже не писарь в поисках «языка». Это уже целый генерал шарит по кустам в тылу врага! Впрочем, чем дальше – тем удивительнее.

На «Сибирского стрелка» из тумана выбредает немецкий броненосный крейсер «Фридрих Карл».

Упс. Это еще один призрак из прошлого. В реальности «Фридрих Карл» до 1916 г. не дожил, а погиб на русских минах еще в 1914-м. Надо ли говорить, что он утоп вовсе не столь апокалиптически, как это показано в фильме? В действительности дважды наехавший на русские мины «Фридрих Карл» тонул долго и со вкусом. Аж больше 5 часов тонул! За это время немцы успели спасти всю его команду за исключением 7 человек...

Но это еще не конец сказки. Киношный «Фридрих» открывает огонь по русским с дистанции метров в 500. Для морского боя того времени это стрельба в упор. И что же немец? Мажет, мажет, мажет. А когда попадает, то над «Стрелком» фукает что-то похуже на старую канистру из-под бензина и русский эсминец преспокойно бежит по волнам дальше. В реальности же парочки попавших 210-мм немецких снарядов вполне хватило бы на то, чтобы превратить цель в тонущий дуршлаг. А чем наш «Стрелок» в 1916-м отстреливается? 45-мм полуавтоматическими пушками времен Великой Отечественной. Мило, да.

Дальше наступает кульминация – вдоль корпуса эсминца текут мазутные пятна.

«Почему сбавили ход? Машинное, почему сбавили обороты?» – «Ваше высокоблагородие, снаряд... В машинном отделении перебит трубопровод!»

Страшно? Да. Страшно смешно. Дело в том, что «Сибирский стрелок», как и все его сестершины, ходил на угле. Порядка 200 тонн угля отправлялось в топку с помощью простейшего русского топливонепредаточного механизма – такой-то матери и лопат кочегаров. При чем тут какой-то трубопровод?

Последующий снайперский выстрел Колчака из малокалиберной пукалки, русское военно-морское хождение по минам, а равно молебн под снарядами оставляю без комментариев.

Взрыв «Фридриха Карла» изумительно точен. Да-да. Изумительно. Именно так 31 марта 1904 г. на японских минах погиб русский броненосец «Петропавловск». Но не «Фридрих Карл»!..

Таким образом, ничего похожего на киношный подвиг Колчака и «Сибирского стрелка» в реальности не было и быть не могло. Совершенно непонятно, зачем было

выдумывать всю эту глупость вместо того, чтобы воспользоваться канвой подлинных событий. Каких? Да той же вышеупомянутой охотой русских на немецкий конвой у Готланда. Только представьте: ночь, сквозь которую тремя извергающими огонь призраками проносятся эсминцы «Новик», «Победитель» и «Гром» под командованием Колчака. Трассеры снарядов. Ирешеченный ими немецкий корабль «Германн», с которого в стылую черную воду сыплется команда... И на заднике – слова Александра Васильевича: «Я теперь живу лишь одной войной. Я ей поклоняюсь!» Ну разве не захватывающе? И ведь ничего придумывать не надо...

Ну-с, поедем дальше?

Гельсингфорс (современный Хельсинки). Бал, надо полагать, где-то после 10 апреля 1916 г., когда Колчаку присвоили звание контр-адмирала (на погонах – уже по одному орлу). Игра в фанты. Первая встреча Колчака и Тимиревой... Гельсингфорс был. Бал был. Контр-адмирал был. Игра в фанты была. А вот целовать на балу впервые увиденную Тимиреву Колчак не целовал. Во-первых, подобный прилюдный афронт (да еще и при муже) автоматически означал дуэль и безоговорочно испорченную репутацию жены. Во-вторых, по воспоминаниям самой Тимиревой, она впервые увиделась с Колчаком еще в начале 1915-го.

Июль 1916 г. Рижский залив. Крейсер «Слава», возвращаясь с минной постановки, приходит на помощь частям 12-й русской армии, внезапно попавшим под удар немецких войск... Во-первых, «крейсер «Слава» в реальности классифицировался как линкор. Называть линкор крейсером – это как танк обзывать автомобилем. Мягко говоря – некорректно. Во-вторых, в реальности «Слава» вовсе не случайно оказалась в нужное время в нужном месте. По загодя утвержденному предложению Колчака, с 02.07.1916 г. и по 16.07.1916 г. «Слава» и еще десяток боевых кораблей систематически поддерживали огнем НАСТУПАЮЩИЕ части русской 12-й армии. Иными словами, не немцы лезли на русских, а русские атаковали немцев. В-третьих, корабли вели огонь не стоя на бочке (как «Слава» в фильме), а на ходу. Иначе, лишённые маневра, они становились идеальной мишенью для береговой артиллерии!

Поставь контр-адмирал Колчак «Славу» на бочку ввиду неприятельских батарей – его тут же сочли бы умалишенным. Кстати, стрельба корректировалась не по телефону, а по радио. В-четвертых, «контр-адмирал Колчак – командир крейсера “Слава”»... Даже не буду комментировать. Выше я уже упоминал, что в это время под командованием Александра Васильевича числилось четыре десятка кораблей. В-пятых, линкор «Слава» прорисован в 3D командой супервайзера Сергея Савенкова просто отменно. За исключением шести «но». Эта шестерка – шесть 152-мм артиллерийских установок, открыто стоящих по бортам корабля. В реале их не было. Впрочем, появление закрытых лишь щитами 152-мм пушек на киношной «Славе» вполне понятно. Ведь все натурные съемки проводились на палубе знаменитого крейсера «Аврора». А этот крейсер вооружен как раз 152-мм орудиями со щитами. Раз в палубных сценах зрители видят, как комендоры суетятся у щитов шестидюймовок, пришлось эти артиллерийские установки прорисовать и к общему виду «Славы».

У солдат 12-й армии винтовки и пулеметы времен Великой Отечественной.

Гельсингфорс. Дождь. Колчак объясняет Тимиревой, что не может с ней больше встретиться... В реальности примерно в это время, но только в Ревельском парке Катриненталь адмирал и Тимирева впервые открылись друг другу в своих чувствах и условились обмениваться тайными письмами.

Конец июня 1916 г. Колчак в Могилеве встречается с Николаем II по случаю присвоения звания вице-адмирала и назначения командующим Черноморским флотом. Во-первых, Колчака к государю сопровождает какой-то свитский капитан первого ранга, а должен – адмирал Нилов, флаг-капитан Верховного главнокомандующего. Во-вторых, Николай II во время беседы с Колчаком сидит на лавочке, в то время как в реале государь любезно подхватил опешившего вице-адмирала под ручку и повлек Колчака в сад. Николай вообще имел привычку выслушивать доклады стоя или на ходу. Но не сидя. В-третьих, сразу после отдания чести киношный Колчак умудряется пожать императору руку, не сняв со своей руки перчатку, – грубейшее нарушение этикета.

Поезд с Колчаком прибывает в Севастополь, при этом адмирал видит бухту в левые окна по ходу поезда. А должен – в правые!

На фоне чтения текстов писем Тимиревой к Колчаку показывается деятельность вице-адмирала во главе Черноморского флота. Колчак размышляет о минных постановках у Босфора, делает пробу пиццы, проверяет чистоту рук у нижних чинов. Нечего сказать – флотоводец... А ведь Колчак им был. И еще как был. В реальности уже на второй день присутствия в Севастополе Колчак получил известие о том, что в Черном море замечен немецкий крейсер «Бреслау». Тут же флаг комфлота был спущен на штабном корабле «Георгий Победоносец» и взвился на мачте дредноута «Императрица Мария». Это было лихо, лично вывести 168-метровую махину «Марии» из Севастопольской бухты и бросить ее в погоню за «Бреслау»! Немцы как заметили на горизонте русского бронированного монстра, так сразу бросились наутек. И началась затяжная погоня. На стенах мачт «Императрицы» ветер рвал громадные Андреевские флаги – сигнал «Принимаю бой!» «Мария» оцетинилась двенадцатью длиннющими хоботами 305-мм орудий, а потом море в панике плеснуло от борта русского корабля. Это была ударная волна залпа главного калибра. «Мария» с предельной дистанции открыла огонь по немцам. Вокруг несчастного «Бреслау» встали столбы разрывов высотой с десятиэтажный дом!.. Вот бы показать такое – так нет же. Флотоводец на экране умничает в штабном салоне, смакует борщ и борется с матросами-неряхами... Мелковато как-то, вы не находите? Для флотоводца-то...

Над русским броненосцем проносятся пара немецких самолетов. Во-первых, броненосец – это наша уже до боли знакомая 3D-модель балтийской «Славы», правда лишившаяся 152-мм орудий, но зато зачем-то отрастившая третью дымовую трубу. Во-вторых, откуда над Черным морем взялись немецкие аэропланы? С луны?

Итак, все вышеперечисленное – это лишь первые 38 минут 123-минутного фильма. Понятно, что объем статьи не позволяет столь же подробно ознакомить читателей с остальными благостностями

фильма. Так что оставим прочие ляпы за кадром. Как сами создатели фильма оставили за кадром многие интереснейшие страницы жизни адмирала Колчака. Хотя кинофильм «Адмираль» – это лишь киноверсия полноразмерного телесериала. Так что, подозреваю, кинохоровод благоглупостей вокруг Колчака далеко еще не закончен.

СУБЪЕКТИВНЫЙ ПОСТСКРИПТУМ

Что ж, пора подвести итог. И будет он для вас неожиданным. Никому не навязываю свое мнение, но отмечу – фильм гениален. Да-да. Ге-ни-а-лен. Почему? Потому что «Адмираль» – это фильм, где исторический ряд вторичен. Где доминируют чувства и эмоции. Он и Она. Ромео и Джульетта. Колчак и Тимирева. Или вы после шекспировского текста тоже в первую голову начнете кричать, что у Капулетти гульфик показан не той системы?..

Так вот. Чувства и эмоции. Изображенные топорно, картинно, они, тем не менее, захватывают зал. Да так захватывают, что в иной эпизод затылком чувствуешь, как у соседей сбоят и замирает дыхание.

Так берет за душу, что после кадров расстрела адмирала у зрительниц (без разницы в возрасте) стоят в глазах вот такенные слезы, а всем окрестным мужикам немедленно хочется тяпнуть грамм сто. Для сугрева, за упокой и вообще. Я знаю, о чем говорю. Я сам подобное видел и ощущал. Так что «Адмираль» гениален. Просто не надо в нем искать того, чего в классической мелодраме не может быть по определению. Да, и еще. Если мой сын-шестиклассник после сеанса говорит: «Классный фильм. Хочу его при случае еще раз посмотреть... И книжку про это прочитать!» – то фильм по умолчанию является для меня гениальным. А уж если после фильма сын перестает по привычке сутулиться и демонстративно начинает вышагивать, держа спину прямой как штык, то такой фильм для меня гениален вдвойне.

Опять же нельзя не отметить того факта, что с момента премьеры фильма прошло уже много времени, а страсти вокруг «Адмирала» все не утихают. Это значит, что картина действительно удалась и многих не оставила равнодушными, задела за живое.

Создателям «Адмирала» – поклон. Браво, ребята. Просто браво. И маленькая просьба на будущее – учите все же историю...

Юлия Орехова

“АДМИРАЛЬ” – И Я ТОЖЕ БЫЛА ТАМ

Вполне могло стать, что пафосное «На экранах великой страны» обошло бы меня по большой дуге, если бы минувшей (или все еще этой?) весной не одарила нас настольными календарями строгая тетечка из севастопольского книжного клуба. Календарь назывался как-то очень просто, нечто вроде «Мы имеем право на свою историю», и в числе остальных замечательных людей с одной из страниц глядел сурово скуластый адмирал в белом кителе. Коротенькой строчки «Командующий черноморским флотом» хватило для того, чтобы «мундир английский, погон российский» шагнул из смутного тумана «че-то там по истории» на обозримое пространство и превратился в живого человека. А потом – как на заказ: тут и письма, тут и

статья в «Вокруг света», тут и Меладзе вдруг посреди телевизора в воронке сидит, обсыпанный конвертами, – ну как было не загореться? Забавны и причудливы порой цепочки мелких событий, приводящих в итоге к тому или иному поступку.

Так вот, про сам фильм. Если честно – я шла в кино, уже имея в голове свой сюжет и заранее составив представление о том, что увижу (я вообще на редкость внушаемая личность, чего уж там скрывать). Не стоило этого делать. От несовпадения желаемого с действительным наступает немедленная потребность улучшить получившееся. Длинный язык доведет меня когда-нибудь до греха, и если меня не выставили из зала, то исключительно по причине малолюдности сеанса (10.30

в субботу). На меня вообще накатывает временами. Особенно сильные обострения делаются, если в округе появляется нечто пафосное. Поэтому, кстати, мне стоит больших трудов держать себя в рамках дозволенного на судебных заседаниях, случавшихся в моей увлекательной биографии. Стоит мне только услышать судью, рассказывающего о себе в третьем лице, как у меня начинаются какие-то колики...

И снова о фильме, на этот раз по порядку.

Поскольку я безболезненно отличаю «в лицо» только крейсер первого ранга «Аврора», а остальная история отечественного кораблестроения покрыта для меня благословенным мраком, то несоответствие киношных кораблей настоящим «до единой заклепки» мое чувство прекрасного не испортило ни разу, и морской бой прошел на ура. Только страшно очень было. Вот прямо с первых пяти минут натурально страшно. Пока хором молиться не начали. Вообще же «С нами Бог и великий Государь» – вот основной мотив фильма, я бы сказала, а вовсе не адмиральская любовь.

...Боярская – это ужас. Любовь, конечно, зла, и полюбить можно даже тушку замороженной гусыни, но такого рода фильмы проходят совсем по другой возрастной категории и на широком экране вряд ли показываются. Им бы на пару с Балуевым играть битву немецкого линкора с «Сибирским стрелком» – богатейший мимический подвиг. И это при том, что кастинг, по заявлению режиссера, проходил более года. Нет, ну надо же – выбирать целый год и выбрать Боярскую. Софья, появляющаяся всего в нескольких эпизодах, успевает за столь короткое время заставить забыть, что смотришь кино и видишь всего лишь актеров. От Боярской же, кроме раздражения: «Как можно было из-за такой дуры оставить эту святую женщину», других эмоций нет. Ничто не спасает – даже высывывание из ванной голых плеч и эротичный бас. Кстати, это ее натуральный голос или тоже компьютерные эффекты?

Хабенский – даже не знаю, что и сказать. После потасканных дозорных доходяг и череды растянутых свитеров, в которых он, кажется, родился вместо

рубашки, вдруг на экране появилась личность. За портретное сходство, пожалуй, не поручусь, но образ вышел геройский. И в форме, подлюка, хорош до невозможности. Впрочем, форма всем идет. Оговорюсь сразу – кроме телевизора, я его больше нигде не видела, поэтому сужу однобоко. Но отчего-то кажется, что эта роль будет ему надолго.

Безрукова, с которым все носятся как с писаной торбой, очень трудно узнать среди множества одинаковых папах и усов-бородок. Для чего он в фильме – неясно, и из какой-то такой молодецкой удали прыгнул на лошади в реку – тоже непонятно. Впечатление было такое, будто кольнуло что-то из седла, и немедля вздумалось «Нарысях на большие дела». Кстати, судя по тому, что солдаты идут в валенках, а он едет верхом в сапогах, ноги ему можно было отнимать, не дожидаясь купания.

Еще про удивительное – какого черта безоружные войска *идут* в атаку на пулеметы? Понятно, что такое мероприятие вызывает мало энтузиазма у широких масс, но выдать за психическую атаку этот унылый бурлацкий променад можно было хотя бы попытаться? Тем более что в истории отечественного кино имеется масса тому примеров. Не постеснялись же вспомнить «Мы из Кронштадта», так отчего бы «Чапаева» обойти?

Кстати, я и не подозревала, что выпиливание по ледяным глыбам имеет в России вековую историю. Видимо, Политсовет Иркутска таким образом скрашивал свой досуг в ожидании подвоза Верховного Правителя.

Без штампов не обошлось, конечно же. Ранил в душу саблезубый революционный матрос, обросший, словно горилла, с красным бантом, – только заячьей губы не хватает. Полный шарман. Так и хочется задушить революцию прямо в колыбели. Или иркутский политсоветчик – я все ждала, когда же он начнет сморкаться на пол, вытирая пальцы о полосатые плисовые шаровары, снятые с раскулаченного купца. Хотя и по этой линии есть недоделки. Отчего, например, Адмиралъ, выкидывая в море саблю, не сказал ни канонического «Не вы давали – не вам и отнимать», ни хотя бы отсебятины «Я не желаю быть капитаном таких дураков»? Речь туда так и просилась, так нет же –

безмолвно подошел к борту и шарах ее, родимую, в пучину... А как же мораль?

И если уж совсем мельчать – то в Севастополь *въезжают* обычно в прямо противоположном направлении. Ну, это я уж так, для компенсации военно-исторической неграмотности.

В целом же фильм производит впечатление какой-то нарезки кадров – события происходят очень быстро, и от этого в голове возникает сумбур. Не успеваешь понять, что за место такое – Пиллау, как все уже играют в фанты. Только отбили немецкую атаку – хлоп, и уже снова бал с шампанским. Не успел Керенский въехать в Кронштадт, как там уже полные овраги мертвых офицеров... Словом, не успеваешь случиться какая-нибудь глупость, как

внимание зрителя отвлекается то взрывом, то пожаром, то штурмом водокачки. Полный винегрет. Или набор клипов для Меладзе.

Чем «Адмиралъ» действительно хорош, так это музыкой. Композитору – заслуженные оваии. А, и еще сабля очень красиво тонет.

Итого: Хабенский удивил, Боярскую – в прорубь, Бондарчука-младшего в парике из стекловаты на всякий случай туда же, остальное можно – и я бы даже сказала, обязательно нужно – смотреть в виде сериала, потому как имеется ощущение, что кино должно быть в три раза длиннее.

И первое, что стоит убрать из рекламы, – претензию на звание «исторического».

Вековая дуэль с криминалом

Документальный детектив

(Продолжение. Начало в N 8)

КРАЖА

Обычно значительность кражи определяется ценностью похищенного, суммой нанесенного ущерба. Но не всегда. Иногда и многомиллионная кража воспринимается равнодушно. И в то же время потеря не на очень крупную сумму глубоко будоражит людское сознание.

В конце пятидесятых годов XX века телевидение дошло и до Башкирии. В продаже стали появляться громоздкие по теперешним временам ламповые телевизоры. Но если в квартирах уфимцев они были еще большей редкостью, то в других городах и сельской местности вообще в диковинку — из-за дефицитности и цены. Точно помню, что тогда ни у кого из коллег по работе, близких и знакомых телевизоров не было. Однако среди счастливиц, успешно пользующихся последними достижениями цивилизации, оказались жители поселка Красный Восход Иглинского района.

Учащиеся местной средней школы во главе с инициативным директором целый год в ударном порядке собирали макулатуру, металлолом. На заработанные деньги купили телевизор самой последней марки «Знамя-58» производства Ленинградского завода имени Козицкого, выпуска октября 1959 года.

С первых же дней смотреть на такое чудо — новости, концерты, кинофильмы, другие передачи из самой Москвы — стало собираться чуть ли не все население поселка. Восторгу молодежи, детей, стариков не было предела. Ведь до этого такими зрелищами они не были избалованы. Слух об этом пошел по окрестным деревням, и вечера в скромном школьном зале перед телевизором с каждым днем становились все многлюднее.

И вдруг, это было в конце лета 1960 года, утром в школе обнаружили выставленное окно и исчезновение телевизора. Возмущению и огорчению красновосходцев не было предела. Чувствовали, что неожиданно лишились чего-то близкого, родного, так необходимого. Разом рушился установившийся порядок вечерних сборов вокруг голубого экрана.

Школа никогда не охранялась, там не было ничего такого, что могло бы привлечь серьезных преступников. У местных воруя навряд ли поднялась бы рука на такое. Результаты осмотра места преступления также подсказывали, что искать надо среди заезжих — залетных.

Несколько удивляло, что злоумышленник не очень-то позаботился о том, чтобы не оставить «пальчики». Этому могло быть два объяснения. Первое — неопытность вора, недостаточность криминального стажа.

Другое, более вероятное, что он прибыл издалека. В наших краях не был, с башкирской милицией незнаком. Поэтому и уверен, что его дактилокарты здесь быть не может.

Исходя из этих версий и организовали розыск. Виктор Корнев, представлявший в Иглинском райотделе милиции службу уголовного розыска тогда еще в единственном числе, с участковым и своим общественным помощником начали обрабатывать

детектив · фантастика · приключения

местный контингент — судимых, состоящих на учете за свое сомнительное поведение, склонных к алкоголизму, бродяжничеству. Одновременно выявляли всех приезжих лиц, которые находились в поселке накануне кражи.

Мне, оперуполномоченному ОУР МВД, пришлось заняться всем остальным, хотя это была не моя зона обслуживания.

В те годы Иглинский район традиционно, хронически входил в число неблагополучных по преступности. Соседство с Уфой, прохождение по территории главной железнодорожной магистрали страны плюс автомобильной дороги Москва — Челябинск превратили район в огромный, более ста километров длиной, проходной двор. Поэтому сотрудникам отдела уголовного розыска очень часто приходилось выезжать сюда группами и в одиночку, чтобы помочь райотделу справиться с валом преступности, особенно с кражами, не считаясь ни с закрепленными зонами, ни со специализацией.

Проверка изъятых следов по своей картотеке положительных результатов не дала. Оформив все как положено, направили отпечатки в Москву, в центральную дактилоскопическую картотеку.

Как можно увезти из поселка довольно большой ящик весом около восемнадцати килограммов, да еще с хрупким кинескопом? Самое удобное — на поезде с разъезда Казаяк, что в восьми километрах от Красного Восхода. Туда могут подвезти на любом транспорте, даже на лошади или ручной тележке. В сторону Уфы в ночное время проходят две электрички. Из Аши в 10 часов 20 минут по местному времени и через 10 минут из Казаяка — следующая. Для кражи со взломом это рановато, еще не совсем стемнело. Но больше электропоездов нет до 6 часов утра. Тем не менее, опросили работников разъезда, членов поездных бригад этих электричек. Среди пассажиров с такой поклажей никого не видели.

В сторону Челябинска через Казаяк проходили две электрички, но довольно еще рано — в восемь и девять часов с минутами. Из поездов дальнего следования только один «Москва—Караганда» делал в Казаяке остановку на две минуты. И время подходящее — около половины первого ночи.

Кассирша разъезда показала, что продала на этот поезд четыре билета. Три ближние, Челябинской области, и один до Кустаная. Описать она никого не могла, видела их только в маленькое окошко. Очевидцев посадки в вагон не нашли.

Участковый инспектор в ходе розыска нашел более десяти человек — приезжих в поселок. Девять из них являлись родственниками местных жителей и никаких сомнений не вызывали. И только один вызывал подозрение.

Приехал за три-четыре дня до кражи к одинокой пожилой женщине. Назвался ее внучатым племянником, Василием. Прибыл якобы из Казахстана, чтобы разыскать своих родственников. Ходил с ночевкой в русские деревни Веселый, Ржановский. Когда уехал, никто не знает. Внешность описали очень скудно. Лет тридцати, высокий, худощавый, никаких особых примет. Из многих опрошенных людей никто не мог вспомнить ни его самого, ни названных им родственников.

Если связать воедино: ночной поезд и Кустанай — Василий, это уже было интересно. Могло быть так, что приезжал он не специально для кражи, но, увидев впервые передачу, не удержался от соблазна занять свое «домашнее кино».

Выяснив, когда поезд № 220 «Москва — Караганда» проследует через Уфу с той же самой бригадой, что и в ночь кражи, я поджидал его на вокзале. Коллеги из линейного отдела милиции представили меня поездной бригаде.

Под мерный стук вагонных колес, в неспешном разговоре с наблюдательными и отзывчивыми проводницами мне удалось восстановить, как проходила посадка пассажиров на разъезде Казаяк в интересующую нас ночь. Проводница пятого вагона

рассказала, что в ее вагон сел мужчина с тяжелым багажом, чем-то вроде коробки или ящика, завернутого в старое одеяло и перевязанного веревкой. Его провожал молодой парень, которого разглядеть не успела. Описание внешности совпадало с приметам Василия. Билет имел до Кустаная.

Все это подтвердила и проводница вагона № 6. Итак, маршрут вора с краденым телевизором известен. Осталось установить его самого.

Оказывается, иногда не только беда, но и удача приходит не в одиночку. По возвращении в Уфу меня ждал приятный сюрприз. Из Москвы поступил ответ — полная дактилокарта на Василия и все его установочные данные: дважды судим — за кражу и хулиганство, уроженец и житель Казахстана. «Пальчики» в школе оставлены им. Теперь узнать его адрес было просто. Город Рудный, что в 46-ти километрах от Кустаная.

По этим документам прокурор Иглинского района без лишних слов дал санкции на арест Василия и обыск в его жилище. В таких делах надеяться на коллег не стоит, лучше все сделать самому. Оформив командировку, выезжаю в Рудный. Там никаких неожиданностей не произошло. Обыск в квартире ничего не дал. Жена Василия все отрицала. Сам подозреваемый от дачи показаний и вообще от разговора со мной отказался. Чувствовалось, Василий был обескуражен, что его так быстро вычислили, и не мог с этим смириться. Он просто не был готов к такому разговору. Сдав арестованного в следственный изолятор для дальнейшего этапирования, выехал в Уфу.

Но преступник так просто сдаваться не собирался. Примерно через неделю после возвращения мне позвонил Корнев, сообщил последнюю новость. На окраине поселка Красный Восход в березовой роще найден пустой корпус от пропавшего телевизора. Это был «ход конем» Василия. Значит, его родственники или сообщники привезли этот корпус и подбросили, чтобы направить следствие по ложному пути.

Но это не помогло. В череде других дел, командировок по более серьезным правонарушениям слышал, что суд, признав его рецидивистом, приговорил к длительному сроку лишения свободы и возмещению школе нанесенного ущерба.

ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА

НА КОНКУРС
«Мир, в котором ты живёшь»

Яна Мухутдинова

КАК ВАСЬКА ПЕТРОВ К КОНТРОЛЬНОЙ ГОТОВИЛСЯ

Однажды на уроке культуры Башкортостана учительница объявила, что на следующем занятии мы будем писать контрольную работу на тему «Присоединение башкир к Русскому государству». Пришёл я из школы расстроенный, ведь вечером я собирался поиграть в футбол, но вместо этого поел, плюхнулся на диван и начал перечитывать учебник. Дело у меня шло плохо, потому что все время отвлекался: то муху пытался поймать, то в окно глядел, и приходилось мне опять все перечитывать. Я очень устал, но вдруг буквы начали расплываться, вокруг все закружилось, в глазах помутнело. Вдруг я почувствовал, что меня кто-то трясет.

Я нехотя открыл глаза и увидел перед собой девушку. Она была одета в яркое красное платье, украшенное орнаментом желтого и зеленого цвета, поверх был надет черный зилан, а на ногах были красные сапожки. На груди у девушки было украшение из серебряных монет, и если мне не изменяет память, оно называется сэлтэр, а на голове — кушгяулык. Я был потрясен увиденным: вокруг лежали и висели шкуры лисиц и выдр. Я осознал, что проснулся в юрте. В центре был расположен очаг, рядом — деревянная и глиняная посуда. В углу на резной деревянной подставке стоял большой сундук, на нем целой горой лежали свернутые одеяла, паласы, подушки. Недалеко находилась детская люлька, она была подвешена к потолку. На стенах висели ковры, парадная одежда, а прямо напротив входа — оружие. Вглубине сидела бабушка и прядла пряжу из овечьей шерсти. Ее морщинистое желтое лицо было неподвижным, оно излучало какую-то мудрость и доброту.

Девушка схватила меня за руку и потащила на улицу, я увидел, что все люди бежали, сустились: кто гнал скот, кто тащил мешки с зерном, кто нес пушнину, а кто-то объезжал юрты на лошадях, собирая все, что им приносили. Я оглянулся и наконец-то все понял: я оказался в Башкирии XVI века. Я подумал, что учебник «Культура Башкортостана» — это своеобразный портал в прошлое. В это время на улице людей становилось все больше и больше, не выдержав шума, я упал в обморок. Очнулся я только на следующий день. Открыв глаза, увидел ту же девушку. Она помогла мне сесть и принесла еду. В деревянной тарелке плавали большие куски мяса и теста, испугавшись есть это, я начал с напитка. Он был белого цвета. Сначала я подумал, что это молоко, но когда начал пить, понял, что это кумыс. Я не особо люблю уроки культуры Башкортостана, но мне вспомнилось, кумыс — это национальный напиток башкир, который славился целебными свойствами. Мне захотелось узнать имя этой

девушки, и, вспоминая уроки башкирского языка в школе, попытался спросить ее имя, но в ответ она засмеялась и сказала:

— Мин немного знаю урус язык.

Тогда я спросил:

— А как тебя зовут?

— Гульбика. А тебя?

— Меня Васька, то есть Вася Петров. А что вчера произошло, я так и не понял.

— Это русские приехали собирать ясак.

— А почему вы платите русским ясак? Вы им что-то должны?

— Нет, но мы находимся под защитой русских.

— А зачем вам нужна защита русских?

— Когда мне было четыре года, на наше племя юрматы напали монголы. Они разорили нас, многих взяли в плен, и моих родителей тоже, а меня спасла бабушка, спрятав в лесу, — глаза девушки наполнились грустью и тоской. — Вот зачем нам нужна защита русских.

— Ты, наверное, говоришь о Золотой Орде! Мы проходили это на уроках истории Башкирии, — я разозлился и крикнул: — Я смогу защитить тебя от любой Орды, хоть золотой, хоть серебряной!

Башкирка засмеялась и продолжила рассказ:

— Некоторые башкиры тоже думали, что смогут защитить себя сами, другие же, наоборот, хотели быстрее присоединиться к Русскому государству. Был собран йы-йын, на котором аксакалы всего края думали о нашей судьбе. Было решено принять подданство Белого царя. Не все башкиры сразу присоединились. Мне рассказывали, что сначала приняли подданство Белого царя западные и северо-западные племена, потом центральные, южные и юго-восточные, а затем послы поехали в Москву к самому Белому царю, где подписали договор. Нам обещали сохранение религии и обычая, мир и спокойствие, покровительство и защиту.

Теперь-то я всё понял, но у меня осталось ещё два вопроса:

— Кто такой Белый царь и почему ты знаешь русский язык?

— Белый царь — это Иван Грозный, владыка Русского государства. А русский язык я знаю, потому что моя мама была русской.

Так мы проболтали с ней до поздней ночи. Когда пришло время ложиться спать, она приготовила постель, я лег и сладко уснул. Снились мне мама, папа, друзья и даже учительница культуры Башкортостана. Вдруг все перемешалось, и я услышал родной мамин голос:

— Сынок, пора вставать! Скоро в школу! Пора вставать!

Я открыл глаза, испугался и вскочил с кровати. Все в голове перемешалось.

— Где Гульбика? — спросил я у мамы.

— Какая Гульбика? — она удивленно посмотрела на меня.

Тут я все понял, это был всего лишь сон! Я собрался и пошел в школу. На контрольной все ребята волновались, а я сидел в стороне и думал о Гульбике. Контрольную написал на пятерку, но мысли мои были далеко — в Башкирии XVI века. Вечером я не пошел играть в футбол с ребятами, все думал о том, как сон изменил меня. Например, раньше я обижал девочек, дергал их за косички, а сейчас, наоборот, я их защищаю.

В заключение я хочу сказать вам вот что: «Знание культуры и истории родного края могут пригодиться даже во сне!»

Литература. Культура. Имена.

* * *

4 декабря 105 лет со дня рождения писателя и поэта, ведущего представителя советской сатирической и детской литературы **Лазаря Лагина** (наст. фамилия Гинзбург) (1903–1979). Широкую популярность принесла Лагину детская повесть-сказка «Старик Хоттабыч», сюжет которой частично заимствован у Ф. Энсти (экранизирована в 1957 г.). В послевоенный период Лагин написал фантастические романы «Атавия Проксима», «Голубой человек», повести «Броненосец «Анюта», «Белокурая Бестия», «Майор Велл Эндью».

* * *

5 декабря 205 лет со дня рождения поэта **Федора Тютчева** (1803–1873). Духовно-напряженная философская поэзия Федора Ивановича передает трагическое ощущение противоречий бытия. Он был глубоким психологом, его любовная лирика (в том числе «Денисьевского цикла») завораживает читателей и сегодня.

* * *

6 декабря 95 лет со дня рождения писателя **Сергея Залыгина** (1913–2000). Впервые привлечь внимание читателей к своему творчеству он смог в 1954 году, напечатав в «Новом мире» цикл очерков «Весна нынешнего года». Следующим был роман «Тропы

Алтая» (1962) о биологах, о работе и быте научной экспедиции в тайге. В 1964 году опубликована повесть «На Иртыше», в которой была сказана правда о коллективизации. Сергей Павлович автор цикла романов «Соленая падь» (1968), «Комиссия» (1975), «После бури» (1985).

* * *

8 декабря 155 лет со дня рождения писателя **Владимира Гиляровского** (1853–1935). Владимир Алексеевич писал рассказы, очерки и репортажи, освещающие самые разные стороны московской жизни: «Трущобные люди», «Москва и москвичи», «Мои скитания», «Люди театра». Среди произведений Гиляровского, посвященных Москве, — книги «Друзья и встречи», «Москва газетная» и др.

* * *

11 декабря 90 лет со дня рождения писателя **Александра Солженицына** (1918–2008). Автор повести «Один день Ивана Денисовича», рассказов «Случай на станции Кречетовка», «Матренин двор», «Для пользы дела», «Захар-Калита», романов «В круге первом», «Раковый корпус», книг «Архипелаг ГУЛАГ» и др. Лауреат Нобелевской премии (1970).

* * *

12 декабря 145 лет со дня рождения норвежского живописца, графика, театрального художника, одного из основоположников экспрессионизма **Эдварда**

Мунка (1863—1944). Тема, ставшая центральной в творчестве Мунка, — взаимоотношения мужчины и женщины. Женщина в его работах предстает в различных ипостасях: как идеализированный образ девушки, как персонификация эротического женского начала или как ясновидящая, властная мать-смерть. В гравюре и литографии Мунк воплощал те же сюжеты, что и в живописи, но с гораздо большей энергией, силой и оригинальностью. Его гравюры — высшее достижение мастера.

* * *

12 декабря 80 лет со дня рождения киргизского писателя **Чингиза Айтматова** (1928—2008). Писал на русском и киргизском языках. Широкою известность писателю принесла повесть «Джамиля», позднее вошедшая в книгу «Повести гор и степей» (удостоена Ленинской премии). Автор повестей «Тополек мой в красной косынке», «Первый учитель», «Прощай, Гульсары!», романов «И дольше века длится день», «Плаха», «Тавро Кассандры». Проза Айтматова сочетает психологический анализ с традициями фольклора, мифической образностью, тяготеет к жанру философской притчи.

* * *

13 декабря 135 лет со дня рождения поэта **Валерия Брюсова** (1873—1924). Валерий Яковлевич основоположник русского символизма. Для поэзии Брюсова характерны историко-культурная проблематика, рационализм, строгая завершенность образов. Автор книг стихов «Третья стража», «Городу и миру», «Венок», исторических романов «Огненный ангел», «Алтарь победы». В 1921 году организовал Высший Литературно-художественный институт и был его первым ректором.

* * *

18 декабря 70 лет со дня рождения писателя, одного из ректоров Литинститута

им. Горького **Сергея Есина**. Сергей Николаевич известен читателям по романам «Имитатор», «Соглядатай» и книги-эссе «Власть слова».

* * *

22 декабря 150 лет со дня рождения итальянского оперного композитора, представителя веризма **Джакомо Пуччини** (1858—1924). Пуччини впервые обратил на себя внимание ранними операми «Виллисы» (1884), «Эдгар» (1890), но первый крупный успех пришел к нему только после постановки «Богемы» (1896) по известной повести А. Мюрге «Сцены из жизни богемы». Следующими были оперы «Тоска» (1899), «Чио-Чио-сан» (1903), «Девушка с Запада» (1910), «Турандот» (завершена Ф. Альфано в 1926 г.) и др.

* * *

23 декабря 150 лет со дня рождения режиссера, театрального деятеля, писателя, драматурга, Народного артиста СССР **Владимира Немирович-Данченко** (1858—1943). Владимир Иванович совместно с К. С. Станиславским был основателем и руководителем Московского Художественного академического театра СССР имени М. Горького. Был крупнейшим реформатором театра. В конце 80-х Немирович-Данченко выступает и как писатель: он был автором многих повестей, романов (наиболее известны «На литературных хлебах», «Губернаторская ревизия») и пьес («Последняя воля», «Цена жизни»). В театре им были поставлены спектакли «Юлий Цезарь», «Горе от ума», «Ревизор» и др. Немирович-Данченко разработал учение о синтезе «трех восприятий», о «втором плане сценической жизни актера» и о «зерне» образа.

Подготовила Анна Ливич

Календарь*

*Праздничные и памятные даты Республики Башкортостан
на 2008 год*

ДЕКАБРЬ

1 декабря Всемирный день борьбы со СПИДом

5 декабря День воинской славы России. День начала контрнаступления советских войск против немецко-фашистских войск в битве под Москвой (1941)

8 декабря Курбан-байрам

9 декабря День Героев Отечества

10 декабря День рождения Ахмет-Заки Валиди (Валидова Ахметзаки Ахметшаховича), востоковеда-тюрколога, лидера башкирского национального движения в 1917–1920 гг., организатора создания башкирского правительства, доктора философии, профессора, почетного доктора Манчестерского университета (1890–1970)

12 декабря День Конституции Российской Федерации (1993)

День избрания первого Президента Республики Башкортостан – Рахимова Муртазы Губайдулловича (1993)

70 лет Бикбаеву Равилу Тухватовичу, поэту, литературоведу, председателю правления Союза писателей РБ с 1995 г., доктору филологических наук, народному поэту Башкортостана, заслуженному деятелю науки РБ, лауреату Государственной премии РБ им. Салавата Юлаева (1938)

14 декабря День рождения Мифтахетдина Акмуллы (Камалетдинова Мифтахетдина Камалетдиновича), поэта, просветителя, классика башкирской поэзии (1831–1895)

70 лет со дня открытия Башкирского государственного оперного театра, с 1993 г. – Башкирский государственный театр оперы и балета (1938)

15 декабря 120 лет со дня рождения Бурангулова Мухаметши Абдрахмановича, поэта, фольклориста, классика башкирской литературы, народного сэсна Башкортостана (1888–1966)

100 лет со дня рождения Мубарякова Арслана Котлоахметовича, актера, режиссера Башкирского государственного академического театра драмы в 1934–1977 гг., драматурга, народного артиста СССР, РСФСР, заслуженного артиста РСФСР, БАССР (1908–1977)

17 декабря День Ракетных войск стратегического назначения

18 декабря 300 лет со дня образования

Уфимской провинции (1708)

80 лет со дня образования Башкирской центральной книжной палаты, ныне Книжная палата Республики Башкортостан, государственный центр национальной библиографии (1928)

20 декабря День работника органов безопасности Российской Федерации

21 декабря День энергетика

22 декабря 135 лет со дня рождения Камалетдинова Зыяитдина, исламоведа, педагога-реформатора, просветителя, основателя медресе «Галия» (1873–1942)

23 декабря 90 лет со дня принятия постановления ВЦИК об образовании Уральской области, куда входили Оренбургская и Уфимская губернии (1918)

24 декабря День Конституции Республики Башкортостан

50 лет со дня учреждения Союза журналистов БАССР, ныне Союз журналистов Республики Башкортостан (1958)

26 декабря 160 лет со дня рождения Аксаковой Ольги Григорьевны, основателя первой в Башкортостане кумысолечебницы (1848–1921)

27 декабря День спасателя Российской Федерации

28 декабря 80 лет Баннову Геннадью Ефимовичу, писателю, члену Союза писателей БАССР (1928)

29 декабря 115 лет со дня рождения Губая Давлетшина (Давлетшина Губайдуллы Ахметкиреевича), писателя, государственного и общественного деятеля (1893–1938)

* * *

В декабре исполняется:

115 лет со времени издания первого краткого русско-башкирского словаря В.В.Катаринского (1893)

85 лет со времени создания комиссии при Наркомпросе БАССР по разработке алфавита, орфографии, терминологии башкирского литературного языка (1923)

* Календарь любезно предоставлен редакции журнала «Бельские просторы» Управлением по делам архивов при Правительстве Республики Башкортостан.